

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

11-12 (453)

2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Галина Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы. *Повесть*.....3
Андрей Пермяков. Стихи для Даши Филипповой.....54
Владимир Тучков. Прибытие поезда. *Надуманное*.....58
Алексей Григорьев. «блесна» *и др. стихи*.....78
Валерий Володин. Неусопшее кладбище**.** *Рассказ*.....81
Денис Крюков. Иней проверит взгляд**.** *Стихи*.....94
Татьяна Грауз. «Город. Излучение» *и др. стихи*.....96
Кусчуй Непома. Там-машин. *Повесть*.....98
Нина Виноградова. «Терапевтическая доза...» *и др. стихи*.....124
Александр Денисенко. «По урезу воды...» *и др. стихи*.....126

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Арсений Ли. «Виноградово» *и др*.....132
Алена Алексеева. «убежать и в дверях деревенской церковни...» *и др*.....133
Иван Белецкий. «Шатким и кочевым ты будешь...» *и др*.....134

АРХИВ

Николай Кирюхин. Страшные годы. Пережитое. *Публикация Наталии Веденеевой. Примечания Сергея Боровикова, Алексея Голицына и Марии Салий*.....136

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Анатолий Бакалов. Два века назад на Большом Карамане.....204
Анна Сафронова. Спиной к «круглому столу».....207
Александр Котюсов. В поисках счастья.....209
Николай Скворцов. Экскурсия к горизонту.....211
Наталия Черных. По периметру антисада.....212

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Провинциальные страсти (Китай, Россия, Исландия).....214

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРОВ ЗА 2014 ГОД 216

© «Волга», 2014

Галина ЗЕЛЕНИНА

КУРИНАЯ СЛЕПОТА И ЕЕ ОБИТАТЕЛЬНИЦЫ

Повесть

В городе не происходило ничего особенного, но жителей Куриной Слепоты не оставляло ощущение упадка, захудания, столбняка перед бурей, подступающего конца света, наконец, что бы, черт возьми, это ни значило. Закрывались квасные ларьки, высыхали фонтаны, барахлило электричество, вечерами несло гарью с тлеющих в лесах торфяников, через весь город тянулись караваны жуков-эмиграционщиков, улетали неперелетные птицы. На кухнях и в очередях все только и толковали, что за поруха такая, кто навел порчу, как схорониться от неведомой, но неотвратимой напасти. Одни уповали на бабок на Насесте и втихую помаливались Бабе-яге. Другие, как стемнеет, выходили на Черное озеро и метали в воду птичий корм пачками, чтобы задобрить злоехидный дух Черной курицы – он аккурат под озером обретался. Третьи, по-простому, закупали консервы и выстраивали их пирамидками под кроватью.

*

По дороге из школы стали нападать волки, такие, ну, с чубчиком и в клешах, и приходишь домой покусанная, а бабушка мажет укусы то «звездочкой», то зеленкой. А потом вдруг стукнул адский мороз, косы за ночь примерзли к стене, и поутру бабушке пришлось отпиливать их пилой. Приснится, надо же. Бабушка часто поминала зиму – та висела над ней дамокловым топором: то никак не закончится, то вот-вот начнется снова, – и нельзя ни на минуту о ней забывать, терять бдительность, а то вообще. «Будут, будут еще холода», – с пророческой степенностью говаривала она в солнечные мартовские дни. От этого уши вяли – ведь ждешь не дождешься ручейков и демисезонных ботинок. Впрочем, собственно погоду бабушка имела в виду через раз. Однажды, когда с мамой убирали на антресоли зимние вещи, бабушка пришла и наругалась: зачем, мол, убираете, скоро придет к власти опальный маршал, наведет порядок железной рукой, расстрелявшей каждого десятого, и наступит вечная зима.

Что бы ни говорила бабушка, а с тех пор все теплеет и теплеет. В этом году и вовсе ненормальная жара. Чуть не с начала апреля дожди. А говорят, нужно, чтобы прошло подряд семь дождей, семь – и тогда Черное озеро что-то там – разольется по окрестностям, что ли, что еще озеро умеет делать.

На завтрак сумела съесть размороженные сырники. Вкусом они напоминали грибы, видом – что-то третье. А ведь бывает, одни и те же конфеты какие-нибудь или пельмени или квашеная капуста, неважно, то тают во рту и наполняют тебя радостью жизни и верой в себя, то отдают веником, прокисшим молоком, черноземом с непромытой зелени и напоминают, что человек ты маленький, мизерабельный и по сути никудышный, а если не будешь, например, посуду мыть, то и вовсе скатишься на дно, что единственная посильная тебе задача – сохранять добропорядочность: белье постельное менять,

---

Галина Зеленина родилась и живет в Москве. Историк. Автор книг стихов «Ж» (2000), «Voilà: Антология жанра» (2004), «~~Первое слово~~ съела корова» (2008) и прозы «Фрикипедия, или Похождения Осколка» (2010).

одежду гладить, здороваться с соседями и переходить дорогу только на зеленый – в общем, бедненько, но чистенько, со скромным достоинством ползать – летать тебе невместно. И так вот с разницей в час может быть – то взмываешь к звездам, то плетешься драить унитаз, и отчего это зависит – непонятно.

Купить бабочку и соль. Соль и бабочку. Только бы не забыть бабочку. Да и соль тоже. Хорошо, спички не надо. В этом квартале, на старой улице Проходимчиков, магазин ненужных вещей укрылся в прехорошеньком экземпляре деревянного модерна с круглыми окнами. Домик маленький, но всё можно найти.

Туся оторвала, наконец, взгляд от причудливой геометрии черных, вобравших в себя воду трещин на сером асфальте и зашагала в магазин. А может, то была Подколодная – против солнца не разглядишь.

*

– Помнишь, у меня фломик был – жирный, темно-розовый? Я им еще записочку Ленину написала, чтобы в дырку кинуть.

– В какую такую дырку?

– Ну как – дырка ж была в спине у гипсового Ленина, на красной трибуне, около столовки.

– А, точно, я в ней разок рылась – столько любовных записок, мама дорогая. Еще мышь там жила – повариха сердобольная ее подкармливала. А у Ленина этого лицо было такое доброе-доброе – невозможно не улыбнуться. Мы как-то шли и нарочно губы сжали, лицо закатали в асфальт – ан нет, не вышло не улыбнуться дедушке Ленину. Так и что фломик?

– Да так, ничего.

– В записке-то что написала?

– А чтоб дедушка Ленин унес меня отсюда куда глаза глядят, в Тридевятое царство, на Кудыкину гору, и сделал бы Хозяйкой Кудыкиной горы. Вот.

*

В пору своей унизительной, как спитой вчерашний чай, временами же идиотически веселой юности, проходившей за еженедельным отпариванием через кусочек старого пододеяльника засалившейся синей юбки и кучей подобных никчемных дел, Туся увидела такой сон, лучше которого с тех пор ничего в ее жизни не случалось.

Жасминовый июльский вечер, сладость поздней земляники, мусорящей темными волосками в молоко, бархатное золото пижмы в зеленой бутылке. Дребезжащие ролики несут ее по нагретому асфальту. Новая сумка с кармашком на кнопках, по которой Туся сохла полгода – в кожгалантерее вторая полка слева. Внезапная поездка на море. Свежепокрашенный розовый вокзал источает запахи жареных пирожков и звуки марша. Вагон – прохладный, никелированный, замшевый – и в нем никого. Туся перебегает из купе в купе – на столике, в перевязанной шелковой лентой коробочке, марципан. Он тает во рту вечность, оставляя за собой непреходящую томную сладость. Да что там марципан, боже мой. В этом сне она пережила, кажется, всё: незыблемость утреннего какао, сбившееся дыхание встречи в троллейбусе, задушевную беседу с белой попистой говорящей лосихой, наконец. Сон струился легкостью и нежностью, все в нем было ясно и просто, и Туся не скользила в позоре коровой на льду, как всякий божий день своей школьной жизни. Только драгоценных подробностей сна Туся не помнила. Но вспоминала. Каждый вечер и каждое утро, и каждую свободную минуту, и несвободную тоже. Занятие это было столь же захватывающим, сколь и бесполезным – как расчесывание комариного укуса или ковыряние в ухе спичкой с ваткой.

Туся занималась этим с упоением. Можно сказать, это было основным ее занятием.

Еще она растила Лялю.

Работала же Туся спорадически, точнее, устраивалась на службу в самом начале весны и, получив 7-го числа свою законную мимозу или – вслед за обогащением отчизны – разноцветные махровые тюльпаны, без промедления увольнялась.

*

Подколодная, в синем летнем плащике, смахивающем на фабричный халат, вышла из квартиры навстречу сумеркам, сиреневеющим за пыльным лестничным окном. Занятая очищением левого рукава от приставшей где-то кирпичной пыли, она захлопнула дверь, забыв ключ в передней, в карандашном стаканчике на подзеркальнике. Ну его в болото, – решила Подколодная и пошла было вниз, но, споткнувшись о выбоину в кафеле на лестничной площадке, вспомнила, что там же, в передней, осталась приготовленная за некоей надобностью авоська с яблоками и глазированными сырками. Пришлось вернуться. Подколодная толкнула дверь в соседнюю квартиру – она, по обыкновению, была не заперта – и взяла с такой же подзеркальной полочки соседские ключи, вполне годные к эксплуатации в ее замке.

В сгустившейся сыроватой тьме первого этажа Подколодная разглядела лежащий на почтовом ящике крупный, не гнилой вроде кабачок и придавленный им, тщательно, уголок к уголку, сложенный документ. Подколодная развернула – свидетельство о рождении, прочитала – ее собственное. Фамилия обведена в жирную черную рамочку. На обороте – размашистая трехконечная галочка. Подколодная фыркнула: – Начинаются. Приветики.

Когда она вышла, наконец, из дому, автобус уже ретировался и теперь издевательски мелькал замызганно-желтым задом меж обрубленных тополей. Чертыхаясь, Подколодная водрузила авоську на облупившуюся голубую лавку и стала ловить частника.

*

Всю южную оконечность Куриной Слепоты занимал Тихий Парк Культурного Отдыха, где Туся катала в коляске свою Лялю или как ее там. Вообще-то Ляле было уже чуть не пять лет в обед, но Туся продолжала ее возить, по привычке видя в надрывном толкании через бордюры полураздолбанной розовой раскладушки квинтэссенцию материнства. Парк обладал парадным входом через полуразрушенную арку из гипсовых колонн и витого приветствия над ними. На изумрудных скамейках сидели-судачили тетушки в широкополых панамах, своею крахмальной белоснежностью искупавших видимую поношенность босоножек. Мрачные хозяева крупных поджарых собак мусолили папироски, решительно наматывая на кулак и столь же решительно разматывая поводки. Пухлый юноша в клетчатой кепке продавал пенистый желтоватый напиток в картонных стаканчиках и крутил в тазу пышную розовую вату. Великовозрастные обормоты катались на красно-зеленых шелушащихся качелях: хвись-хвись. За заборчиком располагался уголок аттракционов с квадратным от старости колесом обозрения, игрушечными плоскодонками, лихо фигачившими на тросиках, вспенивая зеленую лужу, и настоящим танком, разжалованным сюда с привокзальной площади.

Был и другой вход – через неприметную калитку в нелучшей в мире чугунной ограде, откуда к центральной аллее меж пахучих голубых елей шла дорожка, присыпанная хвоей, осколками коричневого стекла и всякой шелухой. В орешнике у ограды жили тонконогие конопатые близнички с одним зубом на двоих. Стоило Тусе войти в калитку, они выскакивали на дорожку и хватали Лялю, и тянули из коляски в разные стороны. Отпустить ее соглашались только в обмен на сказку, которую Туся выбрюзживала из себя уже на подходе к центральной аллее:

– Жила-была девочка, – говорила она, – по имени Подводная Лодка. У нее было четыре кармашка. В одном кармашке лежали вишневые косточки, в другом – золотой ключик, в третьем – крошки от печенья, в четвертом лежал секрет. Пошла девочка по дорожке, а навстречу ей – чудище. С золотыми клыками, с голубыми волосами. Но девочка не обратила на него внимания и пошла дальше.

– И что? – вопрошали близняшки.

– И все, – отреза́ла Туся. Сказке конец.

*

Или так. Жил-был Колобок. И катался он только взад-вперед по тропинке, а вверх закатываться не умел. Но уж очень ему хотелось попасть на дерево. Кто-то подсказал ему обратиться к богу. Взмолился Колобок крепко-накрепко, бог услышал, и посочувствовал, и подарил ему искомый навык. Нашел Колобок дуб, покатился по стволу вверх, попал в дупло, накакал там, скатился обратно на землю и был счастлив.

– А что случилось с какашкой? Ее нашли?

– Нет, сама засохла.

*

– Эти, – Туся вздымает дрожащий от гнева перст к потолку, – опять всю ночь концертировали. Сначала он свою ведьму найти не может – на помойке она, что ли, заснула? – орет на весь двор: Устинова, где прячешься, вылезай, я тебя небольно прибью. Потом находит ее, и они с тюками своими мусорными, с треском и иканием пробираются по лестнице – времени полночь. Потом начинается работа на публику – бессонную и безропотную: «А-а-а, он бьет меня ногами по лицу!» В два часа ночи посуду бьют. В четыре – начинают пылесосить. В шесть – стучат утюгом по батарее. В восемь она ему: – Убью тебя, я тебя убью! – «Я тебя люблю», говоришь, и где твоя любовь, любовь где, а?! – Да не люблю, а убью, глухой подонок, убью! Убью тебя и сяду, убью и сяду!

– Ну что же, – тянет Подколодная, разглядывая трещину на потолке, – люди как люди, у всех свои экзистенциальные трудности, у всех почти жизнь не задалась, какой с них спрос. Ты сама будь подобрее, что ли.

*

Будучи человеком удивительной душевной чистоты, Зина Подколодная, бывало, сквернословила, как не сподобившийся опохмелиться грузчик, и красилась, как нескладная отроковица на первых блядках.

Она была положительно уверена в том, что дети родятся, если обмотать красным знаменем большую эмалированную кастрюлю, в которой в детсаде варят на всех суп, и три раза пропеть над ней гимн Советского Союза или «В лесу родилась елочка».

Накатив коньячка и мысленно незлобиво избив ногами сук неприятных пергидрольных сплетниц, то бишь весь наличный состав бухгалтерии и отдела кадров, она любила рассказывать про бабушку.

Бабушка не признавала обручальных колец и однажды зараз сожгла в камине все фотографии вместе с рамками, письма же у нее всегда использовались в сортире, даже от самых высокопоставленных поклонников – бабушка была чужда любой фанаберии. Зато она, не выкурившая за всю жизнь ни полпапироски, кашляя и задыхаясь, дымила трубкой покойного дедушки, одного из порученцев порученцев цветка душистых прерий, заведшего трубку а ля Хозяин. Таково было ее понимание верности. Дедушку она не любила – об этом не могло быть и речи, но верность верностью, любовь к ней ни при чем. У нее, разумеется, водились обожатели, но главным компаньоном была остромордая длинноволосая псина Шахерезада, пурпурная роза ее сердца. Бабушка часто ее

вспоминала, ее и медовые груши в Ливадии, и восстающие из штормовых волн белые ротонды на набережной. Людей она предпочла забыть.

Сама Подколодная в Ливадии никогда не была, все больше работала. Работала она кем-то непонятным, но важным и в Конторе.

*

– Теть Зин, ты в детстве кем хотела быть?
– Шофером.
– Шофером? На грузовике?
– Не. Водителем автобуса.
– Какого автобуса? Обычного? Или междугороднего?
– Обычного, Ляля, обычного. 36-го. Но обязательно красного. Не желтого.

Подколодная была Ляле как семья, потому что больше у нее, кроме Туси, никого не было – от бабушки ее на четвертом году жизни отлучили.

– Я просила маму о трех вещах, – скорбно излагала Туся. – Если она хочет Ляле добра, не надо говорить ей плохо обо мне, ругаться при ней с папой и включать телевизор. Не очень-то веря в возможность второго и третьего, я все же полагала, что ей хватит элементарного женского чутья, что ли, не делать первое. Ан нет. Талдычила Ляле каждый божий раз, что мать ее не любит, предпочитает ей своих подруг, и одна бабушка любит ее больше всех – больше дедушки, больше мамы, больше самой жизни.

– Тебе в детстве то же самое впаривала? – сочла нужным уточнить Подколодная.

– Ну так да, и я знала, что так и было, с папой у нее тогда уже отношения испортились. И что с того? Когда мне действительно стало нужно, она меня предала.

– Гроза скоро. Небо стало как синяк. Уже в желтизну отдает.

– Завтра утром здесь будет Крах, – сказала Туся, пытаясь незаметно стереть белые усики после третьего стакана молочного коктейля. Они сидели в кафетерии «Цыпочка», в прохладном полуподвале старых торговых рядов. – Звонила тут, рассказывала, как со всеми перессорилась, даже с консьержкой, я ей говорю, мол, да плюнь, а она: «Может быть, это именно то, что мне нужно в жизни».

– Хорошо, но с какой радости ее сюда снова несет? – отозвалась Подколодная, расковыривая ключом щербину на поверхности колченогого стола.

– У нее есть План.
– Нда, это мы влипли.
– Не то слово.
– Вот же ж. Две недели стояла отличная погода – и нате: дожди, дожди.
– В общем, понятно, почему.
– Ага.

Репродуктор за стойкой, меж тем, то поучал по-старомосковски «дощь-ли-снег» принимать с благодарностью, то весело сокрушался, манерно акая: «словно-из-вадапровода-полгода-плахая-пагода-полгода-савсем-никуда».

*

Подколодная, когда в ранней школе Туся впервые позвала ее в гости на д.р., изрядно нервничала, и в дурном сне ей приснилось, будто та позвала еще 340 человек гостей и в их числе Маргариту.

*

Крах с детства была вещь в себе, как дыня, и с детства же немало о себе воображала. Сочиняя стихи и названия для ненаписанных романов, она беспокоилась за качество

их будущих переводов на европейские языки и способность критиков по достоинству оценить ее новаторские метафоры. Совершая жизненные выборы, обдумывала, как будет объяснять их в своих будущих интервью, – слегка отстраненно, но без малейшей иронии, с бронзовым загаром двенадцати Цезарей.

Туся звала ее Риткой, Подколодная – Марысей. Сложно сказать, как правильнее. Говорят, какое-то время Крах умудрялась учиться сразу в двух школах, доказывая свое превосходство над остальными. Не обошлось без маминой негласной и невольной – та не знала о дочкиной авантюре – поддержки. Так вот, в одной школе Крах называлась Маргаритой, в другой – Мариной, для конспирации. Только фамилия в обоих журналах стояла одна и та же – Крах. В фамилии мы до поры до времени можем быть уверены.

В школе Крах изводили. Ей казалось, будто волочится за нею голый розовый, как у крысы, хвост и, видя его, все то хихикают в горсть, то внаглую гогочут, а его не спрячешь и не отрубишь. Крах была дочкой завуча – ее называли маминым позором и гадко ухмылялись. Она не умела прыгать в резиночку и срезалась сразу, на третьих «простых», – поднимали на смех. Фальшивила на уроках пения, пачкала платье мелом, отпрашивалась с урока в тубзик, прыгала мимо «козла», криво заплетала косу – фыркали и шушукались, показывая пальцем. Как-то раз ей достался дефицитный двухэтажный пенал, защелкивающийся на магнитик, так класс сговорился и пел ей в спину, что она его на помойке нашла. Крах пошла и выкинула пенал в речку Вонючку, сама села на берегу и слезы глотает. А по мостику идет тетя Неля и приветливо так ей кричит: «Риточка, что ты там делаешь?» И Крах ответила, чуть помедлив: «Уезжаю». И потом уже три года ни минуты не сомневалась и на следующий день после окончания школы с золотой, заметим, медалью уехала.

*

Если избранные умники решительно чувствовали, что в Куриной Слепоте жить невозможно невыносимо непотребно немыслимо недопустимо невмоготу – никогда и ни при каких обстоятельствах, и либо уносили ноги, либо годами со вкусом перетирали эту тему в пивных, парнúх и парках города, ни на день его не покидая, то без малого всем жителям было доподлинно понятно, что никакой жизни в городе нет зимой – лишь еле теплющееся бесцветное, безвкусное, бездеятельное и бесчувственное существование, именуемое спячкой, а жизнь случается только летом, длинным летом, с апреля по сентябрь, ну по октябрь, если повезет.

Крах хорошо помнила, что зимой в Куриной Слепоте делать нечего, и приезжала только летом.

Приезжала она всегда неспроста. В один из первых своих приездов, едва пару лет продержавшись в столице, она промывала девкам мозг насчет уехать в Большой Мир и начать Настоящую Жизнь:

– Как вы не понимаете, дурынды, вы живете в городе, которого нет. Вы ходите тропинками своего детства и питаетесь школьными воспоминаниями, но только это все призраки памяти, этого нет в реальности – ваших стекляшек, пляжей, скверов, свалок и школьного двора, а если есть, то не потому, что так должно быть и будет дальше, а потому, что К.С. на задворках цивилизации и новая реальность сюда еще не докатилась, но докатится, пусть в последнюю очередь и в худшей своей версии, убогая, завистливая и жестокая, и не оставит здесь камня на камне, а вы в эту реальность в лучшем случае впишетесь подавальщицами, а то – окажетесь в одной палате в Веревочкиной усадьбе, которую, впрочем, наверняка закроют.

Девки упирались, но не без сомнений, конечно же. Напомнили ей:

– Не ты ли, Ритка, сама говорила, что столица эта как громадное чертово колесо – десятки километров в диаметре, и оно тебя крутит, крутит, без остановки, пока вдруг не выплюнет в вонючую бензинную лужу, и тут по тебе черный лаковый трактор проедет,

размером с дом, и холеная баба пройдет – каблуками по вискам.

– Что вы, это как давно было, – отнекивалась Крах, – сейчас все не так. Сейчас я там как рыба в воде, – четко выговорила она и затравленно посмотрела вбок. В результате все остались на месте, но сильно покореженные Маргаритиной баней и за это ощущение проигрыша затаившие на нее обиду.

*

Одной душной липкой ночью, когда из-за мух все окна в квартире держались закрытыми, Тусю изрядно вымотал кошмар про сбор класса у незаслуженно преуспевшей бывшей ябеды и плаксы. Бог весть зачем все к ней пожаловали, слюняво чмокались, натужно осклаблялись и дисциплинированно поглощали лилипутские претенциозные бутерброды. Пролетел было слух, что она смертельно больна, потому всех и позвала – попрощаться. Туся успела усомниться и все равно подавиться канапе, пока с другой стороны не пришелестело, что она ведьма и намерена всех гнусно использовать. Класс все-таки, десять лет общих воспоминаний, и вот, накормив их и напоив шампанским, она – по закону гостеприимства – отберет у них память, а впридачу – мысли, чувства и силы. Туся пыталась незаметно отодвинуть от себя бокал с вражьим напитком и лихорадочно раздумывала, под каким благовидным предлогом незамедлительно смыться, когда хозяйка дома вырвалась в ступе из дымохода и крикнула им, застывшим за накрытыми столами в саду, что она-то улетает в Большую Жизнь, а они-то остаются в своей куцей Курьей Слепоте и не посмеют ни сбежать, ни фигу показать, ни повеселиться, ни повеситься. И лично ей крикнула эта мымра из своей ступы: «А ты, Петрова-Сидорова, че зыришь, коза? Я улетаю, тю-тю, а ты прилипла тут своей задницей, как муха на клею, так и будешь прозябать». И сделав круг над яблонями, еще раз приспустилась и сообщила визгливым своим голосом, что выкачала у них все воспоминания детства и пусть теперь посмотрят, дурачье подкидное, каково им будет дальше жить без воспоминаний. И опять ей, Тусе, повторила, как на заказ: «Че, Петрова-Сидорова, вылупилась – не поняла, что ли? Я тебе в дневнике три двойки нарисовала – по физ-ре, по лит-ре и по русишу, а ты этого и не помнишь. А-ха-ха-ха...»

Потом Туся много думала, была то Ритка, Вичка или еще кто.

*

Длинный сутулый негр, главный и единственный негр Куриной Слепоты, в женских розовых штанишках с помойки, с трубным воем блевал под забор. Туся вообще-то любила негров – в детстве видала в облцентре и мечтала сама такой стать, и мама ей, с какой-то радости, обещала для этой цели таблеточку, когда подрастет, а кто-то потом сказал, что надо было идти к бабкам и тогда бы, может, чего и вышло, по нежному возрасту. Но только вот этот, прозванный Бананом, был совсем не такой негр, как в детстве. Это был грязный, убогий негр. А те были – иностранцы.

*

Крах, как правило, искала совершить Подвиг. Калибр не имел значения – главным полагалось героическое намерение. Вытащить толстую волосатую бабочку из прически ее носительницы, в истерике ввинчивающей каблуки в пол и вибрирующей всем телом, – чем не подвиг? Но приезды в Куриную Слепоту сопровождались планами грандиозными и сложно устроенными, наподобие мегаломанского дворца восточного тирана, – не чета бабочкам. Причина, немаловероятно, заключалась в часах, проведенных в пути, – Крах, стараясь не мигать, следила сквозь запыленное двойное стекло за зубчатым пейзажем и, преодолевая вагонный жор и сплин, преображала мелководный повседневный подвиг в деяние заоблачного благородства, достойное стилоса анналиста.

В позапрошлый свой приезд она удумала превратить Куриную Слепоту в Нормальный Город.

– И будет у вас не Куриная Слепота, а Куриная Лепота, – не совсем уверенно пообещала Крах.

– Как, как? – не поняла Туся.

– Бе, – скривилась Подколодная. – Липота у тебя будет, вот что. От слова «липа». Фальшак, то есть.

Крах не смутилась и продолжала живописать необходимость отмыть с порошком улицы, покрасить бордюры в бордовый цвет, снести подгнивший и проеденный жучком деревянный сектор и возвести на его месте что-то другое, обшитое цветными панелями да с просторными кухнями, разбить скверы, насадить искусственную травку с ромашками, натыкать там-сям качелей-каруселей – все в почтительном согласии с новейшей теорией градостроительства. Но главное – выселить ублюдков и проституток, избавить город от отбросов общества.

– По какому принципу выселять будешь? – позволила себе поинтересоваться Подколодная.

– О, господи. Носят грязь под ногтями, ссут под забор, плюют под ноги, не могут поименно перечислить Повести Белкина, наконец. Мало, что ли, принципов найдется?

– Я, бывает, писаю под забором, – задумчиво призналась Туся.

– А если хоть одного праведника по ошибке изгонишь? – вопросила Подколодная, язвительно изогнув бровь.

Но Крах только поморщилась, ибо настроена была вовсе не благодушно – не праведников из грядок выкапывать, считать и по банкам раскладывать на сохранение, – но вполне решительно. Изничтожить город со всеми его изъянами и уродствами и построить заново, чтобы все жители были обязаны своим поселением и процветанием в новом городе лично ей, Крах, сами они и их потомки, и вели бы себя не как черт на душу положит, как сорняки поганые, мхи вонючие, грибки заразные, а как законопослушные паиньки, иначе – вон. Девки поспешили заявить, что их ей тоже придется выселить и вообще останется она на весь город одна паинька, будет сам-друг с метлой улицы мести и реприманды себе выговаривать за недостаточную чистоту.

Крах оскорбилась.

И тут же отправилась на вокзал – за билетом.

Каждый раз она уезжала навсегда, с немногословными, но выразительными клятвами никогда более не помещать свою ногу на асфальт родного города и глазами своими не видеть более девок, а в уши свои не впускать их дурацкие речи, похожие скорее на блеянье или квохтанье, чем на слова, исходящие от взрослых разумных людей. В прошлый свой отъезд Марина так разошлась, что забыла на перроне чемодан – как потом выяснилось, со сломанным утюгом, парой резиновых сапог и другими странными предметами. Девки хотели было порционно выслать их ей тремя бандеролями, но Крах настолько возмутилась тем, что они посмели открыть ее чемодан, что бросила трубку, не назвав адреса.

*

По парку, бывало, ходил человек с секцией чугунной батареи в руке – мышцу свою никчемную качал, надо полагать, но встречаться с ним не хотелось. Туся, как и все, знала, что в городе помаленьку орудует банда Курья Лапка, по квартирам ходят ейные товарищи-бандиты Жук, Жулик и Хитрожопый Враль и оставляют на месте преступления соответствующий трехпалый знак – мелом на асфальте или кирпичом на стене. А Ляля углядела на батарее такую же гравировку. Выдумала, наверно, врушка.

В Куриной Слепоте наличествовали и другие закрытые и открытые сообщества.

Красноногие – обладательницы длинных ног и красных колготок, прыгающие летними ночами в резиночку на бульваре Зои Космодемьянской; для вступления в клуб надо было уметь прыгать шестые «трёши», пятые «простые» и четвертые «чиполлинобуратино».

Котлетенетки ненавидели котлеты, проповедуя незыблемое знание о том, что все они изготовлены из собачатины и картона в равных долях, и при встрече с котлетой в гостях ли, в общепите ли бежали сбрасывать ее с балкона и требовали заменить гарнир на не загрязненный этой отравой.

Карлокуроводки – разводительницы карликовых кур на балконе; тетки попроще разводили кого придется – белых, пеструшек, покупали специальные мочалки и щеточки, чтобы отмывать от помета яйца; девки попретенциознее отдавали предпочтение черным курицам, а слово «помет» вообще не употребляли.

Голопопые, предпочитавшие, впрочем, самоназвание «ню-ню», купались голышом в пруду, а зимой – в снегу, в отдаленных закоулках парка, считали это очень полезным для здоровья и, по слухам, приняли в свои ряды заведующую одной из городских поликлиник, которая с ними не резвилась, зато потом, за чаем на одной из квартир читала им лекции про снег и целлюлит и тому подобное. Эта компания была закрытой, а то примешь кого попало, с улицы, а потом мало ли чего.

Впрочем, не совсем ясно, существовали ли все они на самом деле, или же молодой ретивый чиновник Конторы наделал про них папочек, чтобы оправдать свое безбедное прозябание на никому не нужной должности.

За парком уже проходило Окружное шоссе, а за ним где-то в полях прятался маленький аэродром. Время от времени с него взлетали самолеты, а также, вероятно, заходили на посадку, но этого из парка видно не было. Зато иногда было отчетливо слышно, как они падают. Однако неизменно сообщалось, что никто не пострадал.

*

– Куриная Слепота звучит безнадежно! – воскликнула Крах в отчаянии. – С таким названием никак невозможно преобразиться. Если бы только этот город назывался как-нибудь иначе. Как угодно! Хоть, не знаю, Ярёмуга. Пусть неблагозвучно, зато – энергично.

– Ах, Ярёмуга белая – сколько бед ты наделала, – вдохновилась Туся. – Ароматом дурманила – только сердце поранила. А еще – к сладкому майскому запаху добавляется мелкий криминальный шарм шаромыги...

– И скрип веревки в Елабуге не забудьте, – мрачно вставила Подколодная.

*

Не все замыслы Крах отличались таким размахом и так кипели страстью к спасению человечества. Были и вполне частные проекты, не благоухающие мессианством. Както раз она явилась с многоходовым планом мести школьной директрисе по прозвищу Лимониха, толстой тетке, имеющей форму виолончели, которая, по всеобщему убеждению, красила волосы мочой из унитаза, а губы и ногти натирала мастикой, предварительно соскоблив ее со школьного паркета. Еще она была памятна тем, что швыряла дневники в лицо двоечникам, а троечникам – в грудь. Ежесубботне проверяла чистоту воротничков и при неудовлетворительном результате с треском срывала их с посрамленной грязнули. На каждый праздник требовала себе в подарок хрустальную вазу, а на день рождения – не меньше золотой цепочки. Инспектировала туалеты на предмет чего-либо непристойного. Конфисковывала дорогие ручки и прочие прибамбасы у не

заслуживших их двоечников и отдавала любимчикам. Прикнопливала нерадивых за уши к партам и заставляла оттирать плохо вымытую доску носовым платком.

Марина планировала опозорить Лимониху, поставив жучок на ее рабочий телефон и пустив трансляцию ее личных разговоров через школьный динамик около столовой, а домашний номер дать в газету объявлений об услугах интимного характера. Преподнести ей на торжественной линейке большой букет роз, поместив внутрь мышь – живую или дохлую. Пробраться вечером в директорский кабинет и подпилить каблуки Лимонихиных сменных туфель. Подкараулить у переодевалки на озере, где она летом частенько простаивала часы в причудливых позах – загорала разные складки тела, и стащить одежду и купальник, чтобы ей пришлось там сидеть до темноты. Наслать в школу фальшивых ревизоров, чтобы те на глазах у Лимонихи, посреди учительской, гнусно ухмыляясь, сожгли бы журналы всех классов в алюминиевом тазу.

Девки сказали, что она уже старая, в сущности, тетка, и глупая к тому же, и ей можно только посочувствовать, а еще она на очередном выпускном, перепив, вероятно, шампанского, расплакалась и сказала, что раскаивается в своих методах. Последнее подействовало на Крах, которая следовала правилу «лежачего не бьют», и она отступила, хотя и не без недовольства – ей было слезно жаль своих продуманных до мелочей планов. Впрочем, на пляже у Черного озера все равно не нашлось ни одной кабинки.

*

Или так. Жила-была девочка Ира по фамилии Мизинчик. Как-то раз вскочила она по будильнику со своего дивана и, как была в ночнушке, ринулась на улицу. Раскатав прямо от подъезда пыльную ковровую дорожку, попрыгала по ней на одной ножке до универмага «Юность». Там к ней подрулила продавщица галантерейного отдела тетя Клава в халатике на водолазку да с перманентом, взяла ее за мизинчик и говорит: – Девочка Ира, купи пуговицу! Ира удивилась: – Спасибо, – говорит, – не надо, – и хочет в сторону отойти, а там, глядь, опять тетя Клава, вторая, хотя и та же самая, и говорит: – Девочка Ира, ты зачем сюда пришла? В обувной отдел не ходи. Ира попятилась, а сзади на нее третья тетя Клава наступает: – Водолазки, – говорит, – девочкам твоего возраста не продаем, особенно красные, хотя их все равно нет. Ира потянулась было к выходу, а оттуда четвертая тетя Клава – наклоняется к ней и доверительно так спрашивает: – Ира, как тебя зовут? И чувствует Ира, каким-то шестым чувством, что весь магазин – вентиляторы под потолком, картонки, брошенные на кафельный пол впитывать мокрую грязь, заколки, шпильки, ленточки и мулине, галоши и чешки, водолазки и драповое пальто на манекене – все ее спрашивают, с угрозой даже в голосе: – Ира, девочка Ира, как тебя зовут? Во рту у Иры пересохло, она укусила себя за палец, зажмурилась, подпрыгнула и...

– И проснулась в своей кроватке?

– Нет, провалилась сквозь землю...

– В Тартарары?

– Зачем же в Тартарары? Она попала в совершенно конкретное место – на остров посреди изумрудного океана, где смуглые туземцы ходят вниз головой, а бананы, срываясь с пальм, улетают в бесконечность.

*

Еще была мысль у Крах – повесить желтых газетчиков. Не намертво, а просто, связав руки, повесить за подмышки, спустить штаны и хорошенько высечь, а потом оставить так висеть, со спущенными штанами. Не ожидая этому никаких препятствий – ни морального свойства, ни практического, – Марина сразу принялась за дело. Нашла подходящее место – на гребне Петушьего взвоза, меж двух заброшенных домов: вроде

как и в сторонке, и прекрасно видно городу и миру – и наняла было артель – виселицу ставить, да только желтых газетчиков не нашлось в Куриной Слепоте.

– Тебе бы, Марыся, в столице это проворачивать, – хмыкнула Подколодная. – Там этих господ навалом. Да в столице у тя кишка тонка.

*

Затаив в одном кармане фигу, в другом зажав тошнотное предчувствие угрозы своему вальяжному существованию, девки каждый раз посмеивались: – С каким опять несбыточным прожектом пожаловала, голубушка? – Я вам не дура завиральная, – огрызалась Крах, – я – та упорная лягушка в крынке с молоком, что лапками дрыгала-дрыгала и масло таки сбила.

Летнее кафе в Центральном сквере гудело вовсю. Щуплые прыщавые мальчики в грязно-белых фартуках сновали взад-вперед, разнося пиво и шашлыки на картонных подложках, скроенных из молочных пакетов.

– Какие такие лягушки с маслом, – издевалась Подколодная, – не знаю таких. Я знаю про тараканов в ночном горшке – они из пиписек какашки сбивают.

– Ты извини, что я так, без фантазии, но надо тебе, Ритка, ребенка завести. Это очень, знаешь, занимает голову и вообще – тоже вполне себе поле для гуманистической деятельности, – как-то раз заботливо проговорила Туся, надеясь если не всерьез увлечь Крах, то по крайней мере заболтать и оттянуть обсуждение очередного Плана, ибо тревога перла из кармана неудержимо и платье уже прилипало к спине, а ляжки – к стулу.

– А не плодородная я, – неожиданно легко отмахнулась Крах, дотягиваясь до третьей кружки пива.

– Эт ничего, – деловито прокомментировала Подколодная, – мы тебя к бабкам сведем и удобрим.

Высоко в небе игрушечный самолетик прочертил широкую пористую белую полосу.

– Вон в колхозе 45-летия навоз продавали, тачками, недорого. Надо только вывезти оттуда. Тогда мы тебя на травке разложим, обмажем, а потом в Просяной баньке попарим.

– Тут, может, какой специальный навоз нужен, – протянула Туся.

– Да ну вас, девки, – Крах выдула третью кружку. – Куда мне. Да даже если чисто теоретически – от кого? От ослика Иа-Иа или от Кота в сапогах? Ослик слишком уж мямля...

– По-моему, тут и думать нечего – от Чебурашки. Дешево и сердито.

– Не, к чему нам эта слащавость? Лучше всего, конечно, от гражданки Шапокляк – нос так себе, зато умная будет, но не получится – для этого дела почему-то волосатость требуется.

– Потом, я и не знаю еще, кого хочу – чернявую или рыжую.

Небо с боков помалиновело, застрекотали вечерние стрекачи.

– Вот это ты обязательно сначала реши. Смотря по этому, бабки скажут, летом или зимой.

*

По другой стороне улицы неторопливо прошли две женщины в окружении пяти, кажется, крупных мохнатых собак.

– Собак держат, – задумчиво протянула Крах. – Да так много. Вот пока держат собак – живет город Куриная Слепота, еще не протух насквозь...

– Рит, ты глаза-то разуй, – перебила Туся, – это ж козы.

*

Туся ходила повсюду с большой распустившейся еловой шишкой.

– Не знаю, что с ней делать, но не могу бросить. Правда, она такая милая?

***

Незадолго до прошлого приезда Крах до Подколодной в ее богадельне, то бишь Конторе, дошли смутные сведения о том, что городу грозит беда и, главное, самое Контору всенепременно закроют. Было пару раз переговорено в курилке, дернуто за те-другие шнурки, и прояснилось, что.

Не то чтобы ожидался натуральный конец света, но близко к тому, по крайней мере, в местном масштабе. Куриную Слепоту вознамерилась прикупить столичная богатейка Алла Емельяновна по прозвищу Мамаша. Мамаша поднялась на трех отраслях: кустовых розах, борделях в обличье психотерапевтических центров и кладбищах. Продав свой первый миллион алых роз, она вытатуировала розовый куст на своей левой ягодице – по крайней мере, ходил такой слушок. Больше про нее жителям Куриной Слепоты ничего особенно известно не было.

Но как же, позвольте, купить? Купить город, тем более райцентр, все-таки нельзя. Так Мамаша собиралась по-быстрому стать губернаторшей или кем там надо, скоренько принять ряд ограничительных законов, иными словами – запретить всё, что приходит в голову: водку, мат, семки, телячьи нежности на улице (кругом дети!), катание на водных велосипедах (скрипят!), тараканов на кухне (нелицензированные зоопарки!), мясо и кожаные перчатки (бережем природу!), сладости (бережем зубы!), резиновые сапоги (нога не дышит!), лифты (застревают!) и всё такое прочее – и добиться, чтоб сами вымерли, а раз так скоро не вымрут, то сбежали. Когда жители таким образом расселятся по окрестным райцентрам или уедут в Белорезиновую (на въездах в столицу шланг-пульверизатор из милицейского стакана красил всем шины в белый цвет – чтобы родину любили), скатертью им дорога, планировалось оставить только квартал-поселочек на несколько сот человек обслуживающего персонала, сам город сравнять с землей, построить усадьбу с конюшней на полсотни голов, разбить регулярные сады, налить искусственное озеро с форелью, парк почистить, а речку Вонючку пустить вспять.

Почему-то именно судьба Вонючки казалась всем узнающим про этот замысел особенно оскорбительной для их достоинства. Они даже письма протеста стали писать, такого примерно содержания:

> население города с возмущением узнало о наглой провокации авантюристки возмущены бесцеремонностью поставить нас на службу подлому капиталу при антинародном попустительстве правительства скалит зубы и льет потоки лжи и грязи не прекращает свои подстрекательские действия коллектив не торгует родиной нам чужд и отвратителен гнев и презрение ничего не выйдет из вашей фальшивой и грязной идеи

> достойная отповедь заявляем гневный протест решительно требуем требуем непреклонно решительно осуждаем резко осуждаем гневно осуждаем требуем положить конец требуем пресечения клеймим позором пусть уберет! прекратить! безоговорочно прекратить! не лезьте в чужой огород! одумайтесь, пока не поздно! не бывать этому! наше мощное «нет»! за все ответит! не уйдет от возмездия! позор!

Письма, разумеется, ни к чему не привели.

Равно как и первый посетивший всех вопрос: почему из всех мест Мамаша выбрала именно Слепоту, чем обязаны, что называется, – остался неотвеченным. Предполагали, будто дело в том, что в ейном кругу такие пошли китчовые причуды: одна ее товарка по темным играм отгрохала себе нехилый замок в деревне Змеиная Гниль, другая – палац-

цо в Тлиной Пади, и Мамаша, как бы ей ни хотелось, не позволила себе отстать от них с каким-нибудь простеньким Маминским, Мамкиным или Мамаширом.

*

– Лежу, слушаю звук соскребаемого во дворе снега – всегда слышала его, просыпаясь в школу.

– Туся, ты о чем вообще, какой еще снег?

– Или вот новогодние эти конфетные наборы. Стали какую-то эссенцию гадостную в шоколадную обливку подмешивать – не иначе, хотят детей совсем оболванить, с младенчества, чтоб потом не мешали. И еще мне нравится: там бумажка вложена с описью крохотными буковками; как Лялька съест конфетку, я нахожу ее название и вычеркиваю, вычеркиваю. Так не совпадает же – шоколадных мало, все больше карамельки да печенюшки. А под конец вижу совсем слепое примечание под этим списочком: «Производитель оставляет за собой право изменять состав вложения кондитерских наборов». Прикинь! И хранить – хранить, там было написано, при влажности воздуха не более 75% – это как же я ее измерять должна, а? градусником?

– Не думаю, что в том была нужда – вряд ли конфеты долго у вас залежались, неспа? И что ты то про снег, то про Новый год – лето на дворе. Тебе зима все покоя не дает.

– А, идиотизм. Так идиотизм, сяк идиотизм, по-любому – один сплошной идиотизм. Еще есть суп и желтое пластмассовое яйцо.

*

Тут понаехала Крах, и прояснилось, что Мамаша в гости к нам неспроста, с другой стороны – может, и не в гости вовсе, а так – пролетит шаровой молнией мимо окон, попугает и улетит восвояси.

Крах каким-то макаром попала на службу к Мамаше еще в раньшие времена, когда та еще не стала Мамашей, а прозывалась Алла-шиповник, или – для краткости и психологической верности – Алла-шип.

Худо-бедно понимая, что к чему, Крах тем не менее прониклась к Алле своего рода обожанием – пожалуй, с того момента, как они вместе – небольшой компанией хозяев и приближенных – ездили отдыхать в предновогодний уик-энд на далекое теплое море. Отельчик в колониальном стиле, с гипсовыми колоннами и умильными европейскими пейзажами на стенах цвета чайной розы. Если выйти за его пределы – кругом недостроенные виллы, зияющие оконными провалами; полицейские будки, ощетинившиеся автоматами Калашникова; магазины с изобилием стиральных порошков и халвы; слепые светофоры, включаемые лишь по случаю приезда главы государства; завернутые в мешковину пальмы-недомерки. Если вернуться – посреди безмолвствующего пляжа Алла с легким матерком и хрипловатыми смешками прожигает сигаретой лежак.

Хотя для всех она теперь Алла Емельяновна и никак иначе, Мамаша на самом-то деле молодая тетка, может, и помладше самой Крах. «В тесном туалете безупречным карминовым ногтем мажет меня по деснам белым порошком, дыша коньяком и шанелью и помавая норковой шубой, – смущаясь, рассказывала Крах девкам. – Шикарная кошка, такая вся, такая-растакая. Попала сразу в ферзи и в дамки, и вокруг нее днем все на цырлах бегают да на ушах прыгают, а ночью – в вихре праздничном кружатся. Смотрит на тебя так, будто ты ей должен закаты, ты ей должен рассветы, последний рупь должен и саму душу. Делает все по своему хотению и назло старым сводням, шакалящим под окнами. Будь то много или мало. Теперь вот решила, что Куриная Слепота ей будет в самый раз».

– А ты, Марина, позволь поинтересоваться, зачем к нам заявилась? – недобро прищурилась Подколодная. – Надеешься целой-невредимой отсюда уехать? Зря.

Туся тоже изрядно рассердилась, но за неумением это выразить просто сидела прифигемши.

Крах повела плечами, вперила взгляд в подходящую поверхность и с видом шибко оскорбленной добродетели стала говорить, что как они могли подумать, что это лишь видимость, а на деле все не так буквально, что она, Крах, предложила Мамаше этот прожект, дабы отвлечь газетчиков, по случаю грядущих выборов жаждущих крови, от мамашиных настоящих махинаций, что поднимется скандал, газетчики возьмут след – и тут окажется, что все туфта, никакой бумажки, никакого человечка – ничего нет, одни безумные слухи. Тогда-то они опозорятся, хвосты подожмут и отстанут от Мамаши лет на несколько.

– Похвальная преданность, – холодно заметила Подколодная, – но Слепоте ты за что так удружила, к чему эти треволнения – не могла другой городок найти, а лучше – выдумать? И явилась-то зачем – не перед нами же отчет держать?

Оказалось, что родному городу Крах подсуропила вполне сознательно, мечтая, чтобы в гневе и отчаянии все, наконец, сделали то, чего не могли сделать в благополучии, а именно объединились и – смотри выше – перестали жить как сморчки вонючие. А собственной своей персоной Крах явилась справить роспуск слухов, чтобы не только в Конторе по-тихому перетирали да письма кропали, а помощнее и покруче, чтобы и тут всех завихрило, и пошел перезвон до столичных брехунов. За этим делом намылилась она прямиком идти к бабкам – ведь по части слухов лучше них мастериц нет, а некоторые и вовсе полагают, что бабки городом правят. Горсовет со своим лживоклассическим портиком за голубыми елями, или там милиция со своей доской почета и столовкой, воняющей на квартал, – все не в счет. А выше бабок, говорят знающие люди, только бабки-ёжки.

– Надеюсь, тебе хватило ума маму предупредить о своих фокусах, – промолвила Подколодная на прощание, но Крах лишь ощерилась, не глядя.

*

– Адски надоело думать только о том, в каком порядке тарелки с посудомоечную машину загружать. Не для того на свет родилась.

– Хы. А ты и не грузи. Под кранчиком мой, ручками, с мочалочкой. Или забыла, как это делается? Вот у нас посудомоечных машин нет – видишь, какая духовность, зашкаливает.

– Вообще-то и у меня нет, – сдулась Маргарита.

*

Бабки жили на Насесте, отделенном от города Окружным шоссе, узкой полосой Шиш-Горелого леса и Жирным прудом. Насест был козырно расположен – место прозывалось Горбун-Горой, так что бабкина слобода в некотором роде возвышалась над городом.

Вратами Насеста служил неравнобедренный пятиугольный двор. На фасаде одного домика – эркер с подклеенными изолентой витражными стеклами, на крыше другого – белая ротондочка с деревянной крышей, между третьим и четвертым – арка с круглыми окошками, пятый вдруг – нежного салатного цвета, а в центре двора – фонтан-тюльпан, ну сухой, конечно. Дальше шли деревянные дома за глухими заборами, в которых таились неприметные калитки. На перекрестках ярко голубели свежекрашеные колонки.

Бабки были разные, преобладали вредные. Так, скажем, подозрительная бабка Мартемьяновна, если кого угораздило спросить у нее дорогу, замахивалась палкой своей

– якобы показать направление – и ловко попадала вопрошающему в лоб. Ухоженная бабка Карл-Фридриховна – всегда с белой сумочкой, в белой панаме и с белой мышью по имени Нинель на белом поводке – имела привычку по утрам кататься на автобусе по Окружному шоссе, гоняя неприглянувшихся пассажиров: «Это мое место, я тут всегда сижу, неужели непонятно?», «Если вам уже выходить, зачем садились? Две остановки можно и постоять, а лучше пройтись – хорошие люди ходят пешком», «А моей компаньонке кто место уступит?!» После неизменного визга «аааа, мышь-крыса-спасите-помогите», спорадических обмороков и воззваний к водителю насчет того, что домашним питомцам отдельных сидений не положено, Карл-Фридриховна с Нинелью все равно восседали на двух лучших местах в автобусе, и вокруг них почтительно пустела полоса отчуждения, а водитель уже мечтал эту прихотливую компаньонку на подъездах к остановке ненароком задавить, но Карл-Фридриховна держала ухо востро, а Нинель – на руках. А скажем, бабка Аристарховна, стоило соцтетеньке-на-побегушках привезти ее всегдашний продуктовый заказ – нарезной батон и салат из морской капусты – с опозданием на 10 минут, нарочито долго шла на звонок, потом еще, сколько могла, возилась с замком, а открыв, наконец, дверь, скорбно смотрела нерадивой чернавке в переносицу и роняла: «Вы еще помните, что я тут живу? Ну, хорошо». Соцтетеньки на Насесте долго не задерживались – увольнялись куда глаза глядят.

И вообще, никто не знал наверняка, живые ли бабки живут на Насесте или же туда переселяются из города уже умершие гражданки.

*

Или так. (Иногда и сама Ляля рассказывала конопатым близничкам малые сказочки.) Жила-была очень хорошая, очень лучшая водонапорная башня, и ее все любили: и холодная вода, и горячая. Только вонючая вода ее не полюбила.

А то и так. Жил-был большой кран, он рос прямо из земли. А потом так случилось, что он упал и ушиб ногу. Вот такая тонкая сказочка. Я могла бы ее плохо рассказать, но я ее рассказала хорошо.

*

Против Насеста через Жирный пруд расположилась Подклеть – рабочий поселок кирпичного завода, вошедший в город под именем Пролетарского района. Кирпичи на том заводе делали из прессованного птичьего помета, получаемого с птицефабрики. Довольно, надо сказать, вонючего. Из достопримечательностей имелась старая красно-кирпичная церковь с каплевидными завершениями сдвоенных арочных проемов – она сохранилась еще с деревенских времен, но давно была отдана под склад – и гигантский пустынный стадион.

Были в Подклети неформалы. Они сиживали под голубым вагончиком на сваях, пили фиолетовую воду, тренькали на сковородках. На вагончике красовалось – с одного боку: «Выстоим – пусть подавятся нашим будущим!» – и с другого: «Да отвяньте вы от нас ради бога!»

Еще в Подклети, как ни странно, существовала библиотека. Без книг, зато с библиотекаршей. Нина Арнольдовна когда-то писала диссертацию по «Синим рукам» – уездному кружку поэтесс начала века. Они, впрочем, все, кто не сбежал в Крым, по очереди сгинули в Веревочкиной усадьбе, а кто сбежал – сгинули в чекистском подвале на берегу Черного моря – за парижский прононс, говорение стихов, курительную бумагу и карманные евангелия. Кроме самой юной из них, нежной шестнадцатилетней Зиночки, спасенной палачом и прожившей с ним в видимом благополучии четверть века, до самой его смерти, внутренне же не то что расстрелянной, а повешенной, колесованной, четвертованной, сожженной заживо на медленном огне вины и воспоминаний. И Нина

Арнольдовна от расстройства нервов диссертацию писать перестала, а пошла работать в библиотеку, хотя полагала, что работать там ей невместно, как и вообще проживать в сем недостойном ее районе сего не менее недостойного города.

– Когда я смотрю из окна на эту, с позволения сказать, архитектуру, – с деланой вялостью произносила она, – я могу только безмолвствовать. Мне жаль людей, чей взор, как говорится, навеки обречен на этот пейзаж, другого они не видали и не сподобятся впредь. У таких людей встречается ощущение кармической принадлежности Куриной Слепоте, а я, поймите меня правильно, тут случайно, мое место – я так мыслю – затерявшийся среди сосен литфондовский дачный поселок на ветреной Балтике, с приталенными башенками и резными деревянными верандами, потихоньку превращающимися в труху. – Но вы же тут родились! – возражали ей. – Так и родилась, собственно говоря, случайно.

Впрочем, говорить ей было особо не с кем – лишь, бывало, с попутчицей в поезде из Белорезиновой или из облцентра, куда она выбиралась на ежегодные съезды библиотекарей, – в библиотеку к ней никто никогда не заходил, разве что неформалы, смущаясь, просились в туалет. Тогда со всхлипом открывалась входная дверь, зеленую полутьму муляжных корешков разбавлял серый уличный свет, под тяжелым вьюношеским ботинком обязательно звенела выбитая плитка, а из ларька через дорогу издевательски бравурно влетало про недельку до второго и балтийскую волну, дюны-скалы-общественные начала и воскресную электричку на краешек земли.

Жители окрестных домов не раз задавались вопросом, почему библиотеку никак не закроют. Нельзя исключать, что у Нины Арнольдовны имелась где-то рука, спина или крыша. А возможно, власти давно смотрели на это заведение как на филиал Веровочкиной усадьбы, одноместную палату, так сказать. Но наверное не знал никто, а болтали, как водится, разное, часто и пустое.

*

Бабки недолюбливали Подклеть. Не то что недолюбливали – презирали. От избытка презрения даже жалели. Бабка Артамоновна говорила:

– Когда поселок тот только строился, там плиты стали находить могильные. Мы-то знаем – сами видели.

– Так что ж там – кладбище было?

– А то. Оно самое и было. Деревенское. А они поселок на нем построили и плиты эти как камни на стройке пользовали – в фундамент там покласть, туда-сюда.

– И что теперь?

– А ничего. Только вот в этих домах-то поселковых, что на костях стоят, в каждом есть квартира, где что-то неладно. В одном ребенок прирос к велосипеду – так и живет, сиам-друг с велосипедом, в другом муж утопился, в русалку превратился, и так все пошло-поехало. В третьем повесился мужик, что работал в администрации кирпичного завода, повесился на чулках любовницы-секретарши, а в четвертом жили врачи-хирурги, оба умерли одновременно, как-то так попало. Говорят, скальпелями друг друга зарезали. Другие говорят, вилками закололи, десертными. Люди интеллигентные, надо понимать. Потом, значит, следующий дом – там дед ехал на машине, ехал-ехал и уехал на Кудыкину гору, а дочка и внук мухоморов перекушали и теперь слишком веселые ходят, а дальше – там женщина больная на всю голову – в космос летает.

– Ужас какой. И никто не пытается оттуда сбежать?

– Неа, живут себе дальше.

– А на другом берегу Жирного пруда?

– А что? Что на другом берегу? Ничего там нет. На другом берегу все нормально. Совершенно нормально. На другом берегу мы живем.

*

Крах, никому ни слова, тихой сапой пролезла на Насест и за неведомую мзду заказала бабкам слух пожирнее – что, мол, Мамаша скупает землю, всех выселяют и начинается, в общем... – Конец света начинается, чего тут думать, – подытожили бабки.

Хозяйки слухов и сплетен из чистой преданности своему мастерству были готовы поначалу поверить в долг, и на выходе с Насеста Крах уже, с немалым изумлением, пожинала плоды своего заказа. Мимо нее сновали бодрые бабки-молодки, шушукались, охали, ахали и указывали перстом то в закатное небо, то вдаль, в сторону города.

На доске объявлений возле помойки висела бумажка – уже не первая, написанная под фиолетовую копирку:

Внимание-внимание!
Насест предупреждает: Куриной Слепоте угрожают верные признаки конца света.

Первое – совпадение литер: КС и КС.

Второе – необыкновенная жара и сухость, стоящие аж с апреля.

Третье, в связи со вторым, – в окрестностях города горят торфяники, чего не бывало уже лет 40 – бабки не припоминают.

Четвертое – в западной части города наблюдается появление рыжих летучих тараканов, кои, как известно, не к добру, хотя и видны далеко не всем.

Пятое – поседели голубые ели в сквере у горсовета.

Шестое – авария на ГЭС, она хоть и случилась в прошлом году, но мы лишь намедни прознали.

Седьмое – до Куриной Слепоты стал доезжать новый поезд, ради коего нынче на час опускают шлагбаумы, а он проносится с дьявольской скоростью и шипением и безжалостно убивает бабочек и стрекоз.

Для первого предупреждения достаточно.
Бойтесь человека по прозвищу Мамаша и не впускайте в уши слова ея.

Крах как прочитала, так и села, сама не поняла на что. А тут как раз к мусорному баку пришла его ежедневная собеседница, воннегутная старушка – субтильная и белоголовая, в огромных башмаках и с квадратной зеленой сумой через плечо, и говорит так раздумчиво:

– Слышь, бачок, времена-то сменялись, новый курс партии и правительства, курс на трубы и печати, крейсера и броненосцы. Загибается Курья Слепота, да туда ей и дорога, задохнется, как пить дать, от этого дыма. Дела-то пошли совсем не для протоколу. Черных кошек развелось что тараканов. Крапивой все поросло, и как жжется – никогда раньше так не жглась. Собака, говорят, уродилась с двумя хвостами, это ж надо. Хозяева со страху выгнали – живет теперь у стекляшки на площади. Главное – бронзовый трубач, помнишь солдата-трубача у автостанции – махонького трубача на огромном постаменте от памятника купчихе Кокошкиной, городской благодетельнице, что в 20-м году своротили? Всем добрым людям известно, что когда этот трубач затрубит, верный конец городу настанет. Или то не трубач, а гипсовый горнист на аллее горсада? Запамятовала. Но помню, еще молодая была, а бабки подотошнее уже таскались по утрам послушать: трубит аль нет. Затрубит, слышь, затрубит, а потом трактор накатит, прогрохочет, гусеницами разровняет – и не будет города Курья Слепота, будто и не стояло его вовсе. Зато возгорятся звезды на знаменах, и приидет Царствие Мавзолея Бабы-яги. Такой мавзолей тебе, бачок, и не снился, не тебе, ржавой зеленой железяке чета: из ясписа и чистого золота мавзолей, с двенадцатью жемчужными воротами. Ворота те не запираются днем, а ночи там не будет.

Да как же это так, – недоумевала Крах, чувствуя, как гортань ее постепенно обклеивается наждачной бумагой, а руки влажнеют, – как слух о конце света мог обогнать ее – своего автора? Или – или бабки и сами, по своим каналам, про Мамашу знали, а знали потому, что все это взаправду, а не понарошку, и она, с трехэтажным своим планированием, прекраснодушно, как только могла, взяла и сгубила родной город? Алле, само собой, доверять ни разу нельзя – та запросто могла рассудить, что Куриная Слепота ей по зубам. Небось про себя поглумилась над ее старательным лепетом про отвлекающие маневры, услала ее восвояси и уже вовсю прикидывает-намечает: и усадьбу с портиком, и конюшню, и каскадные пруды, и вертолетную площадку – где-нибудь на месте их школы.

Чудовищнее всего – подумают, будто жопу рвала и родные хаты сожгла, чтобы повышение себе выканючить, бабло в толстом конвертике и кожаное кресло в кабинетике напортняжить, а она – всего-то чаяла снискать быстрый острый взгляд из-под щегольских ресниц: ого, мол, умница, неплохо соображаешь, благодарю.

И, как ни позорно, побежала превентивно плакаться девкам.

*

Крах всегда срезала под мостом через пути, хотя от тамошней травы-по-пояс немедленно вспыхивала аллергия, заставляя ее обливаться соплями и до дыр чесать глаза, а главное – променад вдоль насыпи считался делом небезопасным. Благонравные мещанки ходили там разве что с собакой, желательно крупной, зная, что прогулка без дога может стать им излишне дорого. И не то чтобы Маргарита не боялась – дико боялась, каждый раз воображала, как где-то там, под насыпью, во рву некошеном, у самой тропинки, ее встретят прыщавые отморозки в майках и тапочках, с подбитым глазом и куском арматуры в растатуированной руке. И заставят ее прыгать через рельсы перед истошно гудящим локомотивом и кричать «кукареку». С восьмого класса трепетала этой тропинки и с восьмого класса ходила только по ней.

*

– А что, у автостанции разве бронзовый солдат-трубач? – скептически уточнила Подколодная. – Там голуби так все загадили, что не то что трубы – самого солдата, если не знать, не заметишь.

– Я зато наблюдала там тетку-кондукторшу, которая автобусы отправляет. Каждый раз, бедняжка, садится на место водителя – всё надеется, что и ей дадут порулить, – ан нет: приходит водитель и выгоняет ее пинком под зад.

– Я все ж таки думаю, у него там не труба, а винтовка, – не успокаивалась Подколодная. – Труба-то ему на что?

– Ну как, труба зовет – смелее в бой, так вроде в песне поется.

– Гхм, – отрицательно хмыкнула Подколодная.

– Просто у тебя, Зина, чувствительности к музыке нет, – холодно заметила Крах.

– Ага, а семь классов музыкальной школы не хочешь?

Туся забеспокоилась, что назревает стычка, и попыталась предотвратить:

– А посмотрите, вон там, с верхнего этажа, тетка мечет голубям пшено – с волейбольным размахом.

– Туся, у тебя мозги скрипят от усилий, как бы сменить тему.

– Да не, это лифт скрипит. Скрипит, старенький, надрывается за панцирной сеткой.

– Тусь, окстись, какой лифт – ты в четырехэтажке живешь!

– И то верно...

*

Бабка Феоктистовна рассказывала. У мамки ее кура была любимая – Пёздушка. И вот однажды, когда сама Феоктистовна направилась вроде как в школу, а по дороге

свернула на пруд – лед ковырять, Пёздушка снесла вытянутое, как огурец, и притом крапчатое яйцо. Мамка аж соседок созвала – дивиться. Разбила его, а внутри – пустота. И ровно через три года, три месяца и тринадцать дней, в воскресенье значит, началась война. Во как!

*

Крах так забоялась, что все окажется правдой, ее проклянут, да и сама себе никогда не простит, что думала уже, то ли ехать бухаться в ноги Алле, то ли бежать куда глаза глядят. За этими раздумьями совсем запамятовала про бабкин гонорар – он, как оказалось, исчислялся в тридцати курах-гриль, – а может, и нарочно не стала платить, надеясь задним числом отмыться от всей истории. Бабки за это слух враз приостановили, а ее саму изгнали.

В одно прекрасное утро к Маргарите явилась Власть. Власть была в новенькой фуражке и при блестящей кобуре, пахла кожей и дешевым табаком.

– Предъявите ваш доку́мент.

Марина с гримасой протянула паспорт. Власть взяла.

– Предъявите ваш доку́мент.

– Так только что предъявила же.

– Да-с? И где же он?

– Эгей, вы со мной не шутите.

– А я и не шучу, гражданочка. Без доку́мента вы в городе Куриная Слепота проживать не имеете права. Так что съезжайте с квартиры-с и прямиком на вокзал-с.

– Я буду жаловаться!

– Да ну?! Кстати, у меня и жалоба на вас имеется, и вот (покопавшись в планшетке) – целых тридцать подписей под просьбой выселить вас как вредный элемент.

Марина, чертыхаясь, пошла собирать чемодан. Тогда Власть культурно осведомилась, можно ли позвонить, и сказала в трубку:

– Все готово, Ба.

*

Крах, натурально, была вне себя. Вне себя была и Мамаша. «Шума подняла много, – она не предложила Маргарите присесть, даже не посмотрела на нее, – ворковала красиво, а толку ноль, один пшик». На этом из фавора Крах выпала. А что на самом деле Мамаша планировала в отношении Куриной Слепоты, так и осталось неизвестно.

В отличие от гнева Аллы Емельяновны, с которым Крах ничего сделать не сумела, гнев бабок она утихомирила. Переборов свою злость на них, она собралась с умом и совестью и накропала про курьеслепотинский Насест, про глубинную мудрость, голубиную кротость и бескорыстную доброту его насельниц сладкую статейку, и по знакомству пропечатала ее в толстом глянцевом журнале, и отправила журнал заказным письмом в большом крафтовом конверте на Насест. Бабки, по неведомой причине чтившие печатное слово, почувствовали себя уваженными и польщенными, вслух друг дружке читали да умилялись. И теперь Крах не боялась вернуться.

– К большому сожалению, – добавила Подколодная и заказала еще 50 грамм.

*

Или так.

Маленькая дрянь, нахально лыбясь, плескалась в манной каше и облепляла окружающих теплыми плевками. Окружающие вышли из себя и спустились во двор – ходить гурьбой вокруг помойки и кидать вверх сердитые взгляды.

– Дрянная мелочь, – выкрикивали они, – хватит выкозюливать! Мы хотим спокойно

посидеть на кухне, попить крюшон. Убирайся в кроватку и не забудь прежде вымыть за собой тарелку.

Мелочь поковыряла в носу черенком изюмины, отряхнулась и улетела в трубу. Потому что сколько ж можно такое терпеть. Никаких сил человеческих не хватит. Что ж теперь, не жить, а?

– А куда, куда она улетела? В космос?

– Зачем в космос. Так, на крыше посидела с трубочистом, цыгарку выкурила незаконную, замерзла и вернулась обратно. А что ж теперь – за трубочиста замуж выходить, что ли? Он большой и грязный.

– А почему, почему ее звали маленькая дрянь?

– А так. Маме нагрубила маленько, вот и прозвали.

– А что, что сказала-то?

– А ей прическа мамина высокая не нравилась, вот и брякнула: волосы, мол, все соки из головы высосали – и мозги твои усохли.

*

Уже и задобрив бабок, Крах долго не являлась, потому как пребывала в лютой войне с консьержкой и отъезд ей представлялся бегством с поля боя. Та как-то выговорила Маргарите за невытертые ноги в дождь, и с того момента Крах перестала с ней здороваться и копила жалобы в домоуправление, которые, впрочем, трусила отнести. Консьержка – та вряд ли понимала, что с ней воюют, ну и что с того. Однажды, подходя к дому в сумерках, Крах издали заприметила на лавочке консьержку: с идиотской бабеттой, в разлапистой телогрейке – несомненная консьержка. Пройдя бочком под окнами и с облегчением попав в подъезд, Крах уперлась взглядом в консьержку, как ни в чем не бывало восседающую в своей будке. Специально раздвоилась, сука неприятная, решила Крах, чтобы меня довести.

Вскоре после своего фиаско Крах, знамо дело, лишилась работы. Пыталась представить это событие давно ожидаемым и чуть ли не желанным, по-правдашнему она мучилась и казнила себя немилосердно: молодец, Мариночка, полностью оправдала свою фамилию, потеряла не службу-дружбу, а всю себя: ну кто она теперь? Разве что уроженка Слепоты – больше нечего предъявить консьержке, городу и миру.

В те дни Крах с резвостью обезглавленной курицы, мечущейся по двору, бросалась к телефону с фальшивой звонкостью опрашивать знакомцев насчет работы, либо скрывалась от себя в магазинных толпах, шатаясь без дела меж витрин и шарахаясь от манекенов, либо сидела в туалете и мрачно таращилась на разводы кафельной плитки, опознавая в них то закинутую голову Нефертити, то в основном кукиш с маслом – разумеется, прогорклым.

Каждую ночь Маргарита ложилась и долго нюхала подушку, скребочком выскребала из головы все мысли, ибо не было ни одной безболезненной, и пинками загоняла себя в сон, и каждую ночь – а ведь уже месяц прошел с того неприятного звонка, полученного ею, полураздетой, а потому еще более униженной, в поту и тесноте магазинной примерочной, – ей снилась Алла, тем или иным путем дезавуирующая свое жестокое решение. Во сне выстраивались причудливые, немыслимые наяву бюрократические или психологические лабиринты. Ходы никогда не повторялись: излишне суровый, но не прощальный реприманд, уход от налогов, желание сблизиться вне служебной иерархии, испытание лояльности, – итог был един: увольнение оказывалось фиктивным, гармония восстанавливалась. Утро приносило разочарование и стыд – Крах весь день презирала себя за слабость и зависимость, а ночью видела все заново.

От нервов на ней завелись мелкие хитрые существа – три гномика-девочки Вишь, Слышь и Знашь. Так они сидели смирно, но стоило Марине уйти в свои фантазии, как

гноми́чки выскакивали из укрытия и выдергивали хозяйку обратно в невыносимую действительность: «вишь?» – пищали они, больно щипая ее за веки, «слышь?» – висли на мочке уха, «знашь?» – буравили висок и заползали в волосы.

Ее собственное злополучие совпало с распадом окружающего ландшафта, самым уместным словом для описания которого было «чудовищно». Белорезиновая ежедневно ошеломляла новыми свершениями на ниве несуразного вредительства. Косари выкашивали траву в ноль, оставляя одну пыль. Стоило начаться ливню, откуда ни возьмись являлись поливалки, оранжевой шеренгой перегораживая проспекты. За несуществующей надобностью ежедневно вскрывали асфальт, вскрывали днем и клали ночью, утром вскрывали снова. Сносили особняки с кариатидами, взрывали купольные циркообразные рынки, зашторивая пустоши трехметровым забором. Вырубали яблоневые сады, замащивали серой плиткой газоны. В газетах печатали зловещий делирий такой густоты, что голову изнутри распирало ужасом и приходилось изо всех сил сжимать виски ладонями.

Вскрывали вырубали сносили истребляли пугали закрывали запрещали долбили воняли хамили гнали держали вертели обижали ненавидели.

Вокруг вновь заговорили про языческую богиню Поравалить – манящую, пьянящую, смелую и свободную, с факелом в вытянутой руке, и в то же время – шаткую, мутную, призывно звенящую монистами, но отводящую насурмленные глаза. Крах тоже заговорила было – и бросила, и возненавидела ее и всех ее адептов, и запрезирала себя, ибо потянуться за богиней однозначно понималось как смелость, принципиальность, целеустремленность, отвернуться же от нее – как трусость, ленность, никчемность, ведь для того чтобы не говорить даже – просто думать о любви, так сказать, к родной стране, языка давно уже не имелось – извели.

– Чудовищно, всё чудовищно, – тоскливо думала Маргарита, закрывая окна от дрычания отбойного молотка и сжигая в унитазе газету за газетой. – Поравалить. От этого слова у нее сбивалось дыхание и ломило поясницу, и требовалось срочно налить чаю и что-то жевать, жевать. Валить *туда* у нее не хватало пороху, и, в ужасе застыв на столичном гребне, она переваливалась обратно и уезжала в Слепоту.

Там за безденежьем асфальт не перекладывали, а газеты читали какие-то другие.

*

В липкой жаре резались в карты, кивали пожухлые ноготки, Хмырь Хмырич через бутылочное стеклышко выжигал неприличное слово на березовом бревне.

Чай закипал в чашке, выставленной на солнечный подоконник.

Вконец замерла торговля в окрестных полуподвальных магазинчиках, и без того работавших по неведомому графику. Была там лавочка воздушных шаров, магазин «Невинный» – пиво в розлив, ремонт обуви «Подкаблучник», рыболовные крючки под перспективной вывеской «Дары природы» и анонимная дверь, крашенная зеленой краской и неизменно запертая на массивный навесной замок, хотя, как говорили, ночью оттуда пробивался свет.

Из окна первого этажа всегда смотрел Коля. Что он себе думает и сколько ему лет, было совершенно непонятно. Когда он не сидел сиднем на подоконнике, то обегал окрестности, нежно поглаживая машины, проникновенно заглядывая им в фары.

Из туалета все время тянулся тонкой струйкой тошнотворный запах – там гадили вонючие лиловые гномики, и Ляля предпочитала ходить в кусты. Гадили они, возможно, потому, что Туся как-то выкинула на помойку старую половую тряпку, а гномики полагали, что это не тряпка вовсе, а их коллективная мантия, и, единодушно обвинив Тусю в бездушии, принялись мстить.

***

Поутру, когда поезд, приближаясь к городу, огибал огороженный краснокирпичной стеной ансамбль местного дурдома, в сон Крах бесстыдно вторгся оживленный разговор ее попутчиц. Дурдом этот, под народным названием Веревочкина усадьба, стоял невдалеке от Насеста, на Загородном шоссе и служил такой эзотерической местной достопримечательностью, где никто не бывал, но все имели что рассказать. Тетка с нижней полки делилась какой-то, по-видимому, давней историей:

– ...Пожарская жила в отдельном флигеле, Лидия Меркурьевна к ней каждый день ходила и сама была близка к тому, чтобы туда загреметь – очень винила себя и не ночевала дома, а по знакомым. И каждый вечер у нее начинался невротический кашель – у меня у Лорочки такой был, я полгода его лечила – ни с чем не спутаю: начинает кашлять – и на два-три часа, и так каждую ночь. Знакомые эти, у которых она ночевала, уже дошли до ручки, были рады ее саму в психушку сдать. Пожарская же мечтала по выздоровлении забросить стихи и чтения и отправиться в Евпаторию – ухаживать там за Сердцеедовой, прикованной к постели после рождения дочери и растерявшей всю гвардию своих поклонников, – вот там, говорила, я нужна. Пожарская была сектанткой...

– А я знавала последнего местного сектанта Флор-Федулова. Он после того громкого дела, помните, когда на него повесили подстрекательство к изуверскому убийству, которого и не было вовсе, отсидел десять лет, потом вернулся, еще сказки писал, такие добрые и неоднослойные, разумеется. А дочка его в монастырь ушла. И еще одну помню девушку, из параллельного класса, тоже ушла в монастырь. Родители были в трауре – как умерла дочка: тапочки стоят, всё на месте, а ее нет. Она до того служила лаборанткой в краеведческом музее – такой был рассадник сектантства, говорили, они там с палкой-копалкой и чучелом глухаря обряды устраивают. Я, впрочем, была знакома с его заведующей – весьма интеллигентной дамой. А девушка та не просто в монахини ушла, но и подобрала монастырь себе подальше, чтоб уж никто к ней ни-ни, – в Красногребешке.

Тут в беседу двух интеллигентных теток встряла молодая дебелая клава, которая до сих пор, высунув от усердия язык, красила ногти, упрямо преодолевая качку вагона:

– А знаете, у меня там, в Красногребешке, у подруги дача, купила лет 5 назад, я как не одобряла, так и не одобряю – горбатится она там все лето, и домишко жалкий, и участок кривой, и подъезд неудобный – в общем, не было у бабы забот – завела себе, теперь вкалывает в него, а все не в коня корм. Ей, правда, муж помогает – не то чтобы она была совсем одна с этой дачей. Бывший муж. А его нынешняя жена – ветеринар, и удивительной доброты женщина: много лет в профессии, а по-прежнему любит животных – когда операции делает, очень ей их жалко, прям режет и плачет, режет и плачет.

– Я тоже раньше плакала, – внесла свои две копейки ее зеленоволосая знакомка из соседнего купе, – у меня же были две черепахи – умерли в своей коробке, потом еще одна, чужая, – сбежала на даче, собака – черный пудель – сбежала, кошка черная – сбежала, попугайчик улетел, две канарейки – подохли. Я тогда считала, что это моя вина, что подохли, и порезала себе пальцы бритвой и их зеркальца в клетках кровью вымазала, как бы искупительная жертва, что ли, а мама подумала, что, значит, они не сами умерли, а кошка их задрала – тогда она еще не сбежала. Бешеная была, как электровеник: по занавескам скакала и на люстре раскачивалась.

– У меня, кстати, подруга очень любила кошек и оттого тоже ветеринаром хотела заделаться, выучилась даже и проработала пару месяцев, но дальше не пошло – теперь шапки вяжет и продает, с претензией шапки, для красивых деток богатых тетенек. У нее со вкусом всегда было все в порядке, даже при прежней бедности. В таких сапогах отменных ходила – где их только брала, но, хи-хи, без трусов – по молодости никогда не носила.

– Кстати, о трусах...

– Да закончится это когда-нибудь или нет! – не выдержала Крах и поднялась на своей верхней полке, впечатавшись головой в потолок.

Поезд заходил в дебаркадер Куриной Слепоты-2. Динамики на перроне журчали про то, как колотится сердце и сердце балу́ется, про адрес, который не Дон и не курица, и про дрова по полю, и запах йода на дальнем с танцами пруду, и море босяков.

*

Или так. Давным-давно людей было мало, но было много врагов. И эти враги нарочно навыращивали всего, намастерили всего, напокупали всего – в общем, сделали так, что всего-всего стало много, так много, что перестало помещаться на земле. И кое-что понемножку скатывалось с земли и терялось. Так скатились и потерялись яблочки фимифи – очень вкусные, как клубника с мороженым; пропала такая одежда удобная бисли – одновременно джинсовый сарафан и шорты; канули в космос быстроциклы – они ездили как самокаты, но со скоростью ракеты, даже быстрее. Без всего этого земля обеднела. А разное другое, чтобы не скатиться и не пропасть, решило лучше уйти под землю. Так возникла Страна подземных бутылок, Страна подземных сыров и Страна подземных фонарей.

*

Крах приехала в Слепоту злее, чем обычно, усталая, будто тянула паровоз на себе, что твой волжский бурлак, и, примяв шишку на лбу мокрым полотенцем, уснула прямо в кресле. Снился ей неприятный разговор в зашторенной комнате, на массивных стульях с высокими прямыми спинками, в котором Подколодная чехвостила ее, припоминая, как она будто бы все детство какала в реку за камышами да ставила подножки бабушкам, с сумками-тележками выбирающимся из троллейбуса, предрекала ей судьбу городской сумасшедшей, философки-алкоголички и говорила проникновенным шепотом: «...и никуда ты теперь отсюда не денешься, потому что поймешь, что отсель ходу больше нет, из одной речки два раза не выйти».

Просыпалась она под возмущенное стрекотание Туси, которому положил конец скрипучий, но беззлобный вердикт Подколодной: «А в жопу ее!» Туся, бедная, гуляя с Лялей по Тихому Парку, попыталась зайти в сортир – стоит там кирпичная такая кубышка с дурным запахом. Только дверь оказалась заперта, а рядом на колченогом стуле тетка сидит, гетры вяжет. – Извините, пожалуйста, – лепечет Туся, изнемогая, – а что, туалет закрыт? – Конечно, закрыт, – говорит. – Кто ты такая, чтоб в туалет ходить?

Такие дела.

– Чем обязаны на этот раз? – доброжелательно поинтересовались подружки. – Зачем пожаловала?

– А так, – усмехнулась Крах несколько натянуто. – Вас посмотреть, себя показать. Погулять на природе, подышать свежим воздухом.

*

Приезжая в город детства, Крах вечерами ходила на пустырь за Городской Свалкой, молиться. Надежное одиночество ей гарантировали, с одной стороны, несчетные гряды самой свалки, куда многие захаживали, но никто не одолевал ее насквозь, с другой – сплошная линия гаражного кооператива с торчащими кое-где терасками голубятен. Ранним летом пустырь подергивался зигзагами темно-розовой гвоздики, среди нее возвышались кротовьи кучки, и под одной из них, если срыть землю, обнаружилась бы дырка, ведущая в совсем другое место. Поздним летом там бурлили заросли темно-желтой пижмы и лилового чертополоха. Рядом с вульгарным эйфелем старой радиомачты

располагалась ни к чему не годная площадка, выложенная бетонными плитами с остатками ржавых петель. Меж плитами пробивался мох и порыжевшая от трудной жизни трава. Там же валялось несколько смятых автомобильных покрышек. Трещали сверчки, угасающее небо перечеркивали самолетные маршруты. Крах не спеша выбирала себе символический предмет поклонения (напрямую к Бабе-яге обращаться было не принято) – смятую папиросную пачку, осколок кирпича, россыпь мела – и совершала ему возлияния «Буратино» либо «Байкалом». Роль демонов – опричников Черной курицы исполняли бездомные собаки, лаявшие в некотором отдалении. Собак Крах побаивалась.

В последнее время к Маргарите на пустыре всегда подсаживалась местная болотная кикимора Асенька, а иногда за компанию с ней и веселая вдова водяного Аллочка. Одна ласково спрашивала: «Че понаехала, коза?» Другая теребила подол какой-нибудь Марининой шмотки и клянчила: «Зыко-шикарно, я тоже хочу такую, привези мне, привези». Но Маргарита позвоночником чувствовала, что на самом-то деле говорят они ей совсем другое – вязкое, им самим ненужное, из области «просили передать», только не могла разобрать, что.

Но приехала Крах, понятно, не на пустырь ходить. У нее опять был новый, с иголочки, план – успела измыслить по дороге. На этот раз план ее имел прямое касательство до Вички.

*

На Городской Свалке проживала когда-то – а может, и по сей день проживает – Зеленая Машинка. Ее находил конопатый Мишка, сосед Подколодной, когда с папой рыскал по свалке в поисках суррогатов запчастей для того-сего-всего – на предмет починить унитаз, птичью кормушку сладить или венчик для взбивания яичного белка. Потом двоечник Заиграйкин рассказывал, что эту машинку ему принесла его прижимистая бабушка в награду за честно заработанную (читай: лихо вписанную в дневник по дороге) тройку. Зеленую Машинку видели в школьном дворе и на детской площадке, в горсаду и на автостанции, у торговых рядов и даже за «Детским миром» на улице Красной Сони, в компании самых разных хозяев. Находя ее на свалке, люди думали: какая хорошая машинка, почти новая, колеса на месте, кузов поднимается, дверцы кабины открываются, даже зеркала заднего вида есть и выхлопная труба – почему же ее выкинули, вот дураки, а мы – не будь дураки – не побрезгуем, подберем ее, помоем – ребенок поиграет. Как потом выяснялось, шутка была в том, что игрушечная Зеленая Машинка вела себя как настоящий Камаз: всеми десятью колесами грохотала по невидимому гравию, утробно рычала несуществующим мотором, извергала клубы черного дизельного дыма и гудела так, что в квартире дрожали стекла, а соседи снизу бросались колотить молотком по батарее. С первыми лучами солнца Зеленую Машинку относили обратно на свалку, где она и поджидала новых находчивых и доверчивых.

*

– А помните Вичку? Как она? – непринужденно спросила Крах за кофе у Туси на кухне, как только Ляля утóпала, наконец, в комнату, демонстративно волоча за ноги по полу свежеподаренную тетей Ритой куклу: «Пейте-пейте свой дурацкий кофе – я мультики буду смотреть. А когда вырасту, буду с вами пить кофе, если вы не помрете!»

– Бедная Вичка, – осторожно и оттого без всякого выражения произнесла Туся, возвращая турку на плиту.

– Чего это она бедная? – с ходу завелась Крах. – Такая бедная, что побогаче многих. И не отчитывайте меня – я в чужой кошелек не лезу, тут не в деньгах дело. Талант, слава, все такое. Только позавидовать можно, а вы ее всё жалеете и носитесь с ней как с богемским хрусталем. Бедная-бледная принцесса на горошине.

– Знаешь, Марыся, у нее талант, да, и все такое, только ты себе всего такого не хочешь, я тебя уверяю. Она за свой талант нечеловеческую цену платит.

Подколодная отставила чашку и ушла в комнату.

– Ой, а я, представляешь, была тут на даче, – затараторила Туся, чтобы сгладить, – собралась было уезжать, ну и оделась уже по-городскому – юбку белую напялила, влезла в каблуки, да пошла в уборную, а тут – гроза жахнула. Так и просидела там сорок минут, как дура. Гром, ветер, сортир трясется, я уж думала – сейчас все рухнет и я в своей белой юбке прямо в выгребную яму и провалюсь.

*

Тусино садовое товарищество располагалось по соседству с бывшей секретной дачей одного страшного деятеля с лошадиной фамилией. По возвращении с постпредства, полпредства и прочих диверсионно-дипломатических миссий за границей он возглавил чрезвычайную комиссию по борьбе с бандитизмом, понимаемым, как водится, елико возможно широко. Вылавливались и царские генералы, переодетые турецкоподданными, и буржуазные министры, переодетые дамами, и безобидные поэты-масоны, и сумасшедшие балалаечники. Поначалу их собирались перетравить новоизобретенным удушливым газом, но в конце концов пошли проторенным путем – в березовой роще за дачей на рассвете расстреливали дюжинами, и подземным водам благодаря местная речка Курёнка Малая нехорошо багровела. По рассказам, летом мамаши, прежде чем отпустить детей купаться, ходили взглянуть на воду и, ежели цвет был не тот, твердо запрещали: «Сегодня опять слили краску, нельзя». Иные модницы, впрочем, незаметно окунались среди камышей, полагая, что «краска» хороша для кожи. При Тусе дача уже пустовала, стояла обнесенная высоченным забором с табличками «охраняется злыми собаками». Все детство Туся с друзьями пыталась туда проникнуть: то лестницу к забору приставят, то с дерева попробуют десантировать – не получалось, пока не додумались сделать под забором подкоп. Ничего интересного не обнаружили. Дача покосилась, окна забиты фанерой, у будки скелет злой собаки, на старых березах много круглых вмятинок.

– Тут родилась моя любовь к родине – тут же она и умерла, – высокопарничала Туся после третьего бокала. – Я помню запах свежего хлеба и нагретой солнцем травы на поле. Мы шли с мамой из совхоза в Тёткине – покупали там парное молоко, встретили стадо коров, мама говорит: смотри, бык идет, а у тебя на маечке вышит красный мак – надо его закрыть. Так я и шла навстречу быку – закусив хрусткую горбушку, прижимая обе руки к груди.

А потом – совхоз распустили, поле застроили, березы срубили. Ну и вообще.

Когда Туся, бывало, брала от станции такси, то, проезжая по загубленному полю, где справа и слева высились покинутые бетонные костомыги, она закрывала глаза и тихо бормотала себе под нос: «Чтоб руки ваши отсохли, голова вытянулась в огурец, а ноги сплелись одна с другой, чтоб дети ваши не видели ничего краше помойки, чтоб враги лютые сожгли ваш дом и вырубили ваш сад, чтоб Баба-яга влезла к вам в память и зачеркнула там ваше детство, как вы зачеркнули мое».

– Когда-то здесь все принадлежало мне, – неожиданно подхватила Крах, – от Жирного пруда до горсада, от Черного озера до старых Проходимчиков. Теперь мой мир сузился до размеров не квартиры даже – моей головы. Но надо же с этим что-то делать, вам не кажется? Бороться!

– Возможно. Только не твоими полоумными методами.

*

На площадке перед школой директриса выстроила всех в две шеренги и отчитывала, все время приговаривая «извините, но». Вичка, в безопасном втором ряду, бубнила «из-

вините, но я слоненок». Туся, стоявшая перед ней, глотала смех, издавая глухое булькань-ье и до боли сверля взглядом асфальт. В конце концов Лимониха ее засекла и выгнала, да еще запись в дневнике и мать на ковер.

*

Вичка Лисица с юности была уверена, что настоящего мира вокруг нее не существует – одно дурилово. Что люди, поговорив с ней, выходят за дверь и превращаются в жутких лиловых гномиков, тонко хихикающих и потирающих лапки, а то и вовсе испаряются. Что, где бы она ни находилась, за ее спиной ничего нет – белая пустота, стоит же ей повернуть голову – все вмиг нарисовывается, а потом снова исчезает. Иногда в этой обманнной системе случались проколы: киоски расставляли не на тех перекрестках, что накануне, путали шрифт на вывесках или бросали некрашеным штакетник, который в прошлый раз глянцевел зеленью. Тогда она снисходительно улыбалась.

В каких бы городах и странах Вичка ни оказывалась, мучения ее не прекращались – даже усугублялись: люди специально говорили на тарабарском языке, еда и вода меняли свой вкус, деньги каждое утро оказывались новые, так что приходилось беспрестанно менять – одни на другие, другие на третьи, а в музеях картины смеялись над нею в голос: то у всех дам распяленные поросячьи носы, то у всех джентльменов волнистые уши спаниеля. Вичка могла бы поклясться, что в своей гостинице наблюдает каждый день одну и ту же мамашу, но с разными детьми, и ходила в полицию на предмет преследования слесарем в мешковатых штанах с надбровьями убийцы – она видела его на своей автобусной остановке, а потом он крутился у сувенирных лавок в Старом городе, где слесарю со всей очевидностью делать нечего.

В общественных туалетах Вичка не мыла руки мылом последние лет десять, то есть с тех пор, как мыло там появилось. Бог его знает, что они туда наливают – в непрозрачные бочоночки, что выдавится тебе на ладонь, какая ядовитая химия, прожигающая кожу до кости. И каждый раз боялась открывать крышку унитаза – там наверняка сидит зеленый склизкий водяной с полными какашечными губами.

Целыми вечерами она могла причесывать свои мохнатые, из овечьей шерсти тапочки.

*

– С детства ее не люблю, – не могла сдержаться Крах. – Отрастила себе длинные ноги и в резиночку прыгала, как богиня, зато когда держала – так и норовила резинку повыше подтянуть и еще как-нибудь дернуться невзначай, чтобы срезать. Еще у нее были такие желтые сандалеты с ромашками, и стоило на асфальте мелками что-нибудь нарисовать, она тут же подскакивала и этими сандалетами все затирала. Мы с ней чуть не подрались. Нет, не из-за сандалет конкретно, а потому что сволочь.

– В общем, сейчас Вичка опять бог знает где, – убежденно машет руками Туся. – Ну и фиг с ней. Ритка, я схожу с ума, нужны идеи: где может быть щетка от пылесоса, ну вот где?! Ни в одном шкафу нету, в туалете тоже нету. Зато нашлась Лялькина нарядная заколка – покупала ей когда-то в подарок, спрятала в надежном месте, год прошел. Надежным местом оказалась аптечка.

Тут Подколодная вернулась из комнаты и вдруг говорит: «А мне Вичка письмо прислала, бумажное, в конверте. Она это делает время от времени, примерно раз в год, примерно после моего звонка. Сначала по телефону наругалась, потом еще отповедь накропала. Устно ей мало показалось».

*

Вичкино творчество было связано с уничтожением. Вернее, оно и состояло в красивом уничтожении разных штуковин; сами же штуковины были не то что некрасивыми,

но, скажем так, неуникальными; главное было – уничтожить. Сначала Вичка сидела на текстиле: ткала хламиды, вязала пледы, плела циновки – и элегантно, в несколько движений, под звон браслетов всё распускала – нити же многослойно наматывала себе на руки, как наручники. Потом принялась строить – из карт, спичек, спичечных коробков, молочных пакетов, пластиковых бутылок, консервных банок, пенопласта, картонных коробок, поленьев, вагонки, наконец. Искусно возведенные без единого гвоздя, клея и иных пошлых скреп северные избы и восточные пагоды, макеты известных башен, дворцов и соборов, храмы несуществующих религий, штаб-квартиры тайных революций и вокзалы невидимых железных дорог на глазах потрясенной публики, перед тем битый час трепетно созерцавшей построение чертога, изобретательно разрушались: струей воздуха из насоса или воды из шланга, огнем или ядром на цепи. При всем Вичкином мастерстве и созидательном таланте зрителей притягивала прежде всего безжалостность творца к своему творению, перевоплощение мастера в вандала. Рука Вички ни разу не дрогнула, глаза ее, наблюдая за полыханием очередной конструкции, светились неземным восторгом, но лишь только сойдя со сцены, она скукоживалась, боялась вытащить кулаки из карманов, по полчаса мучилась в туалете – поносом или рвотой, после чего гнала домой – залезть под подушку и три одеяла и тихонечко скулить до утра.

*

Прежде чем одеваться на выход, особенно если на какой важный, Вичка всегда трижды подбрасывала и ловила скрученные в шарик гольфы – пусть легкая и заведомая, эта победа все же приносила кратковременное успокоение; полоща рот, Вичка поворачивалась спиной к раковине и сплевывала через правое плечо; ботинки зашнуровывала, скрестив ноги; прокручивала чашку вокруг оси, прежде чем начать пить, а заходя в ванную, всегда, зажмурив глаза, отдергивала шторку – вдруг кто за ней. Дела хозяйственные, понятно, до Вички касательства не имели – кроме одного: выноса мусора. Среди прочих неуютных снов, вроде конкурсного рисования тушью на скользком и поминутно меняющем форму животе беременной русалки или попыток скрыть отсутствие одежды ниже пояса в ходе непринужденной беседы на вернисаже, Вичку, бывало, посещал красно-бурый червь-аспид метра на полтора, выползающий из полного помойного ведра, а то и подыхающий там же. Поэтому Вичка исправно бегала на помойку с каждой консервной банкой и каждой горкой очисток; фантикам и оберткам мужественно давала скопиться по три-четыре.

*

Крах внезапно встала и, ни на кого не глядя, направилась к двери.

– Не, ну нормально, а?

– Да ладно, обойдемся без политесу.

Из коридора в унисон со скрипом входной двери донеслось:

– Ну чем вы опять недовольны – надо мне идти, ждут меня. Ежели что – я была в баре «Нашатырь».

– Почему «была»? – не поняла Туся.

– Она имеет в виду, если что случится, если не вернется и ее будут искать...

– Ах ты боже мой. Воображуля.

– Это потому, что бар «Нашатырь», чтоб ты знала, банда наша крышует, «Курья лапка». Непонятно только, при чем Крах к «Курьей лапке», что у них за дела могут быть. Откуда она вообще о ней знает – не живет же здесь. Чудно́. А меня тут припугнуть решили – ну чисто лапкин почерк. С чего бы это.

Туся разволновалась и стала есть печенье. Делала она это обычно так: брала печенье и шла с ним в комнату, чтобы посибаритствовать с кофе в кресле, но съедала уже в кори-

доре и возвращалась за новым, которое постигала та же участь, и так, ходя взад-вперед, могла съесть пакет печенья зараз. Но тут Подколодная не дала.

*

На пике своей удивительной карьеры Вичка – кажется, даже ненарочно – учинила за кордоном такой карамболь, что мало никому, включая ее саму, не показалось, впрочем, повествования об этом происшествии, достигшие наших широт, были противоречивы и вряд ли заслуживали полного доверия. В одном изводе, экстравагантная художница анонсировала новый тип перформанса – «с замещением», и в ходе него построила из кубиков рафинада модель какого-то самого-рассамого музея Старого Света – Тра́станской галереи, Пале-Рояля или же Канцелярии, – но вместо того, чтобы залить свое сооружение теплой водой, как ожидала искушенная публика, она возьми да и подпали саму галерею. Ну, ей дали всё подготовить – бензин там, щепки, факел – думали: искусство, не думали же, что всерьез. Пострадали пара полотен и молодой смотритель. Вичка потом пыталась симулировать то ли непричастность, то ли безумие: «когда эта галерея горела – я у них в парке грибы собирала, подберезовики, в огромный мешок, не могла остановиться», – бубнила она, глядя куда-то себе в губу; но, очевидно, не прокатило. В другой редакции, Вичка не покушалась на подлинники, а вполне законопослушно разрушила собственноручную копию, но выбор прототипа и способа разрушения – какие-то парные небоскребы, пронзенные горящими таранами в форме, кажется, самолетиков, – оскорбил чувства многих людей, и те подали на Вичку в суд. Так или иначе, Вичка посягнула на святое – в натуре либо в памяти людской – и теперь скрывалась от правосудия, требовавшего от нее публичного покаяния и гигантской компенсации. Родной город – в силу его удаленности от всего и вся и вообще принадлежности к прошлому столетию – представлялся ей наиболее надежным убежищем.

Правда, в родном городе ей совсем не нравилось. Она еще в школе решила для себя и сообщила всем, кто был готов слушать, как ей претят его снулые улицы, как дурно пахнут его жители, как тополя перебарщивают с пухом, как торговые ряды избыточно людны, а бульвары мертвенно пусты, небо слишком низко, а облака – жидковаты. Ни одной из этих претензий Вичка не забыла, и теперь ей казалось особенно унизительным тут сидеть – но она не знала, где еще схорониться и кто бы о ней заботился, кроме сестры.

Заморская жизнь, хотя совсем неустроенная, только добавила ей идиосинкразии к тутошнему тому и сему.

– Понимаешь, Зинча, там люди с рождения уверены, что право имеют, оттого и за тобой его с легкостью признают. А тут всю же жизнь свою гребаную пытаются доказать другим и себе, что имеют, а по совести чувствуют себя тварью дрожащей и зря коптящей небо, потому и всех кругом унижают. Одной половинкой попы сидят, дрожа коленями, на краешке стула, другой – хавают все вокруг, главное – чтоб вперед соседа.

– Да ладно тебе. Ты же, Вич, скажем честно, из дома не выходишь – откуда...

– Я – художник, этого достаточно.

С подростковых лет Вичка сохранила склонность к претенциозным высказываниям, выдающим ее постоянное и чрезвычайно внимательное, даже упоенное, наблюдение за собой. «Вчера ночью я пошла в туалет и поняла, что нет, это не мой путь». «У меня иссякли душевные силы носить это пальто». «Когда я плотно позавтракаю, начинаю думать гекзаметром». «Мое детство прошло меж гаражей и гераней (варианты: в компании вшей и алкашей, или: баранов и ветеранов), но я ни о чем не жалею», – изрекала она с напором, с легким истеричным придыханием, и окружающие стоически вперяли взоры в потолок.

*

Или так. В прежние времена в каждом городе в каждом доме у людей жили бегемоты. У каждого человека было по два бегемота! Люди бегемотов купали, одевали, а спали бегемоты отдельно. И когда люди в музей ходили – брали бегемотов с собой. И когда за земляникой – тоже. А потом появились машины, и бегемотов отвезли в зоопарк. Вот.

*

Надлежит оговориться: Подколодная о скандале и судебном преследовании слыхом не слыхивала – думала, на Вичку напала злостная, с позволения сказать, мерехлюндия, к каковой Вичка и вообще наклонна была, вот и приползла она в родные пенаты отлеживаться. Происшествие-то было хоть и громким, и пренеприятным, но не такого уж вселенского масштаба, чтобы о нем писали провинциальные газеты, кричали на улицах и сплетничали в кабаках, а намеренно хлопотать и разузнавать Подколодной и в голову не пришло. Вичка явилась без предупреждения и лишь через неделю соизволила пояснить, что нигде более жить не может, что ей сносит крышу в других городах и странах от слишком частых переездов, что в столице ее извели газетчики и что вообще живет она только ради кошки своей, а так бы давно в воду. Кошка у нее, впрочем, была войлочная, с красными глазами и синим хвостом с кисточкой.

*

Крах же, еще в столице, невзначай наткнулась на эту историю, когда по чистой инерции, без цели и без удовольствия просматривала новости в ванной, где скрывалась от спевшегося дуэта отбойного молотка и газонокосилки. Прочитав, что Вичка Лисица в розыске, посмаковав и быстренько подавив в себе постыдное злорадство, Крах сразу подумала про Куриную Слепоту – залечь на дно Вичка должна была именно там: в Куриной Слепоте не знали про ее подвиги в большом мире, а в большом мире не знали про Куриную Слепоту.

Не найдя лучшей кандидатуры, Крах стала звонить Тусе и загадочно блеять про «найти одного человека, которого давно потеряла, но без огласки и без милиции». Обжегшись слишком больно, Крах положила себе быть предельно осторожной – сжигать мосты и выставлять аванпосты, а потому, выковыривая из Туси помощь, умолчала обо всем. Туся, ничтоже сумняшеся, присоветовала ей «Курью лапку», которую можно было бы, конечно, назвать разбойной бандой, наводящей ужас на мирных обывателей, но столь же верно, что она была знакомой хулиганской компанией – состояли в ней и соседи по двору (Жук), и одноклассники (Жулик), и сантехники из жэка (Хитрожопый Враль), и обратиться к ее услугам не значило навсегда преступить черту и подвергнуться остракизму в приличном обществе, хотя лучше было, разумеется, подобной нужды не иметь. Но Крах имела. И наняла оболтусов и остолопов из Лапки. Те неспешно трясли себе лбами, чем успели разъярить Маргариту донельзя, но со временем все же выяснили, что Лисица в городе, на дне и на мели, живет в съемной квартире, к ней ходит, кормит ее и опекает Подколодная. Только сам адрес они то ли по бестолковости своей не разузнали, то ли, скорее, по жадности не хотели сообщать без дополнительного гонорара, который Крах, в свою очередь, по прижимистости своей не торопилась уплатить. Тем временем Лапка принялась запугивать Подколодную. Казалось бы, зачем? А просто так.

Помимо нежданных подарков в почтовом ящике на Подколодную обрушилась неутомимая череда звонков. Звонили неприлично рано и непристойно поздно, но не брезговали и серединой дня. Звали к телефону Арину Родионовну и Надежду Константиновну, просили передать трубочку Агнии Львовне или Фаине Георгиевне, умоляли на минутку дать Веру Павловну и на секундочку побеспокоить Настасью Филипповну, в

любое время суток беззастенчиво требовали соединить с бухгалтерией, отделом очистки, столом заказов и бюро пропусков и грозили жалобами самой Анне Андреевне.

*

Туся тоже довольно быстро все прознала.

Однажды Подколодная, которая сложнее чая с конфетами редко что в жизни готовила, звонит Тусе и спрашивает:

– А паровые котлетки в один ряд кладут или можно все сразу?

Потом опять звонит:

– Унылое серое месиво получилось. Вонючее притом.

Потом опять:

– Когда их вынимать-то?

– Когда сердцевина приготовится.

– Так это что ж – расковыривать их?

– Только одну, Зина, только одну!

И опять:

– Что-то лук из них вылезает...

– А ты его обратно запихивай!

– Да, ты считаешь? Может, их ниточкой перевязать – чтобы лук больше не вылезал? Или лучше его на клей посадить?

Тогда и смекнула Туся, что Подколодная кого-то опекает, и та вскоре призналась – кого.

*

Вичка преимущественную часть дня и ночи проводила на диване – иногда спала, иногда читала романы. Поскольку с романами у Подколодной было негусто, Вичке приходилось довольствоваться чемоданом книг с антресолей – историзированными приключениями для юношества и кое-чем из школьной программы; еще карманное дамское чтиво поставляла Туся. Туся удивлялась: чего Вичка все время читает и читает, и что читает – либо старье, либо вообще макулатуру. Подколодная объясняла: потому что герои там делают что-то этакое – да хоть что делают, и ей кажется, будто она через них тоже живет, а не просто неделями не выходит из квартиры.

*

В худшие свои моменты Вичка полагала, что лишь она одна смертна, а все вокруг – вечнозеленые везунчики – улыбаются ей и как бы откровенничают, и вроде даже вляпываются, бывает, по самые уши, и тоска их сосет, и страдают вроде, как люди, – ан нет, нелюди все, бессмертные нелюди, и задача их – обманывать ее, вводить в заблуждение, чтобы тем оглушительнее потом поглумиться.

*

Как-то раз, после незадачливых посиделок на дворовой лавочке, Туся, извернувшись скрипичным ключом, счищала птичье испражнение с заднего фасада своей многострадальной белой юбки и услышала за спиной радостный гогот. Веселился кто-то из остолопов – то ли Жук, то ли Жулик, то ли даже Враль. Так Туся узнала, что Крах ищет не любовь своих детсадовских годов и не троюродную прабабушку на киселе, а ни много ни мало Вичку Лисицу. Узнала – и начала трепыхаться, как мотылек в абажуре.

То, что Крах ее развела как дурочку с переулочка, было, конечно, досадно, хотя и вполне в порядке вещей. И что теперь – бежать докладывать Подколодной? Ни за какие коврижки: обругает простофилей, и поделом, а главное – вскроется, что сразу-то она ей про Риткин запрос не сказала, вроде как чтоб Риткино доверие не обмануть, – тоже

некрасиво получается. Но ке фер, фер-то ке? Вичка противная, конечно, но коли Крах ее словит, будет перебор. Та из дому носа не кажет, чтобы людей не видеть, а тут здрасьте-пожалуйста: стальные репортерские объятия. Не сыграла бы в ящик.

Туся полагала, будто Крах хочет загнать Вичку в угол и стрясти с нее большое интервью, что этому интервью Крах прочит недетский успех и видит в нем свой островок масла в молочном кювете, на обочине широкой карьерной дороги, медом намазанной. Так думала Туся – ничего более каверзного она помыслить не умела.

*

Не считая стройной пятиярусной колокольни, пары квадратов безотрадных новостроек на окраине и, возможно, шпиля горсовета, самым высоким сооружением в Куриной Слепоте был деревянный тучерез по имени Едифициум. Кто-то сильно выпендрился, его построив, – хотел, видно, до самой Бабы-яги дотянуться. Для того и крышу сделали ровную – чтоб ступе удобно парковаться, и припаяли к ней франтоватую подставку под трости и зонты – для метлы, значит. Тучерез стоял на двух толстых курьих ногах, содержал тринадцать разновеликих этажей и, поскольку не единожды уже пытался покоситься на разные стороны, подпирался тремя костылями из рельсов. Пока половина красоты не осыпалась, Едифициум именовали пряничным домиком за его резные карнизы, фигурные наличники, расписные ставни, точеные балконные балясины. Только бабки тучерез невзлюбили – за современность.

*

Вся в сомнениях, Туся повлеклась на Насест. Среди небогатого арсенала бабкиных фокусов имелось заклятье куриной слепоты. Наложить его удавалось только в городе, действовало оно там же и сулило жертве не заурядную подслеповатость в сумерках, а невозможность увидеть, а заодно услышать и вообще как-либо обнаружить и опознать того, кого от нее хотели укрыть, или то, что от нее хотели спрятать.

Летним вечером на Насесте благодать, бабки разгуливают парами – кто в шляпках и с ридикюлями, кто с клюками и в платках, беседуют:

– Я знаю все по их закону, как и что. Но туда я не пойду и никогда туда не шла, потому что просить – это не по мне, я придерживаюсь других принципов, прямо противоположных.

– А вот я когда работала на часовом заводе – там всюду часы висели. Ну, если брак какой – у себя оставляли и вешали. На лестнице висели, в коридорах, в столовке на каждой стене, еще и в туалет женский повесили часы – с кукушкой. И лесочку незаметную от кукушки привязали к сливу. Так стоишь там, бывало, без штанов, воду спускаешь, а кукушка эта из своего окошка: трах-бабах, и тебе в попу: ку-ку, ку-ку, ку-ку.

– А вы варенье как варите? Я лично предпочитаю один к двум и кипятить совсем недолго, не более четверти часа – совершенно другой вкус получается, знаете ли. Исключительно деликатный.

– Да ты чё, я к ним ни ногой, они ж как свиньи живут, помои едят, да не едят – хлебают, пригорошнями из лохани хлебают. И живут нечисто, и на руку нечисты – почто ж я к ним пойду? Не, я тута как-нибудь сама уж.

Тусю, проницательно оценив ее вид на «али порчу на кого хочешь навести?», отправили к слепой бабке Ардалионовне. Та была занята у колонки – наполняла водой ведро за ведром, причем справлялась с этой задачей с чрезвычайной ловкостью. На светский вопрос Туси, на кой ляд ей столько ведер, Ардалионовна не ответила, а про заклятие пробурчала, что «мил-человек должон рукой коснуться до перьев слепой курицы али волосьев слепой девицы», и больше ни гу-гу.

Туся поплелась на выход, а Ардалионовна – то ли намекая на неуплату гонорара, то ли просто по грубости натуры – поприжала пальцем кран и окатила Тусю со спины ледяной водой.

В пятиугольном дворе у фонтана сидели на лавочке две бабки, глубоко, казалось бы, погруженные в беседу. Но стоило Тусе приблизиться, одна вдруг возвысила голос и внятно так говорит: «Ради твоей цели потребно упросить дух Рыжей курицы, что живет под городом, а для того – сбросить непорченую девку с колокольни», а другая возразила: «Нет – с крыши горсовета».

Где искать слепую курицу, тем паче – слепую девицу, Туся не знала, скидывать Ляльку – пусть на батут – не собиралась и подавно, а в непорченности всех прочих, что бы это ни значило, сильно сомневалась. Да и вообще не шибко бабкам поверила: зачем доброй Рыжей курицы ради кидать человека? Как – подсунь она Ритке искомый материал – колдовство узнает, кого от нее надо прятать? Верней всего, бабки просто не захотели ей помочь.

*

В дальнейшем Туся для себя объяснила это тем, что бабки больно не любили Вичку. Вичка сама держалась этого мнения и бабок, а более тех – бабок-ёжек, трепетала. Во всяком случае, Подколодная так потом рассказывала. Вичка, мол, говорит: «Так и жду, что узнают, что я здесь, пошлют наказать меня за то, что родной город бросила, уехала удачу искать по иносраным мегаполесьям». Подколодная ей на это: «Так вон же Крах слиняла отсюда, а наезжает временами – и ничего, не наказали ее». «Как знать, – отвечает так раздумчиво, – у Крах голова совсем в другую сторону отросла – может, тем ее и наказали».

Причем в школьные времена Вичка бабками и бабками-ёжками чуть не бредила. Потом говорила, что это был луч света в темном царстве – с ноября по март. В другое время года ей было чем еще заняться. А тут – холод и тьма в семь утра, жидкая каша на завтрак, гладить воротнички, чистить тряпочкой сапоги, просовываться в колготки, заматывать шарф, разматывать шарф, мертвенный жужжащий свет в классе и нигде не порисуешь – ни в тетрадке, ни в учебнике, ни на парте. Радовала лишь мысль о том, что вот тут все так, а где-то неподалеку есть бабки, а над ними – бабки-ёжки, они сидят и хихикают надо всем, и в один прекрасный день можно стать такой же, как они.

*

Или так.

– Жила-была соленая соломка в пакетике. Жила себе, никого не трогала, встречала рассветы, провожала закаты. И вот лежала она, по своему обыкновению, пялилась в окно – а там откуда ни возьмись дождь, гром и молния. И тогда восстала соленая соломка с полки, взбороздила кафельный пол, рассекла стеклянные двери, вырвала с корнем тополь у автобусной остановки...

– Она просто сошла с ума?

– Ничего не просто – просто только кошки родятся. А соленая соломка в пакетике мучительно завидовала сладкой соломке с маком в синей коробочке. Вот так.

– И что, она еще кого-то побила?

– Нет.

– А ее кто-то наказал?

– Нет.

– А что, что, что произошло?

– А ничего. Села в автобус и поехала куда глаза глядят. Ведь если ты соленая соломка, сладкой и с маком тебе все равно не стать. Тем более – в синей коробочке.

*

– Чего ты застиранная-то такая?

Крах и Туся столкнулись в троллейбусе, и теперь им предстоял разговор на две остановки, при том что Туся была мрачна, как самосвал: бабки не помогли, Ритка двигалась к своей цели, бедная Зина желчно прохаживалась насчет слабоумных бандитов, но было ясно, что они ее достали вусмерть. Крах, не сильно озаботившись Тусиной безрадостностью, принялась разглагольствовать в своем благородно-градоспасительном духе, и тут Туся не выдержала, съела свою вялую улыбочку и говорит: ты, мол, Рита, меня обманула, не сказала, кого ищешь и зачем, это не по-дружески, слова тебе больше не скажу и видеть не желаю, проваливай. На этом двери раскрылись, и Туся резко выскочила, от ажитации чуть не подвернув ногу, и гордо зашагала совсем не туда, куда ей было надо. Вслед летело от проигнорированной кондукторши: «Мандавошки чертовы, экономят!», и тут Туся обнаружила, что Крах поспешает за ней и что-то твердит про возомнила – доигралась – влипла по самые сережки – бежала от правосудия, и сулит газетку показать.

Туся не особо удивилась, не поняла, впрочем, как Вичкино темное прошлое извиняет Риткино скрытничанье, зато поняла, что Подколодную Вичка обманывает, и это гораздо хуже, гораздо гаже, но что с ними поделаешь. Из застиранной Туся стала совсем какой-то никакой-то. К вечеру от волнения заболел живот, и стали пугать тени по углам.

*

– Пошла я, наконец, к врачу, с животом-то моим. В поликлинику на горке. Отсидела в очереди три с половиной часа. Говорю ему: так, мол, и так, провожу на унитазе полжизни, ну и вообще. А он в ответ про своего отца, дипломата: тот должен был лететь откуда-то куда-то, в каких-то экзотических странах, но у него случился понос, так что он буквально из туалета выйти не мог и не улетел, а самолет его – разбился.

– Несколько слов о пользе поноса, называется. А ты что?

– А что я? Сказала, что у меня в семье дипломатов не было. И вышла. Ну нормально, а. Тоже мне, врач.

– А у меня тут наоборот было. Сижу на кухне, ем суп, смотрю в окно. Вижу, во двор заезжает скорая помощь. Обычно она в дом напротив, последний подъезд, ездит, а тут, смотрю, огибает тот дом и движется к нашему. Чудно, думаю, доедаю суп. А через три минуты звонок в дверь. Что такое, зачем, я вас не вызывала! А вы, говорят, только что съели супчик с несвежей сметанкой, надо вам скоренько сделать промываньице желудка. О как. Ну я им не дала, конечно, никакое «промываньице» делать – с виду-то они скорая помощь, а халат снимут – там и «Курья лапка» покажется.

– И чего вы это все рассказываете? – недовольно осведомилась Крах. – Ни к селу, ни к огороду.

– А, да? Тебя забыли спросить.

*

Кукол своих Ляля кормила тефтельками из комариного мяса. Добывая мясо, оставляла мохнатые кровавые кляксы на стене.

А Вичка когда-то в юности поймала во дворе голубя, свернула ему шею, ощипала и, обваляв в сухарях, зажарила в капустных листьях. Настоящий голубец. Капустные листья, впрочем, были изготовлены из туалетной бумаги.

*

Туся набрала на даче малины, угостила девок. Крах съела почти всю миску в одно лицо и говорит:

– Спасибо, конечно, но я предпочитаю лесную. Она хоть и мельче, и суше, но главное – дух.

– Дух, конечно, дух, духовность, не мякоть какая-нибудь приземленная, – Подколодная саркастически разглядывала пустую миску.

– А мне все равно какая, только я белых червячков боюсь, – призналась Туся. – Ведь рано или поздно они съедят всю малину, раздуются, съедят малиновые кусты, разбухнут еще больше, съедят забор, дом и меня самое.

– Ну и дела, – продолжала веселиться Подколодная, – сходи с этим к бабкам.

– Все нормальные люди по такому поводу обращаются к своему психотерапевту, – строго заметила Крах.

– Да это ж не чистая психика, это ж, может, сущностный вопрос.

– Какой сущностный, Зина, не смеши меня! Чистый психоз. Вот, например, если...

– Вот, например, если ты идешь по тропинке между дворами и видишь заросли такие – бузина, репейник, крапива. Ты думаешь, что там за ними у забора может быть?

– Кошачий труп, натурально.

– Ха! Вот и иди к своему психотерапевту. А я думаю – кусты малины, надо пробраться – собрать.

– А Туся-то что думает?

– Я тоже думаю – кусты малины. А на них – червячки. И они мне угрожают.

*

Выпив для храбрости три подряд стакана молочного коктейля, Туся, наконец, объявила:

– Всё, не могу так больше, чтоб на мне замыкалось. Решайте уже между собой. Да, Рита, Вичка живет тут, и Зина ее прячет, кормит и лелеет, и адрес можешь у нее прямо и узнать – все равно втихую с Вичкой не разберешься, не надейся. Да, Зина, я по дури рассказала Ритке про «Курью лапку» – она, видишь ли, слезно просила, мол, ищет кого-то, но кого – не сочла нужным сообщить. Потом, как узнала, очень расстроилась и хотела Вичку от нее скрыть – даже на Насест ходила, чтоб бабки помогли. Не помогли. А потом расхотела ее скрывать. Почему? Да потому что Вичка твоя – поганка, кормит тебя своими шизофреническими байками, а на самом деле торчит тут, потому что музей какой-то спалила за кордоном и теперь в бегах. Вон Рита знает и газету мне показывала, а я очень даже верю, что так оно и есть. Со школы ее терпеть не могу, твою Вичку, зазнайку и воображулю. И хватит тебе ее покрывать – пусть Ритка напрямую на нее выходит. Я думаю, Вичка и сама так отобьется – мало не покажется.

– Прелестная история. Я в общем-то подозревала и то, и другое: и что Вичка тут неспроста, и что «Лапка» меня не совсем бесцельно пасет. Но ты, Марина, конечно, хороша: зачем было их на меня натравливать?

– Не натравливала я – они просто так всех пугают, кого встретят по дороге. Я им скажу. Если послушаются, конечно.

– Ну а Вичка что. Не знаю, какие твои на нее грязные виды, но она невсебешная, ясное дело. Что ж поделаешь. Сестра все-таки.

– Фигасе, – удивилась Крах. – Столько лет вроде дружим, а я и не подозревала, что Вичка твоя сестра. Никогда не знала ее фамилии. Мы же с ней в школе не пересекались почти – только во дворе и летом. А летом фамилия зачем?

– Так разные ж фамилии. У нее – Лисица.

– Я думала, Лисица – псевдоним.

– Не, не псевдоним. Она сводная сестра. Фамилия, впрочем, мамина. Как, впрочем, и у меня.

Подколодная никогда не распространялась про их папашу, ту еще шишку, наезжавшего в Куриную Слепоту в командировки. Ему там, наверху, нехорошо было внебрачными связями светиться, поэтому все молчали, как рыбы об лед. Подколодная говорила,

что ее папа работает водителем детского паровозика в парке аттракционов, а что говорила Вичка, никто не помнил; скорее всего, что она круглая сирота и живет у соседки на балконе из милости.

– А тебе, Марина, по-хорошему надо было не рассказывать ничего, а надавать лопатой по жопе. Потому что ты глупая и опасная сволочь. Только из-за матери твоей тебя и терплю.

– Ах, ну конечно, конечно. Она ж тебе одни пятерки ставила, любимице своей, – ревниво всколыхнулась Крах. – Помните, как в 10-м классе на экскурсии в монастырских развалинах Зинка полезла по винтовой лестнице на колокольню, метров 20, наверно. А там половина ступенек осыпалась и стена обвалилась. Легко могла бы сорваться, дурища. Как сейчас вижу, лезет, упорная, как муравей, только побледнела в полотно, а у мамы глаза горят.

– Ну знаешь что, – встряла благоразумная Туся, – не удивительно, что горели. А если б ученица сорвалась – она ж ответственность несла.

– Не несла – в то время она уже в другой школе работала, а с нами поехала просто как родитель. Впрочем, может и несла, неважно. Но, Зинка, признай, ты ради нее полезла?

– Бе, это было бы уже полным сумасбродством. Впрочем, что ж, этим оно и было.

*

В детстве Туся, бывало, по соседству ночевала у Подколодной, их укладывали чинчином в десять, но спать они не спали – все браслетики да секретики, и к полуночи их пробивало на хавчик. Тогда Подколодная кралась на кухню, там, во тьме кромешной, собирала кой-какую еду и тащила обратно в комнату, где Туся – по первым буквам – должна была отгадать, что принесли. Однажды Зина нашла два куска хлеба, один уронила в раковину, и он намок, загадано же было «б.с.» и «б.м.»: бородинский сухой и бородинский мокрый.

*

Некоторые не понимают никогда, а Подколодная поняла в свои тринадцать, что любовь – это замечать и помнить, как человек надкусывает яблоко – мелко и осторожно или с хрустом сразу пол-яблока, сколько сахара кладет в чай, глотает или разгрызает таблетки, сутулится ли при ходьбе, взлетают ли у него волосы на повороте, что делают руки, когда человек нервничает, прикрывает ли оправа очков брови, выше или ниже запястья сидят часы, золотятся ли на солнце волоски на руке и пушок на скулах, какими фалангами пальцев держит ручку и сигарету, наклоняется или приседает за оброненным, распахивает или приоткрывает дверь, касается ли перил, откидывается ли на стуле, с какой руки надевает перчатки и застегивает ли молнию на сумке.

Любовь – это никогда не смотреть на стоптанные туфли под столом и не заглядывать в вырез блузки, не замечать стрелку на чулках, поры на носу или круги под глазами.

Любовь – это закусывать губу от боли, когда человек поранил палец.

Все остальные широко известные в народе чувства и действия не имеют к теме особого отношения.

*

Софья Александровна вела английский. Кроме того, была завучем, пока не перешла в другую школу – директором, самым молодым в области, как говорили. Высокая, еще и на каблуках, С.А. всегда смотрела откуда-то сверху: взыскательный взгляд из-за огромных, как тогда носили, в пол-лица, очков, и редко, по праздникам, неожиданно мягкая улыбка. Подколодная составляла гороскоп ее нарядов и настроений: серый джемпер – снисходительная, красная блузка – нервная, черный жакет – требовательная, только

держись. Целыми уроками Зина могла смотреть на ее лодочки, напряженные икроножные мышцы в чулках цвета слабого, как в столовке, какао, длинные пальцы, листающие учебник или обнимающие спинку стула, – смотреть и грызть ручку.

Однажды Подколодная заработала себе гнойный отит, расхаживая без шапки. Шапку эту, желтовато-белую, крупной вязки, похожей на перловку, она прятала в портфель, стесняясь С.А., пару раз встреченной по дороге в школу. Хотя пользы-то. Отсутствие шапки не спасало от других убийственных дефектов. Цыпки, заеды, перхоть на черном фартуке, сморщенные на щиколотках колготы. Бе.

Впрочем, хуже всего, по мысли Подколодной, была даже не собственная ее гадкоутеночность, а то, что Софья Александровна была поглощена своим делом – и больше ни в ком и ни в чем не нуждалась. То, как уверенно С.А. летала по школе, цокая каблуками и слегка сутулясь, как по-царски распахивала дверь класса, с каким изяществом усаживалась за учительский стол, как в два движения открывала нужную страницу в классном журнале, как мел в ее пальцах отбивал чечетку по коричневой сцене доски, – все это Подколодную завораживало, но вместе с тем убеждало в тщетности любых попыток заявить о себе: у С.А. имелась школа, школа была на ней, при ней, под ней, и свободного места рядом не оставалось.

На переменах и по пути домой, грея руки о грязно-розовую батарею или шкрябая сапогами по пятнистой снежно-ледяной поверхности, напоминающей пряничную глазурь, Подколодная мечтала, как могла бы спасти Софью Александровну от фашистов. Или на ее глазах спасти весь класс, даже всю школу, пожертвовав собой. Впрочем, не до конца пожертвовав, а так: очень отважно рискнув, но оставшись в живых. Скажем, с раной. Чтобы Софья Александровна примчалась к ней в больницу и, выслав из палаты врачей... На этом робкая Зинина фантазия забуксовывала, зато поднимала одну из голов гидра самоиронии: «Но медицина оказалась бессильна, и твоим именем, Зиночка, назвали улицу, – говорила она, – а лучше бульвар. И проложили в нашем городе два параллельных бульвара: Зои Космодемьянской и Зины Подколодной».

*

Память о фашистах в топографии Куриной Слепоты хранила первостатейная улица Геройской Курицы. Она загогулилась (не регулярная, чай, застройка) от самого Центрального сквера к Черному озеру и проницала все слои города. Сначала шли двухэтажные мелкокупеческие особнячки, давно превращенные во всякие конторы с дурновкусными вывесками, но сохранившие фигурные водостоки, чугунные решетки калиток, граненые фонари и прочие милые мелочи. В одном из тех особнячков, на углу Курицы и Красной Сони, бывшей Кисейно-Лилейной, и происходили «среды» общества «Синие руки»; горсовет наверное бы уж наскреб три рубля и повесил там безыскусную памятную доску, если бы о доме этом знал в городе хоть кто-то кроме Нины Арнольдовны.

Мещанские домохозяйства укрывались за глухими деревянными воротами, над которыми нависала сирень и акация, а в подворотнях купались в пыли воробьи. Дальше шли шершавые пятиэтажки, отгороженные от тротуара шеренгой тополей в белых гольфах. А ближе к окраине воздвигались краснокирпичные громады заводов – пивного и хлебного, и по улице растекался приятный пшеничный аромат.

Со сменой власти в стране улицу почем зря обратно переназвали в Большую Мещанскую, но кое-где сохранились старые жестяные таблички с тонкими стрелочками, да и так все помнили. Геройская Курица (иные говорят: инкарнация Рыжей) спасла во время войны целую школу детей. Вражеский танк уже было нацелился на окна школы, но курица отвекла внимание голодных фашистов на себя и понеслась к Черному озеру. Фашисты вылезли из танка и помчались вдогонку, а тем временем учителя со школьниками разбежались. На берегу озера Геройская Курица схватила клювом боль-

шой камень, ринулась с ним в воду и утопилась – чтобы не быть бесславно съеденной проклятыми гадами.

*

Однажды Подколодная отвечала у доски тему «про себя». Рассказывала, как водится, незамысловато: про имя, про возраст, перечислила цвета глаз, волос, потертой сменки, колгот и школьного платья, и тут мысли ее иссякли, хотя воздуха она уже набрала для следующего предложения. «And...» – начала она беспомощно. Тут Софья Александровна отвлеклась от журнала и неожиданно пришла ей на помощь: «And I am a very nice girl», – закончила она, глядя иронически. Это был лучший день в школьной жизни Зины Подколодной.

Последние годы Подколодная Софью Александровну не встречала – та вроде бы возглавляла гороно и большую часть времени пропадала в облцентре на совещаниях (они же – утиные охоты), – однако, как говорится, хранила самые теплые воспоминания. Хотя лучше ничего не сказать, чем назвать это так.

*

Или так. В одном царстве – одном государстве жила-была царица, и было у нее три дочери. Одна умная, другая то так, то сяк, а третья совсем дура. Как-то раз пошли они в лес за грибами. Первая, которая умная, набрала лукошко белых грибов. Вторая, которая то так, то сяк, набрала лукошко подберезовиков вперемешку с поганками. Ну а третья, которая совсем дура, попав в лес, взяла и заблудилась. Шла она шла, вовсе не в ту сторону шла, в которую надо было идти, три дня шла и три ночи, пока не перешла границу по болоту и не оказалась в соседнем царстве – соседнем государстве. Схватили ее тамошние стражники и посадили в тюрьму. Потому как мама у нее в другом царстве, сестры в другом государстве, значит, нечего тут.

На словах «посадили в тюрьму» Вичка, против своего обыкновения выползшая с Тусей пройтись по парку, упакованная в зеленые очки и пасторальный белокурый парик, заметно вздрогнула. И когда Туся предложила угостить ее молочным коктейлем, мстительно произнесла, глядя, как Ляля второпях всхлюпывает трубочкой: «Я в детстве не могла понять, как люди могут пить эти коктейли, такие водянистые и в то же время такие приторные, не имеющие ничего общего с мороженым и названием своим профанирующие молоко, да и сейчас не понимаю». Проговорила это, развернулась и ушла.

*

Против Вички Подколодную не раз предостерегали знающие люди, пытались отговорить от превратно, по их мнению, понятого долга опекать младшую сестру – довольно условную, конечно, сестру, к тому же отдельно проживающую. Когда начались у них в старшей школе кое-какие проблемы, не будем о них распространяться, Подколодная взяла Вичку и пошла с ней на Насест. А рекомендованная бабка и говорит: «Ты зачем такая многочисленная заявилась? Я тебе ничем помогать и не подумаю. Вот приходи в следующий раз одна – тогда поглядим». В следующий раз, лет через пять, та же бабка Подколодной подробный реприманд устроила: «Зачем ты все ходишь с этой своей сестрой? Что теперь – деньги пропадают, голова болит или задница? Я ведь тебя предупреждала, и ты сидела на этом самом месте. Сестра твоя продала душу Черной курице – за талант, теперь мучиться всю жизнь будет и тебя заодно ухайдохает».

Подколодная, впрочем, считала, что бабкам лучше верить через раз.

*

Насчет Лисицы Крах имела намерения хотя и радикальные, но совершенно не оригинальные. Она до дыр зачитала газетку с изложением закордонного скандала и уду-

мала сговориться с Вичкой и скопировать такую же штуку в Слепоте: построить макет горсовета – с массивной колоннадой, фризом, шпилем и голубыми елями, а пока все на него любуются, поджечь горсовет в натуре. Дополнительно, для красоты, значит, Крах придумала подсадить в горсовет белых голубей, пшеном охмурить, привязать к лапкам простыни, на простынях тушью выписать, каллиграфически: Мздоимство, Казнокрадство и всякое такое. Как пожар начнется, забудут про пшено – повылетают, будут Мздоимство с Казнокрадством и прочее Лжесвидетельство парить над Куриной Слепотой – и вон, вон из города.

Вичка таким макаром железно бы доказывала свою невменяемость – кто в здравом уме будет повторять фокус, на котором уже серьезно погорел, – и потому откашивала от иска, который все равно рано или поздно ее настигнет, нельзя же скрываться вечно. Горожане получали столь давно чаемую Маргаритой встряску – сгорал горсовет, эта цитадель безмозглости и воровства, и с ним заодно весь городской бумагооборот: все указы и уставы, контракты и патенты, купленые сертификаты, лживые отчеты, липовые протоколы, дубликаты, трипликаты и дыроколы. И приходилось все перепроверять, переделывать, перепридумывать – что, как ни это, повод к работе над ошибками, к чисткам, к разрушению старого и построению нового. Сама она тоже, разумеется, оказывалась в прибытке, заявляла о себе как талант, мотор и таран на стыке таких нестыкуемых областей, как искусство и малые города, получала шанс на возвращение, возрождение, воскрешение – точнее Крах старалась не думать, оставляя свое будущее в случае реализации плана «Лисица» в приятной розовой дымке. Потому как если в неосторожные моменты она позволяла этой дымке развеяться, за ней проступали одни обугленные пни сомнений. Возвращения куда – к Алле? На кой ляд она ей нужна? Как она вообще засветится на этом деле, каким боком примажется к Вичке – если представить, что Вичка уговорится, вся слава отойдет к ней, ведь и правда, идея-то ее и исполнение ее же. Только Вичка не уговорится ни в жизнь, потому что она уже напугана и рисковать с таким сложно устроенным прикупом не решится. К тому же, в отличие от мягкотелого Старого Света, по нашим-то законам они за такое дело, сугубо пахнущее керосином, могут и в тюрьму загреметь, что, впрочем, при правильной подаче сулит вымостить им через годик дорогу к славе и признанию. Кому им, что я несу, одергивала себя Крах, я что, вижу себя Вичкиной ассистенткой, напарницей? Да мы сожрем друг друга заживо.

Ее очевидно влекло к Вичке ощущение общности поражения, сулившее надежду на общность возрождения. Но бог, дьявол и успех – в деталях, а с деталями дело было швах. Если сидение с вином до четырех утра и пересчеты овец и слонов не помогали Маргарите заснуть немедленно, приходилось думать над этим смазанным полупланом в постели, пока он не приобретал неутешительную отчетливость, впрочем, утром она обратно размывала все неудобные углы, и план оставался немного сном, немного бредом. Она опасалась проговаривать его на дневную, свежую голову, чтобы он не рассыпался вовсе, и спешила действовать, лихорадочно действовать – а дальше само как-нибудь. Крах уже разведала, как охраняется горсовет в нерабочее время, где там первостепенные кабинеты и канцелярия, а заодно – сравнительные достоинства бензина, керосина и скипидара, но никак не могла решить сущностные вопросы: насколько постыдно примазываться к Вичке и заимствовать веточки чужих лавров, насколько приемлемо пригрозить выдать ее, пусть такую противную зазнайку, которой она ничего не должна – они никогда не дружили. В тревожных утренних верчениях на подушке – слишком душно, слишком тихо, слишком мягко, слишком холодно, слишком шумно, слишком жестко – ей снился очередной провал, новые пируэты подколодного сарказма и застывший мамин взгляд в окно – так она молчала, выжидая, пока утихнет гнев, чтобы не сказать лишнего (Маргарита всегда гадала, чего именно – сурового, обидного, непоправимого – она заслуживала своими выкрутасами?).

*

Или так. Жила-была коротенькая электричка. Она ездила туда-сюда по рельсам и стучала колесами: та-та-та. В ней ездили тяпки и совочки, мешки с картошкой и корзины с яблоками, трехлитровые банки с огурцами и бутыли с облепиховой настойкой, вязанки камышей и нитки с сушеными польскими грибами. Но вот однажды электричка съехала с рельсов и укатила глубоко в чащу леса. Там она встала и сказала сама себе: «Отправление электропоезда по техническим причинам задерживается. Точное время отправления... гм... неизвестно». И уснула.

– А дальше, что было дальше? – теребили близнички.

– А все, больше ничего не было. Заржавела электричка и рельсы заржавели, потому что по ним никто больше не ездил.

– А дальше?

– Ну что дальше. Дальше пришел Большой Железный Дровосек, достал из-за пазухи бутыль с маслом, смазал ржавую электричку, и она отржавела. И взял ее Большой Железный Дровосек к себе домой, и его дети играли с ней как с игрушечным паровозиком – катали по полу, прогоняли по мостикам, сделанным из спичек, и пропускали сквозь туннели – из старых папиных валенков.

– А что было с этими мешками, корзинами, банками и нитками?

– А ничего особенного не было. Правда, одна нитка с сушеными грибами выпала из окна в непростую лужу: там грибы ожили, пустили корни и вымахали огромные – ростом с сосну. Под ними теперь отдыхает, наслаждается тенью и густым грибным запахом мадам Дровосек.

*

Крах по юности любила с легкой горечью намекать, что мама ее воспитанием не занималась, сбагрила бедняжку бабушке, а сама была вся в школьной своей работе или еще в чем. Мама, мол, приходила по выходным, я с ней любезно разговаривала и думала, что это тетя, а зовут ее Мама, «здравствуйте, тетя Мама». Потом, впрочем, все, кому было интересно, узнали, что это враки, порожденные сплетением всяких чувств, прежде всего жалостью к себе.

*

Получив, наконец, адрес искомой малины, Крах поняла, что деваться некуда. Еще пару дней она рассусоливала, а когда, так и не выбрав схему разговора: шантаж, идея или по душам, – но взяв себя в руки, отправилась к Вичке потолковать, та ее ждала. То есть не с чаем, конечно, ждала и вообще была застигнута в неглиже и еле признала, но была готова. Все время, которое Крах излагала то, что имела изложить, Вичка ела перезрелый персик, склонившись над раковиной. Посуды в раковине не было – она была доверху заполнена обертками от глазированных сырков. Под конец, вытерев подбородок, развернулась к ней и говорит:

– А ты представляешь себе, Марина, как оно будет потом?

– Когда еще потом?

– Ну, потом. Потом. Будет мутное безрассветное утро. Ты зайдешь в полуподвал в торце дома. Там над дверью мерно жужжит вечно садящаяся лампочка, а за дверью – сумрак. В глубине за круглым столом, покрытым нечистой скатертью, сидят злые тетки. Их три, может быть, четыре, но скорее три. Ты сядешь играть с ними в игру. Кости или карты, они это называют. Но это будет не то и не другое. Это будут гнилушки. Гнилая картофелина, почерневший вилок капусты, заплесневевший брусок сыра и окаменевший шарик кофейной гущи. Ты ни черта не поймешь в правилах и проиграешь им всухую. Они холодно усмехнутся, скажут, сколько ты им теперь должна – новеньких банкнот образца 1961 года, пудов соли или лет, и выставят тебя, но ты не сможешь уйти,

а будешь сидеть поблизости, на автобусной остановке, мерзнуть и думать, за что и почему ты, такая хорошая и умная, должна играть с мегерами в их грязные штуки. И так будет изо дня в день, только долг твой будет расти со страшной прогрессией. Пока, наконец, ты не перестанешь себя жалеть, не придешь к ним раньше срока и не отыграешься. И тогда станешь одной из них, четвертой злой теткой за нечистой скатертью.

– Это бабкой-ёжкой, что ли?

Вичка подняла брови:

– Ну и дура ты, Марина, очевидных вещей не понимаешь. Бабки-ёжки – веселые, а ты станешь теткой, унылой и злой.

– Ну а если не отыграюсь – что тогда?

– А ничего, – неожиданно тихо произнесла Вичка. – Пшла вон!

*

Крах с выученной готовностью возвратилась в свое скорбное уныние, и обосновалась на кухне, между окном и холодильником. Увлечь Вичку ей не удалось, заставить – тоже. Ко всему прочему всплыло (Вичка рассказала Подколодной, наврала не наврала – Крах была не в том положении, чтобы опротестовывать), что Вичку преследует не только иноземный суд, просвещенный и гуманный, но и своеземные богомольные изуверы, причем по другому поводу – более общего характера. Прослышав о Вичкиных художествах, точнее – зодчествах, а лучше – антизодчествах, богомольные изуверы возопили, что бог заповедал нам созидать, а не разрушать, разрушающего же покарает дьявол. Дьяволу богомольные изуверы не слишком доверяли (дьявол же!) и его работу решили взять на себя. В свете этого выводить Вичку на чистую воду становилось слишком уж грязным делом.

Вечерами Крах выбиралась из-за холодильника и ходила на свой пустырь, размышляла там о черной или рыжей девочке, впрочем, размышлениями своими была недовольна, видя в этом слабость и капитуляцию по всем остальным статьям. Главное, она опасалась, как бы девки не прознали про ее хождения – столь же естественные, почти ортодоксальные по местным меркам, сколь неприемлемые в русле ею самой проповедуемого столичного здравомыслия – и не засмеяли. Посему Крах на всякий случай делала вид, будто не то что про пустырь, а и про Городскую Свалку, за которой пустырь располагался, она ни сном ни духом. А свалка, надо признать, была местом значительным и время от времени в разговорах всплывала. То Вичка туда сходила, нашла пишущую машинку «Ундервудъ», где половины клавиш не хватало – вместо них разноцветные пуговицы были на штырьки надеты. То Туся с Лялей зашли: Ляля обрела самокат с одним колесом, Туся ничего не нашла, но заметила двух бабок в белых панамах в горошек. Крах с деланой тревогой спрашивает:

– И ты, Туся? Ладно Вичка на свалку шляется, но ты-то зачем?

Подколодная ей в ответ:

– А на свалку, Марина, все иногда заходят, хоть и неглубоко. Странно, что ты это позабыла.

*

Бабка Никодимовна, одна из молодок на Насесте, рассказывала историю, слышанную ею от одной уважаемой старой бабки, как Бабка-ёжка Куриной Слепоты много лет назад была на Насесте Бабушкой – старейшей, то бишь, и главнейшей бабкой, а тут позвали ее, и она смылась: умерла не умерла, но пропала. И как бабки каждое воскресное утро отправляли делегацию семерых ко въезду в город, где на шоссе всегда наляпаны свежие заплатки, а на обочине стоит на курьих ножках фиговина с гостеприимной надписью, а рядом – покрытая охристого, чтоб не сказать – поносного, цвета глазурью

статýя Рыжей курицы в круглых темных очках – герб вроде. И как делегации велено было во все глаза смотреть – не пропустить момент, когда Бабушка, наконец, вернется к осиротевшим обитательницам Насеста. И как делегация затемно занимала свой пост, и был у них с собой термос на три литра и бутерброды с сыром и вареной колбасой, а Бабка-ёжка уже ж наверху была и оттуда зырила на бабок на посту и со смеху покатывалась. А то еще посылала ворон бабкам в термос гадить. Вот так-то.

Большинство, впрочем, полагало, что Бабка-ёжка от самой Бабы-яги уродилась и на Насесте не живала вовсе.

*

Стояли августовские иды, или близко к тому. Туся выглянула в окно: под проливным кто-то выбивал ковер, капли постепенно редели. Что ли новое такое средство от дождя. Странно, по ящику еще не показывали. Туся стояла на кухне, готовила винегрет, когда мокрый брюнет в полосатом пиджаке и белом галстуке прошел по грязи под окнами и внимательно посмотрел вверх, прямо на нее. Он нырнул куда-то под дом и исчез, но Туся до сих пор думает, что он тут делал.

А брюнет потом в подъезде стоял, под лестницей, сладко пел в телефон: – Она мне шепчет, что тот ее за волосья таскает, к батарее лицом прикладывает, я говорю, ну нормально, я же не знал, я вроде уже не у дел, она тогда говорит, что же ты думал – она мучаться будет, а тебе не скажет, ну что, что, я тогда сам пошел, носик засунул, вижу – да, дела, ну спас, значит, малышку-то – пусть мать мне теперь руки целует.

– Вот же дрянь-человек, – вслух удивилась Подколодная, проходя мимо. Брюнет скуксился и телефон от уха оторвал. Телефон оказался сигаретной пачкой.

*

В те разы, когда Лялю выгуливала Подколодная, ей тоже приходилось откупаться от близничек. Она предпочитала четверостишия:

Как-то утром тетя Маша
Продала свой драндулет
И купила много фарша
И нажарила котлет.

– Конфет, конфет, – блажили близнички, – мы хотим: конфет.

Или так:

По розовой бумажке,
Облитой молоком,
Зеленые монашки
Бежали косяком.

– Почему зеленые?
– По кочану. Форма у них такая.

Или так:

Как у тетеньки из МИДа
В волосах большая гнида.

– А кто такая Исмида? – тянули ее за подол близнички.
– Никто, отдавайте коляску и шуруйте отсюда!

Ляля перед сном, пососав с часок угол подушки, встряхивалась и кричала Тусе на кухню: – Мам, а кто такая Исмида?

– Была такая древнеегипетская богиня, – озабоченно отвечала Туся, – вроде безобидная. Спи уже наконец.

*

Впрочем, Подколодная, занятая опеканием Вички, давно уже Лялю не выгуливала и про близничек думать забыла, пока Туся не поделилась новостями:

– Прикинь, Зин, близнички наши стали такие милые – пришли в накрахмаленных передничках, представились, наконец: зовут их Ася и Алла, – и дали Ляльке большую конфету и еще горсть карамелек в карман насыпали, чтоб она подружек в детском саду угостила.

– Окультурились от наших побасенок. Только какой сад – лето же.

– Да, и вот еще что странно: Лялька теперь твердит, что Слепота под воду уйдет. Как только протрубит, помнишь, этот – трубач у автостанции, так и уйдет.

– Или горнист в горсаду. Поди ж ты, интересное кино: как конфету съела, так и твердит? А одна из них еще и Алла? Ну что тут скажешь.

– Я, знаешь, думала в детстве, что тетка моя Лида и Алла Пугачева – одно и то же лицо. Просто обычно она – тетка Лидия, ну а иногда – Алла Пугачева, в телевизоре. Иногда, правда, меня сомнения брали: ведь не похожи совсем. Ну да все равно – Алла Пугачева. Ясно же. Как может быть иначе.

– А у нас соседка была Лидия – они вдвоем на лавочке у подъезда сидели: Лидия Платоновна и Клавдия Ивановна. Я думала, она Платоновна, потому что в платочке всегда ходит. А вторая, понятно, Диванна – на диване потому что лежит.

*

Неизвестно, как Ляле – ее старались не спрашивать понапрасну, а вот Подколодной в детском саду было плохо. Может быть, не так невыносимо тоскливо, унизительно и одиноко, как толстому мальчику Илюше, но порядком плохо. Колготки, рейтузы, валенки, жалостливые сломанные игрушки, главное – не пускали в туалет с прогулки, потому что раньше надо было подумать и сходить. Толстый мальчик Илюша однажды накакал прямо за верандой, в кустах у забора, так на него донесли, и воспиталка заставила выкидывать какашку за забор, вот прямо натыкать на палочку и выкидывать за забор – в присутствии всей группы. Какашка уже подсохла и не натыкалась, Илюша плакал, все смеялись, Подколодная размышляла, почему воспиталка полагает, будто тропинка за забором – самое подходящее место для какашки.

Как только его приводили, толстый мальчик Илюша вставал у окна и махал своей бабушке, пока она не скроется из виду, и потом каждую свободную минуту норовил постоять – посмотреть на дорожку: не идет ли уже бабушка его забирать. Подколодная так себя не вела, хотя очень хотелось, но было стыдно. И ее выдержка была вознаграждена. Она обнаружила, что в туалетном окне, до самой фрамуги замазанном белой краской, кто-то проскоблил просвет размером с пятак, и если туда посмотреть, видна отнюдь не дорожка и не веранда, а ее, Подколодной, мама, лицо ее, плечи и руки, и она, что бы ни делала, улыбается Подколодной и говорит, например: «Продержись, Зинуш, еще немного, всего пара часиков осталась – и я за тобой приду. Будь умничкой!» И, глядя на страдания толстого мальчика Илюши, Подколодная теперь мучилась дилеммой: говорить ли ему о чудесной дырке или пусть дальше позорится, стоя у окна? Ведь если сказать – дыркой придется делиться. А главное, вдруг толстый мальчик Илюша увидит в ней не свою бабушку, а ее, Подколодной, маму, и мама тоже будет ему улыбаться и попросит потерпеть до вечера. Как же так!

*

Хотя Крах от Вички отцепилась и никаких ретивых действий не предпринимала и вообще, казалось бы, вокруг не происходило ровным счетом ничего существенного, ощущение гибельного разлада в городе нарастало. Подгнило что-то в Куриной Слепоте, не иначе. Через один закрывались магазины. Осыпались бордюры. Какие-то люди, которых никто нигде не ждал, покидали город, запруживая привокзальную площадь своими такси, чемоданами и провожающими. Барахлила почта. Отряды красных жуков – плеснеедов, пожарников, усачей, щелкунов и скрытноглавов – уходили из города упорными колоннами беженцев. У гипсового горниста в горсаду отпилили горн – Подколодная сказала: из страха, как бы он не протрубил конец света, – и никто не мог предложить лучшего объяснения. Все судачили: кто мутит воду, кто наводит порчу, какая злая балда вздумала морщить своей веревкой Куриную Слепоту. Думали уж и на Мамашу, но слухов никаких не поступало, а надежных известий и подавно.

*

– Помнишь, завелся в городе такой чувак – Прожигатель?

– Жизни, что ли?

– Да не, он зажженной сигаретой всем куртки прожигал – просто вот идет и метит прохожих.

– Несчастный какой.

– Да уж.

*

– Если у нас теперь бонтон такой – изыскивать признаки конца света, то я тоже могу припомнить одну историю. В феврале как-то ночью смотрю в окно: у дома пристала белая машина. Выехала они при этом из соседнего двора, где ее в принципе никогда не стояло, и припарковалась через сто метров. Из нее стали выходить мальчишки в черных пальто и парами уходить по тротуару в сторону центра. Десять пар мальчишек вышли из легковушки, а за ними еще тетка-учительница вылезла – в круглой меховой шапке, в сапогах на скрипучей танкетке – и поспешила вслед. И это, надо понимать, в 4 часа пополуночи, в 28-градусный мороз. Престранное происшествие, не находите?

– Туся, август на дворе, если ты не заметила. Я тебе, пожалуй, отрывной календарь подарю. И снеговика впридачу.

– Это еще зачем?

– А чтоб ты с ним о своей любимой зиме разговаривала.

*

Подколодная обычно держалась стойким оловянным солдатиком, равнение на бабушку: письма жечь, людей забывать, себя не жалеть, работать, работать – и не дай бог задуматься о смысле жизни и самозакопаться. Но иногда, обыкновенно раз в год, и на нее накатывало, свербило, царапало вилочкой под ложечкой. Вот встаешь ты с ранья, завтрак худо-бедно завтракаешь, чистишь обувь, выносишь мусор, автобус ждешь – в тебя ветер стучит, дождь тебя мочит, снег посыпает, горло саднит, в виске стреляет, ноет коленка, приезжаешь на работу, проходишь в собственный, между прочим, кабинет, сидишь там заседаешь, пишешь, звонишь, думаешь, сгибаешься под грузом ответственности, на обед сходить не успеваешь. И никто тебя не похвалит, не пожалеет, не умилится тебе. Ну кто-кто – дед Пихто. Не знает даже, что ты там делаешь со своей жизнью. Делаешь ли вообще что. Существуешь ли. Неинтересно ей.

Чтобы ни за что не думать эту мысль дальше, Подколодная налимонилась до положения риз – благопристойно, на собственной кухне, за два часа по часам – и тут же, будто таблеточку приняла, отправилась спать.

Пробуждение было терзательным, как ему и следовало. Когда со вкусом выжженной земли на языке, стальными пластинами в веках, буравчиками в висках и греческим огнем в венах Подколодная приползла, ближе к обеду, в Контору, у нее на столе лежал строгого вида заклеенный конверт. Криво надорвав его, Подколодная углубилась в чтение, и тут зазвонил телефон:

– Слушай, у меня зуб так разболелся ночью. Лежу и чувствую, как болит подушка между ладонью и щекой.

– Ну?

– Так пошла спозаранку к врачу. Теперь хожу с заморозкой. А тут губа зачесалась – даже сквозь заморозку. Чешу, но – через заморозку – не помогает, поэтому все равно чешется, еще более настойчиво. Просто ужас какой-то.

– Угу, – без энтузиазма согласилась Подколодная.

– Зин, – возбужденно зашептала Туся. – Что я звоню-то. Ты, наверно, спала ночью и не слышала, а я, с зубом своим, не спала и слышала.

– Что слышала?

– Трубу. Ну, или горн.

– Да-да, верю.

– Веришь? – изумилась Туся. – Неужели Ритка намудрила?

– Ага, как бы не так. Черное озеро на голубом глазу объявляют водоемом, где содержание вредных веществ в десятки раз превышает норму, шьют угрозу экологической катастрофы. Вот как раз письмо пришло об этом. Короче, озеро на гектары вокруг огораживают колючей проволокой, дают всему этому статус санитарной зоны. Город, как штык, проваливается к партизанке Ивановой, забывшей дома автомат. Расселяют нас, надо полагать.

– Может, Мамаша мутит?

– В письме не сказано, откуда ветер. Пойду-ка я к бабкам.

– Думаешь?

– Ну а к кому? К бабкам-ёжкам у нас доступа нет, тем более к Бабе-яге, если она не померла еще. Не в горсовет же идти. Пусть бабки бьют в набат, пусть, что ли, упросят дух Рыжей курицы выпить все озеро – или мы погибли.

– Считаешь, поможет? Если Мамаша злокозничает – легко другой повод изыщет.

– Кощей их разберет. Ну пусть скажут, что делать. Не сидеть же сложа руки.

– Слышь, Зин, Лялька вчера в кулинарии марципан себе выпросила, я попробовала – ну ровно тот же вкус.

– Ты о чем вообще?

– Вкус как у марципана в моем сне, детском. Он нежный, как взбитые сливки, он восторг для языка, утешение желудка и радость сердца, он тает во рту так неспешно, что нельзя сдержать слезы благодарности, и оставляет послевкусие, дающее силы жить. Я этот марципан столько лет искала, надеясь уловить хотя бы его подобие, хотя бы отголосок в каждом пирожном, в каждой конфете, попадающей в рот. И вот, наконец, нашла.

– С чем тебя и поздравляю.

Подколодную всегда умиляла эта Тусина жовиальность, что ли, незыблемая способность крестиком вышивать и пряники жевать под канонадой.

*

– В позапрошлом, навроде бы, поколении остался на местности последний колдун. Колдун он был так себе, возрастом уже давно приспел и переспел, а силой – плохонький колдунёнок. И вознамерился он по какой-то своей злобе испортить соседку – курицу не поделили или гуся или и вовсе гусеницу на кусте малины. Но промахнулся – испортил девочку ее. Лечить не взялся – говорю ж, слабый был. Позвали знахарку – пришла, затре-

бовала ведро капусты квашеной, потом бидон молока, потом мешок картошки. А колдун этот сидит у забора – еще и советы дает: да пусть уж, говорит, девка твоя лучше помрет, а то так и корову ей отдашь – на что жить будешь? Ну, вылечила ее. Девочка выросла и колдуна того в яму с разведенным навозом столкнула. Он в ней до утра просидел и колдовской силы своей напрочь лишился. С тех пор колдунов-то у нас и нет, одне бабки.

Старая бабка Гостомысловна рассказывала.

*

Со своим важным конвертом и решительным видом Подколодная направилась впрямую к Бабушке – только та вроде бы имела связь с духом Рыжей курицы, ну и вообще. Сколько лет Бабушке, никто не знал; Бабушкой ее звали все, включая местных 60-летних молодок. Руки ее были крестьянские руки, исковерканные полувековым копанием в земле, на левом же указательном пальце носила она перстень, и равного ему не было на Насесте ни у Карл-Фридриховны, ни у кого. Лицом Бабушка была кругла, коричневата и очень проста – это если не заглядывать в глаза. Замечательна же она была прежде всего тем, что умела и как в шляпке, и как в платке – остальной же Насест четко разделялся на эти две категории.

Найти Бабушку было непросто – адреса у нее не было, да он бы и не помог. Просители получали сложносочиненные и, надо сказать, диаметрально противоположные инструкции. Кто шел из пятиугольного двора вправо, кто – влево, кто входил в подъезд и проходил сквозь него во двор, оттуда мимо помойки да через березовую рощу, обогнув яйцеобразную лужу, выходил к бабушкиному зеленому забору, кто пересекал палисадник и нырял в неприметную дверь черного хода – и прямо на втором этаже, возле мусоропровода, оказывалась бабушкина дверь.

Бабушка полулежала на высокой кровати с никелированными шишечками и смотрела в махонький телевизор за треснутой круглой линзой. Телевизор этот показывал совсем не то, что вы думаете, но что именно – рассказать трудно.

Было у Бабушки две привратницы, они же помощницы, кухарки, сиделки – в общем, дворовые бабки. Одна, Милена Микитишна Коромысло, была глуховата, но не от старости, упаси бог, а лишь потому, что из жадности экономила на спичках с ваткой и всю жизнь ковыряла в ушах старой ржавой проволокой. Другая, Капитолина Климовна Худоежко, подслеповата. Когда-то даже лежала в больнице по поводу отслоения сетчатки. Надо понимать, что бабки больницу глубоко презирали, впрочем, Худоежко тогда еще не жила на Насесте. В больнице ее вполне себе подлатали и выпустили, наказав не поднимать ничего тяжелее чашки с чаем. Худоежко, однако, на следующий же день углядела, что в хозмаге дают линолеум, и, ничтоже сумняшеся, взвалила на плечо рулон и потащила домой. На следующий день она обратно была в больнице, где ей объяснили, что в сравнении линолеума с чашкой чая она больно ошибалась. В сумме своей Коромысло и Худоежко давали мраморного льва вместо привратника: звонков не слышали, записок, самолетиками пускаемых в окна, не видели, дверь, соответственно, не открывали. Бабушка их ценила: ну и хорошо, думала, – меньше придет просительниц, меньше надоедал, а кому действительно надо – пробьется.

*

Кто бы там что ни заливал про злотворные и губительные взвеси в водах Черного озера, в Куриной Слепоте озеро издавна полагали целительным – благодаря изобилию сероводородных родников вдоль впадающей в него речки Вонючки – отсюда, собственно, и название ея. Да что в Куриной Слепоте – с самого губернского города ездили на озеро, железную дорогу ради чернозерского курорта протянули, строили дачки. Один помещик из соседнего уезда, человек денежный, большой туз в губернском обществе,

прикупил землицы на другом берегу, у села Тёткина – подальше от города и от дачников пошлых, и усадьбу построил, для своей жены преимущественно – чтоб ей тут жительствовать и от нервов лечиться. Навряд ли, однако, целебные воды, лодочные прогулки да травяные чаи на веранде успели избавить Любовь Аркадьевну от ее неврастении, потому что тут как раз начало всё сыпаться и рушиться. Муж ее, более верный присяге, нежели привязанный к супруге, не заезжая на Черное озеро, отправился воевать к черному барону, там и сгинул. Любовь Аркадьевна свалила в Париж, к своему аманту-морфинисту, перед отъездом же строго наказала управляющему усадьбу сжечь, в знак доверия поцеловав его в щеку и оставив ему свой перстень. Он сжег в ту же ночь: развинтил горелки всех ламп, облил керосином портьеры, ковры, тома в библиотеке – и сжег; горело до утра, видно было из города. Тем временем тёткинские мужики, долго чесавшие репу, решили, наконец, что они не хуже других, и взялись за топоры, вилы и прочие грабли. Да только вхолостую: над барыней не надругаешься – сбежала, усадьбу не ограбишь – сгорела. Увидев, что бунт свой они прощелкали и не будет им ни барыша, ни славы, мужики с расстройства схватили управляющего, сняли с него зачем-то штаны, отлупили вилами и всунули в бочку вниз головой. Так он и умер, на глазах у своей малолетней дочки – больше у него никого не было.

Дочка управляющего осталась в Тёткине – куда ей было податься, такой маленькой. Только с тех пор она ни с кем на селе не разговаривала, жила в крайней избе, деньгами новыми не пользовалась и паспорта не получала, держала коз, шерсть меняла на сахар, с сахаром варила варенье, варенье – необыкновенно вкусное у нее получалось – меняла на то, чтоб не трогали, и изредка на одежду. Так и прожила всю жизнь, пока не оказалась на Насесте.

*

– Видела нашу математичку.

– Екатеришку?

– Ага. У вокзала. Отрастила бородку, идет такая респектабельная дядечка – в белой полотняной тройке, с чемоданчиком и букетом белых же пионов наперевес.

– Боже мой.

– А чего, бывает. И на здоровье. Может, конечно, и не она, обозналась.

*

Бабушка выслушала от Подколодной историю многосерийного конца света в Куриной Слепоте – как история эта Подколодной виделась, выслушала ее опасения насчет санэпидемнадзора и Черного озера, ее подозрения насчет Мамаши, ее пожелания насчет Рыжей курицы, ее угрызения по поводу бездействия при таких пирогах («как едешь в поезде и перед каждой станцией машинист по громкой связи грязно материт пассажиров – и вроде обидно и возмутительно, но до машиниста не добраться, а сойти и отправиться пешком – пороху не хватает») – и подняла ее на смех. «Не верь, – сказала, – всему, что болтают. Эти нонешние дела, что со Слепотой происходят, не ваших рук дело, да и вообще – не человечьих. Ишь, возомнили о себе. Что Марыся ваша неуемная, что Мамаша ейная фартовая, что конверт твой тисненый – всё тьфу, ерунда. И не обольщайтесь, будто вы можете чему помешать или что исправить. Это всё на другом этаже решается-то».

Что мир так устроен: над девками и девками постарше, тетками, есть другие «этажи» – бабок, затем – бабок-ёжек, а затем и Бабы-яги, – девки, разумеется, знали – их этому только что в начальной школе не учили. Подробнее обычно никто ничего не знал, но все о чем-то догадывались. Бабку-ёжку Куриной Слепоты – Курью Гузку Соломоновну Просометр (так ее, по словам Бабушки, звали) – даже видали, ну или думали, что видали.

– Я помню, как эта Соломоновна, – оживилась Туся, – в уменьшенном виде на голове нашей директрисы танцевала – во время торжественной линейки у гороно. Лимониха никак понять не могла, в чем дело, только головой дергала, беспомощно поправляла прическу да страдальчески морщилась.

– А я видела ее дворничихой у автостанции. С такими смешными рыжими космами и, натурально, огромной метлой. Еще у нее было колодезное ржавое ведро и кошка черная, здоровенная. А потом она взяла кошку за шкирку и плюхнулась в это свое ведро и не то чтобы улетела, а так – заскользила-заскользила по земле да и исчезла.

– А вот недавно – я ее еще в стекляшке нашей наблюдала. Она брала бутылку водки и сырок «Дружба». Только денег кассирше не дала, а перед носом пальцами щелкнула – кассирша и пробила.

– Девки, а вы уверены, что они, ну, настоящие? – осторожно осведомилась Крах.

– Они настоящие, Марина, – в этом я уверена. По крайней мере, более настоящие, чем мы. И хватит, наконец, строить из себя столичную дурочку! Ты не можешь не знать, что они настоящие, хотя бы потому, что сама под их дудку пляшешь уже сколько лет.

*

Математичка Екатеришка отличалась скверным нравом: снижала за помарки, за малейшую заминку у доски отправляла на место с неудом, за каждый же неуд вызывала родителей и что ни урок – почем зря ударялась в крик. Кричала так, что Софья Александровна пару раз приходила из своего кабинета, тихонько открывала дверь и, подняв бровь, с интересом наблюдала, что происходит. Особо проницательные говорили, Екатеришка потому такая неуравновешенная, что любит закладывать за декольте, но никаких подтверждений тому не было; скорее, по неопытности – только из института – Екатеришка сама боялась всех и вся, а обнаружив на себе холодный недоуменный взгляд С.А. («что вы себе позволяете?»), и вовсе готова была описаться от ужаса. Так или иначе, все мечтали ей насолить. Однажды после уроков Подколодная прокралась в класс, немного поискав, нашла в шкафу аккуратные стопки самостоятельных работ и щедро залила их белым вонючим клеем. Екатеришка всегда, раздав самостоятельные на посмотреть, собирала их обратно, а потом сдавала в макулатуру. В коридоре Подколодная встретила Крах – та задорно на нее взглянула и ничего не сказала. На следующее утро Екатеришка сидела за столом, распираемая злобой: ногти скоблят плексиглас, каблуки постукивают по линолеуму, краска заливает шею и грудь. Увидев Подколодную, она открыла рот и 10 минут орала так, что ручки дрожали в стакане, мел крошился, лампы мигали, а висевшая над доской линялая табличка «Нельзя выучить математику, глядя в тетрадь к соседу» свалилась с одного гвоздя.

Крах свое предательство успешно амнезировала и всегда с праведным возмущением утверждала, будто в тот день заболела ангиной и еще неделю валялась с 38.8. Заболеть-то она в тот день, может, и заболела, но уже ближе к вечеру. Подколодная, впрочем, ту историю не поминала, да и ко всем позднейшим проделкам и выходкам Крах была довольно снисходительна. «Талантливая желчь, – говорила она про Марину, – запертая в жестянке, колотится-бьется о стенки».

*

– Никогда не буду водить машину.

– Да ладно тебе, все вроде научаются в конце концов.

– Я не говорю, что не научусь, я говорю, что не буду. Потому что, когда едешь на машине, за тобой всегда кто-то едет. А меня это нервирует. Если человек за мной идет, все идет и идет – я могу его пропустить, как бы невзначай, а машины-то все не пропустишь.

*

В тревожном утреннем сне, в ожидании неподкупного будильника, ей приснилось, что отныне из крана будет течь, точнее, выползать тяжелыми каплями вересковый мед, но она никогда ни за что никому в этом не признается, будет медом мыться и в чайнике его кипятить, и варить в нем яйца – но врагу не проговорится, будет тверда – как старый горбатый карлик и мальчик пятнадцати лет.

Кому же это приснилось? Что ли Подколодной в предбудильничном ворочанье, а возможно, Нине Арнольдовне в пыльной послеобеденной библиотечной тишине. Факт в том, что сон такой в Куриной Слепоте зафиксирован был. Кем? Наверно, органами. В индексе запрещенных снов ему присвоили кодировку «Спецкран» и убрали в спецхран. Впрочем, мало ли что люди болтают.

*

– Намедни, то бишь году в прошлом-позапрошлом, бабки-ёжки других райцентров области разосрались с нашей бабкой-ёжкой из-за того, что та поленилась принести с подполу банку огурцов, а другие говорят – подала товаркам подгоревшую яичницу, или есть такое мнение: втихую съела плитку горького шоколада, не поделившись, – и наконец, кой-кто уверен, будто дело в том, что сама стирала новеньким, всего десятилетней давности, стиральным порошком, а наврала, будто мыльным корнем. И обозлились они на нее и задумали ее проучить. А бабки-ёжки эти ближние – Самая Старая, значит, Абрамовна Прапрамуттер, потом Козья Нога Эфраимовна Бобоштейн, ну и Кривая Злыдня Эммануиловна Граблинович – не лыком шиты, и палец им в рот не клади. Стали они удумывать всякие пакости, чтоб извести Куриную Слепоту и бабку-ёжку нашу Соломонну лишить ее удела. Ну как извести? Землетряску какую мощную, чтоб под землю ушла, у них полномочий нету, надо как похитрее. И вот осенило их через вашу Марыську действовать. Наслали небось к ней кикимор своих болотных – Наську с Алькой – науськивать. Не самый мощный, конечно, она паровоз, но Мамашу нам организовала. При всем при том старухи вредные и вспыльчивые, всё спорили друг с дружкой, в итоге ничего до конца так и не довели и не доведут.

– И что? – встрепенулась прибалдевшая Подколодная. – С озером-то как же?

– А ничего, – говорит Бабушка. – Не ссы, обойдется. Соломонна прознает про озеро, – тут Бабушка сладко улыбнулась сама себе, – нашлет Рыжую курицу...

– Правда, что ль, озеро выпить?

– Да ты че, дура? Зачем выпить? Клюнуть пару раз в темечко того, кто эту кашу заварил, бумагу эту гнойную наслал. Ну найдет, в общем, кто Мамаше пособляет. Она теперь, видать, обозлилась, что девка ейная ей не удружила, и вправду вздумала город погубить да прикарманить и усадьбу отгрохать. То есть это она так думает, что сама решила, а на деле – все ёжки чудят. В общем, Соломонна ее уроет, я думаю, Мамашу енту. Эммануилна, самая злобная которая, может, еще че-нить наколбасит, так Соломонна опять отобьется. Ну а там, надо думать, базар уж и завянет, потому что сколько можно. Они все ж таки друг дружке не чужие, баб-ёжки-то.

– В смысле, – уточнила Подколодная, – не чужие?

– Так сестры ж. Мать их Баба-яга, да пребудет ступа ее неприкосновенна, с разными моньками ветхозаконными в избушке своей спала, потому что из наших не находилось охотника – все ее боялись до смерти. Так бабки-то ёжки наши и вышли. А что от разных отцов – так мужики в ентом деле не главные.

*

Или так. Катится по мостовой на трех колесиках бурая помойка, дребезжа незакрытой крышкой, и на поворотах вылетают из нее картофельные очистки и молочные паке-

ты, исписанные блокноты и поношенные кеды, пузырьки, коробочки, мокрые газетки и органзовый букет невесты.

А навстречу ей Колобок:

– Помойка-помойка, я в тебя плюну!

Укатилась от него.

Катится дальше, подпрыгивает на булыжниках, вываливаются из нее увядшие тюльпаны и рваные носки, безрукие куклы и сигаретные пачки, фантики, ленточки, яблочные огрызки и гипсовый бюст поэта.

А из-за угла снова Колобок:

– Помойка-помойка, я решительно настроен в тебя плюнуть!

Укатилась от него.

Катится, позвякивает, крышкой похлопывает, низвергаются из нее пустые катушки и розовые обмылки, непарные перчатки и прохудившиеся кастрюли, талончики, фестончики, луковая шелуха и полное собрание сочинений в 55 томах.

Тут откуда ни возьмись опять Колобок:

– Помойка-помойка, куда катишься, такая хорошая да пригожая?

Помойка ему:

– Не дура – читала, не проведешь!

– Да я ж хочу сделать как лучше!

Поверила ему.

Плюнул в нее и закричал:

– Пусть гадость превратится в радость!

И зацвела помойка белым шиповником да персидской сиренью, и поплыла над бульварами, а градожители шли за ней и песни распевали.

*

– Вот оно что, – протянула Туся, как Подколодная закончила рассказ. – А я думала, не мать она им, Баба-яга-то, а навроде гувернантки. А отчества такие они для профформы берут, порядок у них такой.

– Может, и порядок. Бабушка-то сама мечтает, как помрет, вместо того чтоб в хрустальном гробу на цепях качаться, баб-ёжкой стать. По правилам, говорит, надобно от Бабы-яги уродиться, но вроде бывали и исключения, и верит, что за особые заслуги тож можно. Думает теперь, какое б ей имя принять. Она поскольку все больше по варевам да вареньям, то вот и выбирает: то ли Клюква Герасимовна, по-простому, то ли покрасивше – Волчья Ягода Генриховна.

*

Крах пришла перед отъездом помолиться на свой пустырь. Засланки Асенька с Аллочкой, к ее большому облегчению, не явились, стояла бабьелетняя тишь-благодать, только очень хотелось в тубзик, и по-большому. Что поделаешь – нехорошо ведь молиться и думать про тубзик, и под куст неприятно идти – вдруг какая кикимора твою попу подглядит, и подавить в себе это желание жалко – уйдет ведь. Вспоминала туалетную бумагу, купленную в Белорезиновой перед отъездом, – та пахла, будто на нее флакон духов вылили; и в этом вся Белорезиновая, вся, – думала Крах с неожиданным содроганием. Еще она думала о том, что теперь уж точно-преточно не хочет одалживаться у бабок насчет навоза и заводить ребенка ни от ослика Иа-Иа, ни от Чебурашки. И вообще, дело хлопотное. Если уж ничего стоящего из меня не выходит, – мужественно произнесла она про себя, до крови, как ей казалось, кусая губы, – возьму девочку, рыжую, из детдома, что за городом. Раньше там был ведомственный дом отдыха, как Крах говорила в детстве, дом отдыхания. Вспомнила, как была там с мамой на зимние

каникулы, как шли они из сельпо, прикупив печенья к чаю, так как кормили безобразно, – январские сумерки, впереди фыркающий запорожец на последнем издыхании из-за мороза и телега с молочно-белой лошадью – пар из ноздрей создавал ей пышный нимб. По детской памяти, дом этот был бесконечен в своем однообразии: лестницы, коридоры, стеклянные двери, курилки с дерматиновыми креслами, пыльные ковровые дорожки, пальмы в кадках, столовая с огромными окнами во всю стену, из которых дуло так, что компот замерзал в стаканах. Надо забрать девочку из этого лабиринта, пока ее не съел минотавр. Не прямо сейчас, но надо; в следующий приезд, может быть.

И еще Крах решила поменять фамилию на мамину. Хотя от себя, понятно, не убежишь.

*

В стеганом жилете, как у кладовщика, надетом поверх ночнушки, Вичка стояла на кухне и осторожно наматывала нитку чайного пакетика на ручку кружки. Потому что если не закрепить его как следует, может случиться черт знает что, мир может рухнуть, ну или сгореть – как сделали все ее макеты, все до единого, и оставили ее совсем одну. И теперь всякая сволочь норовит заглянуть к ней в окно и в душу. Вичка отдернула тюль и, зажмурившись, высунула в открытое окно кукиш, – она поступала так в свои смелые моменты, когда чай приятно обжигал изнутри и терпкостью напоминал неведомое (Вичка не употребляла), но наверняка отменное вино папского замка, а тапочки размашисто скользили по паркету и несли ее к новому замыслу, к успеху, к звездам.

*

Подколодная сидела у себя в Конторе и задумчиво смотрела на большой, в форме сердечка, пряник, завалявшийся с прошлой недели в ящике стола. Надкусила его, и тут же ломаная трещина рассекла белый мрамор сахарной глазури. Закрывавшая небо с утра корка свинцовых облаков тоже потрескалась, и сквозь кракелюры проблескивало солнце. Подколодная доела пряник, собрала с колен все крошки, отправила их в рот. И сдержанно усмехнулась подоконнику. Поутру в сберкассе она встретила Софью Александровну; та, кажется, переводила деньги только уехавшей Марине, о чем, впрочем, распространяться не стала, зато неожиданно пригласила Подколодную на чай: «Заходи, Зинуш, – у меня есть апельсиновое варенье и – тебе ведь уже можно (полуулыбка) – недурной коньяк, и вообще мы сто лет не разговаривали». Прощаясь, С.А. скользнула ладонью по Подколодному плечу; она по-прежнему была чувствительно выше.

Подколодная смотрела на подоконник, боясь оторваться. Вспоминала, что унитаз месяц не мыт, в холодильнике хоть шаром и лампочка в коридоре перегорела, черт, не лампочка даже, а проводка – что ли прикрепить на вешалку лампу-прищепку с кровати? Нет-нет, опоминалась, к чему это все, не ко мне же приходят – наоборот. Обдумывала сбивчиво, что надеть, что купить, когда прийти, как держаться, наконец, говорить о чем – не дай бог не фамильярно, но и не как на экзамене. Как бы так подготовиться, соломку везде подстелить, чтобы не оказаться свиным рылом на курьих ножках да на хрупком весеннем льду.

Пока в уме своем Подколодная хлопотала и планировала, в сердце у нее просыпалась и зрела насильно забытая нежность – болезненная и хрупкая, как крошечная белоснежная кофейная чашечка производства ЛФЗ. Зина медленно вспоминала ее, ощупывала и лелеяла, и чашечка росла, превращаясь из кофейной в чайную, обзаводилась золотым кантиком, блюдечком и ложечкой. Так ли уж необходима ложечка, Подколодная еще размышляла. Она боялась разбить чашечку или истратить всю свою нежность тут, в Конторе, глядя в подоконник, но боялась и дорастить ее до целого сервиза, с чайником

и молочником, который займет всю ее душу и тут же будет смахнут со стола великосветской любезностью С.А., а осколки – заметены в совок ее ни к чему не обязывающего дружелюбия.

– Что ж я так трушу, а как от фашистов собиралась спасать? – устыдилась вдруг Зина. – Хоть бы и разбился сервиз – это не повод его не иметь.

Ровно в восемь, в белой рубашке, с охапкой аршинных пурпурных роз Подколодная изучала кнопку звонка – но не более двух минут. Была не была.

*

Между тем на выходе со свалки, в самом вонючем месте, которое ежедневно обновлялось свежими помойными мешками, в картонной коробке, прикрытой байковой пеленкой с аляповатыми мишками, надрывался плачем младенец. Это оказалась девочка с черными волосьями и даже бакенбардами и чуть ли не крючковатым носом – малютка бабка-ёжка. Подбросили ее на свалку или самозародилась она там, так и останется неизвестным. Все будут пугать тем, что девочка, как и Зеленая Машинка, не без скрытого дефекта – хороших вещей на свалке не бывает, по аналогии с бесплатным сыром. Впрочем, народную мудрость Крах никогда не жаловала, как и сам народ.

На слове «народ» поезд резко притормозил на подъезде к станции, и тут же загудел и прогрохотал мимо встречный скорый. Крах проснулась: три часа пополуночи на вокзальных часах. Она вытащила из-под полки свою сумку, сминая ковровую дорожку, проволокла ее по коридору и, отодвинув плечом заспанную проводницу, выскочила из уже вздохнувшего и качнувшегося поезда. В остывшем вокзале не наблюдалось ни души; беленые двери буфета, туалета и касс были заперты на разной величины навесные замки, станционный смотритель курил на платформе. Крах сверила расписание и уселась ждать утреннего поезда, чтобы вернуться в Слепоту. Как и много лет назад, когда в восьмом классе она решила уехать, сомнений у нее не было.

*

Под ржавой горкой на детской площадке Туся закапывала Лялины ногти, как делала всегда. Так безопаснее. А то мало ли что.

Андрей ПЕРМЯКОВ

СТИХИ ДЛЯ ДАШИ ФИЛИППОВОЙ

Готика

В апреле небо входит в берега,
как будто в речь впадают, невесомы,
события иного языка:
«серебряный», «хлеб», «жёлудь», «речь», «река».
Цепляет снегопад лесные кромы.

Небесный Готланд плавает в тиши
неимоверно правильного свода.
Остановись, не говори – дыши
коротким двуязычием природы.

Excelsior зеленоватых крыш
похож на плеск зеленоватых крыл.
Ты – есть. Уитмен, скажем, тоже был,
когда спросил: «Кто это раздарил»?
В апреле знаешь. Оттого – молчишь.

К зиме

Время сделалось странное, влажное,
словно туман стоял, а потом присел на траву и дома.
Одноэтажное выглядит будто многоэтажное,
многоэтажное выглядит будто совсем неважное,
важное выглядит точно доступное каждому.
Дежурная тьма печалит, как небольшая тюрьма.
Будто бы ветер над просекой выл, выл,
а потом зима без ветра и снега.
Будто коньки забыл, и в чёрный лёд с разбега
сначала носком ботинка, а после – вразмах лицом:
не то, чтобы очень больно, но не поднять лица.

Андрей Пермяков родился в 1972 году в городе Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую Академию. Жил в Перми и Подмосковье. В настоящее время проживает во Владимирской области, работает на фармацевтическом производстве. Стихи, проза и критические статьи публиковались в журналах и альманахах «Абзац», «АлконостЪ», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Графит», «Новый мир» и др. Автор книги «Сплошная облачность» (2013). С 2007 года постоянный автор журнала «Волга».

Время теперь надолго писчебумажное,
Помнишь рыбалку с отцом? Грузила пахнут свинцом,
леска свернулась кольцом, газета пахнет свинцом.
Речка цвета свинца.

***

Он тогда говорил,
Точно очень давно говорил.
Говорил, словно зря изломил
Предпоследнюю спичку.
Говорил:
«Это разные вещи совсем: “справедливость” и “месть”.
Это разные вещи совсем: “справедливость” и “жесть”.
Это разные вещи совсем: “справедливость” и “честь”.
Это разные вещи совсем: “справедливость” и “лесть”».
Он глотнул, будто переломил перемычку.
Говорил:
«Это разные вещи совсем: “справедливость” и “Весть”.
Это разные вещи совсем: “справедливость” и “здесь”».
А потом он устал собирать-разбирать кавычки.

Центон

Хозяйка хороша, а дочь её прекрасна.
Но Гнедич отвечает на письмо:
Ты Батюшков, родной, надеешься напрасно
переменить людское естество.

И Батюшков один выходит на дорогу
при шпорах на разбитых каблуках.
За ним следят мамаша с недотрогой
и белобрысый *с кистию в руках*

Читай: *Эклога. Жанр себя изжил*
к началу XIX века.
Но всякий говорил, и как-то жил,
и повстречать пытался человека,

печалился, робел, когда влюблён,
зачем-то брал амура с книжной полки...
Живая вечность *усладит печальный сон*
рассудка памяти печальной. Ненадолго.

Сретенье

Для вечера не подобрать уже
иного слова, чем «заворожённый».
Так щёлкает вода по капюшону,
как будто с неба падает драже.

Стекает на квадратные газоны
слоистый снег с квадратных гаражей.

Отчётливый и громкий голос снега
похож на очень ровный голос с неба.
Чудесный ювелирный молоточек
стучит балладу про соседских дочек.
Рассказывает всё, что не бывало.
В неправильный узор репейных точек
ложится золотое покрывало –
с квадратных гаражей стекает шёлк.
С надеждой спросишь: «Отчего так мало»?
В ответ – «щёлк-щёлк» и снова «щёлк-щёлк-щёлк».

Деревья за Клязьмой

Здесь детский страх, где многое возможно,
не стянут мхом, но облачён в меха.
Оборотись налево осторожно:
ольха? Так это вовсе не ольха,
но чудо-юдо или просто злое чудо.
Другое наклонилось, где вода;
и трое обнялись как будто двое –
среди живых уснуло неживое –
так, словно не происходило ниоткуда.
И никогда.

Радио

Но поле за тонким лесом на самом деле «лежит»,
А дорога – вот честное слово – похожа на серую ленту.
«Продолжается слабая вегетация озимой ржи».
Что-то ещё происходит над остывающим континентом.

Вода в предпоследнем пруду к холодам отцвела.
Плавает пряжа из серых и слабых ниток.
Можно опять смотреть сквозь чёрные зеркала
На подлежащих тяжёлой зиме улиток.

Лоскутная техника средней и мокрой осени.
Метод нарезок: вот дождик опять, чуть побыв, перестал.
Опята теперь появляются сразу поздние,
Как дети бывают такие красивые, поздние,
Хрупкие, будто искусственный, но бесподобный кристалл.

Прерывая головокруженье глотком ледяного –
О, неотменимая дурнота облетевшего леса! –
Принимая звонок, но не отвечая снова,
Чувствуешь вес всего, что не имеет веса.

Думаешь: «Вот ты стоишь, а насквозь тебя радиоволны.
А смотришь ты тоже на волны, но на простые волны.
Одни сквозь тебя проходят, другие нет».
То есть не думаешь ни о чём, а день такой полный-полный.
Слабая вегетация. Остывающий континент.

Владимир ТУЧКОВ

ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА

Надуманное

***

Вместо социального государства мне нахраписто впаривают социальную сеть Facebook, где надо до полной потери разума жать на кнопку «Мне это нравится»! Таковы нынче доступные формы гражданского волеизъявления.

(тупо глядя в монитор)

***

Вхожу в вагон метро. На скамеечке для троих сидят два молоденьких милиционерчика. Нахохленные. Понятно, что между ними и всеми остальными барьер непреодолимый. Разные касты.

И вот я намереваюсь сесть рядышком. На то самое свободное место, где лежит дубинка. А лежит она там потому, что милиционерчик понимает – никто с ним рядом не сядет. Пусть уж дубинка полежит.

Поняв мои намерения, он убирает дубинку. И когда я сажусь, поворачивает голову и с изумлением на меня смотрит.

На остановке вошла гражданка средних лет. И мой юный сосед уступил ей место! И она села, поскольку оказалась не рядом с двумя неприкасаемыми, а между мной и милиционерчиком.

Таким образом, ксенофобия в Москве слегка поубавилась.

***

А ведь есть люди, всё собой написанное называющие *произведениями*. Такие спят спокойно, поддерживают в норме кислотно-щелочной баланс во рту и имеют назидательную форму черепа.

(на литературном вечере, позёвывая)

***

Ну вот, начали рассусоливать по поводу церетелиевского стометрового истукана, что наводит жуть на пеших и конных, перемещающихся по Крымскому мосту. Ах, как дорого и сложно его демонтировать! Ах, куда переставить, чтоб смотрелся поорганичней и не разрушал ландшафт! Да отдать его на хрен бомжам на поживу! За неделю ножовками распилят и в металлолом сдадут. Вот и вся недолга!

(наблюдая в телевизоре метания нашей так называемой творческой общественности)

***

Читаю заголовок: «В Махачкале силовики блокировали в доме боевиков». И вижу, что интонационная разница между силовиками и боевиками мизерна. Это как в «Чапаеве» – ты за большевиков али за коммунистов? Я, Фурманов, в рот тебе дышло, за вертикаль!

Владимир Тучков родился в 1949 году в Подмосковье. Окончил факультет электроники Московского лесотехнического института. Стихи и проза публиковались в России, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Израиле, Нидерландах, Словакии, США, Украине, Франции, Швеции как на русском языке, так и в переводах. Автор двух сборников стихов и двенадцати книг прозы. Ряд рассказов был включен в «Антологию русского рассказа XX века. 50 авторов», вышедшую в издательстве Academic Studies Press, США.

***

Пребывая на даче, окончательно понял, что совершенно не знаю, о чем надо, а о чем не надо говорить с простым народом. Поэтому, попав невзначай в гости, после двух рюмок спешно откланялся. Неизвестно, чем бы это все закончилось для меня, если бы засиделся еще с полчасика... Как теперь считать себя писателем – ума не приложу!

***

Генетические ошибки всех его бесчисленных предков были доведены в нём до совершенства.

***

Чем фланец отличается от флаера?
Тем же чем немец от фраера.
(освежая в памяти азы версификации)

***

Входишь в цветочный магазинчик и просишь восемь гвоздик.

Продавщицы немедленно принимают скорбное выражение лиц. И, чтобы соответствовать, принимаешь примерно такое же. Хоть и прошло уже двадцать три года.

Так они и работают, откликаясь лицевой мускулатурой то на счастье, то на горе.

Точнее – на то, как они понимают эти категории. Как мы все их понимаем.

***

Вставание обезьяны с четверенек имело крайне печальные последствия. Поскольку в результате было нарушено нормальное кровообращение.

Следствием этого прискорбного обстоятельства стали:

1. Варикозное расширение вен нижних конечностей.

2. Сужение верхних сосудов, влекущее за собой гипертонию.

3. Недостаток мозгового кровообращения, благодаря чему человечество ведет дело к самоуничтожению.

4. Скопление крови в серединном участке. Из-за чего прямоходящая обезьяна, в отличие от животных, вынуждена спариваться в любое время года и любое время суток.

5. Ну, и вообще!!!

Можно предположить, что и Россия, вставшая с колен, подвержена аналогичным недугам.

***

С некоторых пор поход в поликлинику приобретает эстетическую окраску. Будто в театр приходишь, на какой-нибудь нуаровский спектакль.

Вот эндокринолог начинает поэтапно описывать мои состояния, если я продолжу в том же духе. И после каждого этапа она рефреном повторяет «вы понимаете, что это такое?». И чем дальше, тем больше эмоций она вкладывает в свой монолог. И неожиданно заканчивает: «И потом вам отрежут ноги! Вряд ли вы этого хотите!» Понятно, что актриса пытается вмешаться в происходящее на сцене, повернуть сюжет в другую сторону.

Другие играют по-иному. И каждый по-своему. Эта бережёт свое уравновешенное душевное состояние и потому беспрестанно улыбается.

Другая смотрит на меня с плохо скрываемым страхом, поскольку я ей напоминаю о её аналогичных проблемах.

Третий наслаждается, поскольку с детства воспитан на фильмах Хичкока. К тому же, наверно, недавно прочитал мою лимбус-прессовскую книгу «Последняя почка».

Самым сильным актером с выигрышной ролью оказывается хирург. Бесстрастно, как патологоанатом, он подробно рассказывает мне о том, от чего, как и примерно когда я умру. И я вижу свое отражение в его чёрных, уходящих в бесконечность сознания зрачках.

Но главный-то герой – это я сам. Да и пьесу сам пишу.

Собственно, уже и написал.

***

Только что посмотрел «Дело Румянцева», где блистательно играет Витенька Коваль в коротких штанишках. И всё время меня удручала тяжёлая дума: как же это так – с этим чистым и непорочным ребёнком я пил водку и рассказывал сему скабрёзные анекдоты?! Сгораю от стыда. Прости, Виктор Станиславыч!

***

Решив углубить свои познания по части оскорбительных и неоскорбительных названий чернокожих граждан, набрал в Яндексе «этимология слова негр».

И высыпал мне Яндекс множество документов и одну фотографию, на которой запечатлен Лев Рубинштейн.

И неясно мне: то ли Лев Семёныч наш главный этимолог, то ли всё-таки негр.

***

Еще пару лет назад рекламисты гарантировали потребителям всяческих кремов увеличение упругости кожи на 30-40 процентов. Стадия тихого помешательства сменилась буйным умопомрачением. Сегодня услышал, что крем повышает энергию кожи на 120 процентов. Если рекламистов не изолировать от общества, чего же следует ожидать в обозримом будущем?

***

На моей лестничной площадке, в квартире напротив, жил вор Серёга. С известной долей авторского произвола я его описал в одном из своих рассказов. Года три назад он умер.

А сегодня я обнаружил, что рядом с квартирой Серёги живет милиционер. Нормальный такой – в форме, при сержантских погонах, с румянцем на лице. Интересно, как бы они сосуществовали, если бы пересеклись во времени?

***

Для чего потребовалось разрушать научную парадигму?

Да для того, например, чтобы в рекламе «антигриппина» устами фрика в белом халате сообщить, что эта штуковина уничтожает микробы гриппа.

(наблюдая невооружённым глазом толчею жизни за окном)

***

– Да что ты?! Ей и семидесяти-то не дашь!

(из услышанного в трамвае)

***

В арке у аптеки с небольшой периодичностью появлялась незрячая дама, просящая подаяние. Ну, иногда и я ей что-то такое давал. Дама лет сорока пяти. Изрядно пьющая, что мной было выяснено, когда однажды в аптеке она покупала спиртосодержащую настойку. Однако на лице это пока не проявилось.

И вдруг она куда-то исчезла. Иду и думаю: сейчас я ей пятирублёвую монетку дам. Или десятирублёвую, желтенькую. Сворачиваю за угол – нет её. Неделю нет. Две. Месяц. Уж не умерла ли? Не чужая ведь. Однажды переводил её через дорогу. Рассказала о нелегкой жизни и все такое прочее. Нет, не чужая.

Сегодня появилась. Маленькая радость. Пятиминутная – столько занимает дорога от аптеки до дома.

***

Вряд ли можно втемяшить дикторам с НТВ, что форму надевают, а не одевают!!!
(на лингвистическом посту)

***

Только он написал «Жизнь была» и хотел продолжить фразу какими-нибудь псевдоглубокомысленными словами, как тут же рухнул на стол и скончался от разрыва аневризмы. Это сочинение в дальнейшем было признано самым значительным его произведением, в котором ему удалось донести до читателя в афористичной форме всю трагедию человеческого бытия. Хотя были и такие, кто назвал это дешёвым перформансом. На всех не угодишь.

***

Тень от пожарной каланчи во второй раз накрыла стакан с виски. Он сидел в той же позе. С тем же лицом. Где-то там внутри себя он напряженно думал: в вышних ли сферах очутилась душа его? Или же робко переминается с ноги на ногу в предбаннике ада?

***

Достоевский, написав крылатую фразу «Тварь ли я дрожащая или право имею», несомненно, вложил в неё и второй смысл. Который стал сейчас, в эпоху правового нигилизма, очевидным. Раскольников право имеет в самом что ни на есть сексуальном смысле.

Битва производителей

На стадионе в Ирландии, где играют местная и наша сборные, параллельно проходит еще одно сражение. Напротив трибуны с рашн турист идет массированная реклама, в которой рубятся друг с другом наши водочные и пивные производители. Лишь изредка высунется что-нибудь постороннее: товар, который не принимают вовнутрь, какой-нибудь пылесос или мобильник. Водочники пока давят со всей своей сорокаградусной мощью. Лишь изредка высунется какой-нибудь «Старый мельник», и опять на жидкокристаллическом экране сменяют друг друга «Пять озер», «Журавли», «Столичная», «Немирофф»... Что же, подождём, что будет к концу игры, у пивняков наверняка в запасе немало тактических наработок.

***

Заходил в Пятерочку. По поводу ик-энда большое оживление. Все мущщины приобретают стандартный набор: одна водка и два пива. На мой сок и творог кассирша посмотрела с большим неодобрением. Дескать, от такого что угодно можно ожидать. Но смолчала.

***

Кем бы я был, если бы вдруг написал: «Метро – это кровеносная система столицы»? Да никем, одним из множества попугаев. И вы, друзья мои, могли бы на законных основаниях плеваться мне вослед.

За некий положительный результат вербального моделирования системы «человек – город» или «человек – страна» вполне можно признать давно написанную мной строчку «...разбегающиеся от сердца родины до самых склеротичностей узкоколейками».

Однако и это тоже была своего рода абстракция, не основанная на личных переживаниях.

И вот сегодня, перемещаясь в метро, я ощутил эту связь с пространством города прямо-таки физически. Станция – станция – станция – станция... И практически у всех у них обрублены продолжения, или от них тянутся омертвелые, а потому и не видимые нервные продолжения, фантомные:

Здесь выходил и ехал на чём-то к товарищу. Его уже нет.

Здесь полгода почти каждый день ездил в редакцию. Редакции той и след простыл. И Ани Политковской, с которой мы там вместе работали, тоже нет.

Еще одна редакция, журнала, которого тоже нет – по какой улице я к нему ходил? Или на чем-то ехал?

Здесь был сквот художников, который прибрал к рукам близстоящий храм.

А если выйти здесь, то попадёшь в студенческий театр, где мы сто лет назад, в прошлом веке, мощно выступали клубом «Поэзия». Но опять упираешься в церковную ограду.

Или что-то по-прежнему еще существует, но уже не для меня. Как театр с детским утренним спектаклем, на котором Лиса Патрикеевна фривольно пошучивала с отцовской частью зала, не угрожая при этом детской целомудренности...

Говорят, что в конце концов нервные окончания сожмутся в точку. Отсохнут. Или отгниют. Или обрубятся. И, по идее, и доживать не больно, и помирать не страшно. Без нервов. Однако это тоже чистое умозрение, схоластика. Поскольку существует такая отвратительная вещь, как фантомные боли.

Правда, не все до этого доживают.

***

Добывал консервы для кота. И параллельно боролся с американизацией родной речи. И где бы я ни просил «Оска́р», всюду надолго задумывались. А потом, хлопнув наманикюренной ладошкой по лбу, – «А, О́скар» – ударяя на первом слоге. Нет, говорю непреклонно, – Оска́р!!!

В общем, купил только в одном месте. Видимо, продавщица была в прошлом учительницей русского языка.

***

Сегодня ходил в деревенский магазин. Когда пил пиво на лавочке около оного, познакомился с человеком 47-ми лет. Он угостил меня самосадом, поскольку давно уже безработный и живёт на пенсию матери. Т.е. денег нет ни на что из того, чем в России принято разрушать здоровье. Сокрушался, что не может выпить в связи с яблочным спасом. Спросил – сколько? Оказалось, что 40 рублей на чекушку. Именно столько стоила и моя банка пива. Я спонсировал.

Рассказал мне этот человек о том, что поля близ моей дачи пахали его дед и отец. А теперь они огорожены забором в связи со строительством коттеджного посёлка.

Возвращаясь домой, опять встретил отару овец, голов пятьдесят, которую человек с гор загонял в бывший пионерлагерь ликероводочного завода «Кристалл».

Что здесь будет лет через тридцать, уму непостижимо.

***

Существует так называемая «золотая осень». В общем, штука всем понятная и всеми чтимая. Однако горожане не имеют ни малейшего представления о том, что бывает осень платиновая. И она драгоценнее, чем золотая. Поскольку являет себя реже и на непродолжительное время. В этом году она была два утра в середине октября. Это когда зелёная трава и пока еще не совсем облетевшая листва после крепкого ночного мороза (было минус восемь) утром от инея абсолютно платиновая. И ходить ногами по такому чуду как-то абсолютно неуместно, робеешь.

Понятно, что в городе такого нет и в помине.

***

В подмосковных дачных местах хоть какого-то минимального слияния с природой можно достичь лишь сейчас, когда ноябрь уж на пороге. Безлюдье. В полукилометре от меня кто-то периодически топит печь. Где-то в страшном далеке по ночам шумят машины на Ярославке. Иногда прибегает от сторожа Мухтар, вымогает лакомств. Ну, ещё в небе какие-то иногда летают, мигая

лампочками. На речке живут выдры. Летом прячутся под какими-то корягами. А сейчас меня за своего считают – плавают мимо спокойно по своим выдриным делам. Разве что закурить не спрашивают.

А по ночам иногда снится, что где-то есть метро, есть человеческие толпы, нашпигованные мелкими неотложными делишками. Просыпаюсь в холодном поту. Выхожу на крыльцо. Закуриваю. Чур меня, чур!

***

Услышал на радио «Коммерсант FM» фразу «метеорологи, близкие к Кремлю». Надолго погрузился в безрезультативные раздумья.

***

Вышел утром на крыльцо, глянул на беспросветную погоду, и захотелось завыть. И завыл бы, кабы не опасался перепугать кота.

***

Половину ночи в американской тюрьме с темнокожими зэками творил сущий беспредел, именуемый бунтом.

Пора к психиатру.

Ну, или сценаристом в Голливуд.

***

У них там, видите ли, Булат Окуджава!

А у нас не хрен собачий, у нас – Великая Держава!

(слушая по радио концерт по заявкам Нателлы Болтянской)

***

На РЕН-ТВ некая телеведущая, перебравшаяся из Питера в Москву, заявила: если исполнять все 15 заповедей, то все будет нормалёк.

Надо бы духовникам Путина и Медведева как следует протестировать своих подопечных, какая-то у них в Питере своеобразная ересь на болотах бродит.

Светская беседа

Вчера с Фаиной Гримберг говорили о подагре.

С Данилой Давыдовым – о том, кому неплохо бы дать в морду.

***

ВЦИОМ провел в апреле опрос на тему «Что важнее – демократия или порядок?».

За такое в приличном обществе – канделябрами, канделябрами!

***

Вчера выяснилось, что мои знания социума, сформированные много лет назад, актуальны и по нынешний день. В чем я до вчерашнего дня сильно сомневался, в связи с чем комплексовал, – дескать, безнадежно отстал от бурного потока времени.

Отнюдь, отечественный поток является классической стоячей волной.

Пришел вчера – в понедельник – в мастерскую. Спросил у понуро покуривавших у дверей механического цеха рабочих: можете ли вы мне сделать фланец такой-то и такой-то? (Что это такое, рассказывать не буду, поскольку все равно не поймете, друзья мои.)

Можем, говорят, любой. Но только не сегодня. Потому что токарь болеет.

А когда поправится, спрашиваю с ненаигранным сочувствием.

Дык, завтра, отвечают, и выздоровеет.

Прихожу сегодня. И точно – токарь совсем здоровый. И даже причесанный. И всякая работа в руках его спорится, а на лице так и сияет молодеческая удаль.

И стыдно мне стало, что донимал людей глупыми вопросами в понедельник, который, как известно, день, ох, какой тяжёлый.

***

В начале 60-х годов прошлого века Радзинский написал пьесу «Сто четыре страницы про любовь».

Вскоре она вовсю пошла в театрах, и тут же по ней сняли фильм «Ещё раз про любовь», где главную героиню – стюардессу – с блеском сыграла клёвая чувиха, а ныне орденоносная и заслуженная артистка Татьяна Доронина.

Ясное дело, что стюардесса летала на самом первом нашем (и втором в мире) реактивном лайнере Ту-104. (Ведал ли автор, давая название пьесе, о столь явном совпадении чисел?)

Стюардесса любила физика. И сильно боялась, что он погибнет на своей увлекательной работе.

Однако погибла она сама. При исполнении служебных обязанностей.

Так вот Ту-104 (который сделали из дальнего бомбардировщика Ту-16) оказался самым аварийным советским самолетом. За всю историю его эксплуатации разбилось 37 машин, что составляет 18 процентов от всего их количества.

Что стоило Радзинскому сократить количество страниц на одну-две? Или убить в финале не стюардессу, а физика?

И не было бы тогда всего этого катастрофического кошмара, унесшего жизни почти двух тысяч человек – безвинных пассажиров и пилотов.

***

Информация для моих биографов: весь день работал тупо и рьяно.

16 сентября 2013 г.

***

Нет ничего страшнее, чем дикий капитализм в дикой стране.

(перечитывая сочинения Дарвина)

***

Отчего меня постоянно подмывает написать «отоларинголог» с двумя «Т»?

Оттого ли, что надо было в свое время эмигрировать в Германию?

Сидел бы сейчас с Нетто и Брутто на какой-нибудь штрассе имени Хуго Босса и дул бы пиво Тинькофф.

И звался бы Отто Тучкофф.

***

Порой проглядываю журналистские вакансии. И вот что теперь требуется от редактора:

– политическая грамотность: знание государственного устройства и проблем внутренней и внешней политики страны;

– в дополнительных сведениях, кроме прочих, приветствуется отношение к религии и партиям.

При советской власти я туда попасть никак не мог. Теперь, похоже, тоже.

***

Вчера, перечитывая сочинения графа Толстого и наткнувшись на употребленное им слово «буерак», долго и с огромным чувством хохотал. Сегодня, пробираясь через буераки, устроенные

для неудобства горожан нерадивыми дворниками, плевался и чертыхался. Сколь мстителен Лев Николаич, сколь мстителен! Ну, ничего, скоро свидимся, сочтёмся...

(после безрадостного визита к доктору)

***

Передо мной лежит квитанция. С номером и штампом. С моей фамилией и датой. В графе «наименование изделия» написано «нож», в графе «наименование услуг» – «заточка». Ворвись ко мне сейчас полицейские, найди эту бумажку – и загремел я лет на пять. А то и на все десять. Уж соответствующее дело они легко подберут: сейчас на улицах много народа режут.

***

Когда я встречаю в тексте стоящие неподалеку друг от друга ПРИТЧА и ПРИЧТ в предложном падеже, то понимаю – автор изрядный шулер. Таких надо канделябрами, канделябрами!

***

На автобусной остановке, на лавочке, два деда в камуфляже, в громадных валенках с галошами, с рыбацкими ящиками и коловоротами. Сильно нетрезвы. На чём свет стоит поносят при помощи скверных слов каких-то своих знакомых... и вообще – ситуацию в стране.

Ведь съездили на природу, умиротворились алкоголем, но на нервную систему благотворно это не повлияло.

В общем, у нас тут нет благостной старости. Нету! Вместо нее старость остервенелая.

В общем, у нас тут у стариков и у стремительно уходящей от них жизни обоюдная ненависть.

***

Антинаркотический комитет намерен ввести запрет на публичное исполнение русской народной песни «Посею я лён-конопель».

Я бы на их месте запретил еще и бренд «МакДональдс», заменив его на «Дональдс». И никих биг-маков!!!

Ну, а Советский Союз погиб исключительно из-за того, что в Госплане курили не по-детски.

***

День прошёл под знаками Дня милиции и дня рождения изобретателя автомата Калашникова. То, что это был ещё и Всемирный день науки, прошло мимо сознания соотечественников.

Все правильно и в высшей степени справедливо: не на науке Россия держится!

***

Читая рецензию некоего критика на некий роман некоего писателя, понял, почему сейчас в России столь популярен в читающем народе и притягателен для пишущего люда так называемый реализм. Дело тут совсем не в «рыночных ценностях». На мой взгляд, таким образом авторы следуют неосознанно-рефлекторному стремлению к самосохранению в тюремных условиях. Вот Мандельштам, Хармс, Введенский и другие нереалисты погибли из-за того, что не могли пробудить интереса к своим сочинениям в среде уголовников. То есть не могли рассказывать в камере и в бараке внятные захватывающие истории «про жизнь», за что уголовники их холили бы и лелеяли, подкармливали и оберегали от надрыва на тяжёлых работах.

Думается, нет большой необходимости доказывать, что нынче в России правит бал криминалитет. Оттого-то и востребованность «рассказчиков про жизнь» громадная. Прочие же абсолютно бесполезны.

Я, конечно, не намерен меряться тут с кем бы то ни было таким параметром, как степень даровитости, деленная на уровень невостребованности. Однако должен отметить один забавный прецедент, естественно, никем не умысленный. Так сказать, абсолютно стихийный, являющийся

проявлением торжества правды жизни. В июне в «Знамени» появился мой «Русский И Цзин». В «Экслибрисе» по этому поводу черканули пару абзацев дежурной ахинеи. И всё. И тут я обратил внимание на то, что некий критик публикует в сетевой газете «Частный корреспондент» обзоры толстых журналов, к каковым относится и «Знамя». Публикует с трехмесячным сдвигом по времени, то есть с запаздыванием, поскольку обзоры обстоятельные.

И стал я ждать, что прочту о себе, любимом, что-то интересное и полезное в отношении того, куда ж нам дальше плыть.

Мартовский обзор...

Апрельский...

Майский...

Вместо июньского обзора появляется сообщение о том, что обзоров больше не будет.

Но проходят буквально три месяца, и обзоры возобновляются.

При этом, конечно же, никакого злого умысла в отношении меня. Это просто сама наша криминальная жизнь не пожелала ничего слышать о сочинении, которое не способно услаждать слух и зрение заслуженных воров России.

***

Во время эпизодических автобусных перемещений по Ярославскому шоссе из пункта А (село Голыгино) в пункт Б (Королёвский поворот) я неизменно проезжаю мимо Тарасовки. И этот, казалось бы, ничем не примечательный подмосковный посёлок вызывает во мне сильное волнение.

Тарасовка славна тем, что в ней до войны проживали братья Знаменские – Георгий и Серафим. Это были титаны духа и мускулатуры. Теперь таких, к сожалению, не делают. Каждое утро, надев трусы и тапочки, в любую погоду и любое время года братья бежали из своей Тарасовки в Сокольники. Километров двадцать пять. В Сокольниках надевали рабочие комбинезоны, вставали к токарным станкам и 7 часов 6 дней в неделю тачали всяческие детали для советской промышленности. Затем опять надевали трусы и тапочки и бежали в родную Тарасовку. Вполне понятно, что на беговой дорожке эти терминаторы рвали всех в клочья. Вначале соотечественников. А потом и всяких хваленых иностранных атлетов, которые на поверку оказывались бумажными тиграми.

Несомненно, в Тарасовке действуют какие-то неведомые науке силы, которые заставляют людей отчаянно бороться со временем. Причём теперь их проявление становится всё изощреннее. И вот тому неопровержимое доказательство.

Мое внимание уже много лет привлекает уникальное здание банальной архитектуры 70-х, вероятно, годов. Оно двухэтажно. Оно исполняет какие-то поселковые административные функции, что угадывается по табличке, висящей у входа, прочитать которую из окна автобуса не представляется возможным. Так вот над крышей этой администрации лет пятнадцать гордо развевался красный флаг. Как над Рейхстагом в 1945-м. Или как в современной Северной Корее.

Этой весной над крышей вывесили стандартный флаг – трехцветный. И, стало быть, последний очаг сопротивления компрадорской буржуазии был подавлен.

Каково же было мое изумление, когда вчера я не увидел на флагштоке ничего. Он был гол до непристойности!

Видимо, там разыгралось нечто, описанное незабвенным Венедиктом Васильевичем Ерофеевым в «Москве – Петушках». Власть захватила какая-то неопределённая политическая сила, не имеющая никакого представления ни о политике, ни об идеологии, ни о формах управления, ни о государственной символике.

Таково действие аномальных тарасовских сил.

Ну, а может быть, всё несколько проще. Очень может быть, что тарасовские мужики допились до полной человеческой свободы.

***

«Вот и закрылась “лианозовская школа”», – сказал я себе после того, как похоронили Всеволода Некрасова.

Однако сегодня, листая книгу стихов Лимонова (естественно, красная обложка, естественно, редактор Цветков-мл.), подумал, что это верно лишь отчасти. Из ранних текстов Лимонова то Холин выглянет, то Сапгир. Причём вполне отчетливо. (При том, конечно, что это выглядывает еще и из густого лебядкинско-приговско-обэриутского коктейля).

Можно предположить, что Лимонов был заочным учеником «лианозовской школы». Но это не так. Он-то иногда туда захаживал. Хоть, как вспоминают, и отнюдь не закадычно. Скорее, как «Манфред и Каин».

Естественно, никто из старожилов после его публичного объяснения в любви к хромовым сапогам (У НАС БЫЛА ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА!) к лианозовцам его не относил. Поскольку не мог Кропивницкий-дед вообще рядом с таким находиться. Не то чтобы в дом впускать. (Хоть порой и находился, и впускал.)

Да и Лимонову не с руки признавать такую зависимость от гнилой интеллигенции. Он сам себя вылепил, великого и ужасного!

Точнее – не может Нарцисс иметь ни маму, ни папу. Он представляет собой сгусток надмирного разума, данный нам исключительно для поклонения.

Однако есть косвенное свидетельство: ни разу Лимонов не сказал ни одного дурного слова в адрес Е.Л. Кропивницкого. Ну, и тексты.

Да и сам Кропивницкий-дед, как вспоминают наименее зашоренные окололианозовские люди, относился к Лимонову с определенной теплотой.

Но при всем при том Школа – это не только и не столько эстетика. Но еще и этика. И, наверно, прежде всего. И тут Лимонов никак не лезет в лианозовские ворота. То бишь в ушко.

Но вот эта самая лианозовская этика вполне существует, вполне жива. Так сказать, подхвачена, сохранена в других поколениях. Как бы ни эволюционировали эстетически её носители. И тут громадную роль сыграл Всеволод Некрасов, страстно доказывавший и показывавший в условиях усиливающейся сволочезации всей страны, что такое хорошо и что такое плохо.

***

Иду по улице. Навстречу две среднего возраста старушки. Одна другой:

– И они всё ближе ко мне. Страшно. Я палку в руки взяла. Рыжие такие.

– Большие?

– Да, большие, как собаки!

И старушки свернули за угол. А я остался в неведении: кто же это у нас в Королёве завелся, кто неведом ни Брэму, ни братьям Гримм?

(вспоминая поход в булочную)

***

Есть собаки, которые чуют лишь колумбийский кокаин, а на перуанский они не обращают внимания. Так же и я – могу собирать только опята. Однако вчера нашёл два белых, один польский, остальное – свинушки и сыроежки. В общем, поход удался: возблагодарил себя грибным супом, жареными грибами и возрадовался тому, что не сломал руку в результате полёта под откос, который оказался смазанным подсолнечным маслом.

Хорошо, что в лесу трамваи не ходют!

***

Вчера после вечера памяти Парщикова возвращался домой с Юлей Скородумовой. Спускаясь вниз на эскалаторе на «Курской», продолжали поминать Лёшу немировской перцовкой из горла.

Вдруг кто-то деликатно стучится мне в спину. Оборачиваюсь – милая дама средних лет с нероссийским выражением лица. На неплохом русском просит, чтобы я рассказал, что в российской поэзии пришло на смену постмодернизму. Говорит, что она слышала про какую-то «новую искренность» в поэзии, и просит дать оценку этому явлению.

Понял: то ли славистка, то ли этнограф, что примерно одно и то же.

Я предложил ей бодрящего напитка, но она вежливо отказалась.

Поскольку до электрички оставалось 15 минут, я не успел рассказать ей об эксгибиционизме, который ошибочно принимают за новую искренность. Обещала позвонить, когда вернётся в Амстердам.

Наверно, надо было амстер-даме курительной травки предложить, но у меня её не было.

***

После третьего посещения пенсионного фонда, где имел дело с наглыми и нахрапистыми стервятницами, сформулировал свою главную духовную потребность: стать карающим дедом Мазаем, надеть свирепое выражение лица, взять двустволку, патронов побольше – не на дичь, а на сохатого – и пойти мочить этих блядей, жирующих на общенародных отчислениях на нашу якобы достойную старость!!!

Маятник дю Пона

Наши антиглобалисты ленивы и нелюбопытны. С упорством, достойным лучшего применения, они год за годом обрушивают свою всесокрушающую ярость на закусочные Макдональдс. В то время как им следовало бы обратить внимание на деятельность другой транснациональной корпорации, которая грозит человечеству полным его уничтожением.

Итак, вот её краткая история.

В 1802 году к североамериканскому материку причаливает корабль, прибывший из Франции. На берег сходят три дю Пона. Отец – политикан и искусный дипломат. Его старший сын – матерый масон с чемоданом молотков и мастерков. Его младший сын – пламенный химик с новейшим оборудованием для производства пороха.

Отец лоббирует продажу Америке Луизианы, за что становится ближайшим другом Джефферсона.

Старший сын устаивает повсеместные ложи, куда вовлекает доверчивого Джефферсона.

Младший организует компанию DuPont, которая начинает производить порох. Отец устраивает эксклюзивный контракт на поставки пороха своему другу Джефферсону, то есть правительству.

Вполне понятно, что дю Поны вынашивают план погибели рода человеческого.

Однако порох оказался не столь уж эффективным средством. При помощи него перестреляли лишь индейцев. А дальше дело застопорилось.

Через 125 лет, когда дю Поны расплодились, что кролики в Австралии, поколение правнуков придумывает кое-что позабористей. Масонские алхимики изобретают фреон. Ничего не подозревающее человечество начинает закачивать его в холодильники и кондиционеры. В результате масонский фреон начинает проедать озоновые дыры, приближая Армагеддон.

Однако и этого дю Понам мало. Они усиливают натиск. В лабораториях масонского концерна начинаются работы по выведению генномодифицированных продуктов, которые должны пожирать человека изнутри, начиная, естественно, с мозга. И в конце XX века дю Поны выкидывают на рынок громадные объёмы семян, которыми засевают американские плантации.

Продукцию пожирают не только американцы, которые, обезумев, выбирают президентом Буша, а потом и Обаму, но и русские, которые до того теряют разум, что вверяют свое будущее полковнику КГБ. Буш зачинает, а Обама выпестывает мировой кризис. Что делают русские – то невозможно ни в сказке сказать, ни пером описать.

Гендиректор DuPont публично объявляет, что намерен вскоре внедрить свои семена массового поражения в Китай. И это будет полный абзац, поскольку некому тогда будет делать японскую электронику, французскую модную одежду, германские медикаменты etc. Поскольку генномодифицированная Европа уже ничего делать сама не в состоянии.

В общем, протоколы дюпонских мудрецов совсем скоро искоренят род человеческий.

(за утренним кофе)

***

Давным-давно я месяца четыре работал заместителем ответственного секретаря. То есть верстал газету «Демократическая Россия». И это было ещё при советской власти. И это было в высшей степени забавно. Потому как пишущие в «Демроссию» журналисты из «Литературной газеты» буквально клокотали, как Везувий. Или как чайник, который изнутри разрывает пар. Я как человек технических функций смотрел на это дело и дивился. Например, с громадным изумлением я однажды заверстал заголовок «Козлы позорные», где речь шла о гнусных деяниях ЦК КПСС. И в конце заголовка меня заставили вонзить аж три восклицательных знака.

Но я не о том. За время работы в этом издании я освоил основные принципы верстального дела. И один из непреложных законов гласит: люди на фотографиях должны смотреть внутрь газетной полосы. Но никак не наружу, за её пределы.

Думаю, тут не только и не столько законы дизайна, но и – философия. Смотреть наружу они не могут потому, что за пределами газетной страницы никакой жизни нет и быть не может.

***

Дни поздней осени вредны для ревматизма!

(глотая третью таблетку диклофенака)

***

Берёшь чёткое – «Сам по себе». И дополняешь для пущей убедительности восклицанием – «Сам по себе!». Получается гордо, достойно. Невольно проникаешься уважением...

Но дополнишь каким-нибудь глаголом – «грустит», «печалится», «прошелся», а то и вовсе – «рыдает»! И выходит что-то невообразимое, какой-то сущий уродец получается!

***

Да, не в одну и ту же реку – в одно и то же дерьмо.

И ведь удается даже не повторно, а в сотый, в тысячный раз!

***

А вот, скажем, понаставить в лесу досочек, желательно мраморных. Где понаписать: здесь скончался заяц, здесь трагически погиб ёжик, здесь охотник убил кабана...

(проезжая по Ярославскому шоссе на велосипеде)

***

Да нет, господа хорошие! Если ходить в канонической шапке и в трусах не для секса, а для устойчивого проживания в этой стране, то не станешь кричать: караул, гады кремлевские заморозили!

***

Лет 35 назад я твердо сказал себе, что не пойду на поводу у алчных корпораций, которые пытаются навязать мне ложные потребности. Не удастся им сделать из меня одномерного человека! И отказался от всяких явно надуманных шампуней, гелей, примочек и всякой прочей дряни, поскольку нормальному человеку для гигиены вполне достаточно мыла.

И что же? Многие, очень многие мои ровесники, ставшие жертвами парфюмерных корпораций, теперь абсолютно лысы. Как колено! Что же касается меня, которому все уши прожужжали о том, что без шампуня человек не может, как не может птица без полёта, а корпорация – без маржи, то процент моего облысения ниже среднестатистического для моего возраста, региона и аномальных социально-исторических условий.

И теперь я отчетливо вижу, как эти корпорации изощряются, чтобы дополнительно отхватить процент-другой рынка, повысить прибыль процента на полтора-два, расширить круг клиентов снизу, от младенческого возраста, и сверху – до тех, кого пока ещё не успели похоронить.

Так вот отечественный издательский бизнес работает точно так же: как, вы пользуетесь устаревшей моделью пылесоса, когда в современных уже появилась функция подтирания задницы?! Вы все еще читаете Тяпкина, в то время как уже появился Ляпкин, в романах которого на двадцать процентов больше секса и насилия?!

***

Министр образования Фурсенко заявил, что в школе не надо учить высшей математике, поскольку она подавляет креативность.

(справляясь в словарях относительно этимологии слова «креативность»)

***

Колыбель суверенной демократии.

(наблюдая с перрона Ленинградского вокзала за отправлением скоростного поезда «Сапсан», вслушиваясь в чарующие звуки марша «Прощание славянки» и лелея себя надеждой на то, что когда-нибудь все они из Москвы всё же уберутся)

***

При посещении с котом Шуриком ветлечебницы обнаружил объявление о пропаже 4-месячного щенка кавказской овчарки по кличке Барри. Среди особых примет была указана татуировка на животе. Так уголовная культура внедряется в мир братьев наших меньших.

***

В связи с работой над статьей о Маяковском пришла в голову следующая мысль. Почему Юрий Карабчиевский, эмоционально доказывавший факт продажи Маяковским души дьяволу, так назвал свою книгу? Почему «**Воскресение** Маяковского»? Ну да, надо было Карабчиевскому сказать о том, что он пророс в поэзии 80-х дьявольским семенем. Что же, таковы порой бывают приемы борьбы литературных школ. Но почему же «воскресение» применительно к агенту инфернальных сил?

Создается тревожное ощущение, что и автором, и редакторами, и издателями, и критиками-рецензентами, не обратившими внимания на данный парадокс, дирижировали эти самые инфернальные силы, дабы посрамить и поглумиться над силами добра.

***

Вчера ходил в лес. Птички-синички, шум ветра в вершинах сосен, природа пробуждается и всё такое прочее. Так вот лично я при этом чуть не упокоился, навеки. На моем пути попалась горка, невысокая, но широкая, занимающая по ширине весь подход к вожделенному лесу. Её дети малые и неразумные раскатали при попустительстве мамаш и бабок.

И вот пошёл я по этой горке, решительно и стремительно, поскольку лес зовёт! И нога моя правая шустро скользнула вперед, а левая не успела найти точку опоры. И ахнулся я со всего лета прямо затылком прямо на эту утрамбованную горку.

И ощущение странное. Что-то в мозгах неправильное случилось. И есть серьёзные опасения относительно моего будущего. Точнее – его возможного полного отсутствия. И из носа что-то

течет, чего я не вижу. Лежу и произвожу какие-то звуки. Но не матерные – все ж таки дети рядом, нельзя даже будучи при смерти... Через какое-то время чувствую, что вроде бы жив. Краски и звуки возвращаются.

И вдруг слышу тревожный голос какой-то мамаши: «Ой, вмятина-то какая!»

Я-то решил, что это про мою голову. Но нет – про горку.

***

На прошлой неделе довелось мне побывать в некой медийной компании необычайно высокого пошиба. Люди, осуществляющие ее деятельность, несомненно, смоделированы самим Юдашкиным и отвизажированы по полной самим Зверевым. Ну, а сидящий при входе привратник величественен, как адъютант Наполеона.

Узнав, куда я направляюсь, он начал сканировать мой облик с целью его идентификации. После чего задал риторический вопрос: «Вы курьер?»

Первой моей реакцией стало внутреннее возмущение, которое, тем не менее, не успело подняться из глубины души на поверхность.

Мгновенно оценив ситуацию, я устыдился собственной спеси. И смиренно ответил: «Все мы, уважаемый, на этом свете курьеры».

***

Жизнерадостный голос телевизионной корреспондентки изрек в эфир: «Это обле́гчит жизнь тем, кто не знает русский язык».

(на лингвистическом посту)

***

Узнал из одного печатного издания, какие ужасы творятся в Москве: «На месте убийства судьи Чувашова в Москве **найдены** отпечатки пальцев».

(на лингвистическом посту)

***

Ищу информацию о неком Питере Джобсе. Поисковик высыпает кучу сайтов про работу в Питере. Совсем осатанела чертова железяка, думает, что умнее меня. Делай, что приказано!

(один на один с интернетом)

***

В «Известиях» появилась статья о двухтомнике «Литературная матрица», где есть и моя статья о Маяковском.

В конце газетной публикации есть высказывания школьников по поводу данного издания. Некая девушка высказалась и обо мне:

«Я прочитала статью Владимира Тучкова о Владимире Маяковском, “Бунт на корабле русской поэзии”. Если учебник написан для школьников, то стоит ли молодому поколению, и без того в достаточной мере поддающемуся влиянию асоциальных веяний, давать дополнительную почву для подобных размышлений?»

Следовательно, мое деяние квалифицируется как преступное: «Статья 280 УК РФ. Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации».

Причём в моем случае это часть вторая – до 5 лет, – поскольку с использованием СМИ.

***

Недавно один критик упрекнул меня в том, что, начиная стихотворение энергично, оканчиваю его слабо. Так сказать, без поэтического пафоса. Так вот это – когда в конце кульминация и пафос – это театр. Театр, который диктует свои законы в поэзии уже пару сотен лет. И все никак не выдохнется. То есть стихотворение как спектакль.

А у меня – как жизнь. И странно, когда в конце жизни заламывают руки, восклицают с аффектацией и напыщенно и ждут аплодисментов, которыми вот-вот должен разразиться зрительный зал.

Никакого зала-то уже и нет – сразу за авансценой начинается пропасть.

(наблюдая в окне хлопья белого орбита)

***

Нашёл какой-то странный рентгеновский снимок. На формате А4 – позвоночник, целиком. После размышлений и чтения полустертой надписи понял, что это снимок моего предыдущего кота Гаврика.

И еще одна память от него осталась – файл с его сочинением: он написал три десятка букв «О». Словно предвидел, что будет умирать мучительно.

Я этот файл храню.

***

Такое искривление Лобачевскому не могло привидеться и в кошмарном сне.

(наблюдая в телевизоре виртуальное течение жизни)

***

Илья Ефимович Репин написал картину. Мощную по силе воздействия и идеальную в композиционном, колористическом и прочих живописных отношениях. Она настолько завораживает зрителя, настолько бьет наотмашь по нервным центрам, что все называют ее «Иван Грозный убивает своего сына». В то время как Репин назвал ее совсем иначе: «Царь Иван Грозный и сын его Иван».

Таким образом, никто в этой стране, включая интеллектуально развитых особей, не в состоянии понять гениального замысла художника. Хоть он и очевиден.

Сюжет картины таков, что Грозный уже ударил своего сына Ивана по голове посохом. И тот лежит распростертым. Но при этом отец сына уже не убивает, то есть не наносит еще живому царевичу все новые и новые удары.

Напротив, он прижал голову истекающего кровью юноши к своей груди и смотрит в будущее обезумевшими глазами. Обезумевшими, естественно, от ужаса.

Но и это не вполне так. Царь Иван Грозный, как известно, был очень набожным субъектом. И Репин в своей картине акцентировал именно это обстоятельство. У него Грозный пытается повторить чудо, явленное Христом в отношении Лазаря. То есть он убил своего сына исключительно для того, чтобы затем воскресить его. И взгляд у него на картине отнюдь не безумный, в нем сконцентрировано громадное душевное напряжение, при помощи которого он пытается вдохнуть жизнь в хладеющее тело.

Чуда, как известно, не произошло. Получился перформанс, который художник назвал «Царь Иван Грозный и сын его Иван».

В роли перформера в данном случае выступил царь, в роли задокументировавшего это глумление над чувствами православных – художник. То есть тут налицо публичное оскорбление чувств верующих, а также попытка унижение достоинства группы лиц по признаку отношения к религии, что должно караться по статье 282 УК РФ.

Понятно, что художника Репина привлечь к ответственности уже невозможно. Однако заинтересованные лица по непонятным причинам не добиваются изъятия вредоносной картины из основной экспозиции ГТГ. Не говоря уж об инициировании громкого уголовного процесса, с которого должен начаться пересмотр русской классической живописи с целью отделения агнцев от козлищ.

***

В сущности, разница между венчурным и винчестерным капиталистами в России не столь уж и велика.

(справляясь о порядках, установленных в инвестиционных банках)

***

Если бы я был истинным патриотом, то умер бы с голоду. И не потому что русским патриотам якобы никто денег не платит. А потому что всё, абсолютно всё, что продается в наших магазинах, – это продукция иноземных компаний. Даже русский квас делают по технологиям пепсиколы, и, естественно, люди его пьющие, способствуют обогащению американской корпорации.

Из этого следует, что патриотизм в России несовместим с жизнью.

***

Жена и кот любят креветки. Куплю килограмм, и достаётся мне от силы грамм 200. Поскольку трачу время на отхлёбывание пива. В общем, такова семейная идиллия.

***

А как изменился бы, интересно, ход литературного процесса, если бы вместо критиков с отчётливой отрицательной коннотацией у нас были бы, скажем, нейтральные аналитики? Или даже название данной литературной специализации звучало бы для автора приободрительно. Скажем, дифирамбисты...

Боюсь, было бы ещё хуже.

***

В статье для денег как-то совершенно случайно, невзначай получилась высокохудожественность: «за лучшими выпускниками Принстона пристально наблюдали хэдхантеры».

***

Постоянно рождаются новые волки, которые начинают поедом есть старых. Был матёрый волчина Microsoft. Потом его начал грызть Google. Теперь на Google начал наседать Facebook. И скоро одолеет. Таков фундаментальный закон социальной физиологии. При этом так выходит, что миром движут голые абстракции: чистая математика. Поскольку идет битва не за реальные деньги, а лишь за цифры, их обозначающие. Ведь нормальный западный миллиардер проживает денег совсем немного.

Но не таков русский миллиардер. Уж он-то знает толк в жизни! Он всё, буквально всё пожирает, переваривает и выбрасывает из заднего сопла столько дерьма и с таким жутким напором, что вся страна, словно космический корабль, несется вперёд и вверх, к сияющим звездам!

...не даёт ответа!

***

Мимо калитки, энергично размахивая руками и пружиня на коленных рессорах, прошёл незнакомый бодренький старичок. Явно из недавно испечённых пенсионеров.

Словно зеркало мимо пронесли.

Господи, неужели и я такой же снаружи?!

***

Ну, а автор – это тот же авиатор, из которого изъяли ослика Иа.

***

На парковой аллее встретились три мужичка, лет за пятьдесят. Умеренно хмельные. Двое шли на восток, один – на запад. Обнялись, с чувством спели песню, пожали руки и пошли дальше: двое на восток, один на запад.

Это, друзья мои, не притча, а естественная жизнь, которая нынче уже почти сошла на нет.

***

Вот ведь – при изобилии пространства взяли и нагадили (в самом отвратительном смысле этого слова – насрали!) прямо посредине тропинки! Есть ли у России будущее? А?!!

(возвращаясь с продуктами на дачу из деревенского магазина)

О темнотах истории

Очень может быть, что князь Дмитрий Михайлович Пожарский во время смуты бил смертным боем совсем не Лжедмитрия Второго. На эту антипатриотическую мысль наводит то обстоятельство, что род Пожарского в своё время сильно притеснял Иван Грозный, буквально глумился над ним, сильно урезая в имущественном положении. Дмитрий Михайлович дождался, когда околеет его главный враг, потом – его гнилой сынок Федор. И зажил припеваючи при Шуйском, который вернул Пожарскому экспроприированные Грозным земли.

И вдруг как снег на голову – недорезанный сын супостата – Дмитрий! И почти все ведь поверили ему и присягнули. Как не поверить, коль мамаша Нагая признала сынка. И сынок повёл себя по отношению к Пожарскому (не только, конечно, к нему), как и его бесноватый папаша.

Поэтому сомневаться не приходится: Пожарский, помалкивая, конечно, об этом, изо всех сил пытался истребить это сучье племя, хоть оно было в его глазах и вполне легитимным. В нынешнем УК это ст. 109 («Действия, направленные на насильственное изменение или свержение конституционного строя»).

***

Человека в лошадь превращает не труд, а дедлайн. Вместо того чтобы честно напиться водки по поводу солнечного Первомая, сижу за компьютером и копытами по клавишам колочу!

***

Вот представим себе, что Владимира Бурича во время оно выгнали бы с работы. И он стал бы, как говорили в старину, тунеядцем. И его судили бы. И загнали бы лет на пять за Можай. И при этом его верлибры распространились бы на Западе (в частности – в скандинавских странах). И были бы очень тепло приняты не только в связи с холодной войной, но и по близости поэтики. И ему – страшно представить! – дали бы Нобелевскую премию. По совокупности, как и Бродскому. Т.е. и как поэту, и как жертве режима. И тогда не произошла бы консервация русской поэзии (ее мейнстрима) на несколько десятилетий.

***

Между размерами гонора и гонорара не существует прямой зависимости. Впрочем, и обратной не существует.

(напутствуя делающих первые шаги в литературе)

***

Позвонил поэт Ерёменко и пригласил меня провести окончание судьбоносного для мировой культуры дня в компании хмельных друзей и веселых подруг. У меня это дело не сложилось. Да и ехать в такую компанию после окончания продажи алкоголя было как-то нелепо.

Ерёменко сказал, что Пушкин выбрал секундантом не Вяземского, а Данзаса потому, что тот наименее был склонен затевать канитель насчет примирения. Мол, Пушкин твердо решил убить или же быть убитым.

Я же думаю, что гений всех времен и народов руководствовался еще и поэтическими соображениями. Он предвидел, что в XX веке появится диссонансная рифма. И пожелал, чтобы отдалённые потомки использовали в стихотворении о его трагической гибели рифму Данзас – Дантес.

Однако потомки оказались туповаты. Если я не ошибаюсь, никто этого так и не сделал. Солнце русской поэзии закатилось окончательно и бесповоротно. И всё последующее состояние так наз. «русской поэзии» есть одно сплошное убожество!

***

После перекрестного допроса граждан Маяковского и Северянина начальник следственного отдела ОГПУ, матюкнувшись, внёс в протокол: «пишут о блядях гривуазных».

***

Заглянул на сайт РГБ. Глянул на свои книжки. В каталоге присутствуют. И рядом с каждой из них четырёхзначная дата моего рождения, а затем тире. То есть притаились и ждут с нетерпением, когда можно будет вписать после тире еще четыре цифры – финальные.

С другой стороны, в этом есть не только нагрузка на чувствительные нервы, но и некая польза. Поскольку это дисциплинирует. Не натворить бы чего-нибудь такого, за что между тире и финальной датой впишут: «ТЬФУ!»

***

В середине 70-х мои тесть и тёща въехали в дом, в которым жил Сережа – молодой человек лет 25-ти с явными отклонениями в развитии. Он увлечённо играл во дворе с десятилетними детьми в войну и прочие подвижные игры, был импульсивен, весел и по большей части улыбался.

Живёт он в этом доме и сейчас. Живёт уже понурым стариком, немного подволакивает ногу, машет во дворе метлой, ворчит на шумных детей. И не улыбается, как прежде. Перманентно хмур.

То есть он стал уже абсолютно нормальным русским пенсионером, придавленным жизнью.

То есть отклонения заслонились российским стандартом. Который, по сути, и есть уродство. Но когда уродство существенно преобладает, то оно и считается нормой.

Вот так, стало быть, время у нас лечит.

***

Был сегодня в лесу. Видел много людей на лыжах. И среди этих многих – троих лыжников. Но что поразило: и у лыжников, и у людей на лыжах один и тот же инвентарь. Гоночные лыжи известных фирм, палки по большей части Эксель, нарядные ботинки.

В старину, когда я гонялся на лыжах, чайник не мог себе позволить прицепить к ногам Ярвинен, Кнайсел, Фишер или Карху. Чайник передвигался на Быстрице и Клинских (не путать с пивом). Если чайник отваживался пристегнуться хотя бы к Элану, то лыжники безжалостно лупили его палками по спине.

То есть существовал кодекс, который все соблюдали.

Теперь в лесу такого кодекса нет.

Но нет его и в литературе! Глянешь в газету, а там перечисляют властителей литературных дум. И хочется взять в руки лыжную палку и многих из этих властителей – по спине, по спине!!!

***

Открываем Конфуция и читаем:

В стране, которой правят хорошо, стыдятся бедности. В стране, которой правят плохо, стыдятся богатства.

И тут же впадаем в когнитивный диссонанс: либо Конфуций был неумным человеком, либо Россией правят хорошо.

***

Мой кот – прекрасная иллюстрация действия свободы на живой организм. В конце весны мы выезжаем с ним на дачу. Кот счастлив, всё время ходит и улыбается. Ловит грызунов, дерётся с ко-

тами, валяется в траве, носится с наскипидаренной скоростью по саду, скачет по яблоням с ветки на ветку, приходит глубокой ночью мокрый, но счастливый. Но при этом я постоянно таскаю его к ветеринару. Постоянно что-то с ним происходит. В этот прошлый сезон подцепил от кошачьего племени ринотрахеит. Мог умереть, если бы не прививка. Я колол его неделю. От уколов пошли незаживающие язвы – от аллергии. Опять лечение, воротник на шею типа скафандра, чтобы не разлизывал и не расчёсывал.

В середине осени – домой. Первое время он просто как в воду опущенный. Страдает. Грустно воет. Тюрьма! Хоть и кормят, и по шерстке гладят. На тряпичных мышей смотрит с отвращением. Ближе к зиме немного приходит в себя и гоняет мышей ожесточенно, как хоккеист шайбу. НО! Но при этом абсолютно здоровый, никаких в этом отношении проблем.

Говорят, что если домашнего кота никуда не вывозить, то он проживёт дольше. Если бы ему это можно было объяснить и спросить, не лучше ли ему всё время жить на квартире, то, думаю, он в лицо плюнет.

То-то и оно.

***

Дактилоскопический рисунок даётся с рождения и на всю жизнь.
(размышляя о политической активности наперсницы разврата мадемуазель Собчак)

***

Смерть мне представляется брызгами крови на белой кафельной стене. Легко смывается, не доставляя особых хлопот свидетелям чужой жизни.

***

Сколково – Силиконовые холмы для вскармливания казнокрадов.
(работая над статьей для денег)

***

Но ведь утащат же черти когда-нибудь министра здравоохранения в ад! Ведь утащат же! А иначе зачем они существуют?

***

Почему души умерших никогда не спускаются к нам? Да потому, что они будут немедленно раздавлены давлением.

Точно так же, как и мы на дне океана.

И очень может быть, что мы – умершие глубоководные чудовища, о которых скорбят в пучине морской.

***

«Вас много, а я одна», – явственно прозвучало в подтексте полученного мной ответа, хоть слова были и несколько иными.

Услышал я это не много лет назад от продавщицы гастронома, а в недавнем телефонном разговоре от редакторши отдела поэзии. При этом выступал я на сей раз в роли не покупателя, а продавца.

Вот так вот – какую роль ни выберешь, в каком времени ни окажешься, а всё едино получается.

***

В Праге нет ни одной бродячей собаки. Чехи это объясняют тем, что у них строгие законы, которые запрещают вышвыривать четырехногих на улицу. Мол, это может дорого обойтись, поскольку в собаку за счет налога хозяева вкладывают изрядные деньги.

Но это полная фигня. Дело в том, что в Праге долго жил и работал академик Павлов. В связи с чем бездомные собаки в ужасе бежали за пределы Австро-Венгрии. И, передавая жуткие преданья из поколения в поколение, они в эти края не суются до сих пор. В связи с чем в Праге есть памятник академику Павлову. Но не как великому физиологу, а как освободителю чехов от бродячих собак.

***

Четыре дня назад, уложившись спать, я задумался: какое положение займёт моя голова в гробу? Будет ли она покоиться строго симметрично? Или же чуть повернуто? И налево или направо? Несомненно, в том будет что-то глубоко символичное, недоступное моему пониманию сейчас. Можно лишь гадать, прибегая либо к вульгарным политическим ассоциациям, либо к сведениям, изложенным в «Бардо Тедол».

Будет ли это какой-то знак? Но кому? Ведь не мне же?

Конечно, можно провести эксперимент. Но слишком уж много в нем будет не учтено.

Пожалуй, можно утверждать лишь одно: строгая симметрия – это один из атрибутов смерти.

И с той самой ночи теперь, укладываясь спать, я думаю над этой проблемой.

Неужели она так важна? – можно меня спросить.

Не думаю. Однако думаю теперь о том еженощно.

***

Стоял босиком на мокром скользком линолеуме. Поднял левую ногу. И с ужасом увидел, как пальцы правой ноги сгибаются, пытаясь для устойчивости впиться когтями в пол. А вы говорите: цивилизация, культура, нравственный закон внутри!

***

Вникая в суть выражения «безвозмездная помощь», понимаешь, что в русском языке присутствует изрядная червоточина.

***

В магазине встретился глазами с женщиной, которая моет пол. Ну, как говорил персонаж фильма «Брат-2», вы у меня, суки, за интеллигентов ответите!

***

Надел на даче куртку, которую лет двадцать не носил. Красивенькая такая, с красно-белыми полосками на груди. Трикотажная. Периода клуба «Поэзия» конца восьмидесятых. Сунул руку в карман, а там два гривенника. Тот самый герб, тот самый вкус – земной шар в обрамлении пшеничных колосьев. И звездочка наверху. Внизу – СССР. Всё точно, поезд прибыл на станцию отправления: аптека, улица, фонарь.

Машинист готов в очередной раз переехать Анну Каренину всей мощью паровоза «Иосиф Сталин»[1] .

[1] *«Иосиф Сталин» (ИС20) – самый мощный в СССР паровоз, выпускавшийся с 1933 года. Развивал мощность в 3200 л.с. Нагрузка движущихся осей на рельсы – 20 тонн. Давление пара в котле – 15 атмосфер. Вес паровоза – 136 тонн. Максимальная скорость – 165 км/ч. «Иосиф Сталин» получил гран-при на Всемирной выставке в Париже в 1937 году. На момент создания был самым мощным паровозом в Европе.*

Алексей ГРИГОРЬЕВ

блесна

По-весеннему кычет клошар,
Снег лежит почерневшими кучами.
А на небе сверкающий шар,
Ни любить, ни жалеть не приученный.

Золочённый пустой батискаф,
В океан уходящий обеденный,
Где по дну ковыляет тоска,
Словно шахматный конь недоеденный.

Где опять это утро, и снег,
И дорога, и школа, и госпиталь.
Где висит человек на блесне
Никудышной приманкой для Господа.

три облака

Три облака в окне – бери любое.
Щедра ко мне апрельская казна.
Из нашей недописанной любови
Всё чаще выпадает мягкий знак.
И шут бы с ним, когда б не повсеместно
Словарь погряз в системных тормозах.
Межлитерная комнатная бездна
Подводит воспалённые глаза.
И снова офранцуженная стая
Пасёт над полем тучные стада,
И тополь на Плющихе обрастает
Хореями, не ведая стыда.
И правит Word «посмертье» на «посменье»
И все слова, какое ни начни.
И вновь архангел выключить не смеет
Над мёртвым богом треснувший ночник.

Алексей Григорьев родился в 1972 году, живет в Москве. Печатался в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Волга», «Нева», «Интерпоэзия», «Новая юность», «Зеркало», «Сибирские огни», «Современная поэзия», «АлконостЪ», «Homo Legens» и др. Редактор сайта «ТЕРМИтник поэзии».

на лезвии

То ли блики, то ли облики,
То ли просто ранний час.
Проплывающее облако
Проплывает мимо нас.

Детвора бросает ножики
В шелестящую траву.
Поддержи меня немножечко
Этим утром на плаву.

Это облако над вишнями
Разрезает апейрон,
Словно сердце у Всевышнего
Серебристое перо.

Это мы на свете крошечном –
Гулливеровском вполне...
Я соврал тебе, хорошая,
Что на свете смерти нет.

Это радуга, не лестница...
Не умрём? Увы, умрём.
Хорошо с тобой на лезвии,
Остром лезвии вдвоём.

антитабачное

по земле гуляют ябеды
и стучат ментам про то
что по небу люди в яблоках
ходят в кожаных пальто

что в далёких словно англия
эмпирейских городах
папиросы курят ангелы
в летних парках и садах

пишут в почту шойгу с путиным
раз примерно в два часа
что сгорят от искры спутники
и шатурские леса

что пора бы этих отроков
в зарешётчатый кильдым
а по небу мчатся облаки –
папиросный лёгкий дым

заячье

Андрею Чемоданову

качается постельная трава
я маленький мне вечность или два
и мамины заботливые пальцы
и маленькие пляшущие зайцы

я маленький ещё и в этом суть
я заяц заблудившийся в лесу
и надо мной как башенные краны
скрипящие дерутся великаны

я маленький и скоро я усну
зацепленный за лунную блесну
и лисий долгожданный вельзевул
нырнёт за мной в звенящую траву

яблоко и облако

В домах, в больницах и на лавочках
Назло родным и докторам
Перегорают в людях лампочки,
Сжигая скрученный вольфрам.

Возможно, скачет напряжение,
Возможно, провод коротит.
Закон энергосбережения
Вполне реально обратить.

Перегорает в людях нежное,
И в доме гаснут этажи.
А к небу тянутся подснежники,
И в детской яблоко лежит.

Как будто лучше там, на облаке,
Болтать ногами над землёй,
Стянув адамовое яблоко
Тугой вольфрамовой петлёй.

Валерий ВОЛОДИН

НЕУСОПШЕЕ КЛАДБИЩЕ

Рассказ

Памяти Коли Маклюка, былого лучшего друга

Глуповатые числа дней набухают взволнованно таинственным, вот-вот готовым очнуться намеком, смутно кличущим издаленным позывом: что-то было, что-то же было некогда в этот день, о чем необычайно важно припомнить, а если не вспомнишь, случится непоправимое, и этой катастрофке неприпоминанья не зарубцеваться, никогда уж не схлынуть. Прошлая дата наплывает как влекущая к себе неотступно прелестная смутка, тревожная оттого, что может не сбыться, но и позывающая торопкой, промельком словно яснеющей издали радостью: что-то сбудется сейчас, что-то совпадет с чем-то невероятно счастливо и очистительно хлынет в тебя распространенная свобода – распрекраснейшая свобода неслучайного съединения себя с каким-то собою, который, кажется, весь распылился, распался в ускользающих датах, почти сознательно немилосердных, с угрюмостью замысловатой таящих пренебреженье к тебе.

Жизненно важно для некоего меня вспомнить, что было день в день, как гласит тщетнопамятный календарь сегодня, много лет назад (охотная страсть уловить поисчезнувшие, запропавшие в годы свои следы?). И почувствовать с этим рассвобождающим расширением возвеселенной воли, сколько убыло всего за прошествием лет и как непогибельно, непокоренно что-то с ликованием совпадает сегодня с тем навеки увядшим, в светах дальних истраченным днем; как совпадаю некий я с полузабвенным своим человеком, которого все меньше, все он разреженнее, – тем он утратней, чем отстоит дальше вспять, где-то около детства возникая и вежливо представляясь почти незнакомцем, для которого меня нынешнего практически ни в чем и нигде нет, будто жизнью моею тишком да украдкой пробрался кто-то другой – премного не я и воровато стал на меня не похожим будущим моим человеком, с коим по причине острой личностной недостаточности вынужден я, вечно будучи кем-то другим, теперь маяться и сильно стараться, дабы не произошел окончательный личный конфуз, явивший бы миру натуральную мою мнимость, разоблачивший бы истинную мою сущность – мнимосущесть... мимосущесть?: большой любитель в свободное от жизни время околачиваться, потолкаться всласть среди призраков (непрофессиональное пребывание в легких видах исчезновений и типичных, распространенных близ быта пропаж). Вот и допризраковался вволюшку себе же на шею: населен теперь множеством всяких, смущением жизни мне приращенных, людей, из которых, кажется, самый невзрачный и незначительный – я; он, то есть тот самый я, изумительно не получился, бывал бы и хуже некто-нибудь, да хуже не бывает, дальше в худшести отменной некуда: положил я собой поневоле предел дурных искажений и нечеловеческих уже превращений, иначе бездны своих падений разумным словом не объяснить, съедет с разума всякое слово. Старался бы я под видом себя специально меня изгадить, и то бы лучше, то есть надежно скверней, не вышло б, – умения мои так извратно меня не сплошали бы, так предельно бы не опортили, не зря же они кое-что поумеивают, пускай и дискретно, топорным наитием – двужильным, как бык или пьяный средне мужик.

Валерий Володин родился в 1956 году. Закончил Саратовский государственный университет (отделение психологии биологического факультета). С 1989 года постоянный автор журнала «Волга». Живет в Саратове.

18 сентября малоизвестного теперь года, ровно четырнадцать лет назад (и еще минет таинственным махом, нечувствительным образом – как возвращающийся из Парижа арап очутился на русской границе – схлынет одиннадцать лет, вновь впадая в осиянную памятью дату... неказистая лишь мелькнула образинка четвертушки столетия, мимолетная тупорылого века гримаса), я славно так наугад, – приятно ж довериться чисто случайной случайности, блаженно ведущей бог весть куда, в пречудно нашедшее вскоре тебя обворожительное *неизвестно*, – бродил по вольготно раскинувшемуся, разметавшемуся в снах неотмирных своих, заросшему одревневшим древом кладбищу (это кладбище родилось еще в пушкинские времена), по заглохшей его, тише самой тишины молчащей и обычно безлюдной, за исключением мертвых, сторонке, сбившись, призраковый, сам собой несобойный, с химерично от меня сбегавшей, то и знай улепетывавшей с глаз долой тропинки, петляя меж сдруженных плотно оград с втесненными в них, вживленными до боли зримой, броской деревьями и неизбежно попадая иногда в могильный, вовсю уж потусторонний тупик, так что приходилось выпетливать обратный путь и находить изворотливую иную дорожку, чтобы продолжать идти еще по этому, нашему свету; по тому-то, усмехалось негибло, за вечность еще находимся.

До смерти люблю, уж в небытие обожаю это полузаброшенное и, подозрение есть, полупокинутое, до прелести природы одичавшее место, словно отбывшее из всех наших мест, взгрустнувшее такими внятными, близкими, такими сродными тут всеми грустями своих мертвецов, все вопрошающих светлецою о небываемом. Это место тишины невозмутимой – отдаленный гул шоссе обращен в ее струящего рядом сообщника, незамысловато наборматывает он машинные слова немоты и влюбившегося в эти места одичания, – тихости, избегнувшей обыкновенной земной тишины, забравшей с собою из мира сего лишь птичий неумолчно сыплющийся, беспечно полетывающий, себе в никуда излетающий щебеток – без малого инобытийный уже говорок, небесных статей, кровей наречие, – обыденно ткущий новую нездешность, новое все безмолвие; это воодушевленное место уединившегося покоя, временем выцеженного и ободренного, в свежесть переосмысленного, оборудованного под времянку бессмертья покоя, разнеженно погрузившегося в самосозерцанье и ставшего уже покоем покоя – у вечно молодящейся вечности под бочком (изрядно залежалым, однако, как показало ближайшее рассмотрение и подтвердило дальнейшее неприкаянное здесь блуждание).

Тут давно не хоронят, лишь к своим кой-когда подхоранивают, исподтишка подбавляют, словно давая смерти должный неутомимый прокорм, выделяя положенную ей витальную долю, и даже сама кончина заметно здесь постарела, приустав быть наглядным, простодушно аляповатым, в штатной мертвенности однообразным небытием, и втихомолку пользуется выдохшейся замертвелою силой, чтобы мельком явить свою просветленную суть. Иначе в это кладбище не поверишь – вера приемлет светлое лишь сказание, светлота ее суть и святость.

Был на редкость окрестный и надмирный какой-то день (верно, заглянул он от преизбытков своих в изумившийся явлением дня смурной непроспавшийся космос), распрокинувшийся неисследимо в еще смуглые, староватые от степного загара дали, идеально сентябрьский, до последней былинки иссквоженный солнцем и пролетный словно бы день, уже безвозвратно осенний, от нас как будто отбывший и нас потихоньку, украдкой избывший, по себе оставив всесветное лишь прощание: слова последние отыщите, их благую суть исшепчите – и по своим извечным местам. Я блаженно чувствовал себя покинутым этим днем... Это осеннее чувство невмещенности в день, которым живешь... Это расчудесное чувство отставшести и страшно даровитой оставленности... Будто живешь потаенностью дня, его смутным окрайком, истаивающим его последком, глохнущим до замираний в полях задушевных твоих, но в иных полях еще чуточку жившим, теплевшим – несмертинкой отзывной своей.

День пространный, день перелетный взнялся и откочевал в отманившую его неизвестность, ты чуток зазевался, отстал – и взамен проживаешь рассеявшиеся округ его нетленность покинутую, призрачность, невероятность; хорошо еще, что осталась чудом голубая долина только невероятьем не спорхнувшего неба, есть за что уцепиться, в чем на первых порах утвердиться, есть

во что непризрачно верить. Твердь небесного купола – вот она, под рукой, протяни ее и, слегка лишь в чуткость вдаваясь, небеса осторожно потрогай – чтобы убедиться в наличьи себя, в том, что ты – не единственно только призрак, воздушно пошагивающий в никуда, в поисках бесценного своего низачем, которое вот непременно уж – лишь бы обнаружить, что ли, прельстительную вредноватость свою? – в каких-то шальных кусточках найдется, во что бы то ни было прикровенным твоим назовется – и горькой усмешкой души, бессильным дрожаньем ее отзовется миг бессмертья спустя.

Шел я песчаным ответвлением напрочь забывшей себя, потерявшей, возможно, навеки тропинки и потягивал из несогревающейся, из этой притворившейся еле живой бутылки разбродистое и терпковатое, как здешняя печаль-непечаль, сухое вино, купленное в каком-то невзаправдашном ввиду безлюдья и крохотности магазинчике близ трамвайной очень уж расстеклянившейся всеми возможными и невозможными раззадоренными своими боками остановки (отсюда уж близилась взгляду входная арка кладбища, у которой тлели в похоронной торговле еле в жизнь выказывающиеся, едва оживающие как бы замертво антибабульки, довольно-таки явные представительницы антимиров, а на деле, на деле-то – пятая колонна небытия, креативно подтачивающая исподтишка его благие устои, вносящая в чистоту небывания сущую муть товарно-денежных безотношений с их извечною судорогой бытовой суеты и змееватых других извиваний, высокоопустительных поползновений, с точки зрения недоискусства художественных донельзя).

Брел песчаным сухим, потягивал сухое, потягивал да брел себе, несомый проникнутыми, угретыми мудрым – в укромках яснеющим – солнышком мыслями, сквозь эту предельно и запредельно упокоенную, раздобревшую от веских отсутствий местность, приосененную, приосаненную, кротко-печально пронизанную увядающим в нежностях солнцем, зыблющуюся и вымелькивающую от всюду шатающихся с вальяжинкой пятен листвяной светловидной тени; бегловатые солнечно-лиственные человечки нетолпливо множили порхающим своим населением эту благодарную им за тесную и ясную живость крестовую местность, и это было истинное население истинной местности; другого и не хотелось – оно пропадало даром. Иное население, вроде бы безмятежное на будний погляд людованье ощутимо терялось в окрестностях городских средь тщет блажных и загребущих, тщет долгоруких своих и до человечинки жадных, постоянно ею голодных, ненасытностью злобных пагуб... И вместо людования – вздымавшееся гневами тихими лютованье...

От сдруженного порха слету влюбчивой в человеков и столь падкой на приязнь людскую, охочей до взглядов листвы, породившей куда-то все бредущее без исхода – да его и не надо! – шатучее шествие, обворожившее изумившееся сознание грустью неведомого, непостижимого, что тревожит дразняще и маятно, велительно манит, в себя вовлекая призывно, тихоструйной смятенной волшбой, но никогда не откроется, в самую малость не назовется, своим истинным именем в тайне даже не рассверкнется, – от листвяного летучего этого, вездесущего шествия, совершенно естественно балансирующего на грани двух легко взаимопроникновенных миров и смутившего, заставившего быть стеснительными даже цепенеющие в привычном межвременьи памятники и окрестную присмертную землю, – ото всего объятого тут безмолвным, ликующим, солнечнотворным, светлолико разметавшимся по сторонам сколько хватало примысленных глаз, от этого всё спасающего, всё прощающего восстания осени, охваченной прозрачным пламенем так сильно любящего сейчас небытия, пестрило воображение, вредилось безвредно в уме, и извсюду мелькало блаженным невероятием мое счастливо разлетевшееся с вожделенным давно облегчением, сбывшееся в небытии своем Я, сумевшее претвориться чудесно в безвестность и быть напитанной солнцем всякой былинкой, запропавшей в хитроватое исчезновение, пропащей вовсю сквозинкой, умудрившееся сквозь чудесность остаться каким-то уклончивым, вертким чудом и мной, мельком, кратким, светло уже обосененным мраком пребывая повседневным моим человеком, что казалось совсем уж невероятьем, несбыточною причудой: как быть мною в теперешнем отсутствии меня, легко претворенного, излетевшего всюду, преображенного вне крохи воли моей, без малейшей пылиночки личного моего участия в солнечно льющуюся, реющую в поднебесье, славно безумствующую вокруг осень, в несказанную ее пространную сказку?

Сентябрило на Воскресенском кладбище, божественно сентябрило – по-иному не скажешь (по-иному тут, спохватываясь из иных миров, только и скажешь, даже если начнешь речь обыденно, спотыкливо бредя средь изношенных в небыль и прах будних слов, опасаясь меж тем злобствующей их кусачести)... И нужны были здесь иные слова – это чуткой потайкой чувствовалось, и так прекрасно во мне молчало, солнечно-нежно немело, непамятными словами млело, как бы круговращаясь с годами, запропадая в долгой стране очарованного бессловесья – зная, что возвращение будет, непременно оно вспять потерям, утратам настанет... Когда-то мы все, когда-то мы всюду вернемся – обещалось прозрачно... Когда-то вернутся все наши слова – сумасбродно гласила убежденная в самой себе надежда, точно она тихохонько приспозлзла с ума и страдала на весь мир манией надеждного своего величия, во всем великолепии дамско-фантазийном своем сладчайше и ярко – до безумья, самовозведенного в пылкий квадрат – бредила, смакуя несуществующие неги в грядущем попрятавшихся предусмотрительно и на побывке там разумно трезвеющих дней, тратя скромный запасец и без ее транжирства заметно уж куцего будущего, даже издали все больше похожего на прилизанного вдрызг ублюдка.

Осентябрившийся мир в сокровеннейшем из своих пределов, в смиренной незыблемости этого покойного острова, обращенного, как в незлобивый плен, в вековую рощу, – мир явно сбрендил прелестно, он немножечко ведь не в себе – очень счастливо, удачливо не в себе и в какой-то высшей степени точности он всеместно тут неточен, как-то именно так, как божественно неточна, легкомысленна и небрежливо беспечна совершенная, нас не знающая – знать ли желающая? – красота и пространственная ее радость. Бывший накоротке с самой беспредельностью, даже по мелочным и необязательным химерам запросто якшавшийся с нею запростор кладбищенского миронебытия явно же колобродил, явно же предавался величественным просветленным грезам под мягким, но стойким влияньем нетвердого в разуме, рассентябренного в пух и прах излетного дня, всласть галлюционирующего втихомолку, обратившегося в прелестную о себе грезу, заблудившуюся в своих истинках, всеми правдами и неправдами нежащуюся беспечно на солнышке, в последках его тепла, в его уже исчезаниях. С самых краешков и зачинков все тут легонько и как бы с тонким смыслом охвачено нежной, пытливой, мягко-вкрадчивой страстью негибельного пропадания, в котором лишь начиналась другая жизнь, вернее, брезжило преотличное такое и бодрящее вмиг зажизнье – оно сулило не то чтобы прямо откровенный, сразу уж беспримесный и нетощий рай, но хотя бы его неплохие, пускай и извилистые окрестности с всевозможными распространившимися на них полномощно льготами райских кущ – заоблачной, скорее всего, прописки: пара укромно уединившихся в центре небес облачков недвусмысленно твердили об этом, стараясь яснеть глубже вверх и невозможно себя превысить, пусть бы и путем избывания, небывания своего. Ради дела такого, очень точно ими яснело и чуть слышно ронялось с небес, ни пушинки себя нам не жалко, жизнь положим за други своя...

В заглохшей, отстраненной и страстно запутанной, страстно уклончивой в уединенье и одичанье сторонке, явственно примыкающей к несиюстороннему, – вот где встретил я, не ожидая в безвестье таком никакого проявленья людей, совсем юную, как-то не по вере глаз моих юную среди цветущего буйства осени девушку, нимало не удивившуюся моему возникновению, словно я должен непременно прийти, а она уж давно поджидала, даже вот выказывая нетерпение миру и нерасторопным желаньям своим, что бездвижно замучили ее ждать: нехорошо без нее похаживать в неизвестности и отсутствовать так долго тому, кто вызвался прийти непременно, во что бы то ни было. А я, хоть и не был таким непременным, а тем более уж никаким во что бы то ни было от меня даже близко не веяло, – но я вот пришел, пред девочкой той очутился, скрываясь случайностью под непременного, прикидываясь невзначайно вочтобытонибыльным – ну а что еще оставалось мне делать, коли строго наугад тебя пристально ждут, тобою подозревая всякую сторону, принимая ее за явленья твои, пренебрегая южностью в юге, а в севере – авторитетной во всем мире, чтимой донельзя северностью?

Птичьи хрупенькая, чик-чирик сквозноватая, девчоночьи трогательно угловатая, несообразная, она сидела отрешенная, как бы отлученная от неброской своей красоты на взявшейся жизне-

радостным и каким-то с виду прибыльным, справным, точно он век сладко ел, жизненно жирным тленом скамейке, в волнующейся, пробегающей пестрыми приглушенными волнами светотени кряжистого ясеня, распираемого собственной тяжестью и стариной, но все же еще непреклонного, духом ни капли не сломленного, дескать, эх, где наша не пропадала, мы ой как ишшо повоюем! Всем могутным несокрушимым видом, явно содранным им полюбовно с давнего торжественно пьяного казака, он без малого уж наговаривал: любо мне и век простоять и не такое я переставивал – и ничего, по-прежнему вот стою – жизнь струю, потихонечку-полегонечку бодрствую не в ущерб себе и остальному другому, чему только жить бы да радоваться, а не хилеть пропадущим нытьем... Потом бредил вовсю несусветное, воздух тревожа даром, бразды пушистые в неизбраздимом и непушимом взрывая, прямо-таки напропалую городил чистейших образцов отсебятиной: здравствуйте, дорогие товарищи, со свиданьицем вас, родимыя, – и протягивал самую грубую, самую недовоспитанную ветвь к моей невинно винной бутылке, грезя, видимо, громадненько отхлебнуть, воссладиться беспрепятственно ею, попутно ополовиня мои возраставшие и уж сильно возросшие среди местности этой надежды... Как он много мнил из себя!

Я ужасно запретительным взглядом ясеню отвечал: желательно бы не того, гражданин алкающий... лучше не пей – пьяницей станешь, горьким точно, а беспросветным ли, с обедненным окошечком ли – знать не могу, с будущим слабо контачу, пред будущим сам как в темнице сижу, среди мокриц тщедушных. И воровато прятал винно виновную за спину, от будущего греха как можно подальше, так как от этого ясеня становилось мне все ясней: грехи и тут случаются, имея много довольно-таки места, и места сильно рассвобожденного, вплоть до полной уже неуместности, – зарвавшиеся поступки внешне осветленного именем, но про себя неотвратимо порочного деревища, действующие обескураживающе, наглядное тому подтверждение, а спрятанная за спиной прохлаждающаяся бутылка (чтоб ей пусто было!) тотчас взялась быть ощутимой тому порукой, предательски крепкой, надежной... лучше б такая пореже бывала, изъяснилось тут мое зарвавшееся немножко, зарывшееся, как свинья под дубом, в бездонных пороках желание, хотя его никто и не спрашивал, так что желательно бы ему помолчать (что оно и сделало заблаговременно, видно, от греха, опять же, подальше, которого в нежном испуге здесь исподволь все трепетало, от которого все сторонилось даже средь тайн забубенных своих, дичайше блазнящих почти сквернословным соблазном).

И все внешнее в гармонизированной смычке с внутренним моментом одним успокоилось, моментом-комендантом стихийным, весьма нелиричным утихомирилось, даже вот и не потребовалось ничему устаканиваться, то есть избегнута была до мук истрезвления адова высокомуторная требушительная процедура (обычно заканчивающаяся шибкой, раздерганной, а то и вусмерть смутною метафизикой), вся непрелесть которой в том, что шумна она, буйновата, с беспощадностию болтлива: заговорить может до смерти, оглушив природно рвущимся, мимо страсти всякой точнехонько бьющим словцом, вербальностью рюмашечной напоследочек придушив; немотивированные лишние трупы приличному месту не нужны, вовсе они ни к чему, кладбище любит, чтоб все было чистенько да спокойненько, по высшей логике самой мозговитой смерти, честной и верной во всем, за исключением некоторых особенностей кончины, где приходится иногда подретушировать и помухлевать... Но кто сегодня до конца честен – бросьте в того булыжный, исправляющий точно камень; только смерть, пожалуйста, уж не трогайте, не обижайте, плохим ничем в нее не бросайте, несмотря на обнаруженную нами в ней вселенски клептоманскую, оказывается, вороватость, донельзя истовую порой, до беспредела взбалмошную... но по земным законам за хорошенькие такие делишки смерть, увы, не посадишь, сроком пожизненного заключения так-то вот не одаришь, тут инстанции маячат иные, к ним в кончине лишь нет-нет да прорвешься: а мы к вам явилися с жалобой, с экстренной жалобой на одну невозможно раскрадывающую особу, уморительно смешную в нелепых поступках, в лице общественности дерзали бы знать, когда же все это так-таки и прямо растаки, не скроем, кончится?.. Уж как смерть ужо вздрогнет ужасно! Вот когда позавидовать ей будет нам ой как трудно.

Маленькая юность сидела, как вскоре выяснилось, у могилы отца, вертя в беспамятных руках что-то излишне машинальное, лишь бы занять не угомонившиеся, не замертвевшие из прошлой жизни движения любой, пусть и призрачной, пусть и несмысленной, пустотой, – и отрешенно вдумывалась, зацепенев в нее, в какую-то вместе со взглядом остановившуюся в одной точке пространства уж нечуткую, выдохшуюся мысль – из тех мыслей, у которых не бывает ни конца, ни начала, а серединка ни то ни се, не потянет и на мыслинку; в которых, кажется, нет никакой самой мысли, простой и обыкновенной ее существенности, но есть что-то глубже и емче ее и уже надмирное, пусть и вовсю бессмысленное. Сидела одна-одинешенька, целым миром покинутая, позаброшенная – в отрешенной, незащищенной своей, но и неуязвимой единственности, в крепче мира сего одинокости, обманчиво хрупким ореолом почти осязаемо окружавшей ее, – ничто не могло бы нарушить стороннею волей ту упорную твердыню одиночества, не пожелай девочка сама стряхнуть с себя цепкий его, неприступный морок – морок и оберег... В те времена еще не боязно было наведываться на кладбище в одиночку, не опасно было небытийно бродить, проветриваться с содержимым своим в обильно безлюдном месте, сданном в бессрочную аренду тому свету, им облюбованном подробно и кропотливо, с великим знанием вселенского того дела – я имею в виду здесь любовь. Включая и обыкновеннейшую попечительскую к нам любовь со стороны смерти, из ее недальней, без малого соседней страны – скорее всего, там и речь распространена на близком нам, едва ль не родном языке, переучиваться не надо, хоть гносеологической заботы за гробом, за передрягами и суетами его не будет: к тому свету в массе своей мы весьма и весьма профпригодны, исключенья бывают редки и обычно до смерти полезной труднообучаемые те исключенья добром не дотягивают: вздорно гикнутся или, напротив, сверзятся вдруг как-нибудь, совершенно через пень-колоду, только их, смертью недообразованных, и видели.

Ее отец всего на каких-то семь лет меня старше – на памятнике я как бы слизнувшим, похитившим время взглядом увидел скорбные даты, тот почти отсутствующий промежуток, втеснивший между разодушевленными цифрами не существующую более жизнь, не столько отбывавшую, сколько отбывшую. Отца нет семнадцать с избытком лет (машины столкнулись, сказала, лоб в лоб), совсем молодым он смотрел с фотографии куда-то в пространство за нами и словно хотел, даже чуть порывался все спросить не о нас, – нас он явно не замечал, отчего-то ничуточки не обнаруживал, – а о том, что там было, простиралось, жалобящимся маревом стлалось за нами, что в недвижности дымковатой цепенело у каждого из нас за спиной. Навязчиво оглянуться толкало и узнать, в чем там жизнь, в чем суть безвестного дела, – у нас позади. Что жило и творилось за нами больше, чем были мы, хоть и скромно живящиеся здесь, но все же мы, в недавнем прошлом шагучие и прыгучие как-никак, прилично довольно-таки несмертельные человеки?

У девочки такой вид, будто она вот-вот чего-то дождется, ожидание ее в точности сбудется, осталось избыть несколько тяжких каких-то и злокозненных, очевидно, минут, чтобы кто-то вернулся сюда, став неотлучным и постоянным, и все бы свершилось, чего напряженно, всей вцепеневшею в нее жизнью ждала застывшая в одну мертвую точку мысль. И такой же вид всепоглощающего ожидания у немыслимо детской задорной ее челки, от всякого пустячного ветерка или вздора его набегавшей, рассыпавшейся в мятущемся поле зрения и досаждавшей глазам хоть бы в пол-любопытства смотреть. По челочке яснее ясного тоже заметно, что она вот-вот чего-то уж непременно дождется, очень важного для нее и для того, чтоб была она, продолжала по-прежнему быть детской (мне девять дней, сказала, девять дней уже как восемнадцать, – и на лицо напустилась серьезная, пожиловитая взрослость – только попробуй ее детством обидеть, как-нибудь нечаянно детством простым, обыкновенным задеть!). И эти неимоверные, несуразные вообще-то косички были школьные совершенно и, внимательные до маленькой жути, еще слушали долгий, твердящий бездвижно урок, и еще решали неразрешимую, не сходившуюся с ответом никак губительную задачу, и было до странности мало, очень отдаленно похоже ее лицо на глядевшее мимо, а может, сквозь нас фотографическое лицо истишка прижившегося тут человека – словно страшился он быть похожим на былое земное и всячески этого избегал. Мы были для него непоправимым былым, которое он пережил и больше не хотел с ним иметь никакого, даже

и самого призрачного, дела. В нашем прошлом, где на тленной скамеечке с девочкой обитали мы, ему совершенно нечего уже было делать, мы для него были смертельнее скуки смертной.

Такое практически бессмертное отношение к нам (которое было до жути обидно, ведь мы ничем такого не заслужили, поводов так третировать да терзать себя не давали) вынуждало теряться нас ни в живых и ни в мертвых, дабы по-своему ярче, предельней соответствовать заданному уровню отношений в предлагаемых обстоятельствах. И мы сидели, трепыхаясь чего-то, пред лицом зорко, в упор жившей смерти, в растерянности себе пребывали, нимало не зная – не то оживаем мы небывало, не то безоглядно, непоправимо мертвеем. Но потом, кажется, жизнь брала свое помаленьку и в улове общем, в ловитве своей суматошной нас нечаянно к себе, словно сор бездыханнейший, прибирала. Но возможно, это смерть ровно так же в тот двуликий момент поступала, обращаясь с нами как с неотобранным сором, ощутимо массивно к хапучим гребкам ее налипавшим. Не факт еще, что это была не она и что не ее сором мы обретались, а свидетелей взять было неоткуда, исследить ситуацию некем. Обремененные никудышностью, в таковые мы не годились, со всей очевидностью не попадали, ибо для свидетелей заведомо пропадали, не без чувства, впрочем, позора, что хотя бы немного нас красило, а пред бытием пусть и мнимо, но не мимо как-никак все же оправдывало.

Так обыденно просто, как попутчики по дорожному безвременью, с девочкой мы познакомились и так естественно, словно о встрече давным-предавно условились и теперь очутились в назначенном месте, лишь исполнив прежнюю договоренность, не опоздав ни на единую, отпугнувшую бы недоверьем минуту, саднящую недостачей, тревожной и жутко (см. выше) обидной пропажей вовремя не пришедшего, грубо заотсутствовавшего вдруг человека... в нужную минуту он вот никогда не приходит, – будет уместным пожаловаться здесь в небесную канцелярию, а то она забыла про нас средь космичных своих интересничающих бог знает о чем верхов... кстати вот пожалуемся и на нее – куда-то еще выше. Кому? Да Кому-то Кому, Кто-Нибудь уж найдется, свято место не пусто, в безначальственность не уткнемся... Сентябрь – самое место для жалоб по высшему изъяснению, во времена иные, жалуясь неизвестно кому, на что, ноет душа кляузы – даже под видом двулично лиричных песен и вытряхивающих всякую душу из последних уже душонок плясок народов мира.

Только странно было, что встрече суждено состояться отчего-то там, где для встреч малоприемлемое, даже и крайне неподходящее место, где человеческим встречам перечат эти полные невстречанья и людностью бывшей места. Мы оба рады были замысленной не нами (это чувствовалось исподтайки), но благодаря нам и нами сбывшейся встрече, кому-то неведомому для чего-то безотлагательно необходимой, – очень точно изъявившейся, попавшей в самую сердцевиночку истины встрече, из нас чужих целиком состоявшей, ставшей единственно нашей встречей, и ничьей-то хоть в малости встречей другой и других.

Чудно томило разволновавшейся, несколько даже не по тайне ведущей себя непокойно тайной: только из нас эта безвестная и как бы внеличная встреча могла состоять, состояться – чтобы замысленная кем-то бог весть для чего бóльшая встреча, что превыше всех житейски вздыбленных встреч и тем более уж обыкновенного нашего с девочкой, просторечивейшего знакомства, – чтобы та неизъяснимая встреча, превышавшая нас непомерно, вмещающая нас лишь на чуть, была безупречно точна и чиста и ничуть не пуста, ничуть не излишня, дабы нечто в ней встретилось так, как должно всё по высшему свету встречаться, как сбываться назначено нездешним веленьем, средь небес взращенною надобой, – и ввек не расставаться, ни в крохотке встречной не исчезать, каким-нибудь небыванием вздорным как-нибудь не умирать, преодолев взятые смертью на вооружение исчезанья. Чтобы всё в ней, той встрече по высшему смыслу не нас и не с нами, точь-в-точь было именно так, дабы вспомнить ее спохватившимся чувством щемяще светло и нестрашно утратно, обнаружив через какое-то затмленное время, что потеря невосполнима – и эта потеря про нас, лишь про нас, все в ней будет неизбывно, неизбавимо про нас, но... Но и про нас, еще больше, сильней и страстнее про нас – потерей рожденная и воспитанная не-утрата... Сколь мимолетны, откровенно призрачны встречи – и сколь долги, неустанны горечи нам обреченных

и владеющих нами всесильных утрат – пока не оживет, в очнувшиеся не вступит права великая, на малую вечность спасающая Неутрата...

И говорили мы о чем-то теперь уж непамятном, улыбались чему-то ныне совсем уж несмеянному, обмениваясь, чудесно одариваясь ненавязчиво краткими, точно сбегавшими, вдруг умелькивающими от нас взглядами, которые в сегодняшнем времени тотчас же гаснут и как-то по-новому нас избегают, за собою не зная самых простых подтверждающих чувств (которые за нас горой бы стояли, будь они). Избавляются от тех солнечных, сентябреющих нас, а не вбирают. Избывают нас призрачнолиственных, страшно прошлых, исшедших. Но что-то сильнее тех взглядов и бережливее их, и мы, наверное, еще спасены, вопреки раскинувшейся на целую жизнь утрате. Мы с той девочкой все сидим на взявшейся ликующим, жизненно жирным (уж точно век сладко он ел!), важно справным тленом скамейке, живно подвижной под легонечко зыблющейся в свое никуда, в нигде своем мерцающей, таинствующей светотенью – точно смежились блаженно окрестные очи, а нам выпало – сквозь нашу жизнь – быть местным сном... и это лучше всего, на что способны мы жить, и, право, всего, что было и есть, превыше...

Неизглядимая, запредельно солнечная мреющая тишина усыпанного, усыпленного посвистом птичьим полудня, – умиротворенная, дичающая отрадно великая тихость, разбавляемая слабогласым гулом шоссе, не верящим даже в себя, в немолчное дленье свое, как будто уже неотмирным и с гласом печальным *оттуда* – не столько прощальным, сколько пробно призывным... Страстно величавая пустынность и неприкаянность, та доступная и покорная лишь кладбищу горделивой печали вольготная неприкаянность грандиозно разметавшегося покойного места, где уместна вся невместимость мирская, где вместимо все земное и, быть может, само уже неземное... И это солнечно-пустынное, величественной пустотой щемящее, на запредельность испытывающее сверхсознание – мертвенно-живучее, жгучее жизнью реальнее жизни самой, непостижимое, блаженно истязающее тебя необходимостью какого-то ежемгновенного проникновения во что-то, мучительственно неотступного проницания чего-то, – если оно не откроется, для тебя не прозреет, жизнь не удастся, и все будет напрасно, зря был... Сверхсознание этого запущенного, в радость подзадичавшего места, безоговорочно и вместе кротко владычествующего над всяким твоим муравейно умалившимся проявлением, над всяким утончившимся до неуловимой сути своей помыслом, ставшим вроде б ничейным, на грани пропажи расцветшим великой пропажей и давшим тайное знание пустоты, мелькновенный ее и непагубный лик прояснившийся, чертами небытия проступивший нежно, трогательно – призывно-призывно...

На кладбище ты меньше себя самого в неисчислимые мали раз. Ты сужаешься до мизерного зародыша – заморыша – смерти, который всегда таится в тебе, поджидая тебя целиком, чаще всего не по имени окликая, начаточным, еле пробным небытием дрёму-смерть позывая – где-то прохлаждающуюся в томных бездельях, в негах нетей небыль твою... И ясный, до светлой боли ясеневый знак, вдруг сронившийся на чье-то плечо, на чье-то из нас плечо, не упомнить, потом – на подгнившую суть приоградной скамейки, свободные от нас края которой и сами мы унежены чутко-подвижной и умудренной игрой светотени, – в ней истайна вспыхивают и смеются чьи-то глаза, чьи-то вырвавшиеся скромным чудом из небытия лица, кроме игрового этого существования света их больше нигде нет, и оттого-то несуществующие эти глаза и мелькновенные лица страшно, очень-очень пропаще жаль: с ними не перемелькнуться... Мы будем, обречены быть средь вечных невстреч, средь нескончаемых прощаний – неискончаемые прощаньем...

На тленной скамье, устланной пространным, предельно сухим и чуточку маятным шорохом солнца, верно, любят посидеть да потолковать о том, о сем и, главное, о несуществующем бытующие здесь с задушевным комфортом и не без роскоши призраки, взамен которых на четверть часа случились – мы, какие-то мы, от себя отстраненные, свое свойство изжившие, покинувшие свою суть... Праздносущественные, опризрачневевшие мы, что избегнули невзначайную свою, легко отрекшуюся от нас суть...

Нам так недолго удалось побыть в здешних призраках. Вскоре в призраках нам было мягко отказано.

Даже не помню, как звали ту замелькáнного, бедного имени девочку, будто заранее стертого, настолько было оно каким-то всеобщим, почти никаким – толпяным. И лишь помнится ее имени просторечивая мелькновенность, исчезающая то и знай. Непритязательная простота бесхитростно повседневного оклика-простодыры, неприхотливого буднего зова, что, кажется, никого и не окликает, окликнуть не может, он бессилен нести кроме звука какой-нибудь сообщительный смысл.

По временам передавая друг дружке невозможно далекой, нутряной уже осенью стылую (или будущими насылающимися холодами?), словно бы старой, негреющей крови бутылочку – девочку мою милую, щадящими глотками прихлебывали из горлышка тотчас за зеленой ширмой стекла цепенеющее, становившееся несмелым вино – оно оттуда сироткой осоловелой выглядывало, которую все больше, уж нестерпимо хотелось жалеть, болезной душой и сочувственным, человечным желудком сквозь сущую безнадежность пригреть. Но другая его часть солнечно бродила и разрасталась в нас, увеличивая наш приглушенный в буднях хватких и крадких простор, который неминуемо становился легкой и веселящей осенней свободой – средь нее можно было светлым-светло парить, на весь излетавший любезно простор быть, стремить бестелесным – в божественную ничтожность, почти что доступную, чуть-чуть бы еще – и впустившую, если бы не тяжки были росшие в землю ноги, неисправимо здешние, в избытке земные, за что благодарности от нас они, естественно, не испытывали, было из всяческой мнимости чувств к тем урывшим нас в землю ходульным допрежь конечностям нечто весьма и весьма напротив.

Полные незаемного величия перистые облака отрешенно вздымались, с нежностью снежностью трогали, пробовали небо раскидисто щедрым размахом, проказливо напускали, по временам спохватившись, небесный свой долг воспомнив, кривую и совершенно дурашливую погоню извредившим небо, несуразно потоптавшимся инверсионным вороватым же явно следам, что, исправляя оплошность, старались прикинуться поскорее невинными и благообразными, красивенькими этакими облачками, немедля сойти за своих, принимая облик законного осеннего естества, некоего осеннего детства – отродясь, дескать, не вы одни, но и мы тут были, не в редкость бывали, древностью пребывали, ежели поглубже да весомей копнуть, родственнички у нас общие... Вольным пробросом, как легло на чью-то пространственную душу, разметаны облачные воздушные тела по сиятельно-голубому, до отчаянной чистоты просвеженному и голубоглазо высматривающему все про все небосводу, и легкие силуэты сполна не проглядываемых облачных птиц неутолимо куда-то в бесцельность летели, и было в их недвижном, всячески поощряемом лазурью стремлении больше полета, чем в наглядных земных порханьях, что представали в контрасте с небесным лишь малость тронувшимся с ума сумбуром мельканий.

Сноровисто, как насквозь деловой старикан, виртуозно владея одним лишь намеком в воздухе ветра и розой ветров вообще, летел на безукоризненно изящной ладье паутинки скромный такой, но весь из себя такой паучок, бережно перед собой вознося опережавшую в нетерпениях душу, с верхом полную нескромными немного дерзаниями, битком набитую рдеющими, поскваживающими жаром соблазнов желаньями и чуточку лишь неуместными, до мелких излишеств лишневато своеобычными, невиданно утонченными сокровениями. Какой же молодчина был тот пролетающий мимо всякого мира бодренький паучок! – даже восхищенье не удержалось и тоже мелькнуло. Девочка с небольшим опозданьем улыбку ему восхищенную вслед наслала... вот уже деятелем воздуха в миг и восхи́щенную... даже слово переделать успел, под надобы свои его извратив. Дальше паучок только летел да самолюбиво сиял, девочкиной украденной эмоцией полулыбывался, как глупый, про все остальное совершенно забыв, решительно наобум запамятовав; все дела от него в те же мгновения начисто отлетели, не провидя от деятеля воздуха дальнейшего проку. Снабженный девчоночьей улыбчонкой, он воздухоплавал в чистом безделье, лишь старательно приближаясь к бессмертью поперед себя возносимой, толкаемой им легонько и простонародно души, неотразимо похожий на вусмерть трезвого – до малого уже, считай, безобразия – и во всем остальном идеального грузчика рынка. И надо сказать, бессмертие неплохо у него получалось и даже порой преотлично – иной раз бывало красочней брызжущих людностью фейервер-

ков. В вечности, видимо, он с глаз и пропал, мигом единым попрятался, отсюда туда заотсутствовал – с вечностью будет теперь деловито средь чудодейных полетов своих разбираться. С тех пор ни его, ни пору, в которую тот паучишко летел, подробнейшим образом странствуя, никто больше в жизнь не видывал. Но надежда прочно осталась, цепковато держалась, израстив воздух собою: может, еще вернутся, где-то хотя бы не здесь, но во временны́х запредельях случайно вселенски найдутся; что-то чувством старым блажило: да уж беспременно отыщутся... всполошились вы, братцы, зряшно...; что-то истовым чувством неистово, безустанно жестом старинным в сторону возвращенья указывало: возвернутся уж, говорим мы вам, и не такие всепропадные ворочáлись, как миленькие вертались, да получше еще себя прежних, провалиться нам на месте, ежли врать шибко будем!

И виднелась в разрывах деревьев проплешина вызревшей Желтой горы, по которой, переливчато мерцая в лучах, ползли три человека за отдаленьем неполных букашек к облетавшему в жуть свою лесу – и дальше в небо, в бестелесной наготы, чуть смущенное голизною родимой небо... воровато, опасливо прокрадывались человекообразные, насекомоподобные в маложилищное, слабодомное небо – для них почти и неприемлемое. Какое пропитание себе постремились найти там и угрызть бедненькие, но по осени все-таки славненькие букашки? С кладбищенских пределов этот вопрос выглядел почти что загадкой века, слаби́ной своей вырождаясь в вопрос риторический среди бесчувственно, черство проявляемого в той стороне скудоумья высот и оскучавшей без мысли небес синевы – ну хотя бы тоже в небесной степени был он поспрашивающим, тот пустовато воздушный вопрос отдаленный, все более похожий на стылое, прохлаждающееся средь небесности, вглубь напраслины недоумение... Эх, – упрек возникал, – а еще риторический... бывший недавно к тому же в самих аж загадках века, отчего за тебя, риторический, прямо уж нестерпимо досадно и точно как за себя самого постыдно, ты лишь самую малость, выходит, лучше меня... Развенчанный в мнимых своих величинах, сей вопросец угрюмо, но пустопорожне молчал, и натужная праздность его напрасно немела, уже на уровне птичьих полетов и выше создавая собою большую тщету, от которой спасения не было.

Падала с истомленных, будто себе уже воспрещенных дерев, за лето жизнью себе изнадоевших, бесшумно и кротко слетала обреченная кратким паденьям замедленно вдумчивая листва, и сквозило в редеющих, ясно рдеющих кронах страшно медленное, валкое солнце, и бескрайним объемом вживлялся в разметный простор, до последних обилий наполняя его и проницая, приуставший свет праздно силящегося бабьего лета и последнего, видно, тепла, несказанно оттого дорогого – на вес, наверное, не по дням, а по часам дорожающей синевы или на сколько потянет вон то божественно раскинувшееся и процветающее воздушным кустом невесомое, одной странностью несомое облачко.

Девочка проронила мгновенное: ах... – и меня невзначай проранила... – прервав себя на полуслове, словно дальнейшая в восхищенье дорожка сделалась запрещена. Она виновато на меня взглянула, но и сквозь виноватость вымелькнула надежда – не сниму ли я тот запрет, ту вину попрекающую, чтобы в свободной прелести длились слова дальше. Но я момент упустил, бездарно его промолчав. Я мгновение пораженчески проворонил. Я и себя-то чуть было не прозевал: попустительством тут предательски даже вот и наружно вовсю потягивало... Все вернулось в устоявшееся равновесие нашего унизанного бессловесностью пребывания-небывания на проникнутой добрым, благосклонным к нам тленом скамейке. Все сделалось смутной изнанкой немножко испугавшегося себя, затру́сившего ни с чего счастья – но продолжавшего упорно, неистребимо быть прежним, мгновеньями легко узнаваемым в лицо счастьем... один недостаток был у него – петлистые уши; они торчали. Из будущего неделикатно торчали.

И так хорошо было, как необычно редко бывает, возможно, один раз в судьбу. Так редкостно было, словно заново все природилось и нашим восхи́щенным зрением, начальными нами тут очнулось, первоявленно очутилось, на всю солнечную невозможность нами светлеющими распрокинулось, дымкой осеннею, сдобрившись, ею одобрившись, среди нас развеялось, – невместимо много было нашего света везде, всего нашего лучшего, самого-самого, даже и того – чудо вооб-

раженья мгновеньем проказничало, – чего никогда ни в нас и нигде не бывало, малой малостью не случалось, к жизни ввек не выживлялось: а не могло вот ничего небывалого мимо нас, в уклон жизни нашей случиться – и не нами явиться! Вот как раз этого-то, именно этого и не бывает, быть не может, ни в коем случае!

Было так редкостно, так нами необычайно и бескрайне окрест оживало, как только может бывать на непохоронном, пошедшем в преклонность кладбище растворившимся настежь, всем и вся сполна подарившимся, сентябрем осененным днем, раз в судьбу, – на неукротимо живном, переполненном до беспределья шатучей, немолвной игрой светотени кладбище, неприметно для себя превращенном в своевольный, задремавший в дремучести ясной лес; в день случайный, в день житейски, реально как бы отсутствующий, когда не мнится иного счастья, чем жить бесконечно лишь этим явственно несуществующим днем, одним до светлого оклика боли ясным днем, исцеляющим еще не прозревшею в чуткость зрячего чувства грустью, – и всю жизнь напролет до ее распоследка, в собственное исчезновение нимало не верящего... Вот даже он, невозможно отдаленный тот распоследок, есть отказник этой веры и, стало быть, неоценимый наш потаенный союзник, столь решительно и безоговорочно поджидающий нас напоследок, что внушает из будущего длящиеся неимоверно живно, обильно надежды, которые сманивают невиданной новизной и как-то покрепче всё будут самых свеженьких обнадеживаний, крутолобых этих придурков-чаяний. Что было бы с нами, не будь иной раз такого вот обыкновенного, такого простого – хрупче жизнинки всякой – бессмертия?..

А потом, очень вскоре и совсем-то уж неожиданно (и в урон моей предстоящей смурным будущим жизни), та осенняя девочка – светлиночка малая, бездная пролегшего по-над землей сентября, – воссветившись виноватой, словно бы прячущейся, вдруг избегнувшей в смущенную тайну улыбкой, на сколько-то мгновений дольше, чем следовало, замедлившись на мне пристальным взглядом, странно обыденно исчезла – сказала шепотными, сбивчиво сминающимися словами, что надо проверить, на месте ли еще одна нужная ей очень-очень, неотложная вот совершенно могилка, что отлучится на самую быструю одну лишь минуточку, – и с тем отлучилась навсегда, мою жизнь нечаянностью лгущей покинула – глубоко ее внутри опрокинула, как впоследствии по некоторым разлившимся моим чувствам выяснилось, потекшим стремительно не туда и не так, точно приключилось со мной личностное наводнение, вне всякой погоды души моей.

Еще школьные и воспитанные косички, словно спохватившись, чуть прощально метнулись средь сгущенья-запропащенья ветвей, как бы подав панический жалобный знак: вовсе и не пора им ни с чем расставаться, никто ж не хотел никуда уходить, спровадив на свалку небытия изничтоженную, смятую встречу, – и она поисчезла, рас-творилась в лиственно-солнечной колыхавшейся безмятежно пропаже, в нежно, тревожно манящей и уж всевластно влекущей небывальщине этой, все старающейся сквозь замкнувшие уста годы что-то выколыхнуть из моей простодыры тщедушной, невзрачненькой – памяти (запросто ускользающей в блуждания среди трех исполинских сосен, в головокружительную высоту уносящихся мачтовых сосен забвенья), в легкость вызволить из нее нечто, будто пребывающее накануне, в зыбком преддверии, еще в небывалости избегающего меня воспоминания.

Так-то и случилось, овнезапнилось этакое вот убийствишко неизвестно кого – меня ли, ее ль...

Ни мелькновения тени ее я больше не видел. Не осталось от маленькой юности ни следочка, ни оброненной невзначай крупицы, полной забавной и драгоценной тщеты, ни чьей-то напомнившей бы о чем-то ничейности, которую не к чему приложить, светом целым не обналичить.

Уж наверно пошла посикать, а после остраток таких, делов темных этих, сам понять должен, застеснялась вернуться, – простодушно вляпал иллюзью догадки пожиловитый пьяненький ясень, воздушным путем нахлебавшийся-таки из нашей разини-бутылки, уж чуравшейся исподволь нас, неприкрыто на наши деянья косившейся, будто мы ей ни капельки не родные и из дружбы былой напрочь выдружились.

Сколь же испорчен был этот якобы древнеющий мудростью ясень, явно мучимый толпяными истошными криками, а ведь взрастал в условиях вольных, близких по нравственности к перво-

природным, как-никак средняя выпала, удалась ему полоса России (что насытительна для бездонных душ васильков, неувядающих лютиков, спеющей ржи, честного чертополоха, прочего всполоха да переполоха травы и некоторого другого приземистого населения, пролегающего там среди вольностей или помимо них, невпопад, а то и вовсе обходясь без оных, – одним своенравным, наотрез протестующим стланьем либо прямо открытым, непринужденным лежаньем, прилично, однако, бунтующим, уже на глазах восставшим – и восставшим как из мертвых живых, так, что гораздо живительнее, и из мертвых мертвых: когда-никогда все одно уж прищучит вставать и быть без прикрас вживую).

Я ему, ясеню этому непроясненному (какой-то он мутный...), возражал всем имеющимся во мне чистоватым и супротивным – могущественно непреклонным.

Неужто среди ясеней примерно в таком же раскладе, как и у людей, дураки бывают? О, если б так было, какой бы громкий, темный несся вокруг ужас.

Воздушные прения ничем, само собой, не закончились – ясень желтолиственно стоял на своем, якобы не лгя себе ни в едином мгновеньи, а я делал умышленный вид бледноватый, будто продолжаю оставаться непорченым, ну и плюс к тому непорочным – для самомненья богатства души (и чтобы случилось у сердца надежное нежное алиби), для радужного изображения несметных психических россыпей... словно своих роскошеств для порядочного существованья любой природной души тут недоставало или было их порочаще, как-то даже преступно мало, как если бы грабительство и здесь шло заведенным обыденным чередом, прикидываясь твердой основой всякой немного заблуждавшей души, лишь для чистого пламени любопытства заглянувшей в покражи.

Вот девочка и не вернулась, почувствовав издали наше неладное и как мы с товарищем лиственным ей косточки в блажь перемываем.

Как точно и неотменимо была, точь-в-точь так же точно и отменно исчезла... Сколь естественно просто случилась, столь же обыкновенно просто, отслучившись, она запропала, свое существованье беспечно исхитив, – девочкино реальное бытие и ее нереальностью взявшееся исчезновение были взаимоуравновешены и, вероятно, знакомством друг с дружкой сполна удовлетворены; им друг дружки вдосталь хватало и без наличья всегда лишневатых людей: в исчезновеньях блаженствующих дел тоже ведь невпроворот, в наличествующем предостатке. Они были квиты всемирно, ее бытие и велико возросшее небытие, а я – пострадавшая, более всех и всего отсутствующая сторона, которой сквозь прихотливую вязь, суматошную светотень долголетий претерпевать то мертвящее равновесие, превозмогать этой девочки состоявшееся так легко и помимо охоточки всякой небытие, все настоятельней тянущееся теперь к жизни, пренебрегая избытою четвертью давно уж занывшего во мне века, – точно брезжила все и мозжила рана, прежним незаживающая, прежним старая рана: эта девочка вот-вот вновь родится и, воссияв появленьем миражным, безмолвно ликуя, пройдет по смертвевшей листве возникшего набело дня, о черновиках прежних дней и не подозревая, никакого быванья былого не замечая. И ни о чем-то не помышляя, за исключеньем сквожения мимолетной ходьбы, за вычетом воздушной своей повсеместной поступи – исчезновения на весь этот прекрасно запропадающий мир, но в жизнь вновь и вновь прорывающийся, о себе с ярой нежностью – с нежной яростью ли? не понять-разобрать... – то и знай заявляющий: с ирреальной четкостью обманно дразнящего безликостью сентября проступают, сквозятся чистейшим безумием освященные осенние лики – и блазнятся, соблазняются истайна чудиться новоявленными, обхитрившими смертушку человечками – вестниками если и не бессмертия, то какого-то вечного, мир держащего всклень перебытия́... перебы́тия перебытия́...

Тень, солнцем залитая тень осентябренной листвы неутомимо (и мимо все, неизбежно все мимо...) позывает, окликает мои мучительно, невозможно далеко куда-то отпрянувшие, в напраслину схлынувшие воспоминания, настаивает, чтобы вспомнил я все, необъятно все, что взволнованно и дразняще таится за той как-то сверходиноко и будто надмирно мерцающей, убегающей и так-таки неизбегаемой светотенью, за ее зыблющейся в солнечнопленной, желаньями небытия

истомленной тиши приземленной волшбою, – даже то, чего я не изжил и не знаю доподлинно, что упомнить не по моим изредевшим и повадкою ноября зябковатым, пораскраденным уж изрядно силам... не дораскрадет ли их светотень-пустосвятица, немного все же губительно – с блаженной убийственкой – влияющая на меня?..

Была та впорхнувшая в мою жизнь на какие-то четверть часа случайная девушка, бабьего лета девочка странная и чудесно безвестная, живной призрачностью поманившая, небывалостью о себе возомнившая (в мою жизнь – как в приотворенное чье-то и позабытое открытым окно безымянная с виду бабочка), или она привиделась в отревоженных снах на краткий обморок жизни забывшихся воспоминаний, затмленным и тупо безмолвствующим небытием затянувшихся, как бессмысленной ряской кувшинковый дивный пруд?

И был ли там я, а не мое очарованное отражение, легкобродное просквожение, моя лиственная иссентябренная тень, миру всесветному в жалкий, в бедный посыл бредущая бог весть куда – и помимо меня, как-то напрочь всего помимо...

А может, была то, случилась тогда обыкновеннейшая невстреча? – не в редкость проказливое небытие пошутило отсутствиями, выдав их за приосе́ненные, со всех немыслимых, невозможных сторон позлащенные иль багряные наши явления, пробно исходящие в зачаточный еще листопад, ведь нас с девочкою на кладбище, можно сказать, не было уже на этом свете... Во всяком случае, обратного я утверждать не могу, для этого нет у меня непризрачных оснований...

Моя память больна разрозненным мною и моим укрупняющимся, в беспредел возвеличенным небытием, моим разрастающимся и наглухо меня зарастившим, словно пустырь, забвеньем. Моя память лишь прикинулась мною, обманно мной притворилась, существуя в действительности кем-то другим, с кем я почти не знаком, с кем придется, наверно, быть чужим и ложно знакомым до последних самых последков, до цветущих тех и, надеюсь-таки, благодатных краев, где не будет уж нас, где нас так славно, так полно не будет: всепроникновенны станут небывания наши... то есть будут они всесущи... Что, пусть и окрайком надежды, утешает безмерно. А всего утешительней то, что будут утешительствовать они – бесконечно. Всепроникновенны сделаются небывания наши... Но не хотелось бы этим закончить, уклоняясь смереть раньше смерти, демонстративно забегая поперед нее, – так как скончанье рассказа – лучший из всех возможных концов – еще чуть-чуть впереди и рассказовое исчезновенье мы возьмем на пожизненное вооруженье против всех видов разыскивающих нас неустанно, домогающихся предвзято пропаж, с нескрываемым причем ожесточением, будто мы в них насквозь виноваты.

Время сносит мою плывучую, мою неверную память в неутоленный во мне океан по названью Саратов. Желтая гора учтиво кланяется мне, словно бы на осеннем пиршестве (не тризна ли это?) нас в кои-то веки представляют друг другу. Мы много наслышаны друг о друге, прилежно нежные слухи до нас доходили, предвестием чудным средь нас бродили, мгновеньем волшебным в душевных потемках посквaживали. С взаимным благорасположением мы близко, тесновато даже знакомимся, симпатизирующими взглядами обещаем один одной и одна одному на редкость удачно раскинувшееся на всю предальнейшую жизнь знакомство; больше встречаться как-то уж не с кем. На том временно и расстаемся, тепло попрощавшись, с душевной, ясное дело, оглядкой. Пока случайная какая-нибудь жизнь где-то нас опять не столкнет, мимолетно не повстречает, тихомолком блаженностью странною не соблазнив.

Прекрасное есть подозрение: в следующий раз нам говорить на каменистом и уклонном языке Желтой горы. На человеческом во всю великолепную его немоту мы уже отговорили.

Денис КРЮКОВ

ИНЕЙ ПРОВЕРИТ ВЗГЛЯД

***

Маше Алёхиной

иней проверит взгляд – насколько остр
так маленькие говорят, голосами хрустят
как сухарьками у школы
– мёрзлые пальцы кому? мёрзлые пальцы
только себе самому – за душу взять
и обняться
солнце – обиженный шар, беззвучный призыв любить
как тебе под пальто? и за что

***

1.
Зимой тепло от маленьких угу.
Они со мной играют на снегу.
Ты едешь целый день в трамвае-лимбе,
И лёд звенит, подпрыгивая в нимбе.

Он продолжается на крышах и на щёчках
И запирает всех в своих замочках.

– К ноге! – командуешь ты боли шейной.
И вниз она ползёт по строчке швейной.
– К губам! – командуешь ты сам кому не зная.
Улыбке, тишине, стеклу трамвая.

2.
Зимой тепло, пока не рассвело. При свете
Страшнее чешуя на небе,
Слышней бряцающие звуки.
На улице ко мне подъедет ветер,
Со свистом распахнёт все дверки.
– Доеду до разлуки?
– Примеришь холодок в примерке.

И я уеду.

Денис Крюков родился в 1984 году в Москве. В 2007 году окончил Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). В 2013 году вошёл в шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия». Участник литературных фестивалей «М-8» (Вологда, 2014), «Стрелка» (Нижний Новгород, 2014), «См. выше» (Ярославль, 2014). Публиковался в журнале «Носорог».

***

от холода
светло краям
и больно середине, зимним дням
темнея, предстоит стоять
язык во рту, как страж
и страх, и я

закат одёрни, ель, запрячь в иглу
где стол накрыт и голодно теплу
оно горит и говорит: лублу

чем пахнет хвоя? кроткой глухотой
скажи мне, кто я, ставший запятой
когда лежу, когда ребром растёт
из неба месяц и из носа кровь идёт

***

Пахнет лицом тепло – веками, но без глаз.
Солнца пробор старушечий...
– Нет, не сейчас. Не могу отодвинуть свет –
Слишком большущ. Не приду, нет.
Губы – сургуч.
Взглядом же – глажу сквер: верен мне, сыт ли?
Но без глаз он сер
И скользят по нему мысли.

Тронут плечо: не ты ли? Тронут ещё: не так ли?
Нет, это горстка пыли
И дождевые капли.

***

Мы дети тревоги и тоски,
мы свистящие крылья ночные.
Бу Бергман

ночь прибирается за окном чёрный мешок
и мы в нём в отдалении заспешил дождь
на ресницах приближаясь к вокзалу
– у меня идёт кровь
– не трожь!
тени деревьев присели как по сигналу
можешь бежать, дуб, можешь бежать, осина,
наперегонки в пламени керосина
можешь ещё успеть – перегореть, проститься
взглядом выдавиться за окно
отделяется от души птица
летит и темно темно

Татьяна ГРАУЗ

Город. Излучение

потаённо сияет
(под тёмным платком)
сморщенное лицо
в переходе

Чтобы не плакать

эта зима остудила мне сердце, мама,
и сожгла мне глаза
белым – как смерть белым – снегом
чтобы не плакать – я лето искала: то-наше-лето
а находила имя твоё
в книжечке поминальной

Заворожённый январь

лёгкий снег на ресницах
и так тихо
будто время молитвы

Большая темнота

какие дни больничные большие
бездонное бесчувственное небо
морозный сон заснеженных деревьев
прохладные как горе голоса
и темнота над гулким садом
большая
жёсткая
намного жёстче койки

Татьяна Грауз – поэт, эссеист. Родилась в Челябинске. Закончила 1-й Московский Медицинский институт и театроведческий факультет ГИТИСа. Живёт и работает в Москве. Публикации в журналах «Комментарии», «REFLECT...», «Креватик», «Воздух», «Интерпоэзия», «Черновик», «Дети Ра», «Гвидеон», «Топос», «Окно», «Журнал Поэтов» и др. Книги стихов: «Пространство иного» (2004), «Они прозрачнее неба» (2005), «Лес-Озеро-Сад» (2007), «Первое воскресение» (2014). Лауреат поэтических премий журналов «Футурум-Арт» (2001) и «Окно» (2011), Почётного ордена «Золотая поэзия» Арт-лиги TNA-L современного изобразительного искусства и литературы «Русский авангард» (2014).

***

милый мой, многое уже позади
кафель холодный
больница
сумерки
слёзы
гулкие бесконечные коридоры
и тени любимых
а за окном – невесомая снежная птица

теперь во мне, милый, только безоблачный свет

Беспомощный март

где отыскать мне, Господи, то, что ищу
в вязкой густой темноте города полупустого
чиркнула будто спичкой слабой душой
и увидела – кружатся сонно снежинки
хлюпает под ногами чавкает что-то сырое
и подрагивает беспомощно сердце

Запрятанный август

так глубоко в тебе запрятан август
корнями в темноту земли уходит
и тянет влагу ночи в слово *ночь*
из гулкого разбуженного сердца

Засыпая

прозрачна и огромна темнота
и расцветает
влажно и душисто
шиповником прозрачным дикой розой
в тревожном шёпоте ночного сердца

Свет на тропинке

каплями свежими: дни позабытые детства
обои цветные и стопка нотных тетрадей
а за окном – благодать
вяз распускает клейкие почки
тёплый свет на тропинке
и мама так раскраснелась и улыбается
и так высоки
каблучки на старинных её босоножках
лишь тень от летящего облака стала с годами прозрачней

Кусчуй НЕПОМА

ТАМ-МАШИН

Повесть

Из речи президента РФ Владимира Путина

«Единые подходы к преподаванию истории совсем не означают казенное, официозное, идеологизированное единомыслие. Речь совершенно о другом – о единой логике преподавания истории, о понимании неразрывности и взаимосвязи всех этапов развития нашего государства и нашей государственности... В системе сертификации учебной литературы проскакивали такие вещи, которые абсолютно неприемлемы не только для нашей страны, для нашего народа, но для любой страны и для любого народа... Это просто какой-то идеологический мусор...»

Из заявления гражданина Чутого И. М.

...пропал хрустальный сервиз, подаренный в 1975 г. родителям на серебряную свадьбу родственниками семьи. Сервиз находился на средней полке серванта, который стоит в большой комнате. 17 мая при возвращении домой после работы я обнаружил, что полка пуста. Никаких следов взлома двери или окон не было...

Из заявления гражданки Игумновой Е. А.

...20 мая я обнаружила, что иконы Николая Чудотворца нет на месте. Я ездила на кладбище, пробыла там около двух часов, красила оградку. А когда вернулась, иконы не было. Больше ничего вроде из квартиры не пропало...

Из протокола осмотра квартиры гр. Игумновой Е. А.

...квартира находится на первом этаже, внешних повреждений двери и окон не обнаружено. Не выявлено повреждений замка входной двери. Форточка в большой комнате открывается снаружи простым нажатием, шпингалет отсутствует. В закрытом положении удерживается гвоздем...

Сержант полиции Кандидов С. К.

Из заметки в газете «Наши Чумачки» от 23 мая 2013 г.

История нашего края полна неясностей, приблизительности и неочевидности. Время уходит, свидетельства прошедших эпох исчезают. И остаются в лучшем случае лишь легенды, а в худшем – досужие слухи, что случилось там или там, в тот день или в иной, в эпоху давнюю или еще более давнюю. Время стирает людскую память. Ведь люди не вечны. И с каждым из ушедших уходит огромный кусок истории как нашей страны, так и нашего края в целом. Можно смириться с тем, что нам не подвластно погрузиться в глубины времени и узнать, как зарождалась жизнь в нашем крае, были ли на месте Чумачков древние стоянки, проходили ли здесь торговые пути, связываю-

---

Кусчуй Непома (Михаил Петров) родился в 1966 году в городе Рыбинске. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета и аспирантуру того же института, а также курс режиссуры драмы Ленинградского областного колледжа культуры и искусства. Переводчик испаноязычной литературы. Публикации в журналах «Полдень. XXI век», «Бельские просторы». Автор сборников «Иоахим Воль, передвигатель шахматных фигур» (Луганск: Шико, 2011) и «Треугольник случайных неизбежностей» (Луганск: Шико, 2013). Живет в Санкт-Петербурге.

щие между собой разные цивилизации. Но обидно, когда забываются вещи, казалось бы, не такие далекие, углубленные на два, три, четыре поколения.

Однако некоторые вопросы, как оказывается, мы с вами в состоянии прояснить. С этого номера мы начнем целый цикл статей об истории нашего края, в которых на основании документальных свидетельств откроем новые факты...

Лиховской С. М., краевед

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда (гр-ка Малышева И. С., 17 лет)

Вообще Ленка дура. Заладила сходи к этому краеведу нашему. Типа он экстрасенс. Ну сходила. И чего? Доходяга какой-то больной. Как увидела его так плюнуть в морду ему захотелось. Ни бельмеса этот чувак в будущем не понимает. Пялится только на мои сиськи. А у самого наверно уже полвека не стоит. Прихожу я такая вся нарядная а он блин очки трет. Какое-такое будущее? Бабло даже ему мое не нужно. Хоть и бабок-то у меня чего с Коляна стрясла но все равно. Ленка слышь ты дура. Никакого он будущего не знает.

28 мая в 14:15.

Ленуся-Пуся:

– Сама дура слушать надо было внимательно а не отвертку жрать. Я тебе не про будущее говорила. :)

Злобный_Хлопец:

– Изо ты фоту мою заценила где я с пацанами на берегу?

Изо_Льда:

– Ленок я не дура полная хоть и влила в себя пару банок.

Ленуся-Пуся:

– Я тебе про прошлое жужжала. Тот чувак может чего угодно про тебя рассказать.:)

Злобный_Хлопец:

– Изо ты чего про фоту ничего не пишешь?

Из книги отзывов краеведческого музея г. Чумачки

Спасибо за выставку. А сервизик-то лучше сами верните хозяину, по-хорошему.

Доброжелатель

Из протокола допроса гр. Лиховского С. М.

...С гражданами Игумновой Е. А. и Чутым И. М. я не знаком. И в их квартирах не бывал. Икона Николая Чудотворца и хрустальный сервиз являются собственностью краеведческого музея. В экспозиции «Быт советского периода г. Чумачки» данные экспонаты находятся с 1 мая сего года...

Из экспертизы криминалистической лаборатории

Отпечатков пальцев и отпечатков обуви гр. Лиховского С. М. в квартирах:

– 5 дома 13 по улице Старообрядческой,

– 34 дома 8 по улице Строительной

не обнаружено.

Нач. криминалистической лаборатории – ст. лейтенант Иванченко Г. И.

Из служебной записки директора краеведческого музея

...Инициатором экспозиции «Быт советского периода г. Чумачки» выступил сотрудник музея, почетный краевед Чумачовского района Лиховской С. М. После согласования с соответствующими инстанциями и подбора экспозиционного материала принято решение открыть постоянную экспозицию с пополняющимся фактическим материалом в зале № 5 краеведческого музея г. Чумачки. Экспозиция открыта для посетителей с 9 марта с.г.

Директор краеведческого музея Сильва А. М.

Заявление

Я, гражданин Лиховской Сергей Михайлович, 1959 года рождения, русский, семейное положение – разведен, дети имеются, вынес указанные предметы (хрустальный сервиз и икону Николая Чудотворца) из цилиндра, находящегося в лесу, который (цилиндр) по стечению обстоятельств и времени является машиной времени, которая была обнаружена Гришкой.

Свою вину в краже полностью отрицаю.

Лиховской С. М. (Подпись)

1 июня 2013 г.

Из донесения следователя лейтенанта юстиции Пичужкина И. К.

...в районе населенного пункта Чумачки Чумачовского района металлического цилиндра подтвердился. По утверждению Лиховского, данный объект (в дальнейшем – объект ТМ) обнаружен в конце лета прошлого года девятилетним Гришей Мальниковым. Мальников, заблудившись в лесу, вышел к болоту, находящемуся в километре от населенного пункта Чумачки. Следуя за козой Василисой, он попал на имеющийся среди топей островок общей площадью один квадратный километр. На этом островке и был обнаружен объект ТМ. Гражданин Мальников Г. С., по его словам, внутрь объекта не проникал. Этот факт подтверждает и гр-н Лиховской. Первым проникшим внутрь объекта ТМ был сам Лиховской. Именно он и установил, что обнаруженный гр-ном Мальниковым Г. С. объект является аппаратом по перемещению во времени. В качестве доказательства г-н Лиховской указал на доставленные (по его словам) из 1975 года хрустальный сервиз и из 1966 года икону Николая Чудотворца в киоте.

6 июня 2013 г.

Лейтенант юстиции Пичужкин И. К.

Справка из психоневрологического диспансера Чумачовского района

Гр. Лиховской С. М. состоит на учете в указанном диспансере с 2006 года. У гражданина Лиховского С. М. диагностированы:

– бред исторического познания (по МБК-10 F22.8),

– эпизодические проявления клептомании (по МБК-10 F63.2)

Гр. Лиховской С. М. не является социально опасным. С 2006 года и по настоящее время находится под амбулаторным наблюдением.

Зав. Чумачовского ПНД – Исаев К. Н.

Протоколы возврата материальных ценностей

Мной, гр-ном Чутым И. М., получен возвратным порядком хрустальный сервиз производства завода г. Гусь-Хрустальный.

Чутый И. М. (Подпись)

7 июня 2013 г.

Мной, гр-кой Игумновой Е. А., получена возвратным порядком икона Николая Чудотворца.

Игумнова Е. А. (Подпись)

7 июня 2013 г.

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда

Чувак реально крутой если не врет конечно. Мамка мне про папку-то говорила что типа он летчик улетел и разбился. Маленькая я верила а потом когда подросла так поняла что маман парит меня не по-детски. Ха так у каждой матери-одиночки ботва такая припасена летчик-залетчик папаша. Улетел разбился герой-героин. А на самом деле какой-нибудь алкаш от которого она смылась. Тут один перец-поп из Томска что ли сказал что давай типа всех одиночек блядями звать. Как типа и звали их в прошлом. Мудак. Я б ему рыло в горшок опустила. А этот чувак сказал

что узнает кто на самом деле был мой отец. И узнал. Даже фоту где-то надыбал. Мужик с краю в летчиковой форме. На меня похож.

[Фото]

5 июня в 12:50.

Ленуся-Пуся:

– Реально похож. Чего тут говорить. Крутой чувак, да? :)))

Изо_Льда:

– Спасибо подруга. :О)

Злобный_Хлопец:

– Чё за мудила в портупее?

Изо_Льда:

– Сам ты мудила Колян. Это отец мой.

Злобный_Хлопец:

– Клево!

Из беседы с гр. Мальниковым Г. С.

(расшифровка аудиозаписи)

Мальников. Да если бы не коза эта Василиса, я бы в лесу вообще до сих пор бродил.

л-т Пичужкин. А чья это коза?

М. Не знаю. Я ее в лесу встретил. Встретил и подумал: тут люди где-то должны быть. Не может коза сама по себе ходить.

П. А откуда ты узнал, что звать ее Василиса?

М. Я ее сам так назвал. Вот за ней я и пошел. А она в болото завела. Все, думаю, каюк пацану.

П. Какому пацану?

М. Мне. Я ж пацан еще.

П. Ага, понятно.

М. А она и вывела меня туда.

П. И что ты там делал?

М. Ничего.

П. И не пытался проникнуть внутрь этой штуковины?

М. Нет. Пнул ее пару раз ногой. Потом палкой постучал. Гудит она здорово. Василиса испугалась и побежала оттуда, а я за ней. Боялся, что потеряю. Так и выбрался из лесу.

П. А где теперь Василиса?

М. А я почем знаю? Как город увидел, я про нее и забыл. Я же жрать хотел. Да и думал, что бабушка дома с ума сходит. Повезло, она заснула у телевизора. Так что я у дома нарисовался как раз тогда, когда мама с рынка возвращалась.

П. А потом ты рассказал об этой штуковине краеведу Сергею Михайловичу?

М. Рассказал.

П. Почему ты рассказал именно ему, а не кому-либо другому?

М. Сергей Михайлович приходил к нам в школу, он много рассказывал про наш край. Про все события, что были здесь. Он очень интересно рассказывал. Мне понравилось. И я ему понравился.

П. В смысле?

М. Что в смысле?

П. Как ты ему понравился?

М. Да обычно. Я потом к нему в музей бегал. Там интересно. Полы помогал красить. Вот и рассказал про эту фиговину. А что, это какая-то ценная штука?

П. Да, ценная. Мы ее потеряли. Спасибо тебе.

М. А-а, я так и думал. А гудит она здорово.

Из показаний гр. Лиховского С. М.

Болота эти топкие, непроходимые. Это все знают. Хоть и подходят они к самому городу, туда никто не суется. Нечего там делать. Говорят, что во время войны там целый партизанский отряд сгинул. А вместе с ним и немецкая дивизия. Но не верьте. Я как краевед скажу, что не было в этих лесах партизан. И немцы сюда не совались. Потому что болото. Иногда коровы или скот какой пропадал. Это да. А чтоб целые армии или дивизии... Вот я говорю: знай и люби свой край, а то будешь верить всякой небывальщине... Вон оказалось, есть какой-то узенький перешеек, по которому можно в центр болотины этой выйти. Мне Гришка рассказал. Он ни мамке, ни папке не рассказывал. Боялся, что его отлупят. Потому что без спроса в лес подался. А чего ему на каникулах делать? Мать с папаней челночат и на местном рынке торгуют. А он один с бабкой. Да бабка все дома сидит. Иди, говорит, внучок, погуляй, но только во дворе. Сама в окошко выглянет: вон он в песочке копается. И к телевизору сериалы смотреть. А они как начнутся в два, так только в шесть заканчиваются.

Из концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории

Целью разработки концепции является формирование общественно согласованной позиции по основным этапам развития российского государства и общества, по разработке целостной картины российской истории... Курс отечественной истории должен сочетать историю Российского государства и населяющих его народов, историю регионов и локальную историю. Такой подход будет способствовать осознанию школьниками своей социальной идентичности в широком спектре – как граждан своей страны, жителей своего края, представителей определенной этнонациональной и религиозной общности, хранителей традиций рода и семьи...

Описание объекта

Объект ТМ представляет собой металлический цилиндр диаметром пять метров и высотой два с половиной метра. Толщина стенки два миллиметра. Крыши нет. При взгляде сверху можно видеть ровную площадку, покрытую травой, соответствующей травяному покрову окружающей местности.

Объект выкрашен зеленой однотонной краской. Кое-где сквозь краску проступает ржавчина (не более 5 % от общей поверхности). Поверх имеется сделанная коричневой краской надпись: ТАМ-МАШИН. Буквы написаны крупной кистью. Неровные, с подтеками краски. Надпись располагается на высоте приблизительно одного метра пяти сантиметров. Занимает четверть длины окружности. Первые буквы крупнее последних. На траве под надписью обнаружены пятна краски той же марки.

С северной стороны объекта имеется дверца высотой полтора метра. Дверца с усилием отставляется от цилиндра на расстояние полуметра, открывая узкий, уходящий вниз вдоль стенок объекта проход.

Материал объекта – предположительно углеродистая сталь марки Ст20 (ГОСТ 1050-88). Оценочная масса объекта – около полутонны.

Происхождение объекта ТМ неизвестно. Следов монтажа не обнаружено. На поверхности земли объект никак не закреплен. С помощью рычага проведена успешная попытка приподнять объект с одного края.

Эксперт следственной группы Сонин М. В.

Результаты следственного эксперимента

26 июня с.г. гр-н Лиховской в сопровождении сержантов Иванюка А. А. и Катынечева И. А. проник внутрь объекта ТМ. Связь со следственной группой была потеряна через три минуты после проникновения. Гр-н Лиховской, сержанты Иванюк и Катынечев отсутствовали в течение двух часов десяти минут.

Итог следственного эксперимента – номер газеты (сильно мятый) «Наши Чумачки» от 31 августа 1976 года и набор столовых приборов (алюминий).

По утверждению гр-на Лиховского С. М. и его сопровождающих, номер газеты «Наши Чумачки» извлечен из подшивки газеты за август месяц, [зчркнт – находящейся] находившейся в читальном зале районной библиотеки г. Чумачки. Набор столовых приборов изъят из диетической столовой по адресу Московская улица, д. 12.

Проверка установила:

1. В подшивке газеты «Наши Чумачки» за август 1977 года в районной библиотеке г. Чумачки отсутствует номер за 31 число.

2. На месте диетической столовой по улице Московская, д. 12 в настоящее время находится суши-бар «Япона-мать». Столовые приборы – деревянные палочки.

Следователь лейтенант юстиции – Пичужкин И. К.

Из рапорта сержанта Катынечева И. А.

...оказавшись внутри объекта, я услышал, как сработал будильник на моем мобильном телефоне. Это было странно, потому что будильник я ставлю только на семь утра. Я достал телефон, чтобы выключить сигнал. И тут увидел, что телефон не ловит сеть...

Первое впечатление, что мы из дня попали в темноту. Как будто над нами находилась какая-то крыша. Хотя я не знаю, была ли на самом деле крыша. Но сверху была темнота, а снаружи объекта светило солнце. Тусклое освещение не позволяло что-то разглядеть. Мы стояли у стены на площадке из металлических прутьев. Вдоль стены вниз спиралью шла лестница. У лестницы не было ни перил, ни какого-либо ограждения. Как только глаза привыкли к перемене освещения, гр-н Лиховской начал спуск. Мы последовали за ним. Это было похоже на шахту, глубину которой оценить было невозможно. По моему ощущению, мы сделали несколько полных кругов и углубились метров на десять-пятнадцать вниз, пока не обнаружили первую площадку. Под фонарем низкая, в половину человеческого роста металлическая дверь. На ней было написано «17». Лиховской сказал, что это минус семнадцать лет. То есть от верхнего уровня минус семнадцать лет. И если сейчас 2013 год, то значит за дверью находится 1996 год. Лиховской предложил спуститься еще ниже. Сказав, что чем ниже, тем шире основание конуса. Это было малопонятно. И сержант Иванюк спросил, какой конус имел в виду Лиховской (дословно: каким еще гребанным конусом ты нам мозги паришь?). Лиховской ничего не объяснил, но сказал: чтобы корректно провести исторический эксперимент, нужно спуститься еще ниже. Мы и спустились еще ниже. На разных витках круговой лестницы встречались двери. Все одинакового типа. На них точно так же краской были написаны числа. Следует отметить, что не каждый год был представлен дверью, то есть, к примеру, за «17» следовало «19», за «19» следовала дверь с меткой «22», а потом была дверь «23». Четкой закономерности я не уловил. Мы спустились кругов на сорок или пятьдесят вниз (я сбился со счета). И остановились у двери с меткой «36». На вопрос, почему именно эта дверь, Лиховской ответил, что в том, что за ней есть, он лучше всего ориентируется...

Приложение к рапорту сержанта Катынечева И. А.

1. Чек диетической столовой на сумму 1 руб. 41 коп.
2. Расшифровка чека.

Расшифровка чека:

– хлеб 3 кус. х 1 коп.
– борщ 22 коп.
– рассольник 19 коп.
– компот – 3 шт х 7 коп.
– шницель свиной – 2 шт. х 28 коп.
– котлета 1 шт х 20 коп.

Из рапорта сержанта Катынечева И. А.

...В диетической столовой гр-н Лиховской расплатился деньгами советского периода, сказав при этом оскорбительным тоном: «Откуда у вас деньги, пасынки истории?» И добавил при этом: «Аппетиты умерьте, не набирайте много, еда здесь сытная и из натуральных продуктов, не то что ваши гамбургеры-макдональдсы-шмакдональдсы».

Из статьи в газете «Наши Чумачки» от 31 августа 1976 года «Молодым всегда у нас дорога»

...как, например, молодой активист-комсомолец Сергей Лиховской. Он не унывает. Да, он не поступил на исторический факультет МГУ. Однако это повод не для уныния, а для дополнительной, еще более интенсивной работы над собой, над повторением и закреплением старых знаний и овладением новыми. Как говорит сам тов. Лиховской: «Я хотя бы попробовал». В этих словах чувствуется вызов всем тем, кто из-за неуверенности в своих силах не делает шаг вперед. А без такого шага невозможны новые достижения и победы, к которым нас призывает коммунистическая партия. Тов. Лиховской торжественно пообещал, что после службы в ВС СССР он непременно снова попытается поступить на исторический факультет МГУ. Однако и до призыва он не намерен терять время зря. Тов. Лиховской решил пойти работать в местный краеведческий музей. Мы уверены, что и там он сумеет принести пользу Родине, пользу нашему обществу и дорогим горожанам...

Из допроса Лиховского С. М.

(допрос вел лейтенант юстиции Пичужкин И. К.)

л-т Пичужкин. Сколько раз вы входили внутрь объекта?

гр-н Лиховской. Не помню.

П. Вы кому-нибудь еще говорили об объекте?

Л. Нет. Видите ли, историческая наука не терпит суеты и многозначности взгляда на историческое наследие. Различные толкования тех или иных исторических событий приводят лишь к хаосу в самой науке, а также к смятению в головах простых граждан. Мое глубокое убеждение, что проявлять и закреплять исторические скрижали должен один человек. Или, в крайнем случае, команда специалистов, выступающих как единое целое. Одним словом, знай и люби свой край.

П. Как сильно вы продвинулись в изучении объекта?

Л. Мне здоровье не позволяет спускаться слишком глубоко. Когда я выносил икону Николая Чудотворца из 1966 года, думал, что сердце разорвется.

П. А какова, на ваш взгляд, глубина объекта?

Л. Я не знаю. Глубину шахты из-за темноты разглядеть невозможно. А дна я не достигал.

П. Как вы поняли, что объект является средством по перемещению во времени?

Л. Открыл случайно дверь. А как же еще?

П. Как это было? Расскажите подробнее. Какая это была дверь, какой эпохе, скажем так, соответствовала?

Л. А почему вы иронизируете?

П. Я не иронизирую. Отвечайте, пожалуйста, на вопрос.

Л. Хорошо. Середине девяностых. Дверь как дверь. Она была первая, потому я и открыл ее.

П. Как вы поняли, что оказались в середине девяностых?

Л. По газете на стенде.

П. Хорошо. И вас там признали за своего? То есть никто не догадался, что вы пришли, скажем так, из будущего?

Л. У нас в Чумачках много лет ничего не меняется. Даже асфальт пятидесятилетней давности лежит. И люди выглядят так же, как десять, двадцать или тридцать лет назад. Да вы сами знаете.

П. Хорошо. А в следующие разы вы спускались глубже?

Л. Да.

П. Вот вы сказали, что сервиз хрустальный вы купили в магазине. А деньги советские у вас откуда?

Л. Не поверите. Мать моя пенсию в чулочек складывала, а потом чулочек этот куда-то сунула. И найти не смогла. Как она расстраивалась! Даже меня обвиняла, что, мол, я эти деньги взял. Так и померла. Уверенная в этом. А я не брал. Потом, через много лет, уже после перестройки, когда деньги не раз менялись, ремонт в квартире делал. Сломал антресоль, а там дыра оказалась в стенке. Вот в ней чулочек и нашел.

П. И сколько там было?

Л. Около шестисот рублей. По тем временам деньги. А по нынешним – только музейный экспонат.

Из разговора с гр-кой Маминой И. Г., пенсионеркой

(расшифровка аудиозаписи)

...Вот он говорит, а, мол, помнишь случай у нас во дворе был, когда у Третьиных скандал вышел? Сколько там, двадцать, что ли, лет назад. Было такое, помню. Только там черт ногу сломит, кто виноват, а кто прав – не разберешь. В общем, из окошка сиганул какой-то в портках. С первого этажа чего не сигануть, да еще летом. Третьин, стало быть, вернулся не вовремя, а его жена-поблядушка с каким-то там водопроводчиком цацкалась. Водопроводчик-то к ней на самом деле приходил, всем она рассказывала, что у нее, мол, кран потек. А кто на самом деле знает, водопроводчик он был или переоделся только. Вот, словом, сиганул он из окна, а никто его не разглядел. Шибко бежал. Одни говорили, что знают этого водопроводчика, что, мол, это Мишка из соседнего микрорайона. А другие говорят, что никакой это не Мишка. Мишка вроде как только из больницы вышел после аппендицита. Как после аппендицита так сигать? Ну, в общем, гадали долго, а толку мало. И Лиховской мне и говорит: например, есть возможность узнать, кто это был на самом деле, и всеобщее любопытство удовлетворить. Какое-такое он следствие мог там учудить, не знаю. Но, говорит, результат стопроцентный выйдет. Надо только вспомнить, в какой день это у Третьиных случилось...

Из допроса Лиховского С. М.

(продолжение)

л-т Пичужкин. Хорошо. Ответьте тогда на другой вопрос. Каким образом вы возвращались из... из прошлого?

гр-н Лиховской. Таким же. Подходил и открывал дверь.

П. То есть? Эта дверь была прямо на улице, в лесу?

Л. Да. В цилиндре. Подходишь, дверцу оттаскиваешь и входишь.

П. То есть так свободно?

Л. Да.

П. А вы не допускаете, что вместе с вами, или отдельно от вас, кто-то из прошлого мог проникнуть внутрь объекта и подняться в наше настоящее, которое было бы для него будущим?

Л. Как человек разумный, я подобное теоретически допускаю. Но практически, мне кажется, это вряд ли осуществимо.

П. Почему?

Л. Я, конечно, не большой специалист, но мне кажется, что все в мире разумно, и вряд ли бы было возможно такое, чтобы тоннель во времени походил на проходной двор.

П. Но разве можно исключить такую возможность?

Л. Какую возможность?

П. Появления в нашем времени, скажем так, гостей из прошлого?

Л. Не знаю.

П. Как вы думаете, откуда взялся этот объект в лесу?

Л. Видимо, на это была воля кого-то, кто находится выше нас.

П. Вы имеете в виду бога?

Л. Некоего справедливого начала, я бы так сказал. Как говорится, знай и люби свой край.

П. А вы не допускаете, что это могла быть какая-нибудь секретная научная разработка?

Л. А чего она в лесу бесхозно ржавеет?

П. Ну а кто, по вашему мнению, сделал эту странную надпись – ТАМ-МАШИН?

Л. Так это Гришка.

П. Вы имеете в виду Григория Мальникова?

Л. Да. Я ему сам краску дал. У меня осталось полбанки после того, как полы подновлял в музее.

П. А что значит эта надпись?

Л. Как что? Машина времени это значит. По-английски.

П. А почему не тайм, а там-машин?

Л. Ну как услышал пацан, так и написал.

П. Когда услышал? От кого?

Л. От меня. Гришка как-то спросил, как по-английски «машина времени». Я ему и сказал.

П. Но там же русскими буквами написано.

Л. Так Гришка английскими не владеет. Мал еще.

П. А с чего это он про машину времени?

Л. Прочитал Герберта Уэллса. Помните, у него роман такой был?

П. Да, что-то, кажется, припоминаю.

Из интервью министра культуры РФ Владимира Мединского

«Любое знание, в том числе историческое, – точное. Другое дело, что “истории как она есть”, “истории без идеологии” не существует. Любой исторический нарратив – это не случайный набор дат, имен и событий, это всегда выстраивание их в какой-то причинно-следственной связи, исходя из определенной позиции. Любое повествование приписывает соответствующие смыслы включенным в него элементам, и эти смыслы из истории неустранимы. На этом основании кое-кто пытается отказать истории в праве считаться наукой и постулирует “равноправность” всех исторических позиций, мнений и интерпретаций. Это – постмодернистская чушь...»

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда

Пипец в том что на самом деле этот хрен мой отец. Это его фотография. Я показала фоту матери. А она мне допрос устроила типа а где я ее взяла. Короче получилась такая байда будто я эту фотку у нее стырила. Она где-то в шкафу заначила коробку с фотками ну чтоб я чего лишнего не подсмотрела и не узнала. А тут эта фота у меня оказалась. Вот маманя на меня и наехала типа я ее украла. Полезла проверять при мне. А там в натуре этой фотки нет. Так может и не было и маманя просто гонит. Ну пипец короче. Полный. Потом она разревелась и все мне рассказала. Про отца-то. Лучше б не рассказывала. Все мужики козлы!!!

1 июля в 19:34.

Ленуся-Пуся:

– А че она тебе рассказала. Колись давай!

Злобный_Хлопец:

– А бабы бляди.

Изо_Льда:

– Мудак ты Колян. Козел и мудак.

Телефонограмма. 5 июля 2013 г. 13:35 мск

Следователю лейтенанту юстиции Пичужкину И. К.

В срочном порядке засекретить все данные, касающиеся объекта ТМ. Материалы по объекту ТМ передать в управление специальных операций при ФСБ России.

Начальник УВД г. Чумачки подполковник Сухорылов

Телефонограмма Чумачовскому отделу ФСБ. 8 июля 2013 г. 9:15 мск

Сотруднику специального отдела Чумачовского ФСБ Самову Л. Р.

В целях обеспечения государственной безопасности считаем целесообразным:

1. Провести изоляцию гр-на Лиховского С. М.

2. Установить усиленный контроль над прочими лицами, имеющими отношение к объекту ТМ.

3. Принять все меры к задержанию лиц с неадекватным поведением, установлению их личности и принадлежности к данной исторической эпохе.

4. Обеспечить круглосуточную охрану объекта ТМ.

Майор Сухавер Р. Р. Областное управление ФСБ

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда

Пошла вчера к этому хмырю. Узнать хотела откуда он фотку сука взял. Мать два дня в истерике была а теперь водяру жрет. Пришла короче к его дому а его на скорой увозят. Соседка на ухо шепнула типа дядьку в дурку отправляют. Ну не хрена себе. Вот такой упс!

10 июля в 17:08.

Фактологическая справка

Бред исторического познания (F22.8)

Эпидемиология. Заболеваемость составляет 10–20 больных на 100000 населения, за год диагностируется 1–2 новых случая на 100000. Часть больных остается вне поля зрения психиатров. Пациенты обычно принадлежат к слоям населения с высоким уровнем образования, проявляют гипертрофированное патриотическое и/или религиозное чувство.

Клиника. Бред может характеризоваться наличием у пациента особой миссии явить миру историческую истину (ИИ). Она, по мнению пациента, всегда находится где-то рядом. Поиски ИИ сопровождаются патологическим изучением научно-популярной литературы, выявлением ложных взаимосвязей между историческими фактами, уверенностью в том, что ИИ раскроет глаза окружающим на состояние мировой истории.

Больные бывают трудны для окружающих в общении в силу их тенденций воспринимать любое действие собеседника как исторический факт. Им свойственно постоянное подчеркивание этого факта, а также собственной правдивости и честности. Речь изобилует примерами из истории и интерпретациями, которые произносятся зачастую с агрессивной интонацией.

Лечение. Показателем для госпитализации является риск нервного истощения, социально опасного поведения, угроза социальной дезадаптации. Антипсихотические средства, антидепрессанты, литий и карбамазепин являются препаратами выбора. Наиболее эффективным считается использование психотерапевтических методик. В частности, установление личного контакта врач – пациент. В некоторых случаях помогает перевод агрессивности исторического познания в плоскость исторического анекдота.

Из донесения сотрудника специального отдела Чумачовского ФСБ Самова Л. Р.

...15 июля с.г. в объект была послана спецгруппа в составе агентов Махнова Л. Л., Генкина И. С. и Шарапова А. Е. Перед группой была поставлена задача совершить выход через одну из дверей, заглубленных на двадцать пять – тридцать лет. Группа была экипирована в соответствии с модой 80-х, имела при себе соответствующие документы на случай контакта с представителями власти.

Прогнозируемое время пребывания группы в объекте – 12 часов.

Через две минуты после проникновения в объект связь с группой прервалась.

Через 12 часов группа не вернулась. До сих пор (третьи сутки) судьба группы остается неизвестной...

Из истории болезни пациента Лиховского С. М.

1. HALOPERIDOLI DECANOATAE 75 мг (1 мл) в/м 18 июля.
2. HALOPERIDOLI 1,5 мг in tab 3 р/д до еды.

Из донесения сотрудника специального отдела Чумачовского ФСБ Самова Л. Р.

(приложение – расшифровка аудиозаписи)

...знай и люби свой край... Знай и люби. Знай и люби. Не знаешь истории родного края – не суйся. И вообще, не зная броду, ничего толкового не родишь... Вот, к примеру, попробуй-ка влезть в 1985-й август тринадцатого числа. Это то же самое, что быку случайно зайти на скотобойню. Кто знает, что в этот день у нас в Чумачках было побоище? Тот, кто помнит. Стенка на стенку, с солдатскими ремнями, кольями и топорами. Не подвернись тогда в каком-то дворе корыта, точно бы богу душу отдал. Деревенские к нам пожаловали, знай и люби свой край, а все из-за этого проклятущего сухого закона, Горбатым придуманного. Деревенским кто-то напел, что городские машину тормознули, которая должна была по деревням спиртное развозить. Озлились. А какая машина? Никакой машины не было. Откуда? Все ж по талонам стало. Но тем-то что? Кто-то спел им под окнами, а они в Чумачки толпой подались. Сами понимаете, какую силу слухи имеют. Сначала им, как по писанному, попались два пьяненьких мужичка. Вот тут-то и поехало. Этих отоварили, на других нарвались. В общем, как обычно. Стенка на стенку, знай и люби свой край... Помню, за мной один с косой гнался. Еле успел корытом прикрыться, коса по жести чиркнула. Ну тут этот косарь и сам огреб, знай и люби свой край. Прилетело нехило утюгом. В общем, мамаево побоище. Менты растащить не могли. Да и чего менты – их с гулькину какашку и все безоружные, а тут мужичье под сотню рыл, знай и люби свой край. Но это я так, к примеру рассказал. В прошлое – это как по минному полю ходить. Один неверно сделанный шаг – и знай и люби свой край...

Записано со слов пациента Лиховского С. М.

Из донесения сотрудника специального отдела Чумачовского ФСБ Самова Л. Р.

...Установлено наличие на кладбище г. Чумачки могил с именами Махнова Л. Л., Генкина И.С. и Шарапова А. Е. Дата смерти во всех трех случаях 15 июля 1985 года. Дата рождения соответствует легенде.

Разрешение на эксгумацию

...провести эксгумацию останков, предположительно принадлежащих Махнову Л. Л., Генкину И. С. и Шарапову А. Е. (места захоронений Е-1573, Е-1574, Е-1575 кладбища г. Чумачки)...

Из телефонного разговора с Ионовым И. Н., лечащим врачом пациента Лиховского

...пациента Лиховского навещают редко. Чаще всего это его дочь Марина, иногда она приходит с мужем Леонидом, иногда приходит один зять. Несколько раз приходил мальчик Григорий Мальников...

Лиховской много рисует. Рисунки хаотичные, больше напоминают какие-то построения или даже графики. Однако это ему не запрещается, поскольку в эти минуты он совершенно спокоен...

На сеансе групповой терапии, имевшем место 29 июля, в моем присутствии пациент Лиховской вдруг изрек: история – это дьявол во плоти. На мой вопрос, что он имеет в виду под дьяволом, Лиховской заявил, что некий объект, обнаруженный под Чумачками, является искушением, данным людям дьяволом. С этого момента навязчивая мысль о дьявольском искушении не оставляет пациента. Иногда он начинает, не переставая, твердить, что не будет у нас никакой истории, потому что дьявол эту историю все равно съест и переиначит. И нельзя строить будущее, нельзя получить правильный исторический процесс, имея возможность беспрепятственно следить в прошлом. На стене палаты над своей койкой он нацарапал ложкой: «Прошлое неисчерпаемо. Дьявол».

Записано Самовым Л. Р.

Из статьи в газете «Наши Чумачки» за 19 августа 2013 г. «Вопреки нечистой силе»

...и ничего не остается, как высмеять мракобесные представления о том, что в наших лесах завелась нечистая сила. Общество, некогда образованное и просвещенное, несомненно, в наше время сдает свои позиции, и здравый смысл, основывающийся на материалистическом понимании природы, жизни, прогресса, замещается суеверными средневековыми представлениями. Однако вопреки нечистой силе или же благодаря ей жизнь в наших Чумачках продолжается. И хочется верить, что никакие слухи о грядущем конце света не омрачат нашего существования...

Спецкорр Симонов

Из речи патриарха Московского и всея Руси Кирилла

«...Мы должны собрать воедино этот сонм тех, кто потрудился ради России и через этот подвиг смотреть на нашу историю. Тогда у нас не будет «иванов, не помнящих родства», у нас не будет людей, пренебрежительно относящихся к этой стране и к этому народу. Мы будем чтить прошлое и созидать будущее...»

Из служебной записки

...Перенос объекта (краном на десять метров) на другое место привел к исчезновению шахты на старом месте (исчезновение полное, без всяких следов, девственный травяной покров) и возникновению ее на новом.

...28 августа сего года грузовым вертолетом Ми-10 объект ТМ доставлен на опытно-экспериментальную площадку 8К. Транспортировка прошла в штатном режиме. Объект установлен в крытом ангаре (СУПР-05).

Из распоряжения руководителя объединенной группы «ТМ» ФСБ и МВД

...

2. Для уточнения тактико-технических параметров объекта ТМ провести дополнительные дознавательные мероприятия в отношении Лиховского С. М.

3. Командировать следователя лейтенанта юстиции Пичужкина И.К. на опытно-экспериментальную площадку 8К.

29 августа 2013 г.

Майор ФСБ Сырчуян М. Г.

Из докладной записки лейтенанта юстиции Пичужкина И. К.

1. Проведение дополнительных дознавательных мероприятий в отношении гр-на Лиховского С.М. на данный момент не представляется возможным, поскольку гр-н Лиховской находится в неадекватном состоянии.

2. Проведен обыск на квартире гр-на Лиховского С.М. Изъяты две (14 л.) тетради, которые могут представлять интерес...

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда *[Видео]*

29 августа в 18:32.

Ленуся-Пуся:

– Че это? Че за прикол?

Изо_Льда:

– Это тот чувак который фотку моего отца откуда-то отсосал.

Ленуся-Пуся:

– Охренеть! А где это?

Злобный_Хлопец:

– Клево получилось!

Изо_Льда:

– Мы с Коляном сегодня идем вдоль забора психушки. А Колян пивом уже надулся. Херась ему поссать приперло. Посреди улицы ему западло. Так он под забор подлез. Поссал в скверике а потом оттуда шепчет чтобы я к нему лезла. Говорит что типа там прикольно. Ну короче полезла я. А там Колян снимает на мобилу как какой-то чувак в халате вокруг скамейки круги наворачивает. Это вот он и есть.

Злобный _Хлопец:

– Он сначала вообще бубнил что типа историю сожрали а потом высрали и дерьмо теперь это едят. Прикинь чувак с катушек съехал. А как увидел меня так песню запел. Слышно про что поет?

Ленуся-Пуся:

– Плохо.

Злобный_Хлопец:

– Песня прикольная:

сегодня самый лучший день
пусть реют флаги над полками
сегодня самый лучший день
сегодня битва с дураками
как много лет любой из нас
от них терпел и боль и муки
но вышло время пробил час
и мы себе развяжем руки

Прикиньте дядя в дурке и про дураков песни сочиняет. Оборжаться.

Изо_Льда:

– Это тебе оборжаться. А мне страшно было. Ну реально страшно. Х.з. что у него на уме. Псих ведь.

Злобный_Хлопец:

– Забей Изо давай лучше завтра в кинишко завалим.

Выдержки из тетради № 1, изъятой в квартире гр-на Лиховского С. М.

стр. 9.

[Рис.]

Описание.

(рукой Лиховского С. М.)

1 – цилиндр, [нрзб.] (предположительно – ТМ).

2 – уровень земли.

3 – шахта, [нрзб.].

4 – конус доступного прошлого. [нрзб.] (предположительно — закономерность) пространственного радиуса доступного прошлого зависит [нрзб.] (предположительно – не линейно) от глубины погружения.

стр. 14.

...по-видимому, зависимость квадратичная. Или близкая к ней. Над этим еще работать и работать... Жаль, математику я плохо знаю... [нрзб.] выглядит это удивительно и ужасно одновременно. Будто оказываешься в темноте. То, что позади, видишь прекрасно, что впереди – уже нет. Нет доступа...

Из доклада руководителя объединенной группы «ТМ» майора ФСБ Сырчуяна М. Г.

...30 августа для подтверждения предполагаемых тактико-технических характеристик в объект была направлена группа сотрудников ФСБ в составе капитана Мечникова А. Г., лейтенанта Немова И. П., а также лейтенанта юстиции Пичужкина И. К...

Из донесения заместителя руководителя объединенной группы «ТМ» майора Симоненко И. А.

...падение в шахту лейтенанта Пичужкина явилось результатом неосторожного поведения со стороны упавшего. При погружении примерно на пятнадцать метров, нога лейтенанта Пичужкина попала в щель между прутьями ступеньки. Лейтенант Пичужкин потерял равновесие. При этом он выронил фонарь, который упал в шахту объекта. Туда же следом упал и сам лейтенант Пичужкин. В этот момент капитан Мечников находился на несколько ступенек выше, а лейтенант Немов на полвитка спирали ниже. Они лишь слышали крик лейтенант Пичужкина: Бляа-а-а-а-а-а! И видели исчезающий в темноте свет фонаря. Звука удара тела о дно шахты не было. По всей видимости, шахта слишком глубокая, чтобы можно было услышать звук падения тела. В связи с несчастным случаем продолжение операции капитан Мечников посчитал нецелесообразным...

Из служебной записки подполковника ФСБ, к.ф.-м.н. Иноверова С. Ш.

Если абстрагироваться от всего, то есть от всех физических законов и от всякого здравого смысла, то возможные следующие исходы:

1. Тело лейтенанта Пичужкина, как любое физическое тело, достигло дна шахты на такой глубине, на которой наши органы чувств не способны уловить факт соприкосновения тела с дном шахты.

2. Тело лейтенанта Пичужкина не достигло дна шахты, а зацепилось обо что-то на стене.

3. Тело продолжает падать. Поскольку временная ось, направленная в прошлое, может доходить до 14 миллиардов лет, а именно так по результатам WMAP оценивается возраст нашей Вселенной, и исходя из того факта, что в целом на десять метров приходится десять лет, и с учетом того, что такое соответствие не изменится на больших глубинах, можно оценить, что глубина шахты составит 14 миллионов километров.

В масштабах нашей планеты это представляется нонсенсом, поскольку диаметр планеты составляет порядка 13 тысячи километров. И гипотетическое падение тела в шахту, проходящую через центр планеты, приведет к затухающим колебаниям данного тела в шахте.

Однако расстояние в 14 миллионов километров может говорить лишь о том, что шахта только начинается на поверхности земли, но уходит в иное измерение.

Сопряжение пространственной характеристики и временной порождает и философский аспект проблемы: фактически шахта является визуализацией времени. Открытой метафорой, если хотите...

Выдержка со странички социальной сети «Вконтакте» пользователя Изо_Льда

Вспомнила тут чувака этого в психушке. А ведь хотела в морду ему плюнуть. Понимаю что не виноват он что у меня отец козел. Но какого хрена! Лучше бы мне и не знать этого никогда. Уж лучше летчик-залетчик. Да и мамке легче было бы.

2 сентября в 20:43.

Злобный_Хлопец:

– Забей Изо.

Из стенограммы заседания экспертной комиссии по проблеме объекта ТМ

(расшифровка)

Присутствовали:

1. Подполковник ФСБ, к.ф.-м.н. Иноверов С. Ш.
2. Эксперт, доктор философских наук Сенчин И. И.
3. Эксперт, доктор исторических наук, профессор Ананьев В. А.
4. Эксперт, доктор исторических наук, профессор Саблин Н. Г.
5. Эксперт, доктор исторических наук, профессор Семашко В. Ф.

В рабочем порядке высказались: к.ф.-м.н. Иноверов С. Ш., д.ф.н. Сенчин И. И., д. и. н., профессор Саблин Н. Г.

Заключили: не рассматривая возможность или невозможность создания объекта, обладающего свойствами перемещения во времени, сама возможность перемещения во времени обладает огромным научно-практическим потенциалом. И в первую очередь это сильнейший инструмент исторического познания, который способен с известной долей погрешности приблизиться к истине исторического развития, исправить неточности в периодизации, датировке тех или иных событий, вскрыть причины явлений, которые в силу тех или иных причин оказались не доступными для исторического знания. Многие выводы, сделанные историками на основании археологических изысканий, изучения сохранившейся документальной базы, все равно грешат приблизительностью, носят вероятностный, а порою и исключительно субъективный характер. Возможность перемещения во временных пластах уменьшит погрешность интерпретаций исторических фактов, подтвердит или опровергнет те или иные выводы, сократит число гипотез, исключит субъективность исторических взглядов, позволит создать более точную модель исторического развития общества, что, в свою очередь, даст больше возможностей для анализа настоящих событий и их последствий.

Подписи участников комиссии в документе, регламентирующем неразглашение секретной информации.

Выдержка со страницы сетевого дневника блог-платформы livejournal.com. Запись пользователя sencha_1956 от 14 сентября 2013 г.

Иногда приходится выступать экспертом в совершенно идиотских случаях. И чем больше степень идиотии, тем больше денег тебе платят и тем выше секретность информации.

(219 комментариев)

Комментарий от пользователя synchofaza:

Вам пришлось экспертировать проблему курицы и яйца? :)

Комментарий от пользователя sencha_1956:

Мне пришлось экспертировать проблему более серьезную – сколько яиц и сколько куриц существовало в каждый конкретный момент времени, :Ю

Комментарий от пользователя synchofaza:

:)))))))))))

Из докладной записки начальника особого подразделения полковника ФСБ Генералова С. К.

(совсекретно)

Объект ТМ по нашим данным может оказаться научно-диверсионной разработкой специалистов НАТО (или других организаций). О работе в данном направлении неоднократно сообщалось нашей резидентурой. К сожалению, после конкретизации запроса никаких подтверждающих фактов существования разработок, подразумевающих перемещение во времени, не выявлено. Однако следует подчеркнуть принципиальную возможность и, самое главное, целесообразность и эффективность применения подобных разработок.

Основная цель диверсионного акта, основанного на использовании машины по перемещению во времени, связана с прояснением некоторых исторических реалий, которые в идеологических целях ретушируются для создания благоприятного образа Отечества в глазах его граждан и мировой общественности.

Предоставление доступа к объекту ТМ широкой части историков (особенно настроенных оппозиционно) может привести к созданию неверного, искаженного представления о некоторых исторических периодах, личностях, государственных решениях. Историческое прошлое не должно являться предметом изучения, если в результате могут быть получены однозначные ответы на те или иные вопросы исторического дискурса.

Именно возможность достижения исторической истины, которая может не вписываться в идеологически выдержанную картину истории страны, является главной поражающей силой историко-диверсионного оружия, к которым, несомненно, принадлежит объект ТМ.

На наш взгляд, доступ к объекту ТМ должен быть закрыт, поскольку даже в случае проверенных специалистов нельзя гарантировать, что полученные знания будут способствовать формированию нужной исторической позиции, обеспечивающей патриотическое воспитание населения.

Из интервью министра культуры РФ Владимира Мединского

«Лучше всего соответствующая гражданская позиция выражена еще Пушкиным: “Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора – меня раздражает, как человек с предрассудками – я оскорблен, – но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...” Поэтому любая национально ориентированная историческая политика нацелена на исключение из публичного дискурса глумливых, ернических, оскорбительных для памяти предков трактовок любых страниц истории – как героических, так и трагических...»

Из «Твиттера», сервиса коротких сообщений. Твит пользователя =******=**

Заманчиво, заманчиво. О сколько нам открытий чудных готовит просвещенья пук!

Из рапорта начальника спецподразделения «Геологоразведка–67»

...В течение сентября-октября были проведены наземные изыскания вдоль траектории пролета Чебаркульского метеорита. Никаких конструкций, хотя бы отдаленно напоминающих указанный объект, не обнаружено.

Начальник спецподразделения «Геологоразведка–67» – Петров И. А.

Расшифровка фонограммы прослушки, точка 112 (мужской туалет, второй этаж, корпус 3)

...Вопрос, откуда на нашей территории это взялось, остается открытым. И если предположение, сделанное полковником Генераловым, окажется верным, то это, бл.., наш ох.ный проёб, за который нас не только не погладят по головке – бл.., нас вообще без головки оставят. Всех! Всю резидентуру на уши поставить, петарды в жопы засунуть всему личному составу. Понятно, да?!

Объяснительная

Я, майор Зодчий Леонид Александрович, пять раз в период с 12 ноября по 31 декабря проникал в объект ТМ по личным мотивам. Целью было установить факт моей биографии. В 1993 году во время учебы на третьем курсе Технологического института им. Ленсовета (Технического Университета, г. Санкт-Петербург) меня обвинили в том, что я масляной краской сделал на дверях ректорского кабинета надпись: В РЕКТОРАТЕ ПИВА НЕТ. Меня несправедливо отчислили из института. Хотя надпись эта действительно имела место, я к ней не имел никакого отношения. Все эти годы меня интересовало, кто подставил меня.

Поскольку я точно не помню дату этого события, мне пришлось осуществлять проникновение в объект ТМ несколько раз...

Из стенограммы закрытого заседания спецкомиссии по вопросу практической реализации объекта ТМ

(совсекретно)

...Поступили следующие предложения.

(от тов. Кибальчонка М. Н.)

Тов. Кибальчонок М. Н. Объект ТМ обладает большим коммерческим потенциалом. Нами разработан проект по оказанию коммерческих услуг населению. Как показал статистический

опрос, многие граждане заинтересованы прояснением темных пятен своей жизни и жизни своих родственников. Актуально и прояснение генеалогических вопросов. В связи с этим и в связи с особенностями эксплуатации объекта ТМ предлагается технология доставки объекта ТМ по вызову заказчика. Разработаны коммерчески оправданные тарифы погружения. При глубине погружения до тридцати лет за каждый год взимать по тысяче евро. При глубине погружения от двадцати до сорока лет за каждый год взимать по тысяче двести евро. При глубине погружения от сорока до пятидесяти лет за каждый год взимать тысячу пятьсот евро. Затраты на перевозку объекта будут рассчитываться обратно пропорционально глубине погружения.

Г. К. А при глубине погружения свыше пятидесяти лет?

К. М. Погружения на глубину свыше пятидесяти лет на данный момент не рассматриваются. Поскольку погружение на такие глубины является стратегическим.

Тов. Голышев И. Н. Но как мы можем при коммерческом использовании объекта гарантированно избежать погружения на большие глубины? Если клиент захочет...

К. М. Клиент сам не будет допущен в объект. Погружаться будут обученные специалисты. Сталкеры, как их называют в популярной компьютерной игрушке. Они и будут выполнять заказ.

Г. К. Однако нужны будут доказательства.

К. М. При отсутствии возможности получения вещественных доказательств будет производиться фиксация с помощью кинофототехники. Этот вопрос самый легкий во всем спектре рабочих проблем организации данной услуги.

Тов. Синицын. И.Н. Однако изъятие вещественных доказательств из прошлого может привести к необратимым изменениям в настоящем. В литературе приводился пример. Эффект бабочки, кажется.

К. М. Практика показывает иное. Вспомним, с чего началась эта история – с хрустального сервиза и иконы Николая Чудотворца. И потом, проникновение в прошлое посредством объекта ТМ до поры до времени было совершенно не контролируемым.

Выдержка из заключения особого эксперта д. ф. н. Сенчина И. И.

...При рассмотрении гипотетической возможности путешествия во времени следует учитывать многие факторы....

...Следует признать, что выводы, сделанные Бредбэри, в частности, упомянутый эффект бабочки, являются не в полной мере состоятельными. На основании открывшихся фактов можно говорить о первейшей роли закона больших чисел, выражающемся в данном случае в следующем: любое внешнее воздействие на систему приводит к генерации процессов, направленных на подавление или уменьшение этого внешнего воздействия. Частный случай проявления этой закономерности – принцип Ле Шателье. Иными словами, если камень бросить в реку, то река не выйдет из берегов, она просто поглотит этот камень.

Однако стоит оговориться о степени внешнего воздействия. Если таковое сравнимо по своему масштабу с самой системой (степень сравнения в количественном выражении невозможно пока определить), то оно может привести к краху системы. Говоря проще, если подстричь ноготь, то с человеком ничего страшного не произойдет, но если ему отрубить руку, то он может умереть. Река может справиться с отдельным камнем, но если в нее рухнет гора, то последствия могут быть катастрофическими.

Поэтому я бы рекомендовал учитывать фактор степени внешнего воздействия...

Из рапорта начальника управления собственной безопасности Сидорова А. Е.

...Майор Зодчий Л.А. является зятем гр-на Лиховского С. М., ныне находящегося на лечении в областной психиатрической больнице.

...На основании сопоставления фактов можно сделать вывод о том, что майор Зодчий Л. А. проникал в объект ТМ с целью личного обогащения. Утверждения майора Зодчего, что он проникал в объект ТМ с целью прояснить факт своей биографии (отчисление в 1993 году из Тех-

нологического института им. Ленсовета за хулиганскую надпись), являются ложью, поскольку глубина погружения (20 лет) не соответствует пространственному радиусу доступного прошлого для этой глубины, и майор Зодчий Л. А. при настоящих условиях расположения объекта ТМ не мог оказаться в Санкт-Петербурге в 1993 году...

Выдержка со страницы сетевого дневника блог-платформы livejournal.com. Запись пользователя sencha_1956 от 11 ноября 2013 г.

Нет, они там совсем с ума посходили. Наши люди в черном интересуются проблемами перемещения во времени! Им больше заняться нечем. Как говорит нынешняя молодежь – чото ржу!

Но если предположить, чисто гипотетически предположить, что вдруг они создали машину времени (не смейтесь только сильно), то как вы думаете, что бы они стали с ней делать? Правильно. Залезли бы в прошлое, куда-нибудь в первые послереволюционные годы, и стырили бы все золотые запасы царской России. Перетаскали бы в наше время, причем на свои счета в швейцарских и американских банках. Ворье же.

(452 комментария)

Из разговора сотрудников секретного подразделения Салова И. П. и Малого В. Л.

(расшифровка фонограммы прослушки, точка 78, курилка, первый этаж, корпус 3).

С. И. Этот крендель мало того что оказался не в меру любопытным, так еще и полным кретином.

М. В. В самом деле дурак.

С. И. Даже у дураков есть чувство опасности.

М. В. Либероид же.

Из приказа 3445-13-А

1. Отстранить майора Зодчего Л. А. от командования группой охраны объекта ТМ.

2. Изъять все ценные предметы, выведенные майором Зодчим Л. А. из зоны действия объекта ТМ.

3. Наложить на майора Зодчего Л. А. взыскание с понижением в звании.

4. Установить за капитаном Зодчим Л. А. наблюдение с целью предотвращения разглашения секретной информации.

Полковник Щуплый Н. Е.

Из сводки происшествий ГИБДД за 24 ноября сего года

...автомобиль «хёндай» (номерные знаки АХ 231 К) выскочил на встречную полосу, по которой двигался самосвал «татра» (номерные знаки МВ 193 С). В результате лобового столкновения автомобиль «хёндай» получил серьезные повреждения.

«Татра» съехала в кювет и перевернулась.

Водитель автомобиля «хёндай» гр-н Сенчин И.И. погиб на месте. Водитель автомобиля «татра» гр-н Семенов И.А. госпитализирован с переломом руки и ушибом головы...

Из стенограммы закрытого заседания спецкомиссии по вопросу практической реализации объекта ТМ

(совсекретно)

(продолжение)

Г. К. Перейдем к предложению товарища Голышева И. Н.

Тов. Голышев. Есть предложение использовать объект ТМ в качестве транспортного туннеля, по которому передвигать грузы стратегического значения. В частности, использовать его для пополнения золото-валютного запаса страны. При погружении на достаточную глубину можно избежать транспортировки объекта ТМ, поскольку пространственный радиус доступного прошлого с увеличением глубины погружения увеличивается. Технический вопрос подъема ценностей с глубины предлагаем решить в рабочем порядке.

Тов. Кибальчонок М. Н. Одним словом, тов. Голышев предлагает вывозить из прошлого золотишко.

Тов. Голышев. На этот вопрос можно посмотреть и шире. С помощью объекта ТМ можно сохранить утерянные ценности, как, например, потерянную навсегда Янтарную комнату из летней резиденции российских императоров в Царском Селе, которую вывезли немцы во время войны...

Из «Твиттера», сервиса коротких сообщений. Твит пользователя =******=**

Жена забыла рецепт заварных пирожных, которые она делала к нашему первому романтическому свиданию. А тут – раз и готово! Удивлю ее на ДР.

Из стенограммы закрытого заседания спецкомиссии по вопросу практической реализации объекта ТМ

(совсекретно)

(продолжение)

Тов. Синицын И. К. В связи с тем, что не подтвердилось предположение полковника Генералова о принадлежности объекта ТМ к разработкам иностранных технологий, примененным на территории РФ с подрывной целью, мы предлагаем проект использования объекта ТМ в диверсионных целях на территории нашего стратегического противника. Для этого необходимо провести кампанию по внедрению в сознание населения, проживающего на данной территории, информации о необходимости интенсивного погружения в историю собственной страны, в которой присутствуют белые пятна, причем в большем количестве, чем это принято считать. Запустить поиск исторической истины, противоречащей официальной истории страны – нашего стратегического противника. Столкновение официальной и истинной исторической версий приведет к разногласиям в различных слоях общества. Основная часть проекта – заброска объекта ТМ на территорию...

Из интервью в программе «Познер»

Министр образования и науки РФ Дмитрий Ливанов: «И для нас очень важно, чтобы в этой работе был слышен, был усилен голос именно ученых-историков, не политиков, а ученых, потому что история – это наука, и как наука она имеет свои законы...»

Приказ СС-346

(совсекретно)

Приказываю:

1. Считать первоначальным вариантом реализации объекта ТМ план А.

2. Операции по реализации плана А дать кодовое название «Лифт».

3. Начать подготовку мероприятий по реализации операции «Лифт». Ответственным за проведение операции назначить полковника Кибальчонка М. Н. Операцию провести в указанные сроки (см. Приложение п.2).

4. Материалам по операции «Лифт» придать гриф «совершенно секретно». Ответственность за обеспечение секретности операции «Лифт» возложить на подполковника Минаева Р.У.

5. Группам подполковника Голышева И. Н. и подполковника Синицына И. Н. поручить разработку планов дальнейшего освоения объекта ТМ.

Начальник особого управления ФСБ генерал Маковенко И. Ф.

23 января 2014 г.

Приложение к приказу СС-346

1. Для проведения операции «Лифт» зарегистрировать ОАО «НПО Элеватор».

2. Сроки проведения операции «Лифт».

2.1. Подготовительный этап. 1 февраля 2014 г. – 3 марта 2014 г.

2.2. Экспериментально-отладочный этап. 4 марта 2014 г. – 4 апреля 2014 г.
2.3. Выход на производственную мощность – 1 мая 2014 г.

Из докладной записки
(на имя полковника Кибальчонка М. Н.)
Среди сотрудников ФСБ отобраны 8 кандидатов на должность агентов-сталкеров. Характеристики и личные данные прилагаются.

Из отчета научного отдела ОАО «НПО Элеватор»
На основании теоретических исследований уточнена зависимость пространственного радиуса доступного прошлого от глубины погружения:
R = 0,015625 * H1,9 , где
R – пространственный радиус доступного прошлого, км
H – глубина погружения, м (годы).

Направления работы согласно плану Б
Ближайшая перспектива.
– «Спецгруз №15», или золотой чемодан. 719 золотых и серебряных предметов из готского захоронения общим весом около 80 кг.
– Золото с теплохода «Варягин». Золотые монеты. Ориентировочная стоимость на с. д. – 3,5 млрд рублей.
– Золото Колчака – 250 млн. царских золотых рублей в слитках.
– Сокровища Смоленского банка. Серебряные монеты, золотые слитки. Ориентировочная стоимость на с. д. – $6,5 млн.

Из докладной записки
...четверо кандидатов на должность агента-сталкера приступили к теоретическим занятиям...

Расчетная таблица зависимости пространственного радиуса доступного прошлого от глубины погружения

R, км	0	10	20	30	40	50	100	200	500	1000	2000
H, м (год)	0	1,2	4,6	10	17,3	26,4	98,3	368	2098	7831	29227

Прим. Погружение на глубину 1660 метров делает доступной любую географическую точку планеты.

Из докладной записки
...установлена карантинная камера...
... смонтирован дополнительный ангар для хранения грузов...

Из медицинской справки
...Слюсаренко И. А. годен к длительному погружению в прошлое...

Из докладной записки
... пакет частных заказов на 12 апреля 2014 года составляет 112 заявок...

Из стенограммы встречи президента страны
...и историко-культурный стандарт прошли широкое профессиональное и общественное обсуждение...

Направления работы согласно плану Б

Долгосрочная перспектива.

– Клад Наполеона. Старинное оружие, позолоченный крест с колокольни Ивана Великого, серебряные люстры, подсвечники, бриллианты, золото в слитках и монетах.

– Золотые кони хана Батыя.

Из докладной записки

...укреплены лестничные пролеты и смонтировано ограждение до уровня «30»...

...монтаж осветительного и подъемного оборудования...

Из приказа руководителя операцией «Лифт»

... к 22 апреля привести объект к виду согласно регламенту 2963-45 (Б).

К исполнению капитану Иванову П. Р.

Полковник Кибальчонок М. Н.

Выдержка из технического регламента 2963-45 (Б)

...объект: ровное покрытие в соответствии с художественно-производственным решением (триколор – сверху вниз: белый, голубой, красный), 2 диаметрально расположенные надписи (область размером 40 см на 15 см) на белом фоне: *Special Unit TM-001.*

...дверь: по контуру трехцветная обводка (белый, голубой, красный), над дверью надпись (люминесцентная): *Sluice Gate.*

Приложение. Эскиз художественного решения объекта ТМ.

Из докладной записки

...первый выход рабочей группы сталкеров...

...уровень заглубления 45 метров (лет)...

Из докладной записки

...дополнительная ж/д колея...

...работы на взлетно-посадочной полосе...

Смета по созданию художественного решения оформления Special Unit TM-001

Работа дизайнера по созданию художественного решения – 2 000 000 руб.

Краска – 300 000 руб.

Малярные кисти – 10 000 руб.

Малярные работы – 350 000 руб.

Прочее – 100 000 руб.

Итого – 2 760 000 руб.

Главный бухгалтер ОАО «НПО Элеватор» Епитеменко И. М.

Акт о проведении малярных работ

Малярные работы (заказ 1434, договор № 206 от 1 апреля 2014 г.) согласно техническому регламенту 2963-45 (Б) выполнены в полном объеме и в срок.

Работу выполнил (подпись). Дольний С. А.

Работу принял (подпись). Кибальчонок М. Н.

22 апреля 2014 г.

Расходный ордер по оплате услуг дизайнера Кибальчонка М. Н.

Дизайнерские услуги / создание художественного решения оформления Special Unit TM-001 – 2 000 000 руб.

Получил (подпись) Кибальчонок М. Н.
Выдал (подпись) Главный бухгалтер ОАО «НПО Элеватор» Епитеменко И. М.

Из донесения ответственного за проведение операции «Лифт» полковника Кибальчонка М. Н.

...зафиксировано изменение объектом ТМ своих тактико-технических характеристик. После проведения работ согласно технического регламента 2963-45 (Б) объект потерял способность к перемещению во времени. Техническая экспертиза зафиксировала отсутствие внутри объекта шахты. Внутренняя область, ограниченная объектом, не отличается от внешней – бетонного пола. Причины исчезновения шахты выясняются....

24 апреля 2014 г.
Полковник Кибальчонок М. Н.

Телефонограмма. 24 апреля 2014 г. 17:15 мск

Полковнику Кибальчонку М. Н.

Восстановить тактико-технические характеристики объекта ТМ. Перенесение сроков запуска программы «Лифт» недопустимо.

Видео с камер наружного наблюдения ангара СУПР-05
(расшифровка)

21 апреля.
9:45 – окропление святой водой *Special Unit TM-001* отцом Димитрием.
11:05 – вход контрольно-измерительной бригады.
11:06 – открывание *Sluice Gate.*
11:16 – выход контрольно-измерительной бригады.

22 апреля.
12:10 – вход малярной бригады (3 человека).
12:17 – покраска основного модуля *Special Unit TM-001.*
14:30 – покраска *Sluice Gate.*
15:15 – вход контрольно-измерительной бригады.
15:20 – выход контрольно-измерительной бригады.
15:25 – вход полковника Кибальчонка М. Н.

Из докладной записки
(на имя полковника Кибальчонка М. Н.)

...изменение тактико-технических характеристик произошло после покраски... установлено...

Запись в журнале дежурного по отделению психиатрической больницы Чумачовского района от 24 апреля 2014 г.

...тело обнаружено на асфальтовой дорожке под окнами палаты....

...среди личных вещей Лиховского обнаружена записка: «Все, ухожу. Истина где-то рядом». На обратной стороне – рисунок...

[Рис.]

О факте самоубийства Лиховского С. М. сообщено в ОВД г. Чумачки.

Видеоотчет о попытке восстановления тактико-технических характеристик объекта ТМ
(расшифровка)

...съемка велась с трех камер (схему расположения камер см. прил.)...

...имея перед глазами фотографии объекта ТМ, Григорий Мальников...

...осуществлялись:

– различными красками, в том числе и эмалью коричневого цвета ПФ (ТУ 6-10-822-84), пятна которой были обнаружены на травяном покрытии в районе нахождения объекта ТМ на июнь прошлого года;

– различными кистями;

– в разное время...

Общее количество попыток – 44.

Видео прилагается.

Выдержка из протокола задержания

...24 апреля в состоянии алкогольного опьянения задержана гражданка Малышева И. С. (1997 г.р.). При задержании сотрудниками полиции сержантами Лебедевым и Хорошевым гр-ка Малышева оказала сопротивление. Сержант Лебедев потребовал от гр-ки Малышевой прекратить нецензурную брань. Та набросилась на сотрудника полиции и нанесла ему тяжкие словесные оскорбления (дословно: козлы, фуепуталы, летчики-залетчики, кастрировать вас всех надо). Успокоить гр-ку Малышеву на месте не предоставлялось возможным. Сотрудниками полиции было принято решение доставить гр-ку Малышеву в отделение. В этот момент на защиту гражданки Малышевой выступил гр-н Зубров Н. Е. (1995 г.р.), бывший также в нетрезвом состоянии. Гр-н Зубров нанес три удара сержанту полиции Хорошеву (в солнечное сплетение, в колено и в лицо). Сержант Лебедев в целях самозащиты нанес штатным средством (резиновая дубинка) два удара гр-ну Зуброву и один удар гр-ке Малышевой. После чего надел на Зуброва наручники. Гр-ка Малышева все это время не переставала выкрикивать оскорбления (козлы, летчики-залетчики, понты поганые). А по дороге в отделение полиции распевала оскорбительные песни («Битва с дураками» из репертуара «Машины времени»)...

Из доклада ответственного за проведение операции «Лифт» полковника Кибальчонка М. Н.

...все попытки восстановления тактико-технических характеристик Special Unit ТМ-001 ни к чему не привели...

Из телефонограммы *. 29 апреля 2014 г. 14:46 мск**

(совсекретно)

...херовиной, кто бы ее нам ни послал, черт ли, бог ли! Если не можете ее нормально использовать, то, бл.., расх..те нах..! От греха подальше! Чтоб знать про нее никто не знал!

Из разговора с лечащим врачом Лейкиным М. М.

...в краеведческом музее Анна Михайловна сказала мне, что Сергея Михайловича больше нет. Я так и не понял, как это нет. Был-был, и вдруг – нет. Я знаю, что он попал в больницу. Я его там навещал. И побежал туда после Анны Михайловны. А медсестра Ирина Николаевна говорит, что Сергей Михайлович улетел в машине времени. И что больше никогда не вернется. Он не взял меня с собой, хотя обещал. Я знаю, что взрослые всегда врут, но Сергей Михайлович мне казался совсем другим, хоть и взрослым. А оказывается... он такой же... Я не хочу больше играть в машину времени, никогда-никогда не буду в нее играть... А они хотели, чтобы я играл... Сказали, что дело очень важное и секретное, и на меня возлагается очень большая ответственность... Но я знаю, что они врут, они же взрослые... Я теперь в индейцев играю. В интернете нашел видео, как сделать из палки томагавк. И как из перьев сделать себе эту штуку, что индейцы носят на голове. У вас перьев случайно нет? А с дерева я свалился случайно...

Записано со слов пациента Г. Мальникова (2004 г.р.)

Из «Твиттера», сервиса коротких сообщений. Твит пользователя =******=**
5 мая 2014 года.
Обломись, березка, обломись. Не узнать всей правды никогда. Плакали наши пирожные:(((

Приказ СС-371
(выдержка)
...
3. Прекратить операцию «Лифт».
4. Провести служебную проверку в отношении деятельности полковника Кибальчонка М. Н.
5. Утилизировать объект Special Unit ТМ-001.
6. Материалы по операции «Лифт» засекретить.

Акт утилизации объекта Special Unit ТМ-001
12 мая 2014 г. в присутствии полковника Исаева А. Н. и подполковника Караева К. Х. проведена утилизация объекта Special Unit ТМ-001 посредством автогенной резки на куски размером до 0,5 кв. м.

Из «Твиттера», сервиса коротких сообщений. Твит пользователя =******=**
15 мая 2014 года.
Порою копаться в прошлом – это как копаться в грязном белье. Вдруг лифчик любовницы выплывет.:)

Свиток RUS-2014-DBA-320376
(18 ячейка 8 уровня 340 каталога)
Рапорт о прибытии
Я, Лиховской Сергей Михайлович, 1964 года рождения, русский, 1 мая 2014 года покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна палаты областной психиатрической больницы.
Причина самоубийства.
Всякий, я думаю, попадает в эту историю. Осознает, рано или поздно, что лучшие годы жизни – это детство. *[Это на самом деле имеет место быть, просчет в метафизической модели человека – прим. мои, Архангел Гавриил.]* Тогда, в детские годы, этого не осознаешь, потому что другого опыта у человека нет. А мы теперь хотим с нашим опытом и знаниями прожившего жизнь человека снова оказаться в детстве, которое кажется теперь беззаботным, полным радости и развлечений. Однако это не так. Детство полно страхов, несбывшихся мечтаний, разочарований. И пусть взрослому они кажутся мелкими и незначительными, но для ребенка – они порой ад. Который потом, когда он уже покинул его, становится раем. *[Удивляет, как легко они оперируют понятиями ада и рая, не имея о них ни малейшего представления, систематическая ошибка – прим. мои, Архангел Гавриил.*] Как бы то ни было, мне захотелось еще раз побывать в своем детстве.
Я сделал из простыни парашют, потому что спуститься на такую глубину по лестнице у меня просто не хватило бы сил. Особенно учитывая то, что я постоянно принимаю какие-то лекарства, отчего я бываю вялым и быстро устаю от любой физической нагрузки. Я рассчитал время и траекторию полета на парашюте. *[Парашют был изготовлен из двух простыней, одна с его койки, другая с койки соседа – прим. мои, Архангел Гавриил.]* На нужной глубине мне необходимо было раскрыть запасной парашют из наволочки, а для маневрирования в пространстве шахты я планировал использовать медицинский колпак, позаимствованный мной на время у медсестры Ирины Николаевны. *[У нее же он позаимствовал и ключи от оконной решетки – прим. мои, Архангел Гавриил.]* Спуск я назначил на раннее утро, когда в палате и на посту все спят.
В пять тридцать *[было без пятнадцати пять, мог ошибаться, в палате часов нет – прим. мои, Архангел Гавриил]* я стоял на подоконнике. На улице светало. Был какой-то легкий туман, даже не туман, а какая-то фантастическая проседь. Именно в такие часы все кажется нереальным, другим,

более прекрасным, потому что все реальное, все настоящее еще только впереди, оно случится через несколько бесконечных минут. *[Это поэтический гиперболизм, туман был, но ничего необычного в нем не было, автор натура, несомненно, творческая – прим. мои, Архангел Гавриил.]*

Я видел перед глазами Гришку. Это соседский мальчишка. Гришка Мальников. Замечательный мальчик. Я видел, как он, открыв рот, слушал меня, все мои мысли о нашем крае, о моих мечтах написать подробную историю наших мест. Помню, как я ему рассказал про «Машину времени» Уэллса, как он загорелся ее прочитать. Книжка у меня была. *[Помимо этого романа в томе были еще «Человек-невидимка» и «Остров доктора Моро», эти понравились мальчику больше – прим. мои, Архангел Гавриил.]*

А потом я прыгнул.

Полет был прекрасен. Он длился и длился *[полет длился шесть целых три десятых секунды – прим. мои, Архангел Гавриил]*, передо мной проносились дни и годы, люди, знакомые и незнакомые, я видел свою жену Машу, такой, какой она была на свадьбе, в белом платье с фатой, она улыбалась, она была счастлива. Она держала на руках нашу дочку Марину. А рядом в парадном кителе витал Леонид, жених Марины. Я видел то, что никогда не замечал раньше, живя в моем городе. Я видел и запомнил все, каждую мелочь, каждый самый незначительный фактик. И все у меня выстраивалось в цельную картину нашего прошлого, а теперь, в моем случае, и будущего. Потому что я готов к самому главному делу своей жизни: написать историю нашего края.

[Все это очень трогательно и мило, но непонятно зачем, бумаги у нас нет, а все сервера и без того забиты мемуарами – прим. мои, Архангел Гавриил.]

Информационный бюллетень Атакамской обсерватории (Чили)

23 января 2015 г.

На поверхности Марса зафиксировано падение метеорита в районе горы Эолида (5.4 ю. ш. 137.8 в. д). На серии последовательных фотографий видно, как некое тело входит в грунт и поднимает пылевое облако.

Выдержка со странички новостного сайта lenta.ru

12 мая 2015 г.

Американский марсоход «Кьюриосити» зафиксировал на поверхности Марса недалеко от горы Эолида впадину, в плане напоминающую падающего человека. Глубина впадины 40 сантиметров.

[Фото]

Образцы грунта, взятые из впадины, показали наличие органических веществ. Образование впадины, которой дали название «Упавший человек», ученые объясняют падением метеорита.

«Как бы нам ни хотелось видеть в появлении “Упавшего человека” доказательства наличия в настоящем или прошлом разумной жизни на Марсе, – комментирует новость научный сотрудник Пит Шпрейхер, – однако подобные выводы не имеют под собой никакого основания. Космос слишком разнообразен в своих проявлениях, и во всем многообразии межпланетного материала может найтись метеорит, имеющий форму куда более экстравагантную».

Из рабочего журнала экспедиции Mars One (Mars One World)

6 мая 2028 г.

...обследовали впадину, получившую некогда название «Упавший человек», и сделали странную находку: на куске породы отпечаталось нечто похожее на надпись. Предположительно, это три буквы, очертания их нечеткие, истершиеся. Сэм Смит утверждает, что они похожи на кириллицу. В его реконструкции это кириллические буквы М, В и Д.

[Фото]

Джулиан Айрис

...

После детального анализа ситуации мы пришли к выводу, что данную находку несомненно следует рассматривать как провокацию русских. Не вызывает сомнения, что они занесли артефакт в зону контроля экспедиции Mars One World (проекта Mars One) со своего модуля «Марс-Россия».

Начальник экспедиции Мак Пафлоцки

Аннотация книги Григория Мальникова «Там-машин»

Детское воображение порою может совершать чудеса. Маленький мальчик Саша Черноземов, начитавшийся фантастических произведений, в частности, романа Герберта Уэллса «Машина времени», обнаруживает в лесу большой цилиндрический предмет. Происхождение предмета неясно, но Сашу происхождение его интересует меньше всего. Ведь для детского воображения этот огромный цилиндр с дверкой в боку – ни много ни мало машина времени. Саша пишет масляной краской на нем магические слова «Там-Машин», и цилиндр, словно по мановению волшебной палочки, превращается... в настоящую машину времени.

«Там-машин» – пятый роман молодого, но уже широко известного фантаста, обладателя престижной премии «Золотая пирамида» Григория Мальникова, – рассчитан на внимание как взрослой аудитории, так и детской.

Нина ВИНОГРАДОВА

***

Терапевтическая доза
всего. Перечислять не нужно.
Июля липкая глюкоза,
скопился дождь в углу наружном
и красном. Божии глаза.
И в полдень (третий день!) – гроза.

***

Поздняя весна. На Вербную –
сырость и безлюдье.
И как Господь нас только терпит?
Наверно, любит?

***

Это ж Италия.
Это ж история!
Пыль от прихлопнутого мотылька.
Архитектура в последствиях кори
Выжила, хоть и слаба.
Алебастр, прах и быстрый
налет формалина.
Мне там сроду не быть.
Потому объективна
аксонометрия воли и страсти,
бронза пороков,
волчица у власти,
вестимо одна
(так и любят – одну!).
И что мне далась эта зверюга?
В сахарной пасти держа луну,
как собака, лежит у порога.

Нина Виноградова родилась в с. Мурафа Краснокутского района Харьковской области. Окончила Харьковское художественное училище. Живёт в Харькове. Автор трех книг стихотворений, публикации в журналах «Арион», «Воздух», «В кругу времён», «Донбасс», «Знамя», «Смена», «©оюз писателей», альманахах «Алконостъ», «Византийский ангел», «Улов» и др., антологии «Освобождённый Улисс» и «Антологии современной русской поэзии Украины», коллективных сборниках «Дикое поле», «Верлибры - Пушкину» и др. Лауреат муниципальной премии им. Б. Чичибабина (2006).

***

Графинчики прозрачных соловьев –
бутилированное страдание.

***

Слова «бизань» и «голуаз»,
намазанные медом.
По-разному, но всё – наверх,
где ветер и свобода.
На синем – белое? Не факт.
На белом – голубое.
Необязательности знак
и пенье горловое
на выдохе. На вдохе – мощь
горячих туч, несущих ночь.
Потерь в прозрачности не счесть,
и в легких – свист, и в трюме – течь.
Чередованье: риск, соблазн,
гипербола волны и воли.
Холодный блеск любимых глаз
и крылья, белые от соли.

***

Всё получается. Правда, не то.
Правда, не так. Ток переменный,
демисезонный. Упрямый ходок
каждое утро проходит сквозь стену
ночи, чуда не замечая.
Боженька-труженик снова чаек
нарезал из шоколадных оберток,
из фотобумаги – грачей и галок,
дворы пронзающих, будто сверла,
в синем огне милицейских мигалок.

***

В дым, пух и прах позлащенный сентябрь,
очередной Рим.
Пляски на виноградных костях.
Изабелла синяя в дым.
Языческий взгляд. Синица очей.
Жизни живот окреп.
Оскал кукурузы – царицы полей.
Царь – хлеб.

Александр ДЕНИСЕНКО

***

По урезу воды
Красным ветром печали гонимый
Шел с войны человек, капитан бронетанковых сил,
В деревенскую грудь был навылет он пулей ранимый,
А вторую, без памяти, в горькую душу впустил.

По урезу воды
Лист подбитый, теченьем влекомый,
Все ж прибился туда, где стояла родная ветла,
Но она, на себя принимая огонь незнакомый,
Не дождавшись его, уж сгорела дотла.

По урезу воды
Хрупким ветром разлуки гонимый
Шел с войны человек, и была ему боль не остра.
Он вернулся домой, своей светлой любовью хранимый,
А навстречу ему на войну шла жена-медсестра.

***

Всхрапывая, качая головой,
Словно молясь за меня,
Конь мой – полей герой –
Косится из-под ремня.

Нет ему воли здесь
На золотых хлебах,
Хочет ногами съесть
Русской версты размах.

Нет, погоди, гнедой –
Нынче была мне весть:
Чтобы святой водой
Слезы мои развесть.

Аще любовь игде,
Та, что пленил в саду?
Может, она приде
В ласковую узду...

Александр Денисенко родился в 1947 году в с. Мотково Новосибирской области. Живет в Новосибирске. Автор поэтических сборников «Аминь» и «Пепел», стихи публиковались в «Антологии русской поэзии XX века». Член Союза писателей России.

Дерево русской души
Снова светлеет в ночь,
Вспыхнет и как Шукшин
Дале поиде прочь.

Свет мой – гнедой в саду,
Слушай меня, внемли:
К счастью, а не к стыду
Друзе, аз есмъ на земли.

Жено, в какой степи
Волос вплетен в ковыль?
Шпоры, гнедой, терпи,
Видишь, цветы в крови.

Нет ее, снова нет.
Вышит цветами след.
Горькой полыни бред
Вставлен в степной багет.

Пригородный вальс

...Здесь осталась большая поляна –
Не вернулась в рыдающий лес.
Химзавод закупил фортепьяно...
Танцплощадка, качели, навес...

Здесь москвичка танцует с фуфайкой,
А жакетка ударилась в грусть –
Сердце бьется под красною майкой:
Ну и пусть... ну и пусть... ну и пусть...

А подружка к болоньевой куртке
Прижимаясь своим свитерком,
На высокого смотрит, в тужурке,
Что когда-то был с нею знаком.

Он проносится с кралей в косынке,
Запрещенное тело руля,
И плывет над землей, как с пластинки,
Драгоценное имя ея.

Если б знал гитарист и ударник
Как не хочется больше ей жить! –
Ведь ее кавалер и напарник
Продолжает подружку кружить.

И она, на манер парижанки,
Со слезами смахнув фон де тен,

Попадает в объятья кожанки –
Прямо в лапы родных госсистем.

Ну а та без особой причины
Принимая портвейна стакан,
Говорит всем, что лучший мужчина –
С золотыми зубами цыган.

Кое-как отлепились от стенки
И пошли танцевать падеграс
Шаровары шальные шатенки...
Клеш + джемпер = вальс.

Да еще шестиклинка в веснушках
Закружила кудрявый вельвет –
На щеках ее пудра и мушка
Отвергают понятие "нет".

Дышит кофточка "Красной Москвою",
И томлением грудь налита:
Ведь примаран помадой губною
Воротник на сорочке мента.

И в матроске, и в блузке, и в юбке,
Излучающих сладостной стон,
Заводские родные голубки
Погружаются в танец бостон.

Ах как хочет ворюга в законе
Пригласить после танцев в кино, –
Но готовы к труду, к обороне
Крест нательный и знак ГТО.

А бухгалтер поправит бюстгальтер,
А лифтерша придержит свой лиф,
Если здешний родной гастарбайтер
Прикоснется, глазыщи залив.

Здесь проходят по лезвию бритвы
Парни – те, кто еще не служил.
И жужжат заельцовские битлы,
И свистят с плексиглазом ножи.

Здесь сидят на скамейках старухи –
Наша гордость и совесть, и честь.
И проносятся внучки и внуки –
Наша новая русская жесть.

И закружит на долгие годы
Память Первой Сибирской любви,

И прольет на них сладкие воды
Ветер родины с милой Оби.

Я спускаюся к ним на площадку,
Я со всеми кружусь наугад,
Я шепчу им: все будет в порядке,
Пока я здесь – слепой музыкант.

***

Ангел долго смотрел на невесту,
Ту, что в церковь с мороза вошла
И рукой прикасалася к месту,
Где ее улыбалась душа.

Он стоял за моею спиною,
Когда я ей кольцо надевал,
И молитвой склонял к аналою
Ее девичий хищный овал.

Ангел мой не хотел покориться,
Он привык за меня отвечать,
Он не знал как ему раздвоиться
И как ангела Анны встречать.

Не напрасно смеялся глазами
Молодой настоятель, когда
Мы, от чаши вкусивши, познали
Как в вино превратилась вода.

Мысль была мне: вдруг взять и покинуть –
Ее ангел мне душу смущал...
С головы ее гордой отринуть
Подвенечную нежную шаль.

Но увидел: в один из моментов,
Когда батюшка нас окроплял,
Ее ангелу мой изолентой
Белоснежные крылья скреплял.

Чур меня! Это мне показалось...
Или было со мной наяву? –
Что-то грозное к нам приближалось
В ароматном церковном дыму...

... Две машины столкнулись. Ее я
С перебитой рукой, – поднимал:
Незнакомку, что станет женою,
В этом ангеле я узнавал.

А потом, когда мы с молодою
Друг об друга лечились в ночи,
К нам спустились веселые двое
И собрали нагар от свечи.

Голубой ворон

Ворон голубю глаз не проклюнет,
Голубь ворону сердце не съест,
А посмотришь – у ворона в клюве
Голубь прячет ворованный крест.

Не смогли поделить они небо –
Перекрасили в розовый цвет...
Голубь – с обликом черного хлеба,
Ворон – с колером в синий рассвет.

Это ветер родимый разъял их,
Не сумевши разрушить вражду,
Как не смог вороной их хозяин
Приручить голубую жену.

Так и стриж свою ласточку в небе
Не сумел срифмовать на лету,
Лишь оставил нам быль или небыль
Про ворованный крестик во рту.

Он поймал, у окна пролетая,
Крест того, кто любил голубей,
И с кого сорвала голубая,
Чтобы ворону было больней.

И швырнула, но с ласточкой голубь
Своровали его у стрижа
И запрятали ворону в горло,
Чтоб не ел с голубого ножа.

И летит мимо жареный лебедь,
А под капельницей – крест и жена,
И лишь птицами в были и небыли
Голубая окружена.

***

Положу свои стихи на сохранение
И назначу им задумчивости срок –
Одноразовый укус стихотворения
Заставляет биться бешено висок.

Степь воспитывает чувство сострадания:
Ее абрис, окоем и горизонт
Погружают древнерусское сознание
В мирозданье, заключенное в озон.

Положу свои слова на сохранение
И назначу исправительный им срок –
Одноразовый укус стихотворения
Заставляет сердце делать марш-бросок.

Думал: встречу я в степи полукультурку,
Для нее готов пожертвовать ребром,
Чтобы вечером, насвистывая мурку,
Рисовать ее окурками в альбом.

И, включивши глазодвигательную мышцу,
Она громко вдруг посмотрит на меня,
Скажет: ноги нарисуй-ка мне поширше,
Выше крыши из окурков и кремля.

Тут окурки надо б вычеркнуть, да жалко,
Надо ж как-нибудь показывать и жизнь:
Догорает подожженная пожарка –
Видно, краски перепутал пейзажист.

Например: я жил совсем уединенно:
Степь "Аксаков", степь "Тургенев", степь "Куприн" –
Степь сама жила во мне непринужденно.
Я один в степи. Я пью аквамарин.

И вращаясь под старым небосводом,
Коршун кружит все быстрее и быстрей
Как игла над древнерусским патефоном
С позабытою мелодией степей.

Положу свои слова на сохранение
И отмерю им струящийся песок.
Одноразовый укус стихотворения
Заставляет память плакать между строк.

Степь давно умыта дивными духами.
Я купаюсь, погружаясь в окоем –
Полотенце мое вышито стихами,
А рубашка моя вышита огнем.

Арсений ЛИ

Виноградово

Парк запущенный дик и прозрачен.
Отражаясь в продольном пруду
не задумчив,скорей озадачен –
ничего не осталось, тем паче,
никого, кто средь клёнов маячил,
– спят в аду.

Я один на пустом берегу
пруд удилищем высек
и жду.

Прятки

Унылое молчание опять,
замкну уста,
чтоб пасть не разевать.
– Мой ангел, прямокрылая моя,
Иду тебя искать.

Пусть будет мор,
пусть будут глад и хлад.
Ты обратишься худшей из утрат;
Пустышкой в синтепоновом плаще,
Ничем вообще.

Я постараюсь, где тут обещать.
Готова? раз, два, три, четыре, пять...
Кивни, когда заканчивать считать.

Фету

Увядание прекрасно,
в увяданьи благодать, –
Всё закончено, всё ясно,

Арсений Ли родился в 1977 году в Ленинграде. Поэт, дизайнер, один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Стихи публиковались в журналах «Арион», «Урал», «Волга».

время более не властно
ни добавить, ни отнять.

Нет, не тлен, тугая спелость.
Безмятежная печаль...
Всё, что может петь, отпелось,
юность кончилась и зрелость.
Ничего не жаль.

Алёна АЛЕКСЕЕВА

***

убежать
и в дверях деревенской церковни
слушать колокол и грызть яблоко

***

воздух мной дышит – рот в рот
ночью так тихо что страшно уснуть
невидимка двигает стрелку часов
как можно здесь вообще закрывать окно
вдруг невидимка польстится
на румяный яблочный диск
выбежит а назад будет всю ночь скрестись
запах медовый щекочет в груди
зажмуриваюсь и считаю до
ре ми

***

растёшь стыдясь своих городов
но потом как прозрачный крест
в небе мартовском
на языке твоём
Лебедянь
Елец

Алёна Алексеева родилась в 1991 году в Лебедяни. Окончила Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина по специальностям журналистика (2013 год) и юриспруденция (2012 год). Живёт в Липецке. Редактор авторского проекта «Культурный сайтик». Публикации в журнале «День и ночь», литературной газете «Горцы», альманахе «Первовестник». Автор поэтического сборника «Руки» (2014).

Иван БЕЛЕЦКИЙ

***

Шатким и кочевым ты будешь, шатким и кочевым.
Вырастет иней из-под тертой травы.
Станем спать на ходу, уменьшаться в длину.
мерзнуть на воздухе. Мы увидим окно,
мы обнаружим дождь или портрет стены,
или пейзаж на плечах шерстяных.
Это как строить город – будет тебе песок,
строгие принципы будут. Возведенных лесов
вид испугает гостя; и с чертежей пахнёт
пустошью. Мы не знаем, где нет
вкуса истории. И утешает смена
времени года, а не слова. Имея
что-то в запасе, можно еще дышать
или ходить по кругу. Но если шаг
часто сбивается, стало быть, мы идем
правильно, и впереди растет
дерево превращений, каждое из которых
равно прекрасно и незаметно, то есть
правдоподобно. Безупречные дни
множатся ветром. Ветер звенит
днями.

***

Прозрачный поезд набирал пары,
не тормозя на срубленных разъездах,
и с досок открывались города,
растащенные флангами по полю.
Природа через раз дышала ртом,
чтоб выглядеть согласно человеку.
Он думал, что трагедия порой
опережает всякие знаменья,
что власть живет из речи, как живет
чертополох из среднерусской ночи.
Что жар уже подкатывал ко лбу,
но оставлял холодными колени.

Иван Белецкий родился в 1983 году в Краснодаре, с 2013 года живет в Санкт-Петербурге. Публикации в журналах «Нева», «Урал», «Крещатик» и поэтических сборниках.

Он понимал испарину земли,
но родина была ему безвестной.

***

Куриная слепота во вторую смену зимой.
В каждом году есть пришедшее с тех времен.
Обувь не помнит, помнит то, что скользила
вдоль по мастике до середины зала.
Грязь на руках до и после обеда.
Лист астрономии с переменным альбедо,
серый. Перила ведут наверх
и до сих пор иногда бегут под рукой в голове.
Линза не держит. Может, теперь полезно
зренье пристраивать к разночинному глазу?
Классы смешались. Он и не понял, когда
научился.

Николай КИРЮХИН

СТРАШНЫЕ ГОДЫ. ПЕРЕЖИТОЕ

Публикация Наталии Веденеевой

От редакции:

Рукопись (501 машинописная страница) сохранилась у родственников Николая Кирюхина. Из нее мы извлекли в основном фрагменты, связанные с литературной деятельностью автора и описывающие время, когда литература была «частью общепартийного дела». Все остальное (военный период, партийно-хозяйственная деятельность и т.д.), составляющее большую часть книги, осталось за пределами нашей публикации. Возможно, у читателя возникнет впечатление некоторой избыточности комментариев к тексту. Мы осознанно идем на это: сведения о большинстве персонажей малодоступны, и нам представляется важным ввести их в оборот.

Николай Иванович Кирюхин родился 17 февраля 1910 года в селе Малые Озерки Базарно-Карабулакского района Саратовской области, в семье крестьянина-бедняка. По-крайней мере, так сам он писал в автобиографии. Родители его занимались хлебопашеством как до Октябрьской революции, так и после. Отец умер достаточно рано, в 1936 году, в те же годы умерли брат с сестрой Николая Ивановича – оба четырех лет от роду. Мама Николая Ивановича прожила до 1974 года. В повествовании о своей жизни писатель не преминул упомянуть, что ни он, ни его родные не имели знакомств за границей, а также никогда не были «на оккупированной немцем территории».

Получив среднее образование, в 1928 году начал работать продавцом, а в 1930 году пошел добровольцем в ряды Красной Армии, на Черноморский флот. До 1932 года служил в 79 авиаполке ВВС Черного моря в должности старшего писаря. С 1932 по 1934 годы в той же должности служил в 11-й авиа-эскадрилье. Всего в армии, согласно записи в трудовой книжке, прослужил 3 года и 2 месяца. После возвращения с 1934 по 1937 год работал ответственным секретарем Саратовского областного издательства. В 1937 году закончил рабфак при Саратовском пединституте. Затем, с 1937 по 1940 год, был на комсомольской и партийной работе – зав. отделом политучебы Фрунзенского РК ВЛКСМ, зав. отделом саратовского горкома ВЛКСМ, редактором саратовской областной газеты «Молодой сталинец», редактором саратовского областного радиокомитета.

Параллельно с работой Николай Иванович хотел получить высшее образование в Саратове. Но в 1939 году жена Николая Ивановича, Лидия Петровна, окончила медицинский институт и была назначена в Базарно-Карабулакский район заведующей местным медучастком. Поэтому Николаю Ивановичу пришлось расстаться и с «городской журналистикой», и с планами о ВУЗе. Как крайне дисциплинированный человек, он брался за любую работу, которую ему поручали. Впрочем, в те годы, видимо, отказываться было не принято, если не сказать – чревато. Однако точно известно, что основным призванием его была журналистика, к которой он возвращался на протяжении всей жизни. На селе он занимался всем, только не писательской работой: преподавал на курсах трактористов, был замдиректора МТС.

В октябре 1941 года был мобилизован в ряды Красной Армии, где пробыл до апреля 1946 года. Был политруком, заместителем командира роты, адъютантом саперного батальона. Боевые операции батальон проводил в период прорыва блокады Ленинграда на Волховском фронте. Был контужен. После лечения назначен из-за ограничений по здоровью начальником секретного отдела военно-химического склада. Награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «За победу над Германией».

После войны работал сначала уполминзагом (уполномоченным министерства заготовок СССР) в Базарно-Карабулакском районе, а также в ряде других районах области. Затем был переведен в Ртищево, где сначала стал (в 1950 году) секретарем Ртищевского райкома, а через 7 лет – секретарем горкома. В 1961 году все же сумел вернуться к журналистике, став литсотрудником ртищевской газеты «Путь Ленина». Однако в консультантах он ходил буквально 2 месяца, так как был назначен директором Ртищевской типографии. На этом посту работал до 1970 года, пока не вышел на пенсию. Однако долгое время еще сотрудничал с ртищевской газетой в качестве внештатного автора. Писал фельетоны, воспоминания, повести, в которых много не только автобиографичности, но и того, что принято называть «приметы времени». Умер Николай Иванович в апреле 1995 года. Он мечтал посмотреть торжества, посвященные 50-летию со Дня Победы, но, увы, не дожил до этого праздника меньше месяца.

Наталия Веденеева

В октябре 1988 года в Саратовской областной газете «Коммунист» был опубликован очерк под заголовком «Погиб на Колыме». Речь шла о гибели писателя Иосифа Абрамовича Кассиля[1], который возглавлял Саратовское отделение Союза писателей.

«Иосиф Кассиль, – пишет автор очерка Виталий Азеф, – был широко известен в Саратове литературным и театральным критиком. В местной печати тех лет (1934–1937 гг. – Н.К.) часто публикуются его рецензии, библиографические заметки, проблемные статьи по вопросам искусства» и т. д.

В 1937 году вышел в свет очередной номер альманаха «Литературный Саратов», где появилась его повесть «Крутая ступень».

С критикой этой повести в июне 1937 года в той же газете «Коммунист» выступил поэт В. Земной[2] под псевдонимом А. Лебедев. Его статья называлась «Антисоветская повесть».

«Это был приговор, – продолжает автор очерка. – Уже 20 июня (не тянули с оргвыводами в те времена!) газета выделяет подвал для статьи "Новые требования, новые задачи". Из нее следует, что "преступной деятельности бывших руководителей областного отделения Союза писателей положен конец" и что И. Кассиль "изгнан теперь из партии". Автор статьи Вадим Земной».

По имеющимся данным у автора очерка И. Кассиль был арестован в 1937 году. А в 1948 году его супруга получила извещение о том, что он скончался в Норильске. Такое же извещение получил и брат его Лев Кассиль. Но много позже он узнал, что Иосиф был расстрелян. Об этом он рассказал своей дальней знакомой В.М. Мухиной-Петринской[3], которая была арестована по одному делу с Иосифом и другими саратовскими литераторами. И по одному доносу.

Так виновником гибели И. Кассиля стал В. Земной. Настоящие имя и фамилия его Иван Глухота.

Я не знал <близко> ни Иосифа Кассиля, ни Вадима Земного. Но случилось так, что мне пришлось часто встречаться с ними. Я не претендую на то, чтобы полностью описать их жизненный путь, но считаю необходимым кое-что добавить к тому, что было сказано о них в очерке «Погиб на Колыме». Дневниковых записей я не вел, а память бывает изменчивой.

Поэтому заранее хочу предупредить, что в моих воспоминаниях могут быть сбои в последовательности и особенно в датах.

Могут быть замечания и по поводу того, что я отрываюсь надолго от первоначальной темы, но делаю я это для того, чтобы показать общую обстановку того и последующего времени, на фоне которых развивались эти и не менее важные события.

В Саратов я прибыл в начале сентября 1934 года после того, как отслужил положенный срок в морской авиации Черноморского флота. Там в свободное время я посещал литературный кружок. В газете «ВВС на страже» был напечатан мой первый рассказ «Зубная щетка». Несколько стихотворений были помещены в газете «Севастопольская правда». Поэтому я и отправился в областную молодежную газету «Молодой сталинец». Сдал два стихотворения, которые были напечатаны. Ребята из редакции помогли мне устроиться ответственным секретарем издательства.

До разделения Нижней Волги на Саратовский и Сталинградский края издательством руководил Д. Борисов. Для организации саратовского издательства из Москвы был прислан Лившиц Иосиф Юльевич[4]. Главным редактором стал Валентин Александрович Смирнов-Ульяновский[5]. Оба они были опытными литературными работниками, у которых я многому научился.

В 1934 году издательством был выпущен сборник стихов «Товарищи», в котором приняли участие В. Земной, Н. Корольков[6], В. Черников, И. Дубасов, В. Волков[7] и др. А в 1935 году вышел первый альманах «Литературный Саратов», в котором были помещены стихи и проза А. Малышева, М. Юрьева, В. Тимохина[8], И. Москвичева, Д. Борисова, В. Мухиной, Б. Озерного[9], Н. Кирюхина, С. Дальнего[10] и др.

В предисловии к первому номеру альманаха говорилось о том, что в задачу его входит организация и сплочение вокруг него всех начинающих поэтов и писателей, помощь им в повседневной творческой работе. Редакция альманаха ставит своей задачей дать в последующих номерах ряд переводов произведений писателей Немреспублики и подробно ознакомить читателей с характеристикой их творчества.

В последние годы у нас писатели ищут издателей, а в то время было наоборот – издатели искали писателей. В этот поиск лично я выезжал в г. Хвалынск и в республику немцев Поволжья. В Хвалынске в местной газете я прочитал стихи молодой поэтессы Валентины Звягиной[11]. Я встретился с ней. Несколько ее стихотворений были напечатаны. А в 1939 году в альманахе появилось уже более квалифицированное написанное ею большое стихотворение «Баржа смерти».

В республике немцев Поволжья появились оригинальные сказочники. Оригинальность их заключалось в том, что названное ими сказками своим сатирическим направлением скорее можно было назвать политическими памфлетами: в них осмеивались руководители фашистской Германии. Об этом красноречиво говорило название одной из сказок: «Гитлер, Геббельс и собака».

Нашелся человек, который литературно обработал их.

Лившиц засомневался:

– Не им ли были написаны они? Авторами не подписаны, только адреса указаны. Надо на месте проверить, но только так: подписи ваши нужны, мол, для получения гонорара.

– А почему так?

– Немцы могут не подписать…

Так и получилось. Разговор с большинством из авторов оказался безуспешным. Одни из них категорически отреклись:

– Не говорили мы так.

Другие заявили:

– Кажется, был разговор. Но чтобы подписать… извините.

И только один из них признался:

– Может, должна быть подпись, чтобы получить гонорар. А дальше что?

– На что вы намекаете? – спросил я.

– Всякое может случиться.

– А конкретно? – спросил я.

– Не будем об этом.

Все было ясно. Говорили? Да. Но зачем кому-то надо знать, кто говорил?

И вышла книга под безымянным названием: «Сказки Республики немцев Поволжья».

Из всех поэтов и писателей для меня были наиболее близкими: В. Смирнов-Ульяновский, Н. Корольков, И. Кассиль, В. Земной, В. Тимохин, Б. Озерный, С. Дальний.

С такими как В. Бабушкин[12], В. Волков и В. Мухина я имел очень короткое знакомство и мог судить о них только по их творчеству или случайным встречам. С большим интересом я однажды слушал рассказ В. Бабушкина об его участии в становлении Советской власти в Саратове.

В. Волков – красивый молодой человек. Внешне выглядел так, что девушки определенно заглядывались на него. Писал лирические стихи. Два стихотворения «Доброволка» и «После лагерей» были помещены в сборнике «Товарищи» за 1934 год. Когда его выпустили из застенок НКВД, ему уже было не до стихов…

В. Мухину впервые я увидел в 1935 году. До этого я знал о ней только по напечатанной в альманахе повести «Побежденное прошлое». Однажды человек пять писателей пришли к редактору художественной литературы И. Рассудительной. Это были И. Кассиль, В. Волков, Н. Корольков, И. Дубасов и вместе с ними молодая девушка лет двадцати трех. Запомнилась она мне такой энергичной и жизнерадостной. И в то же время она была чем-то возбуждена. На узком бледноватом лице ее – румяные островки, а в глазах что-то тревожное и ожидающее. Такие лица мне приходилось видеть у тех, кто приходил к редактору со смутной надеждой услышать положительный отзыв о своем творчестве. Возможно, и с ней было то же самое. Тряхнув коротко остриженными волосами, девушка мельком посмотрела на меня и скрылась за дверью комнаты редакторов.

Стоявший рядом со мной корректор В. Сас сказал:

– Увлекся? А ведь это та самая Валентина Мухина, о которой я говорил тебе, что она может без орфографических ошибок писать.

Такую характеристику может только корректор дать.

Это была моя первая встреча с Валентиной Мухиной. Не знал я тогда, что увижу ее еще раз только через пятьдесят лет, когда уже будет Мухиной-Петринской, автором многих книг.

Эти двое писателей и один поэт, о которых я так коротко рассказал, по свидетельству Смирнова-Ульяновского, были оклеветаны В. Земным, и жизнь для них стала мукой безвинно пострадавших…

Чаще всех посещал издательство И. Кассиль. И это понятно: он руководил писательской организацией.

Был он среднего роста. Худощав. С крупным носом на вытянутом, смугловатом лице. Густобровый. Над высоким лбом – шапка курчавых, неприбранных волос. Походка у него была быстрая – не входил, а врывался. Всегда был в движении. Спешил, будто опаздывал куда-то. Одевался он просто, а иногда даже неряшливо. И все из-за своей занятости.

Мне только единственный раз пришлось поговорить с ним. Он, как всегда, куда-то спешил. Прибежал, поздоровался и спросил:

– Будет сегодня Рассудительная?

– Должна быть, – ответил я. – Почему-то задерживается.

– Я хотел ей новинку показать.

При этом он положил на стол выпущенную в Москве книгу своего брата Л. Кассиля «Кондуит и Швамбрания».

– Как смотрится это изданьице?

– Чудесно! – ответил я. – Такой обложке можно только позавидовать.

Он помрачнел.

– Было бы еще чудесней, если бы наши книги продавались в таких обложках. То, что вы видите, пойдет за границу. Правильно обижаются на издательство местные писатели и работники Когиза[13]. Меркулов, его директор, волосы рвет на себе: не хотят покупать у него книги в бумажных обложках. Им подавай такие, которые можно хранить на полках не только для детей, но и для внуков.

Я хотел возразить, но он остановил меня.

– Знаю, о чем хотите сказать: нет ни ледерина[14], ни картона. Так директор типографии Недлин говорит. Найди! Свет не клином сошелся. Для переиздания классиков он находит, а мы что?.. – Он посмотрел на часы. – Кажется, не дождусь я Рассудительную. Скажите ей, завтра приду к восьми. А в десять лекция у меня в Пединституте о наших писателях.

– Если не секрет, кого из них вы будете прославлять?

– Тех, о ком забываем мы. Вы, конечно, помните фразу, сказанную одним из действующих лиц в пьесе Грибоедова «Горе от ума» – Фамусовым. «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»? Развенчать надо этого героя.

– А разве Грибоедов не прав? Было так?

– Грибоедов тогда был прав: было. Но почему мы должны только охаивать наше прошлое? Наша Революция смела ненавистный нам строй. А разве там мало было хорошего? А мы говорим: все плохо. Так было и тогда. А я должен сказать: ни Саратов, ни его административные центры не были только глушью. Попробуем доказать. Как нам известно, Саратов был построен в 1590 году. В 1613 году он сгорел. В 1674 году стали строить новый Саратов на правом берегу Волги.

Знаем мы и о том, что о пьесе Александра Сергеевича Грибоедова «Горе от ума» страна узнала накануне восстания декабристов в 1824 году. А уже за 75 лет до этого, в 1749 году родился в Саратовской губернии Александр Николаевич Радищев.

И не он ли, этот наш саратовец, первым начал будить дремлющую Россию своим «Путешествием из Петербурга в Москву»?

И не вам говорить о другом революционном демократе – Николае Гавриловиче Чернышевском, родившемся и прожившем в Саратове более двадцати лет. О его революционных заслугах знает весь просвещенный мир.

Вспомните имена таких корифеев литературного творчества, которые родились, жили или бывали здесь. Вот они: Алексей Николаевич Толстой, Егор Васильевич Орешин, Лев Иванович Гумилевский, Константин Александрович Федин, Антон Ильич Пришелец, Виктор Федорович Бабушкин, Федор Иванович Парфенов, Максим Горький и много других. Я уже не говорю о людях науки и культуры. Вот вам и… деревня, глушь, Саратов. Об этом, но уже не так коротко я и скажу студентам Пединститута.

– Ни словом не обмолвившись о тех, кто сегодня в Саратове творит?

– Но вы же знаете их.

– Ваше мнение о лучших из них.

Он задумался. Поправив воротник рубашки-апаш, сказал:

– Если говорить о прозаиках, лидирующим можно назвать Виктора Бабушкина. Он имеет богатый жизненный опыт, знает, о чем писать, чего, к сожалению, не хватает у молодых литераторов.

Степан Дальний. Знает жизнь рабочего класса, но бывает так, что в его очерках превалирует не человек, а его орудие производства.

Смирнов-Ульяновский. Эрудированный товарищ, но без определенного направления: он и газетчик, и критик, и драматург. И даже... поэт. В таких случаях человек иногда теряется: всему хорошо не научишься. Вспомните его «Марш милиционеров». Смирнов-Ульяновский и вдруг... милиционеры. А о них лучше Маяковского не скажешь: «Моя милиция меня бережет».

Из начинающих я бы отметил Валентину Мухину. По одной вещи писателя трудно судить о его возможностях. Это не Грибоедов с его «Горе от ума», не Радищев с «Путешествием из Петербурга в Москву» и, наконец, не Фонвизин с «Недорослем», о котором один из царских вельмож воскликнул: «Умри, Денис и больше не пиши!» И все же повесть Мухиной «Побежденное прошлое» привлекает внимание читателей. Я не предрекаю ей большого будущего, но и не теряю надежды на то, что она может прийти к нему.

Что можно сказать о наших поэтах? По существу, все они пока только начинающие. К будущим из них я отнес бы таких, как Николай Корольков, Виктор Тимохин, Борис Озерный, Николай Палькин[15], Валентина Звягина. Но это от них зависит...

– А Вадим Земной? У него больше всех...

– Количество еще не говорит о качестве, – перебил он меня. – Да, начинающим его уже нельзя назвать, но и будущее его не могу определить; слишком самонадеян. А безмерная самонадеянность в нашем ремесле – плохой помощник. Я мог бы сказать...

Он не досказал. С неизменной улыбкой на пухлом, загорелом лице вошел Лившиц. Отбросив густую прядь темных волос со лба, он спросил:

– Беседуете?

– При вынужденной посадке нечего больше делать, – ответил Кассиль. – Редактор пропал.

– Михалева?

– К Михалевой только аграрники ходят.

– Наберитесь терпения, Иосиф Абрамович. Будет и Рассудительная через час. А вы, молодой человек, – обратился он ко мне, – зайдите к Михалевой. Автор ее подводит. Знаете ученого мужа, Николая Васильевича Цицина?[16]

– Немного знаю Цицина, – ответил я. – Но в его гибридизации – тумак-тумаком.

Он рассмеялся.

– В этом деле и я далеко от вас не ушел. Но ему надо сказать: если он запоздает со своей рукописью, директор Когиза с нас шкуру сдерет. Кстати, на обратном пути зайдите к Земному – в бухгалтерии ему что-то причитается. Зайдем ко мне, Иосиф Абрамович?

На следующий день я отправился в Институт Юго-Востока, в котором работал Н.В. Цицин. Институт был расположен за чертой города, на такой возвышенности, с которой можно было видеть почти весь Саратов. Встретивший меня один из работников Института сказал:

– Вряд ли вам придется встретиться с Николаем Васильевичем. Он приболел. Вечером я пойду к нему и передам вашу просьбу. Он сам говорил, что ему необходимо быть в Издательстве. Не будем его тревожить...

На обратном пути, как и сказано было мне Лившицем, я зашел к В. Земному. И. Кассиль не успел что-то досказать мне о нем, но я уже имел собственное мнение и мнение других о его творчестве и мог определенно сказать, что оно не возбуждало умы любителей поэзии. Однако он имел определенный авторитет среди некоторых местных литераторов, которые считали его вторым человеком после И. Кассиля.

Вадим Земной был высокого роста, строен, подтянут. Худощавое лицо его было обтянуто тонкой розовой кожей. Но стоило ему только засмеяться или возбудиться, как оно принимало багрово-красный цвет. У него была серо-пепельная буйная шевелюра. С ранней весны до поздней осени он не носил головного убора, словно выставляя ее напоказ. Голову он носил, как носят ее победители в тяжелой борьбе. Одевался он скромно, чаще всего его можно было видеть в сером поношенном, но тщательно вычищеном и выглаженном костюме и в желтых ботинках. Редко выходил из дома без желтого, туго набитого бумагами портфеля.

В разговоре он всегда применял менторский стиль или насмешливый тон. Был мастером на отрицательные характеристики. Можно было видеть на лице его мнительное недовольство, когда он говорил:

– Если бы вы знали, сколько приходится терять энергии на подсказку этим начинающим. Но куда денешься? Нас тоже когда-то уму-разуму <учили>.

Жил он один. Занимал большую комнату, в которой я ничего примечательного не нашел, кроме большой бибилиотеки.

Когда я зашел к нему и передал то, что мне было сказано Лившицем, он широко раскинул руки и воскликнул:

– Люблю гостей, которые приносят приятные новости! Значит, специально...

– Да нет, – охладил я его. – Мне надо было встретиться с Николаем Васильевичем Цицины, а он заболел.

На какой-то миг лицо его приняло обидчивое выражение, а потом вдруг появилась презрительная усмешка.

– Не понимаю я этих ученых. Идеями их не пренебрегаю, но вот о том, как они на бумаге излагают их, смешно становится. А Михалева, она уже старушка, устала с ними. И они это понимают, но... Однажды этот Цицин попросил меня литературно обработать его небольшой труд. Я спросил: «А почему не редактор?» И он откровенно признался: «Как я могу с такой мазней к Михалевой явиться? Не хочется перед ней авторитет ученого терять из-за какой-то не к месту поставленной запятой?» Понимаете? Ученый, а не знает, где запятую поставить. Пришлось помочь...

В молодости многие грезят поэзией. И спешат, спешат, как на пожар. Одному молодому человеку я посоветовал: отложи написанное на полгодика, а потом вернись к нему и увидишь, чего в нем не хватает. Так он даже подскочил. Ждать полгода?! Торопится стать прославленным.

Где-то я у Джека Лондона прочитал, как он написал одну вещь вечером, а когда утром прочел ее, за голову схватился: «Да неужели это я писал?»

Вчера Степан Дальний заходил. Как вы думаете, зачем?

Я пожал плечами.

– На бутылку просил. Одаренный человек и вот вам! А почему? Жаловался: жена сбежала. Врет. Вообще-то может быть. Такое случается. А если и так, сам виноват. Что человеку нужно было? Дом – полная чаша. Ковры, картины, беккеровский рояль. Жена красавица. Возомнил о себе: будто он уже всего достиг и теперь можно развернуться. О нем говорят. Его читают. Ну и деньги, вино. Одним словом – богема. И до чего дошел? Какие очерки писал! А теперь пишет их только для того, чтобы на бутылку заработать. Но и этого уже не получается. На пристань дорогу проторил. Арбузы с барж на берег таскает – грузчиком заделался. Это я вам не в назидание, а просто...

Он прошелся по комнате, вынул из библиотеки какую-то брошюрку в голубой обложке и продолжал:

– Прочел я ваше стихотворение «На Волге». Не так уж плохо. Но думаю, что в прозе у вас лучше получится. Попробуйте. Прочтите вот эту вещь Л. Андреева «Рассказ о семи повешенных». Вообще-то я книг никому не даю. Есть у меня

знакомый в Москве. У него лозунг над библиотекой: «Если хочешь быть другом, не проси книг». Правильно делает. Захочешь читать, купи. Но вы не просите, поэтому и даю. С возвратом, конечно. Пишите вот так, как Леонид Андреев пишет. А впрочем, как бы вы ни писали, похвалы не услышите: не все знают, за что можно хвалить.

Видел я в Москве Маяковского. Идет по улице с тяжелой тростью. Идет броненосцем через людское море: ни на кого не обращает внимания. А вслед ему говорок: Маяковский идет! А в нашем Саратове... – он махнул рукой, – и не посмотрят на нашего брата. Он был человеком не без претензий и... амбиций!

Выйдя от него, я вспомнил о Степане Дальнем. Земной, как мне показалось, не ругал, а жалел и даже боялся за него. Мне он тоже нравился, и я мысленно представил себе его крепкую, мускулистую фигуру. Он был среднего роста, широкоплеч. Его густые, каштановые волосы, миндалевидные задорные глаза, шоколадного цвета лицо напоминали мне греков, которых я видел в Балаклаве, когда служил в Севастополе. Насколько Земной был прав, говоря о причинах его ненормального поведения, сказать не могу. Но что он любил выпить, в этом я не сомневался.

Прибегает он как-то ко мне в Издательство и сходу говорит:

– Мне нужны деньги!

Спрашиваю его:

– Зачем?

– Еду в Вольск. Надо написать в «Коммунист» очерк о цементниках.

– А разве в редакции газеты не дают командировочные? Гонорар – тоже.

– Дают только после того, как материал выложишь на стол.

– Почему?

– Не доверяют, черти... Единственный случай был. Дашь или не дашь?

– Только завтра у соседа попрошу.

– Понял...

Это было в субботу. Деньги он все же где-то достал. Достал для него и я. На следующий день, рано утром, я зашел к одному из наших сотрудников – Александру Николаевичу Лукьянчикову. Лучше бы не заходил. Лукьянчиков сидел на диване с потухшей папиросой в руке и отупело смотрел на стол, заставленный пустыми бутылками. А под столом около его ног лежал... Степан Дальний.

Когда я привел его в чувство, он спросил:

– Подъезжаем?

– Станция Привольск, – ответил я.

Он крутнул головой.

– Похмелиться бы...

– Буфет закрыт.

Он поднял голову. Посмотрев на его опухшее лицо, я продолжал:

– Теперь я понял, почему тебе в редакции не доверяют. Чего тебе снилось?

– Чего никогда не будет.

– А чего не будет?

– Чтобы Кассиль победил Земного.

– Они что, дерутся, что ли?

– Власть делят.

– А ты за кого из них?

– Наше дело – кто победит.

– Двуручничаешь или бредишь?

– Бредит, – заикаясь, произнес Лукьянчиков и, опустив голову на стол, добавил: – Бредит и болтает. А мне говорил, Земного ему давай.

– Разберемся, – сказал я. – А ну, Степан, вылезай. Так и быть, дам тебе похмелиться...

Я проводил его до вокзала, посадил в вагон и предупредил:

– Ложись и спи до станции Привольск. Проводнику скажу, чтобы он разбудил тебя...

В то время мы с приятелем жили вдвоем в однокомнатной квартире. Оба – из одного села. Звали его Егором. Он был старше меня и на четыре года раньше переехал в Саратов. Родился он в большой семье. Родителям надо было прокормить шесть человек детей. Когда умер отец, главой семьи стал старший брат. Но и он, женившись, отделился. И оставил Егору мать, двух сестер и брата.

Но он не унывал, работал там, где можно было заработать. Своего хлеба не хватало до нового урожая, шел добывать его к кулакам. Когда сестры и брат подросли и могли уже что-то делать в колхозе, он решил поехать учиться.

– Колхозу требовался агроном, – говорил он мне. – Выучусь, вернусь и большие деньги буду зарабатывать.

Не имея даже среднего образования, пробился в Сельхозинститут. Но ему не повезло. Наступил 1933-й голодный год. Студенты стали разбегаться. Сбежал и он.

– Спрашивают много, а есть нечего.

Был у него приятель, который работал в областном Управлении Хлебной инспекции. Он и устроил его хлебным инспектором на контрольный пункт, через который отправляли муку и другие продукты в Москву и Ленинград. В его задачу входило проверять качество отправляемой продукции. Из каждого вагона брали пробу. Проверяли в лаборатории, выписывали документы. Например, муки брали один килограмм. Сто вагонов, сто килограммов. Обратно пробу не возвращали. Подумаешь, один килограмм с вагона. Но на эти килограммы он теперь мог прокормить не только себя, но и всю семью, которую не замедлил перевезти в Саратов.

И Егор мой расцвел. Из бедного студента, не закончившего институт, он стал выглядеть не только агрономом, но уже профессором. И только круглое, упитанное лицо, рыжие кудри, озорные глаза, разухабистые повадки выдавали его как первого парня по деревне. Да он и сам говорил:

– Мне бы теперь еще гармонь или балалайку!

Следует сказать, что он не был жадным на деньги. Разбрасывал их налево и направо. Большей частью на водку. Новую одежду покупал только для того, чтобы показать, что он имеет такую возможность. Купит и отдаст кому-нибудь. Иногда делал это и с определенным умыслом.

Однажды он явился домой в зимней шубе на лисьем меху, которая была ему не по росту.

– Где ты оторвал такое богатство? – спросил я.

Он хмыкнул.

– Подходит?

– Да нет, утонул ты в ней.

– Пусть другие тонут, а я уже выплыл. Встретил своего односельчанина, у которого когда-то спину ломал и который когда-то кожевенный завод имел. Помнишь?

– Помню потому, что у нас только один такой завод имел.

– Ну вот. Кратировали[17] его перед тем, как колхоз создали.

– Тоже помню.

– Дом отобрали. Без средств к существованию оставили. Здесь теперь живет. Нажитое доедает. А я не чтобы по злобе, а по его личной просьбе купил у него эту шубу за пуд муки.

– Чужой муки, – заметил я.

Он поморщился.

– Если уж так говорить, я ему эту шубу когда-то заработал. Что у тебя еще осталось от прочитанной мне морали?..

Днем он работал, а вечера в ресторанах проводил. Иногда в выходные дни приглашал и меня. Однажды пошли мы с ним в ресторан. Заняли столик. Егор подозвал официанта и показала ему два пальца. Тот понимающе кивнул и скрылся.

– Живет человек в свое удовольствие, – сказал Егор. – Утопает в коврах и пьет только шампанское.

Официант вернулся с подносом. Поставил на стол графин с коньяком и закуску. Когда мы выпили и закусили, он собрал все со стола и хотел уйти, но Егор остановил его и положил ему на поднос две десятки.

– Не много? – осведомился тот.

– Сколько положено. Теперь пивка бы...

– Пойду, узнаю...

Когда он отошел, Егор сказал:

– Так вот, если что случится, стану на его место. Месяц он меня натаскивал, как собаку на зайцев. Выпьет компания, а денег нет. Он не требует. Знает, в следующий раз с процентами принесут. Поэтому и утопает в коврах...

– Пиво будет только к вечеру, – доложил официант.

– Почему?

– Так главный инженер пивзавода сказал. Он у директора в кабинете...

– Спасибо, – поблагодарил его Егор.

Когда вышли из ресторана, он сказал:

– Ты иди домой, а я пройдусь в одно место...

Через час он вернулся домой и залег на койку.

– Усну, разбуди, если постучат.

Долго ждать не пришлось. Минут через двадцать постучали, вошел человек в рабочем халате и спросил:

– Товарищ Славин здесь живет?

– Здесь, – ответил я.

– Ящик пива я привез.

– Тащи его сюда! – крикнул Егор.

Вынув из ящика бутылку, Егор посмотрел на нее и сказал:

– Вези обратно – не такого я просил.

И снова завалился на койку.

Человек развел руками.

– Наше дело... Как там скажут.

– Скажут. Неси!..

Вынув из вновь доставленного ящика бутылку, Егор посмотрел на нее, что-то написал на клочке бумаги, передал его возчику и сказал:

– Отдашь главному инженеру. Иди!..

Когда возчик выпел, я пожал плечами:

– Не понимаю, Егор.

Он сбил пробку с бутылки.

– А чего тут понимать? Мы контролируем пивной завод. А они, черти, гонят пиво из некондиционного ячменя. Сгноили его. Я и наложил печатку на склад, где он хранится. Таких только так надо учить. Вот и все...

Не такая уж примечательная личность этот Егор, но он дорог мне как друг детства и еще тем, что не дал мне совершить глупость, о которой будет сказано позже.

***

Одним из наших соседей в доме был толстый флегматичный человек с отвисшим брюшком, оплывшим лицом и хитроватыми глазками. Было ему лет под сорок. Звали его Осипом. Работал он слесарем на каком-то заводе.

На другой стороне коридора напротив нас жила старуха с дочерью. Была она крупная, костлявая, с длинным лицом и отвисшей нижней губой. Высокомерной была до того, что старалась не смотреть на соседей и не разговаривала с ними.

Осип говорил о ней:

– Ей бы еще метлу в руки, вот тебе и ведьма.

Дочка была полной противоположностью её. Фигурка стройная, легкая на ходу, не вертлявая. Проявляла настойчивость, бывала резкой, но отходчивой. В голубых глазах задумчивость, но больше веселости. Не обидела ее природа и общительностью. А пытливости и любознательности – хоть отбавляй. Но сама отвечала на вопросы с выдержкой и осторожностью. Заходила она к нам, даже не постучавшись. Справлялась о моей учебе, иногда помогала мне разобраться в химических формулах, которые с трудом давались мне. Сама она училась в одном из высших заведений города. И все же было в ней что-то неразгаданное. Когда она над чем-то задумывалась, на чистом лице ее появлялись мелкие морщинки от уголков губ по узкому подбородку. Они придавали ей какую-то брезгливость, что старило ее. Но так редко бывало.

Имя, как и у всех, тоже было у нее, но мы по некоторым соображениям назовем ее просто Машей. Разговор о ней будет впереди, а пока несколько слов о нашем соседе Осипе. Он частенько заходил к нам поболтать, и мы заходили к нему. На этот раз я зашел попросить у него камешек для зажигалки. Застал его бегающим по комнате в одних трусах.

– Чертово племя! – кричал он, поливая из ковша железную койку какой-то жидкостью. – Ни спать, ни отдыхать не дают.

– А у наших соседок ни одного клопа нет, – заметил я.

Он взвихрился.

– И не будет! Они старухи боятся. Посмотрят на нее и замертво падают.

– Преувеличиваешь. И почему ты на нее так сердишься?

– Я на всех, кто нос гнет, такой сердитый. Подумаешь... Пока дочь не выдала за начальника, в тряпье ходила.

– Какой же начальник у нее зять?

– Такой, которые хуже клопов кусают.

– Загадочно.

– Был здесь, а теперь в Москве живет. И не «кубари», а ромбы в петлицах носит.

– Военный?

– Из лягавых[18]. Говорить о них тошно.

– Значит, у нее еще одна дочь есть?

– А ты не знал? Есть. Такая коряга, а наплодила... Она и этой, младшей, такого же подыскивает.

– Вот этого я бы не сказал.

– Почему так?

– Этой надо институт закончить...

– Ты так думаешь? Глаза надо разуть. К ней вчера какой-то франт с портфелем в дверь прошмыгнул. А на прошлой неделе из НКВД заглядывал. Спросил я ее: кто такой? А она мне: «Бывший подчиненный мужа сестры. О его здоровье спрашивал». Очки втирает. Вот и еще у старухи другой начальник зятем будет. А ты говоришь...

Увидев на стене клопа, он прихлопнул его ладонью и продолжал:

– Так что знаем мы их...

– На старуху у него есть основание жаловаться, – сказал мне Егор. – Она донесла на него его жене, что он изменяет ей. А жена у него отчаянная баба. Убедившись, что старуха не врет, она опрокинула на его голову кастрюлю с борщом. И Осип целую неделю ходил с бюллетенем...

Маша почему-то редко стала ходить к нам. Но вот в одну из суббот появилась в двенадцатом часу ночи. Она чем-то была озабочена. Это было видно по ее тонким морщинам около уголков губ. Поинтересовавшись, как у меня обстоят дела с учебой, она вдруг спросила:

– Вы знаете Степана Дальнего?

– Встречаюсь с ним, – ответил я.

– И знаете, где он живет?

Об этом я случайно узнал. Было так. Один из выпускников Пограничной школы задержал нарушителя границы. Об этом было написано в одной из центральных газет. Но, видимо, командованию школы показалось этого мало и оно решило произвести этот факт геройства на полотне, чтобы курсанты школы всегда могли видеть, как надо действовать при защите государственной границы. Не знаю, почему они обратились с этой просьбой к нам, а не в художественный техникум. Лившиц порекомендовал им художника – брата Степана Дальнего.

Заказ художнику был сделан, аванс за работу выдан. Но прошло полгода, а картина не появилась. Представитель погранШколы не мог найти и художнnка. Лившиц дал мне его адрес и попросил разобраться с этим делом.

Дом, в котором жил Степан Дальний со своим братом, был во дворе. Пройти к нему можно было только через высокие решетчатые ворота.

Встретила меня морщинистая старушка в каком-то затрапезном темном платье. На мой вопрос, могу ли я видеть Степана Дальнего или его брата, она ответила:

– Степан с утра куда-то ушел, а брат его уже третий день глаз не кажет. Присаживайтесь... Не прибрано у нас…

Действительно, квартира была так захламлена, что трудно было даже поверить, что здесь живут довольно культурные люди. В одной из комнат около окна, выходящего ю двор, стоял большой черный рояль, поверхность которого была покрыта серой пыльцой. Под ним валялись пустые бутылки из-под водки и пива. В другой, более светлой комнате на импровизированном мольберте стояло натянутое на подрамник полотно размером примерно два на три метра. Хаотически набросанные углем контуры смутно изображали реку, берега которой заросли густым кустарником, в одном месте которого лежал человек в форме пограничника. Короче говоря, для завершения картины осталось только начать ее и кончить…

Я извинился перед старушкой, оставил ей записку для Степана, в которой просил его зайти к Лившицу.

Так я познакомился с квартирой Степана, и теперь только осталось ответить Маше:

– Да, я знаю, где живет Дальний. А что случилось?

– Пока еще ничего не случилось, – ответила она. – Но может случиться, поэтому я должна немедленно увидеть Дальнего.

– В такое время? – удивился я.

– Немедленно!

– Женская прихоть! – засмеялся я. – Да кто же в такую пору…

Она нетерпеливо поморщилась.

– У Дальнего есть беккеровский рояль?

– Как он называется, я не знаю, но рояль есть.

– Сегодня есть, а завтра его не будет. Я хочу купить его.

Я не удивился тому, что она может позволить себе такое: зять, по словам Осипа, занимает большую должность. Но то, что Степан решился расстаться с такой вещью, ввело меня в сомнение, а оно перешло в негодование: допились два братца, последнее спускают. Увидеть бы Степана, поговорить с ним. Кассиль с Земным могут уговорить его. Но это когда еще будет, а Маша уже теребит меня за рукав и умоляюще просит:

– Я знаю, завтра купят у него рояль другие. Если вы хоть немножечко уважаете меня...

Я уважал ее, а поэтому пусть купит она, а не кто-то другой. И мы отправились к Степану.

Ночь была темная. Накрапывал дождь. Тускло горели уличные фонари. Когда прошли мимо Крытого рынка и углубились на улицу, где жил Степан, стало совсем темно. К тому же нас ждала неприятность: ворота были на замке. На мой стук никто не появился.

– Что будем делать? – спросил я.

Маша пожала плечами.

– Если вы не в состоянии перелезть через ворота, я сделаю это сама.

Кого-то другого я знал, куда послать, но ее не решился, хотя и видел в прошлый приход острые металлические шипы на верхней планке ворот. Кончилось тем, что я порвал штанину на правой ноге, но удовлетворен был отсутствием во дворе злой собаки.

На мой звонок послышались шаги за дверью и уже знакомый мне старушечий голос:

– Кто там?

Я назвал себя и объяснил цель прихода. Старушка открыла дверь и заохала:

– Беда мне с вами. Степана нет. Он пошел к приятелю. Если он уж так вам нужен, идите в Мирный переулок.

И назвала номер дома.

Рисковать еще одной штаниной я не стал и попросил у нее ключ от ворот. Операция оказалась безрезультатной, можно было возвращаться домой. Но так думал только я. Выслушав меня, Маша сказала:

– Вернемся к Крытому рынку. От него до Мирного переулка не более ста метров.

Мне оставалось только поблагодарить ее за подсказку.

Хозяйка дома сказала нам:

– Был Степан. Но он вместе с моим братом пошел на Большую Горную. Там у них знакомый рыболов живет. Утром они пойдут рыбачить на Волгу.

Узнав у нее номер дома, Маша сказала:

– Поспешим. Можем не захватить их.

– Вы хотите и туда идти? – уже не выдержал я. – Да вы представляете…

– Представляю, поэтому и говорю. Пойдемте. Когда мы вернемся, угощу вас хорошим вином.

Я вздохнул и пошел с ней на Большую Горную. Минут через <...> она остановилась и спросила:

– Слышала я, на Большой Горной ночью раздевают?

– Не только раздевают, но и убивают! – выпалил я в надежде, что она вернется. Но тут же мне почему-то неловко стало, и я успокоил ее: – Знал я, что по ночам раздевают не толью на Большой Горной, и положил в карман такое, что к нам не подойдут.

Она пожала мне руку.

Пришли. Хозяин дома «обрадовал» нас:

– Вам бы на часок раньше надо было прийти. Ушли наши рыболовы. Им еще надо лодку подсмолить...

– Не волнуйтесь, – сказал я Маше. – Степан на рыбалке и никто у него завтра рояль не купит. Завтра утром договоримся.

Но утром она не зашла.

– Пошла с матерью на рынок за продуктами, – сказал мне Осип. – Сегодня воскресенье...

Это мне показалось уже странным. Возможно, передумала покупать рояль?..

Когда я утром в понедельник пришел на работу, Смирнов-Ульяновский сказал мне:

– Звонили из НКВД. Велели, чтобы ты им позвонил.

И дал мне номер телефона.

– В НКВД? – удивился я. – Вы не ошиблись, Валентин Александрович?

– Так было сказано. И не удивляйся, в наше время попасть туда так же легко, как в кино сходить.

– Да, но... что могут люди подумать. Враг народа?

– Туда вызывают не только врагов. Если ты не грешишь в этом деле, чего тебе бояться. Иди...

Я позвонил. Спокойный голос как-то даже лениво ответил:

– Да, вызывали. Пропуск на вас выписан.

При входе в здание НКВД дежурный спросил фамилию, выдал мне пропуск и назвал номер комнаты.

Встретил меня майор примерно сорока лет, вихрастый и слегка улыбчивый. Когда я подошел к столу, он бегло осмотрел меня безразличным взглядом синих глаз и тем же спокойным голосом произнес:

– Кладите на стол оружие.

Я недоуменно пожал плечами.

– Вы шутите, товарищ майор?

Он о чем-то подумал.

– Здесь не шутят. Было у вас оружие или есть?

– Не было и нет.

Он мотнул головой, подписал пропуск, вручил его мне и сказал:

– Подумайте, а потом придете ко мне к двум часам!..

Выйдя на улицу, я остановился. Вспомнил вдруг. Майор спросил меня: было ли раньше у меня оружие? И я ответил: нет. А ведь было. Когда я жил в Базарном Карабулаке, работал продавцом в магазине Райколхозполеводсоюза. Торговали запасными частями к сельхозмашинам. Однажды вызвали меня в Райком комсомола и сказали:

– В селах работают уполномоченные Райкома и Райисполкома по коллективизации и раскулачиванию. Райисполкому требуется курьер, который должен доставлять им разные распоряжения на бумаге. А они считаются секретными. Поэтому тем, кто их доставляет, положено иметь оружие. Получишь велосипед и пистолет. Понятно?

Я понял. Девушка дала мне пистолет «наган» и велела расписаться за него. А когда я закончил развозить распоряжения, отдал его ей. А она могла потерять его или кому-то отдать и забыть. Бывает так? Бывает. Начальство донесло об этом в НКВД. В то время, это был 1930 год, я служил в армии. Вернулся в 1934 году. Много прошло времени, но работники НКВД нашли меня и вызвали. Могло так случиться? Могло. Откуда же им было знать, что я когда-то имел оружие?

Убедив себя в том, что так оно и было и умолчать об этом нельзя, я вернулся к майору и рассказал ему обо всем. Он чему-то усмехнулся и сказал:

– А вы говорили, не было у вас оружия.

– Запамятовал...

– Бывает. Зайдите ко мне не в два, а в четыре часа.

Видимо, решил в Карабулак позвонить, подумал я. И что там скажут ему?

Когда я в четыре часа пришел к нему, он положил передо мной лист бумаги.

– Пишите. Оружия у меня не было и нет. – И предупредил: – О нашем разговоре знаем только вы и я.

У меня наконец отлегло. Значит, правильно говорил Смирнов-Ульяновский: вызывают туда не только врагов народа. И все же как-то муторно было на душе, поэтому я, не оглядываясь, поспешил в Издательство.

– И с чем ты вернулся? – спросил меня Смирнов-Ульяновский.

Своим-то, наверное, можно сказать, подумал я и рассказал.

– Ну вот, а ты боялся.

– Майор никому не велел говорить.

– А мы и не скажем. Тебя в редакторской Степан Дальний ждет...

Степан был возбужден.

– Послушай, приятель, – начал он. – Что-то ты зачастил ко мне. Дня тебе уже не стало хватать, стал ночью врываться.

– Правильно, – согласился я. – Днем я приходил к тебе, чтобы узнать, когда твой брат закончит картину. Причем, приходил не по собственному желанию, а по распоряжению начальства.

– А ночью?

– Ночью... Кто виноват, если ты решил рояль продать.

Он поднялся.

– Это... Это какой дурак тебе сказал?

– Кто сказал, тот и попросил меня проводить его к тебе. А я собирался шею тебе намылить за то, что ты решил такую вещь загнать.

– Да не решал я! Чертовщина какая-то... Дай закурить.

– Я не курю.

– Пойду искать...

«Что же получается? – подумал я. – Оказывается, Маше нужен был не рояль, а Степан Дальний? Странно...»

С этим «странно» я и переступил порог коридора нашего дома, и когда увидел стоявшую около двери своей комнаты Машу, это странное и подсказало мне, откуда у меня появился пистолет, из-за которого я столько пережил. Ей я сказал, когда шли на Большую Горную, что у меня есть в кармане такое, что к нам не подойдут. А ее испуг на лице как бы подтверждал мою мысль. Об этом же говорила и ее растерянность, когда она искала ручку двери и не могла ее найти. И что всегда делала при встрече, не улыбнулась мне.

Не подав вида, я поздоровался с ней, и только когда вошел в свою комнату, тяжело опустился на стул.

Егор лежал на койке, читал газету. Он приподнялся, бросил на тумбочку газету, посмотрел на меня и спросил:

– Что с тобой? Заучился или влюбился?

– В меня влюбились, хотя я и не такой кудрявый, как ты.

Он захохотал.

– Тоже своего рода – трагедия: тебя любят, а ты нос гнешь. И все же?

Забыв предупреждение майора, я рассказал ему обо всем. Он долго молчал, а потом спросил:

– А ты уверен в этом? Можно ошибиться.

– Уверен, – ответил я. – Уверен потому, что она искала не рояль, а Степана Дальнего. Зачем он был нужен ей, не знаю. Уверен потому, что майор усмехнулся, когда я рассказал ему, почему у меня когда-то было оружие. Уверен потому, что у ее матери зять работает в НКВД. Оттуда же, как говорит Осип, до сих пор ходят к ней люди. И наконец, уверен потому, что только она могла сказать майору о наличии у меня оружия...

– И что ты намерен делать?

– Пойду и морду ей набью.

При этом я отбросил стул и направился к двери. Но он опередил меня, схватил и бросил на койку.

– Ты с ума сошел!.. Морду ты ей не набьешь, а скандал будет, они тебя в порошок сотрут за этого толкача. Мало тебе, побывал уже у них один раз. И если снова попадешь туда, не вернешься. Успокойся. Выпей холодной воды.

Немного успокоившись, я сказал:

– Она даже обещала мне бутылку вина, если мы найдем Степана.

Егор даже ахнул.

– Да какого же черта ты молчал! С этого ж надо было начинать. А я вчера немножко перехватил, да так, что пришлось в вытрезвителе ночевать. Утром дали мне опохмелиться, но мало. У меня голова до сих пор трещит, иди к ней и требуй, чтобы она отдала бутылку.

– Как же она отдаст, если мы никого не нашли?

– Чудак! Не ты же в этом виноват. Ходил? Ходил. Тем более, как ты говоришь, ей этот Степан не нужен. И еще. Ты говорил, как она встретила тебя в коридоре. Значит, заподозрила что-то. Так вот, чтобы сбить у нее это подозрение, иди и напомни ей об этой бутылке. Она подумает, что ты ничего не знаешь о ее доносе на тебя в НКВД. Да только так, прежде чем напомнить, извинись и улыбнись. А бутылка-то это не НКВД: мы с ней быстро расправимся. Умойся, подфорсись и иди!..

Сделав веселым лицо, я постучал в дверь Машиной комнаты и, не дожидаясь ответа, открыл ее. Открыл, сделал один шаг и невольно прислонился к косяку двери. Маша расставляла тарелки с закуской на столе, а около окна с пухлым желтым портфелем на коленях сидел... Вадим Земной. Увидев меня, он застенчиво заулыбался, вся кровь прилила к его сухому лицу, и оно стало багрово-красным. В то время у меня даже мысли не было в голове о том, что он вместе с Машей работает на кого-то. Мне только хотелось сказать ему, чтобы он, во избежание неприятностей, подальше был от нее. Но я тут же отверг и эту мысль: а вдруг у них любовь? Зачем же я буду мешать им? Если бы я в то время знал, что здесь любовью и не пахло!

Но надо было что-то говорить, и я сказал, обратившись к нему:

– Очень извиняюсь! Не мог предположить, что вы влюбились в мою соседку. Уверяю вас: она стоит вашего внимания!

Земной расплылся в признательной улыбке и спросил:

– Вы к хозяйке?

– К ней, – ответил я. – Она обещала угостить меня за оказанную ей услугу.

Маша засмеялась, кивнула на большой буфет с батареей бутылок.

– Выбирайте любую из них!

Я взял бутылку, поблагодарил хозяйку и вышел...

Чтобы в дальнейшем не возвращаться к некоторым моим героям, скажу. Осипа и Машу я больше не видел, так как перешел на другую квартиру. Егора перед началом войны послали на работу в Прибалтику, а после войны он уже не вернулся. В последний раз мы выпили с ним. Он расцеловал меня за Машино вино, а я его за то, что он избавил меня от грозившей мне большой неприятности.

***

Шел 1937-й, самый страшный год для меня.

В выходные дни, когда не было занятий на рабфаке, я уходил в издательство. Там тишина. Никто не мешает заниматься, повторять пройденное за неделю. А повторение, как утверждают, – мать учения.

Вот и сегодня сижу я один, разложив на столе конспекты и учебники, но почему-то вдруг захотелось заняться не повторением пройденного, а вспомнить прошедший 1936 год. Чего было больше в нем: хорошего или плохого? Кажется, больше хорошего, но каким-то тревожным был он. В стране иногда творилось такое, в чем трудно было разобраться. У меня не было желания возвращаться к тому, что было между мной и Машей, но оно невольно приходило на ум, когда узнаешь о том, что НКВД за последнее время все чаще стало интересоваться некоторыми нашими писателями. То одного, то другого вызывают к себе. О чем говорят с ними, только одному Богу известно. Носились версии о том, что не только царское, но и наше правительство недолюбливает великих людей. При царе погибли на дуэлях Пушкин и Лермонтов, у нас в 1930 году застрелился В.В. Маяковский. В 1934 году был убит С.М. Киров. Враги народа отравили сына М. Горького, а потом и его отправили на тот свет. И все это было так загадочно, что не могло не волновать...

Но было для меня и хорошее. С успехом я закончил учебный год. Остался еще один год, даже меньше, а там – учеба в институте.

К хорошему я могу отнести и мою встречу с секретарем Обкома партии Александром Ивановичем Криницким[19], о чем никогда не думал. А получилось так. Выступления первого секретаря Обкома на пленумах и конференциях печатались не только в областной газете, но и в брошюрах, которые мы издавали. Но прежде чем сдать брошюру в печать, ее должен был завизировать автор. Для этого и послал меня Лившиц к Криницкому, предупредив:

– В Обкоме его сегодня не будет, пройдешь к нему на квартиру.

Прежде чем идти к нему на квартиру, надо было собраться с мыслями: как вести себя с ним при встрече. Он не только секретарь Обкома, но еще и член ЦК. Слышал я о нем много, но видеть не пришлось. Его портреты были развешены по всему городу. Найдя один из них, я внимательно всмотрелся в него. Представительный мужчина с зачесанными назад волосами и подстриженными усами. Спокойное лицо и добродушный взгляд успокоили меня. Встреча с таким человеком не предвещала каких-то осложнений.

Криницкий жил в большом особняке на Советской улице. Особняк был обнесен высоким досчатым забором, вдоль которого расхаживал человек из охраны, к нему я и обратился, назвав свою организацию и должность.

– Документ, – сказал он.

Я предъявил ему удостоверение личности. Основательно осмотрев его со всех сторон, он открыл калитку и показал мне, куда идти.

При подходе к дому встретил меня еще один человек, но уже в гражданской одежде. Он тоже проверил мое удостоверение, справился о цели моего прихода и ушел в дом. Вернувшись, сказал:

– Можете идти. Вон в ту дверь.

Мне казалось, что у такого большого начальника на полу должны быль ковры, на стенах картины и на окнах шелковые занавески, но был разочарован, когда увидел только большой стол около окна, чернильный прибор на нем, два кресла около стола и портрет В.И. Ленина на стене.

Александр Иванович очень любезно принял меня. Пожал мне руку, указал на кресло, взял у меня брошюру, стал читать ее.

Минут через пять спросил:

– Здесь все правильно?

Не поняв его, я ответил:

– Вам, Александр Иванович, лучше знать: в политике вы больше меня разбираетесь.

Он удивленно округлил глаза с рыжеватыми ресницами и так рассмеялся, что на глазах у него появились слезы. Он вытер их платком, аккуратно сложил его, положил в карман и сказал:

– Не будем гадать, кто из нас лучше разбирается в политике. А вот тут запятые, многоточия… В оригинале, кажется, нет их. Почему так?

Я пожал плечами.

– На ваш вопрос может только редактор ответить. Наверное, он хотел сделать так, чтобы ваша речь выглядела более выразительной...

– Да? В таком случае, надо было бы привлечь артистов: Слонова[20] или Муратова[21]. В выразительности у них больше опыта. Но не будем их тревожить. Вы, молодой человек, какую должность занимаете? Расскажите коротко о еебе.

Я уже дважды промахнулся: с политикой и выразительностью, и уже не знал, с чего начать.

Заметив мое замешательство, он сказал:

– Расскажите, как можете.

Пока я говорил, сбиваясь почти на каждой фразе, он ходил по комнате. И когда остановился около освещенного солнечным светом окна, я не увидел на лице его портретного сходства: настолько оно было неприветливым и мрачным.

Повернувшись ко мне, он тихо произнес:

– Завидую я вам.

– Почему?

– Вся жизнь у вас впереди. А нам, старикам, пора уходить.

Тут я не выдержал и даже решил развеселить его:

– Рано вам, Александр Иванович, в старики записываться.

– Вы так думаете?

– Не думаю, а вижу: молодо выглядите.

Он крутнул головой.

– Такие комплименты только старым дамам говорят.

– И им от этого бывает весело. Правда?

Теперь мы уже смеялись вместе.

Провожая меня до двери, он сказал:

– Говорите, тяжело работать и учиться? А вы в тяжелые минуты думайте об одном: надо. Надо учиться. Без этого мы к коммунизму не подойдем. Желаю вам всего хорошего. При необходимости заходите…

Я поблагодарил его. Мог ли я в то время думать о том, что этот хороший человек станет очередной жертвой сталинских репрессий?.. Не мог. И до сих пор такое не укладывается в моей голове...

Чьи-то торопливые шаги прервали мои мысли. Открылась дверь, вошел Смирнов-Ульяновский. Он явно был чем-то расстроен. Даже не поздоровавшись, спросил:

– Лебедев не приходил?

Лебедев был выпускающим.

– Нет, не приходил, – ответил я. – Вы ждете его?

Он промолчал, несколько раз прошелся по комнате и тяжело опустился на стул.

Это было похоже на него. Если что-то случалось, он становился неузнаваемым в своих действиях. И только интеллегентная внешность его оставалась прежней.

Было в нем что-то от Чехова, и мне почему-то хотелось, чтобы у него была такая же бородка и такое же пенсне, за стеклами которого такие же умные и уставшие глаза.

Каждый человек по-своему реагирует на неприятность. Одни отзываются на нее молча, только хмурят брови. Другие возмущаются, размахивают руками. Третьи недоуменно пожимают плечами. И так далее. У него же появляется суетливость,

будто он потерял что-то и не может найти. В такие минуты спрашивать его о чем-то было бесполезно: промолчит. Утихнет возбуждение, сам скажет.

Меня, конечно, не могло не заинтересовать его такое мрачное состояние, но, зная, как он ведет себя в таких случаях, решил повременить с вопросами. И ждать пришлось не так уж долго. Вошел Лебедев, поздоровался и положил на стол два экземпляра брошюры с докладом В. М. Молотова. Посмотрев на них, Смирнов-Ульяновскйй тихо произнес:

– Рассказывайте.

Лебедев взял одну из брошюр.

– Переплетчики напортачили, Валентин Александрович. Страницы перепутали.

– А где был выпускающий?

– Не отрицаю своей вины. Но случилось такое...

– Что в магазине сказали?

– Тираж из типографии они получили полностью вчера...

– И стали продавать?

– Нет. Сдали на склад. Там и обнаружил ошибку кладовщик.

– А если бы кладовщик не обнаружил?

Лебедев пожал плечами.

– Я понимаю...

– Если понимаете, сейчас же забирайте в магазине весь тираж и доставляйте в типографию.

– Типография на замке, – сказал я. – Сегодня выходной.

– Пусть сделает это завтра, а вы проверьте...

Когда Лебедев вышел, я сказал:

– Напрасно вы так расстраиваетесь, Валентин Александрович. Перебросить какой-десяток страниц в брошюре... Завтра же все это будет сделано.

Он посмотрел на меня каким-то отсутствующим взглядом, и мне показалось, что он уже не думает об этой несчастной брошюре, а голова его занята чем-то более существенным, что и беспокоит его.

Он долгое время молчал, как бы борясь сам с собой – начать или не начинать разговор? Наконец решился и спросил:

– Вы прочли все номера газеты «Коммунист» за июнь?

– Не помню, – ответил я. – Вы же знаете, вечерами я учусь. Выпускные экзамены на носу...

– Причина основательная. А повесть И. Кассиля «Крутая ступень», опубликованную в альманахе, читали?

– Корректор с подчитчиком мне все уши прожужжали этой повестью.

– Понравилась?

– Особого впечатления она не произвела на меня.

– А герои?

– Идочка Ициксон...

– Николай Измайлов, – перебил он меня.

– Какая-то несобранная личность.

– Можно по этой «несобранной» личности определить и утверждать, что в нашу партию идут жулики и карьеристы?

– В каждом стаде можно найти паршивую овцу, но это еще не значит...

– Находятся такие, для которых «значит». Признали повесть «Крутая ступень» антисоветской и автора исключили из партии.

– Кассиля? Да это же...

– Это то самое, чего добивался Вадим Земной. Но может быть еще хуже. НКВД обвиняет в такой нелояльности не только Кассиля...

– Других, возможно, тоже по наущению Земного?

– Этого я не могу сказать. Требуются доказательства.

– А если я приведу их?

– Вы? – удивился он.

– В прошлом году я уже говорил вам, зачем меня в НКВД вызывали. Соседка моя, Маша, донесла на меня, будто я оружие имею. А Земной ходит к ней. Вот бы и разоблачить его. Мне не под силу, а если вы...

Он поднялся.

– Да вы думаете, что говорите? Боже мой, какая наивность. Да это же... НКВД!..

– Я понимаю. Но есть люди, которые выше их. Тоже в прошлом году я был у секретаря обкома Криницкого. И он разрешил при необходимости обратиться к нему.

– Хватит, – остановил он меня. – Вы уже начинаете глупости говорить.

– Почему?

– Да потому что не знаете, кто выше из них... А лучше прекратим этот разговор. Да, Лившиц письмо прислал. Просит передать всем привет. Приглашает...

– Жаль, что он вернулся в Москву.

– Такая договоренность была: приезжал на время организации издательства. Поработаем с Фоминым. Тоже хороший человек. Но… больной. Врачи рекомендуют ему оставить работу. Итак, завтра с утра вы идете в типографию...

Утром я доложил Фомину:

– В брошюре с докладом В. М. Молотова полиграфисты перепутали страницы...

– Знаю, – остановил он меня. – Вчера вечером Смирнов-Ульяновский звонил мне.

– Вчера он плохо себя чувствовал. Расстроился из-за какого-то пустяка…

Фомин недоуменно посмотрел на меня из-за толстых стекол очков.

– Странно вы рассуждаете. Для него это не пустяк. Кассиля за его повесть «Крутая ступень» исключили из партии. А кто редактировал ее? Смирнов-Ульяновский. Ему можно ожидать больших неприятностей. Поэтому он сегодня и выехал в Москву. А вы говорите...

Как я мог не подумать об этом! Для меня это было такой неожиданностью, что я уже плохо соображал, что мне надо было делать. В типографии Лебедев говорил мне о том, что весь тираж брошюры доставлен из магазина и переплетчики уже приступили к работе.

– Посмотри, как директор типографии гоняет бракоделов, – говорил он. – Ему уже из обкома звонили насчет этой брошюры с докладом Молотова.

Директор типографии Недлин действительно был возмущен до предела. На кого-то кричал, кому-то приказывал, не стесняясь в выражениях.

Не лишним будет сказать несколько слов об этом хорошем человеке и о его судьбе. Был он небольшого роста, светловолосый, хромал на одну ногу, и когда припадал на нее, казался мальчишкой. Но этот «мальчишка» был рачительным хозяином и большим специалистом своего дела. Несмотря на жесткую требовательность, а иногда на лишнюю шумливость, рабочие уважали его за справедливость. Но бывает так, что и хорошим людям жизнь не потворствует, а иногда и приводит их к большой беде. Я уже не работал в издательстве, когда узнал о том, что его осудили на десять лет. При очередной инвентаризации шрифтового хозяйства не досчитались около центнера шрифтов. Скандал! Шрифты на контроле у НКВД. Вывод – диверсия. Руководителю типографии – десять лет. Почему так получилось? Уборщица мыла окна в одном из цехов. Лесенки у нее не было. А в цех временно завезли несколько ящиков шрифтов. Три из них она и приспособила для мытья окон. А после того, как вымыла окна, развесила на ящики мокрые тряпки для просушки. Шрифты из цеха перенесли в склад, а эти так и остались под тряпками. И только на следующий год, когда она снова решила использовать их, они были обнаружены.

А Недлин? Более двух лет потребовалось, чтобы вызволить его из тюрьмы.

Закончив непредвиденную операцию с брошюрами, я вернулся в издательство. Все это время тревога за судьбу Смирнова-Ульяновского не оставляла меня. Сказанное мне Фоминым говорило о том, что его ждут большие неприятности. Помнил я и о том, как Валентин Александрович спрашивал, какое впечатление произвела на меня повесть Кассиля. А перед этим спросил, читал ли я газету «Коммунист» за июнь месяц.

Я взял подшивку этой газеты и в номере за 8 июня прочел рецензию А. Лебедева на повесть «Крутая ступень». Автор рецензии обвиняет И. Кассиля в том, что он в своей повести восхваляет своего героя Измайлова, карьериста и шкурника, опорочил партийные органы, оклеветал студентов и коммунистов и замазал вредительскую деятельность врагов народа.

Тяжелое обвинение, а в статье «Новые требования и новые задачи» от 20 июня уже говорится о том, что И. Кассиль исключен из партии.

Да, Смирнову-Ульяновскому, поставившему свою редакторскую подпись под повестью «Крутая ступень», есть над чем задуматься. Восхвалять в такое время таких людей, как Измайлов... Клеветать на честных людей... С кого-то спросят, кто-то будет отвечать, а мне остается только ждать, чем все это кончится. Но случилось так, что я вышел из этой игры, не дождавшись ее конца. У меня началась другая жизнь...

***

Меня подмывало спросить Смирнова-Ульяновского, чем закончилась его поездка в Москву. Но он тоже мог спросить: «Кто тебе сказал, зачем я ездил?» Значит, можно было поставить в неловкое положение Фомина, который недвусмысленно поведал мне о том, как он был напуган делом с повестью Кассиля «Крутая ступень».

Как и предполагалось, болезнь вынудила Фомина уйти с работы. Его место занял Ш. Эпштейн. Сказать что-то определенное об этом человеке я не могу: мало работал с ним и был занят собой. Сдача экзаменов была удачной, я подал заявление о приеме меня на исторический факультет пединститута. В этот же день Лебедев сказал мне:

– С тобой хочет говорить первый секретарь райкома. Иди.

– А что ему надо от меня?

– Интересуется, почему в партию не вступаешь. Кандидатский стаж у тебя истек.

– Но ты же знаешь, почему?

– Сказал ему, но он хочет сам говорить с тобой. Твоей биографией интересовался.

Я не помню фамилию секретаря Фрунзенского райкома партии, а разговор с ним такой состоялся.

– В комсомоле был? – спросил он меня.

– С 1925 года и до сих пор ношу комсомольский билет, а с 1934 года – кандидатскую карточку.

– А почему не вступаешь в партию?

– Не получается. Две рекомендации есть, а третью... не дают.

– Почему не дают?

– Лебедев говорит, боятся: не враг ли я народа.

Он поморщился.

– Я подскажу Лебедеву. Значит, знаком с комсомольской работой?

– В своем селе был секретарем ячейки комсомола. А когда переехал в райцентр, был избран секретарем общесельской ячейки комсомола. В армии – заме-

стителем секретаря комитета комсомола. Там и был принят кандидатом в члены партии.

– Очень хорошо. Как ты смотришь, если мы будем рекомендовать тебя заведующим отделом политучебы райкома комсомола?

Такое предложение не обрадовало меня. Принять его – это значило не попасть в институт.

– Почему молчишь?

– Я уже сдал документы в пединститут.

– Успеешь выучиться. Есть постановление ЦК партии о направлении коммунистов в комсомольские организации. Райком комсомола даст тебе рекомендацию в партию. Договорились!..

Мне осталось только вздохнуть.

И закрутилась карусель так, что день стал мне казаться ночью, а ночь – днем.

Через два месяца после того, как я стал работать в райкоме, состоялась районная комсомольская конференция, на которой я был избран членом бюро райкома, заведующим отделом политучебы. Первым секретарем райкома был избран Г. Курилин.

Через месяц на городской комсомольской конференции я был избран членом бюро, заведующим отделом политучебы горкома. Первым секретарем горкома комсомола был избран В.Н. Уваров.

А еще через месяц на областной комсомольской конференции я был избран членом бюро обкома комсомола и утвержден редактором областной комсомольской газеты «Молодой Сталинец». Первым секретарем обкома комсомола был избран И.В.Рубцов.

Такой стремительный взлет по иерархической лестнице не радовал меня. Я знал работу первичных комсомольских организаций, а теперь придется иметь дело с районными, городскими и даже областной организацией. С пятнадцати лет стал писать в газеты, но писать – не руководить: там могут помочь, поправить, а здесь…

– Не боги горшки обжигают, – подбодрил меня представитель ЦК комсомола. – Насобачишься. Дерзай!..

Обе редакции: областной газеты «Коммунист» и «Молодой Сталинец» были расположены на улице В.И. Ленина, теперь – Ленинский проспект. Когда я впервые вошел в редакцию, меня встретил человек лет тридцати с уставшим, нахмуренным лицом и какой-то виноватой улыбкой.

– Наконец-то! – воскликнул он. – Фамилия моя Резцов. Я здесь временно. После того, как освободили Ямпольского. И хорошо, что временно, – добавил он.

– Откуда у вас такое настроение? – спросил я.

– Поработаете, узнаете...

И, не введя меня в курс дела, взял со стола несколько бумажек, ушел не простившись.

Эта короткая встреча состоялась утром, а перед вечером в мой кабинет вошел молодой человек среднего роста, с округлым лицом, начинающей полнеть рыхловатой фигурой. Это был поэт Виктор Тимохин. Мы хорошо знали друг друга. До того как познакомиться с ним, я читал его стихи в сборнике «Товарищи» и в первом альманахе[22]. К тому же он был ответственным секретарем этого альманаха.

– Что-нибудь новенькое принес? – спросил я его. Он усмехнулся.

– Да, для тебя будет «новенькое», если скажу, что я являюсь твоим заместителем.

Мы расхохотались.

– Это уже для меня сюрприз, – сказал я. – Да такой, что лучшего я не мог ожидать. Садись, рассказывай, как здесь у вас...

– А теперь будет и у вас.

– Ну, что-то когда будет...

В этот день Виктор был дежурным редактором. Газету подписывали в печать в два часа ночи. Было у нас время поговорить. Прежде всего, я попросил его рассказать о всех работающих в редакции, что помогло мне при личном знакомстве с ними – уже знать, кто из них кто.

– Я скажу о них только как о специалистах своего дела, – уточнил он, – а что у каждого из них на душе, сам разматывай.

– Почему Резцова не утвердили редактором? – спросил я. – От того, как он вел себя при нашей встрече, мне показалось, что он обижен.

– Был у него какой-то конфликт с кем-то, но это не главное. Сам не захотел остаться. Тяжеловато ему здесь показалось.

– А почему Ямпольского освободили?

– Нашлись такие, что подвели его. Но это – длинная история…

– Значит, есть здесь «такие»?

– Они везде есть.

– Понятно. А что у вас там, в Союзе писателей? С переходом на комсомольскую работу я оторвался, шумят?

– Если бы только шумели. Иосиф Кассиль и Валентина Мухина арестованы НКВД и осуждены.

– Осуждены?

– Так говорят. А кто знает? Говорят, Кассиль погиб при попытке к бегству. Тоже может быть, не так. Да что там Кассиль! Убрали Криницкого. Обязанности первого секретаря обкома выполняет Аболяев. А что с Криницким? Тоже никто не знает. Предполагают, что он не вел борьбу с врагами народа. А предполагают потому, что Аболяев оказался мастаком в этом деле. Вот такие делишки...

Я рассказал ему о встрече с Криницким.

– Дыма без огня не бывает, – сказал он. – Все говорит о том, что уж больше с ним ты не встретишься.

Принесли из типографии оттиски газетных полос, мы принялись читать их.

***

В июне 1936 года был опубликован для всенародного обсуждения проект новой Конституции. В ноябре чрезвычайный VIII съезд Советов принял ее. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП/б/ в 1937 году был обсужден доклад А.А. Жданова о подготовке партийных организаций к предстоящим в декабре 1937 года выборам в Верховный Совет СССР на основе новой Конституции.

4-го ноября в газетах были опубликованы избирательные округа. Их было восемь. Остановимся на четырех.

В Саратовском сельском избирательном округе баллотировался кандидат в депутаты Совета Союза секретарь Саратовского обкома ВКП/б/ Константин Васильевич Аболяев.

В Ртищевском избирательном округе кандидатом в депутаты Совета Союза был секретарь ЦК ВЛКСМ Александр Васильевич Косырев.

В Балашовском избирательном округе кандидатом в депутаты Совета Национальностей был стахановец Сталинградского тракторного завода Николай Николаевич Дубинин.

В Вольском избирательном округе кандидатом в депутаты Совета Союза был Андрей Януарьевич Вышинский.

Началась агитация за кандидатов в депутаты. Формы и методы ее известны. Но в проведении любого мероприятия есть свои плюсы и минусы, на них и остановимся.

Работал в редакции молодой темноглазый паренек Лев Прозоровский. Работал фотографом. Вертлявый, самонадеянный, скользкий, как уж. Просунет в дверь острую мордочку, подойдет на цыпочках к столу, положит на него несколько фотографий и ждет, когда ему скажут добро. Получив его, подымает голову и выходит с победной усмешкой.

На этот раз он положил передо мной портрет кандидата в депутаты Совета Национальностей Н. Дубинина. Снимок был сделан так плохо, что у меня невольно вырвалось:

– Зачем ты даешь мне эту дрянь!

Резко повернувшись ко мне, он смерил меня презрительным взглядом, в котором, к тому же, было даже что-то угрожающее. Схватив фотографию, он выбежал из кабинета.

Признаюсь: получилось грубовато. Но я не воздержался потому, что уже знал его как отличного специалиста, да и речь шла не о простом смертном, а депутате Верховного Совета, и все же при случае я решил извиниться перед ним, но не успел.

Уже на следующий день утром Виктор сказал мне:

– Хотя ты, как Кассиль, и не пишешь антисоветских повестей, а в НКВД заинтересовались тобой – просят зайти к десяти утра.

– Зачем? – удивился я.

– Там скажут...

С этим «там скажут» я и вошел в один из кабинетов здания, в котором размещался НКВД. За столом сидел пожилой капитан с лицом кающегося грешника. Легким кивком квадратной головы он показал мне на стул и скрипучим голосом спросил:

– Давно ли, молодой человек, вы стали называть кандидатов в депутаты Верховного Совета дрянью?

Мне показалось, что я или ослышался, или из головы у меня еще не вылетел разговор с фотографом, поэтому попросил его повторить вопрос.

Но он только нахмурил мохнатые брови, чем вдруг вызвал у меня желание доказать ему, что я не из тех, кого можно легко запугать. Я член бюро райкома комсомола, член бюро горкома комсомола, редактор областной газеты. Но тут же вспомнил сказанное Виктором: «Да что там Кассиль! Они Криницкого убрали». Вспомнил и уже примирительным тоном спросил:

– И вы, товарищ капитан, верите в то, чего не могло быть?

Он чуть-чуть приподнял тяжелые веки.

– Вопросы задаю я.

– А я отвечаю: пригласите сюда человека, который вам так сказал, и вы убедитесь в том, что это – ложь.

Он наклонил голову к правому плечу.

– Кого приглашать, мы знаем. Вас самих однажды уже приглашали сюда?

– Было такое, но приглашение это оказалось безрезультатным.

– Не рано ставите точку?

– Этого я не знаю.

– Здесь не редакция: знаки препинания не имеют существенного значения.

Я мог ему возразить, но зачем дразнить гусей?

А он продолжал:

– Значит, вы знаете этого человека?

– Не знаю только, почему он слово «мразь» приплел человеку, а не его фотографии, которую подсунул мне.

Его веки поднялись до предела.

– Так это и было?

Я рассказал ему, как было.

Скривив тонкую губу, он проворчал:

– Ладно, разберемся. И помолчим о нашем разговоре. Но вот еще что. Товарищ Стромин[23]... вы знаете товарища Стромина?

– Начальник областного Управления НКВД.

– Знаете. Так вот, он не одобряет вашу газету.

– В каком смысле?

– Не помогаете нам выявлять врагов народа.

Я пожал плечами.

– А откуда бы нам знать, кто враг, а кто нет?

– Классовое чутье потеряли?

– Я не сказал бы этого.

– Я сказал. Подумайте. Запомните номер моего телефона и можете идти...

Прав был Виктор: толкачи везде есть. Но почему они так ведут себя: сегодня узнают, завтра идут доносить. Так было с Машей, а теперь с Прозоровским. Тот, на кого было донесено, будет знать, кто это сделал и теперь уже лишнего слова не произнесет и другим закажет. Выходит, им это до лампочки? Но стоит ли время терять на такие рассуждения? Пусть болит живот у тех, кто ими командует. Да, но мне-то как быть? Где я буду врагов искать? «Классовое чутье потерял». Стромин недоволен газетой. Партия руководит газетами, а не НКВД. Но он, кажется, тоже член бюро обкома партии. Неразбериха какая-то. С ней я и обратился к редактору газеты «Коммунист» Блохину. И какой ответ получил?

– Думай сам, товарищ редактор.

Вот и подумаешь!..

Так как данный конфликт произошел из-за Н. Дубинина, нечто подобное, только с другим исходом, случилось еще в одном месте.

Заведующий Старо-Бурасским медицинским участком Базарно-Карабулакского района врач Майсков, агитируя за Н. Дубинина, сказал колхозникам:

– Чтобы хорошо запомнить фамилию нашего кандидата в депутаты, надо иметь в виду, что она происходит от слова дубина.

И получил за такое разъяснение десять лет. Надо полагать, он-то уж лучше всех запомнил фамилию своего кандидата.

***

В нашем редакционном коллективе возникла такая мысль: попросить одного из кандидатов в депутаты обратиться к молодежи Саратовской области с призывом отдать свои голоса за выдвинутых кандидатов в депутаты Верховного Совета. Остановились на А.Я. Вышинском. Его знает вся страна. Согласовали вопрос с обкомом комсомола, подготовили текст обращения и командировали в Москву к Вышинскому Виктора Тимохина.

Но случилось так, что на следующий день меня вызвали в ЦК комсомола на утверждение в должности редактора. Вызвано было человек двадцать. Когда нами были заполнены анкеты, написаны автобиографии, я спросил сидевшего родом со мной паренька:

– Почему так много нас вызвали?

Он усмехнулся.

– Мы должны заменить тех, кто не справился со своими обязанностями и тех, кого НКВД отстранила за неповиновение родителям...

Человек, собравший нашу писанину, объявил:

– Через несколько минут с вами будет говорить секретарь ЦК комсомола Александр Васильевич Косырев.

Если бы кто знал, какое это сообщение произвело впечатление на нас! Косырев был встречен нами дружными аплодисментами. До этого большинство из нас видели его только на страницах газет и журналов. Темная челка волос его, спадающая на лоб, веселые глаза и какая-то застенчивая улыбка запомнились мне на всю жизнь. Но на этот раз вялость движений его, задумчивость, морщинки <на> лбу не понравились мне. Он явно был чем-то озабочен. Об этом говорили и тревожные нотки в его голосе.

Кивнув нам, он поднял руку. И когда аплодисменты смолкли, тихо произнес:

– Вам все понятно?

Я был удивлен: с нами никто и ни о чем не говорил. А он продолжал:

– Желаю вам плодотворной работы. Надеюсь, вы оправдаете доверие избравших вас. Уверен в том, что вы хорошо представляете себе стоящие перед вами задачи. Держите связь с Центральным Комитетом комсомола. Хорошего здоровья вам!

Поклонился и вышел.

Мы были разочарованы и... озадачены. Говоривший до этого паренек задумчиво произнес:

– Здесь что-то не так...

Дали нам билеты в Большой театр, но у меня не было желания развлекаться. Полюбовавшись на Кремль, я отправился к родственникам Виктора. Они сидели за бутылкой шампанского. Познакомив меня с родителями жены, Виктор стал рассказывать о встрече с Вышинским.

– Я даже не представлял, что он так встретит меня. Дежурный милиционер осмотрел меня со всех сторон, спросил, откуда и зачем приехал. Проверил мои документы, положил их в карман и сказал:

– Придется подождать.

– Мой пакет передадите Вышинскому?

– Давайте...

Ждать пришлось недолго, минут сорок. Появился молодой человек, спросил мою фамилию и сказал:

– Прошу вас!

И вот я в кабинете у прославленного юриста и политика. Встал он с кресла, вышел из-за стола, шагнул в мою сторону, улыбнулся, подал мне свою пухлую руку и сказал:

– Приветствую комсомольское племя! Достойную смену мы растим. Знает, что надо делать на данный момент. Похвально.

Передал мне подготовленное нами обращение и добавил:

– Неплохо придумано. Желаю вам, комсомолята, и впредь так поступать. Будьте здоровы!..

Закончив, он удивленно посмотрел на меня и спросил:

– А ты как сюда попал?

Родители его жены засмеялись.

– Хорош мальчик, – сказал я. – Обрадовался встрече с большим начальником и о своих забыл.

Он крутнул пальцем около виска.

– Виноват! Да, но что скажешь о такой встрече?

– Лучше сказанного тебе Вышинским ничего не могу сказать, – ответил я. И только теперь, по прошествии многих лет, мог бы добавить: слетела бы с тебя эта восторженность, если бы ты узнал, как этот «прославленный политик и юрист» отправил на каторгу невинных людей, руководствуясь своей теорией

о презумпции виновности, когда бралось за веру признание вины только самим преступником.

Но не будем говорить о том, что было бы, а скажем о том, что уже есть. Через несколько дней после того, как мы вернулись из Москвы, до редакций долетело что-то похожее на легенду и действительность. Скорее всего, последнее.

Выборы в Верховный Совет проходили в то время, когда в степи снежные бураны заметали все пути и дорожки. В такую непогодку и отправился Вышинский в одно из сел Саратовской области на встречу со своими избирателями. Шофер сбился с дороги. Говорят, ночевали в поле. Местные сыщики из НКВД всполошились. Шофер решил заморозить кандидата в депутаты. И арестовали его после того, как Вышинский уехал. Жена шофера, беспокоясь за мужа, поехала к Вышинскому и он приказал отпустить шофера. И тогда народ стал говорить:

– Местные власти бесчинствуют.

– Хватают невинных людей.

– Спасибо нашему кандидату в депутаты товарищу Вышинскому. Он-то уж знает, как защитить свой народ от насильников...

Избирательная кампания, на которую так много было затрачено сил и тревог, закончилась. Итог стандартный: проголосовало сто процентов. Народ стал сознательным, да иначе и не могло быть в таком демократическом государстве!..

Избирательная кампания закончилась, но конца тревогам не было видно. В одном из районов был посажен редактор газеты за искажение фамилии Сталина. Было запрещено печатать его фамилию с переносом. Забыть об инициалах, а имя и отчество его печатать только полностью. На фотографиях он не должен смотреть из полосы. Ну и ряд других наставлений чуть ли не по всем вопросам. Принесут из типографии оттиски газетных полос, и сидишь над ними с одной мыслью: а вдруг что-нибудь не так? С вечера после такой работы не заснешь, а утром думаешь: пошла газета к читателю, а нет ли в ней чего-нибудь такого, недозволенного?

Вступила в новый этап борьба с врагами народа. О них стали больше писать в газетах. Партийные и комсомольские организации изгоняли их из своих рядов. Но этого оказалось мало. Ликвидировали кулаков? Ликвидировали как класс. Но у них были подкулачники? Были. А у врагов народа нет сочувствующих? Есть. Встречаются они? Встречаются. Значит, имеют какую-то связь? Имеют. Взять их на цикундер[24]! И стали брать. Показателен в этом отношении стал такой случай.

Заканчивала девушка Педагогический институт. Была на последнем курсе. Назовем ее Наташей, чтобы не напоминать ей о нанесенной моральной травме. Мечтала она, получив диплом, сеять разумное, вечное на педагогической ниве. Но приглянулась она чем-то секретарю горкома комсомола Уварову. Сорвал он ее с учебы и поставил заведовать, если не ошибаюсь, пионерским отделом горкома. Но не прошло и двух месяцев, как ее лишили этой должности.

О повестке дня заседания бюро горкома мне не сообщили, значит, решался какой-то неординарный вопрос. Пришел я последним. И стоило только мне занять свое постоянное место, как Уваров объявил:

– На повестке дня обсуждение поведения заведующей отделом комсомолки... о ее связи с врагами народа. Доложите, – сказал он одному из членов бюро.

И тот доложил:

– Вот мы знаем, какую должность в горкоме занимает Наташа. И вот представьте себе, она сочла возможным дружить с дочерью врага народа. И не только дружила, но и часто была в ее доме. Этот позорный для нее факт был проверен мною и подтвердился. А теперь решайте...

– Объясните ваше поведение, – сказал Уваров Наташе.

Когда Наташа встала и подошла к столу, я уже не мог оторвать от нее взгляда. Меня привлекали ее желтовато-пепельные волосы, заплетенные в тугую косу, полноватое молочно-белое с легким румянцем лицо, яркая голубизна глаз и трепетно вздрагивание густых ресниц. Заметно было, что она старалась сдерживать себя, но ее выдавала предательская дрожь полуоткрытых губ.

Смотрел я на нее и думал: «Русская красавица! Не о такой ли, как ты, когда-то писал Сергей Есенин: "Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда"».

Проверяющий что-то не договаривал. Да и говорил так, словно ему уже деваться некуда. Из этого можно было сделать такое заключение: высасывает из пальца. И хотелось девушку спросить: за что тебе такая мука? «Дружила с дочкой врага народа».

– Знала ты о том, что у твоей подруги отец враг народа? – спросил я.

– Узнала только после того, когда он был арестован.

Кто-то спросил:

– Почему об этом не сказала секретарю горкома?

– Что можно было сказать ему, если я этого врага народа видела всего лишь два раза до того, как его арестовали?

Реплика:

– Отговорка!

Я посмотрел на Уварова. Он отвернулся. Не подымая головы спросил:

– Признаешь ли свою вину?

Наташа вздохнула.

– Только в том, что не сказала вам. Оказывается, надо сказать, что у подруги отца посадили...

– Какие будут предложения?

Тишина.

– Можно мне? – спросила Наташа. Уваров кивнул.

– Я не знаю, какое будет принято вами решение, но я сама больше не могу оставаться здесь.

Голос:

– И объявить ей выговор.

– Не будет других предложений? – торопливо спросил Уваров. – Нет. На этом заседание считаю закрытым...

Наташа выходила последней. Остановившись около двери, она обернулась и спросила:

– А как с институтом?

– Договоримся, – ответил я и повернулся к Уварову. Минуты две он молчал, потом с какой-то яростью стукнул по столу кулаком, подул на него и выбежал из кабинета.

Я подошел к окну и вскоре увидел Наташу. Она перешла улицу, обернулась, посмотрела на дом, в котором размещался горком комсомола, и, подойдя к Оперному театру, скрылась за деревьями сквера. В кабинет вошел паренек, который докладывал на бюро о ее поведении, взял со стола какую-то папку с бумагами и, обратившись ко мне, сказал:

– Уваров велел передать вам, он уехал в обком комсомола. – Помедлив, продолжал: – Неприятная история. Не хотел он освобождать эту студентку. Позвонили в обком комсомола из НКВД и сказали: «Мы выявили пособницу врага народа, а она работает заведующей отделом горкома комсомола. Как же так?» Из обкома позвонили ему и вот...

– Кто тебе об этом сказал? – спросил я.

– Один из обкомовских ребят, который просил не называть его фамилии. Не

говорите никому и о том, что я сказал вам. Уваров может обидеться на меня...

О том, что Уваров делал это не по собственной инициативе, можно было понять по тому, как вел он себя на заседании.

Но такова жизнь!..

Когда я рассказал обо всем Виктору, он не удивился.

– Могло быть хуже для этой девицы.

– Не сомневаюсь. И не думал, что на этом кончится. У тебя есть такой человек в Пединституте, с которым можно по душам поговорить?

– Найдется. И что?

– Девица эта боится, что с ней там может случиться то же самое, что и в горкоме.

– Понял.

– Надо помочь ей.

– Тоже понял. Но не знаю, кому первому помогать.

– О чем ты?

– Не о чем, а о ком. Представь себе, у этой девицы есть человек, который любит ее.

– Нормальное явление.

– Если он останется нормальным.

– А без загадок нельзя?

– Можно. Этот человек наш. Узнал он, что с ней и...

– Кто?

Он назвал имя, и я его похороню в моей памяти. Мне стало не по себе. Как говорят, у страха глаза велики. Не знаю, какими стали мои глаза, но мое воображение стало рисовать такие картины, что я готов был ухватиться за волосы. Кто-то узнает, кто-то донесет: в горкоме держат пособницу врага народа, а в редакции даже влюбляются в нее. Такое мое предчувствие неискушенному человек может показаться бредом, но я-то уж знаю, чем все это может кончиться.

А Виктор продолжал:

– Звонил какой-то капитан из НКВД. Тебя спрашивал.

– А что ему нужно?

– Не знаю. У меня отец говорит: раньше мы ходили под Богом, а теперь под НКВД. А у них, как и у Бога, пути неисповедимы…

– У тебя есть что-нибудь еще?

– Есть. Получено письмецо такого содержания. В одном райцентре посадили комсомольца как врага народа. Агитировал против Советской власти. Автор предупреждает: если не напечатаете, напишу в НКВД. Может уже по этому поводу и капитан звонил... Какие будут указания?

– Указания будут такие. Иди в Пединститут. Это – первое. Скажи нашему товарищу, чтобы оставался нормальным при своей любви. Я еще сам с ним поговорю. Это второе. И третье. С этим комсомольцем. Позвони в райком комсомола и начальнику районного НКВД. И дай мне вздохнуть...

Через два дня Виктор доложил:

– Пединститут бурлит. Студенты возмущены решением горкома комсомола. Ректор института заверил: девица будет учиться. Комсомолец сидит. Позвони сам капитану...

***

За последние дни что-то непонятное стало твориться с Виктором. Он стал часто над чем-то задумываться. Поступили жалобы от сотрудников на его грубость, что никак не вязалось с его добродушным характером, работал он по-прежнему, как вол, но без вдохновения. Редко стал вносить свои тематические предложе-

ния, больше пользуясь тем, что поступало от внешних корреспондентов, ссылаясь на то, что мы можем растерять их, если не будем использовать присланный ими материал. И когда однажды он не вышел на работу, я вынужден был поговорить с ним. Но он на первом слове прервал меня:

– Правильно: не вывел на работу. Наказывал.

– Прежде чем наказывать, хочу разобраться: за что?

– За прогул.

– Но ведь беспричинных действий не бывает.

– Но вот о них я пока помолчу. Уточнить надо...

Разговор наш не состоялся: нам помешали. Вошел молодой человек с артистической наружностью и отрекомендовался:

– Артист театра имени Карла Маркса. Слободяник. И одновременно секретарь комитета комсомола.

– Присаживайтесь, – предложил я ему. – Слушаем вас.

– Да, я пришел говорить. Прежде всего, такое замечание. Вы мало уделяете внимания работе нашего театра.

– У нас специалистов нет по вашему ведомству, – сказал Виктор.

Он поднял руку.

– Не надо так не надо. Специалистов вы всегда можете найти со стороны. Почему газета «Коммунист» находит?

– Правильно вы говорите, – согласился я. – Это – наше упущение.

– Вот об этом я и хотел напомнить вам. И напомнить вот почему. Если бы вы знали сложившуюся обстановку в нашем театре. Можете не поверить, но я расскажу о ней…

И рассказал нам, чему действительно было трудно поверить. Он говорил о молодых актрисах, только что закончивших театральную школу и пришедших в театр. «Без протекции старичков-воздыхателей им нет свободного пути на сцену».

– Вы, может, напишите нам об этом? – спросил я.

Он даже вскочил.

– Да вы что, хотите, чтобы меня завтра из театра выжили?

– Одного могут, – сказал Виктор. – А если всей комсомольской организацией?

– Как понять?

– Обсудить этот вопрос на комсомольском собрании. Привести факты. Принять решение и послать в горком комсомола.

– Не надо.

– Почему?

– Я уже был в горкоме. Поэтому и пришел сюда.

– Поймите нас правильно, – сказал я, – о том, что рассказали вы нам, да еще с такими подробностями, ни одна газета не напечатает. Но мы постараемся помочь вам. Я доложу первому секретарю обкома комсомола Рубцову о том, что тревожит вас. Не возражаете?

– Можно и так, – согласился он. – Извините...

– Пошли кого-нибудь из ребят в театр, – сказал я Виктору. – Рубцов тоже может спросить: сами-то вы разбирались?

Дверь открылась, и в кабинет вошел наш постоянный внештатный корреспондент. Фамилии его я не помню, но внешность запомнилась хорошо. У него были темные волосы, большие темные глаза и маленькое личико. Верткий. Ниже среднего роста. Брался писать на любую тему, и у него получалось.

– Главное в нашем деле – найти такого человека, который может хорошо и толково рассказывать, – говорил он. – А переложить на бумагу сказанное им – не такое уж сложное дело. А выводы, как вам известно, сделаются смотря по обстоятельствам.

– Я смотрю, к вам и артисты заглядывают, – сказал он.

– Всех принимаем, – ответил Виктор.

– Чего его занесло?

– Жалуется на порядки в театре, – сказал я.

– На то он и драматический. Но там надо не жаловаться, а громить. Я принес материальчик о водниках, но уж если зашел разговор о театре, есть чем поживиться. Театр имени Карла Маркса готовится к юбилею. Будет поставлена пьеса Л. Толстого «Анна Каренина». Одну из главных ролей будет исполнять сам хозяин театра Иван Артемович Слонов. На подготовку к юбилею ассигнирован миллион. Комиссия проверила эту подготовку и установила: до юбилея осталось несколько дней, а там работы месяца на два хватит. Кроме того, из этого миллиона хапнули куда-то не по назначению несколько тысяч...

– Откуда ты узнал об этом? – спросил я.

– А в нашем доме плотник живет, который декорации в театре мастерит.

– Документально обосновано?

– Я просил у председателя акт комиссии, но он сказал: «У меня было два экземпляра акта. Один я отправил по назначению. А с тем, что у меня остался, можешь работать только в моем присутствии». Я побегу, а вы решайте...

Дней через пять мы с Виктором уже читали его статью. Она была размером на подвал. Обстоятельная. Осторожная, не кричащая, но написана так, что впору было кричать от приведенных в ней фактов.

– Будем печатать? – спросил я.

Виктор засомневался.

– Смотри, дело твое.

– Искажена действительность?

– Этого я не сказал бы. Наоборот, автор явно сглаживает кое-где острые углы. Но мы имеем дело с творческими людьми, а они уж очень болезненно воспринимают критику в свой адрес.

– Здесь говорится вообще, а не в частности.

– Значит, в адрес Слонова, хозяина, как назвал его артист.

– Не вижу, что мы посягаем на его артистический талант. Говорится больше о хозяйственных работах. Не доделано, не подкрашено.

– Как будто это не касается хозяина. А он – заслуженный артист республики.

– Ну, если смотреть с этой точки зрения, вообще о нем писать нельзя.

– Верно. Но не мы с тобой определили предел: обходи крупную, а стреляй только по мелкой дичи.

– А может, все же стрельнем?

– Я уже сказал – дело твое...

– А почему только мое?

Он подумал.

– Ладно. Стрельнем так стрельнем. Не одному тебе отвечать.

– Не думаю, что дело дойдет до ответственности. Она могла бы появиться после того, если бы мы, зная, промолчали.

– Пусть будет по-твоему...

Сомнения исчезли только после того, как статья появилась в газете и читатели доброжелательно приняли ее.

– А ты боялся, – сказал я Виктору. – Вот что пишет один товарищ: «Правильно раскритиковали. Но надо было потребовать, чтобы строили новый театр, а не гнилушки под лаком прятали».

Голос мой приглушил резкий телефонный звонок, и грубый окрик прижал меня к стулу:

– Вы что там, с ума посходили? Обком и Облисполком возбудили ходатайство перед Правительством о присвоении Слонову звания народного артиста республики, а вы ему напакостили?..

Мне почему-то потребовалось перенести настольный календарь с одного места на другое и посмотреть на Виктора.

– Слыхал?

– Предчувствовал, что услышу, – спокойно ответил тот.

– Что будем делать?

– Переходить от наступления к обороне.

– Есть запасные позиции?

– Будем искать.

– Где?

– У тех, кого обидели...

Через три дня он положил на мой стол макет. На всем развороте газеты И.А. Слонов был представлен в фотографиях при исполнении многих ролей. Здесь же было поздравление от имени коллектива редакции в связи с присвоением ему звания Народного артиста республики. И в тот день, когда торжественно отмечался его юбилей, все это было преподнесено ему нашей делегацией.

Иван Артемович позвонил мне. Благодарность его была короткой, но волнующей:

– Тысячу и тысячу раз спасибо вам, дорогие вы мои комсомолята!..

После этого начальство не тревожило нас, и мы успокоились, но ненадолго. Однажды утром, когда мы с Виктором планировали очередной номер газеты, в кабинет вошел молодой человек, назвал свою фамилию и очень спокойно, даже с улыбкой сказал:

– В вашей газете было напечатано о том, будто я враг народа. И ничего такого не было.

– Вас арестовывали? – спросил я.

– Было. Арестовали.

– За что?

– За какую-то агитацию.

– А как вы агитировали?

– И ничего я не агитировал, а только сказал: уж больно много у нас врагов народа появилось. Даже кошки.

– Причем тут... кошки?

– С этого и началось. Кот у нас есть. Баловник. Оставила мать сливки на столе, а он вылизал их. Мать ударила его скалкой и крикнула: «Ах ты, враг народа!» Вспомнил я об этом и говорю ребятам: у нас враги народа не только люди, но и кошки. А кто-то из них и донес на меня. А ведь я только...

– Понятно, – остановил я его. – И посадили тебя?

– Посадили. Неделю сидел. А потом выпустили и сказали, чтобы я не болтал.

Я посмотрел на Виктора.

– Значит, врал тот, кто писал, и подтвердили в районном НКВД, – сказал тот.

– Мы разберемся, – сказал я молодому человеку.

– Разберитесь. А то даже Варька сказала: «Не подходи больше ко мне, вражье отродье»...

Я позвонил в НКВД. Знакомый капитан сказал мне:

– Один Бог без греха. Мог и районный начальник ошибиться! Но ведь отпустил? Такое для профилактики не так уж плохо...

Я бросил трубку и сказал Виктору:

– Наука нам на будущее. Они не извинятся перед человеком, будем извиняться мы...

***

Звонок из обкома партии.

– Зайдите в отдел печати.

«Определенно вспомнили историю с артистом Слоновым», – подумалось мне. Но я ошибался.

Заведующий отделом печати, фамилию не помню, большеголовый полный мужчина лет сорока пяти окинул меня изучающим взглядом и коротко бросил:

– Садись. Видишь, сколько у меня скопилось подшивок районных газет? Референт требуется. Как ты на это дело смотришь?

Я ответил:

– Смотрю и вижу себя членом Фрунзенского райкома комсомола, членом горкома комсомола, членом обкома комсомола. И еще небольшая нагрузка – редактор областной газеты.

Он подумал, посмотрел на меня и вдруг спросил:

– Не помнишь, какого числа поздно вечером ты заходил в ресторан гостиницы «Астория»?

– Хорошо помню. В тот день у нас было заседание бюро обкома комсомола. Закончилось оно поздно, а я утром только стакан чая выпил. А в два часа ночи должен был подписать газету. Поэтому и решил забежать в ресторан.

– Знакомых там встретил?

– Видел наших писателей.

– Много их там было?

– Человек пять или шесть...

Он заглянул в блокнот.

– Хорошо подвыпили?

– Этого я не знаю. Мне было не до них.

Он снова заглянул в блокнот, но на этот раз что-то отметил красным карандашом.

– Значит, случайно забежал в ресторан.

– Есть захотел.

– И присел к писателям?

Это уже было что-то похожее на допрос.

– Нет, – ответил я. – За другим столом поел и побежал в редакцию.

– Возможно, так оно и было...

– А что случилось?

– Случилось. Стрельбу из пистолетов открыли.

– Прямо в ресторане?

– Представь себе.

– При этом я уже не присутствовал.

И снова загадочное:

– Может быть... как говорят, не смею задерживать...

«Вот это номер! – думал я, выходя из обкома. – Гуляют, стреляют... но черт с ними!» Меня одно беспокоило: почему он с таким подозрением меня выспрашивал?..

Через несколько дней, когда я поздним вечером читал оттиски газетных полос, в кабинет вошел Виктор. Весь его вид говорил о том, что он был подвыпивши.

– Тоже из ресторана? – невольно вырвалось у меня.

Он крутнул кудлатой головой.

– Не до ресторанов. У приятеля был.

– И шел бы от приятеля домой.

– Домой не могу. И знаешь, почему?

– Не знаю.

Он помедлил.

– Не хочешь говорить?

– Завтра поговорим.

– А я хочу сейчас. В прошлый раз мы не договорили... И для тебя будет важно.

Я встал и прикрыл дверь.

– Говори, только без эмоций.

Он поправил галстук, посмотрел на меня каким-то измученным взглядом и сказал:

– Какая-то сволочь в нашем коллективе продолжает воду мутить.

Я вспомнил дело с фотографией Дубинина, и все же будто бы?

Он сердито посмотрел на меня.

– Не «будто», а уже выясняют.

– Что выясняют?

– Ты знаешь мою жену?

– Предположим.

– Машинистку?

Он назвал имя.

– Знаю. И что же?

Якобы с этой машинисткой я изменяю своей жене. И уже наговорили.

– Кому наговорили?

– В обкоме комсомола. «Я часто встречаюсь с этой машинисткой». Как же мне не встречаться с ней, когда я дежурю? Ты вон чертишь полосы, их надо перепечатать. Поэтому и бежишь к ней. Да не тебе говорить об этом...

– С тобой уже говорили в обкоме?

– Говорили.

– Кто?

– Просил не называть его фамилии.

– Странно. Кому-то поручали...

– Ничего странного. Он мне и о тебе говорил.

– А что он мог говорить обо мне?

– Хотели освободить тебя за статью о Слонове. А потом решили подождать. Ты слышал, как наши хлопцы стреляли из пистолетов в ресторане?

– Говорят, было такое...

– А мне другое сказали. Был ты с ними, но они на тебя не показали.

– Это... вранье!

– Как хочешь. Не могу утверждать, а предупредить считаю нужным. У нас ведь как? Однажды проштрафился на чем-то, соберут все, чего ты давно забыл...

– Это верно... Так как же с твоей женой?

– Вот это и тревожит меня. Сказали мне сегодня утром: «Уехала к родителям в Москву».

– Вернется, – обнадежил я его.

– Хорошо бы так...

– Иди, спи. Утро вечера мудренее.

Он ушел, а я не мог успокоиться. Значит, в отделе печати обкома не поверили мне? Как же доказать? Из-за меня личную ставку не будут делать. Пойти к Рубцову? Можно подвести человека, который рассказал обо всем Виктору. Продумать надо, а уж потом. И с Виктором. Чего-то крутит мужик. Не поймешь...

На следующий день я пошел в бибколлектор, где работала его жена. Там сказали мне:

– Взяла отпуск без содержания, поехала к родителям в Москву.

– А когда вернется?..

Было так сказано, что можно было подумать: к прошлому возврата больше нет. А это значило: или скандал, или неприятность...

Таким было начало 1938 года.

***

– Разговор о том, что Кассиль погиб при попытке к бегству, оказался обыкновенной болтовней, – сказал Виктор. – Его и Мухину осудили и отправили куда-то.

– У тебя достоверные данные?

– Подтвердить не могу.

– Тебе надо иметь своего человека в НКВД. Вот тогда бы ты не говорил «не могу».

– Не так это просто... Что у нас на повестке дня?

– У меня вот что. Поступило в редакцию письмо от слесаря завода комбайнов. Он жалуется на то, что его неправильно исключили из комсомола. Ну, и как это бывает, обвиняет в этом всех членов комитета комсомола. Требует прислать авторитетного товарища. Подойду я на такую роль?

– Спроси себя.

– Спросил. Ехать придется. Это у меня. А у тебя вот что. Вадим Земной приглашает. Дворец труда, комната №15. В 7 часов вечера собрание областного отдела писателей. Задачи на второе полугодие 38 года. Работа Облгиза по выпуску художественной литературы. Выборы заместителя уполномоченного ССП. Твоя явка обязательна. Набросай несколько строк о том, что там решат. А я поехал...

Идущий по улице Чапаева трамвай остановился около главного Почтамта.

– Проезд запрещен! – объявил водитель. – Что-то на Крытом рынке случилось.

Выйдя из вагона, я пошел в сторону Крытого рынка. Людей по пути к нему становилось все больше и больше. Явственно доносились шум и крики. Вскоре я увидел около цирка машины «Скорой помощи», к которым подносили на носилках людей.

С большим трудом я пробился через толпу к дверям рынка, дежуривший около них милиционер сказал:

– Пускать не велено.

Я показал ему редакционное удостоверение. Осмотрев его, он махнул рукой.

– Идите.

Первое, что бросилось мне в глаза, вмонтированная в стену, примерно на десятиметровой высоте, дорожка, обнесенная металлическими перилами, на которых висело в разных позах несколько человеческих трупов. Они были подняты страшным взрывом[25], от которого образовалось большое отверстие в крыше, а на полу обширная воронка. В разрыхленной земле тоже полузаваленные трупы.

На краю воронки, как застывшие изваяния, стояли три человека – представители НКВД. Я обратился с вопросом к старшему по званию.

– Сами не видите, что здесь случилось? – грубо ответил он. – Враги народа не унимаются. Истопники решили вредить. Больше ничего я не могу вам сказать до конца следствия. И вам пока не рекомендую вмешиваться в это дело. Осторожно! – крикнул он подошедшим людям с лопатами. – Начинайте!..

Мне ничего не оставалось делать, как только выйти в боковую дверь на прилегающую к рынку площадь, которая в то время служила пристанищем частных торговцев продуктами и разным барахлом – поношенной одеждой, вещами домашнего обихода. Видимо, ввиду случившегося, площадь была пуста. Только около покосившегося заборчика, под чахлым деревцем стояли несколько человек, в окружении которых сидел пожилой мужчина в темном халате. На узком лице его было такое выражение, будто ему предстояло предстать перед Страшным судом.

Я отрекомендовался и спросил:

– Может быть, кто-нибудь из вас скажет мне, что случилось? Говорят, враги народа подложили такую мину.

Стоило только мне произнести «враги народа», как сидевший человек резко поднял голову и произнес:

– Кто это наговорил вам такую чертовщину?

Стоявший около него интеллигентного вида старичок сказал, кивнув на сидевшего:

– Он истопник, ему лучше знать, что случилось. А мне известно только вот что. Утром в ларек, что около фонтана, завезли каспийскую сельдь. Собралась громадная очередь за ней. В этот момент и ахнуло. Но от этого погибло людей меньше, чем когда они с испугу бросились бежать из рынка. Давили друг друга. А сколько подавили, одному только Богу известно. И газетка ваша об этом не скажет. У нас такое не афишируется. А теперь, истопник, ты говори.

Истопник покачал головой.

– Вот как, враги народа. Это мы-то? В другом месте их надо искать. Сколько раз наше начальство обращалось в горсовет? Замените котлы, беды не миновать. И хоть бы что... Враги народа...

– Может тот, кто говорит так, имеет в виду не вас, а городской Совет? – спросил я.

Он махнул рукой.

– Будет вам. У начальства всетда стрелочник виноват. А я уже знаю, кто говорил...

В дверях появился один из представителей НКВД. Кто-то крикнул:

– Расходитесь, мужики!..

Когда лейтенант подошел, мы остались вдвоем с истопником.

– Пойдемте со мной, – сказал он истопнику. И, обращаясь ко мне, спросил:

– А вы чего здесь?

У меня было желание послать его к чертовой матери, но я ответил:

– Трамвай ждал, но вы раньше его появились.

От такой неожиданности он даже пригнулся, собрался что-то сказать, но я медленно повернулся и зашагал к трамвайной остановке.

О выступлении в газете по этому случаю нечего было и думать, только наши ребята узнали о том, что истопник был прав.

После этого случая наступила относительно мирная жизнь: никто не тревожил. Но это было затишьем перед бурей. В «Комсомольской правде» появилась статья, автор которой писал о «некоторых беспорядках» в нашей редакции. Осуждался тот факт, что газета бездоказательно назвала комсомольца врагом народа. Говорилось о том, что некоторые сотрудники нарушают комсомольскую этику и так далее. Мне предлагалось навести порядок.

– Что будем делать? – спросил я Виктора. – За комсомольца отвечать придется.

– Послать надо эту газету в НКВД. И сказать им...

– Что мы должны были иметь свою голову на плечах?

– Но я же звонил...

– Надо было не только звонить.

Сказал я ему так, имея ввиду тот факт, что говоря о нарушении этики комсомольцами, автор статьи определенно намекал на него. Знал кто-то из наших, что его уже вызывали в обком объясняться за измену своей жене. Могла и она сказать ему об этом.

Подумал я и о себе. Если верить Виктору, сказал же он мне, что меня собирались освободить за статью о Слонове. Заведующий отделом печати обкома определенно уверен в том, что я пил в ресторане вместе с писателями, устроившими стрельбу в ресторане. Могут не поверить и тому, что мы только после консультации с НКВД назвали комсомольца врагом народа. И последний случай с аварией в Крытом рынке. Лейтенант, конечно, доложил своему начальнику, который предупредил меня не вмешиваться в это дело, о том, что я беседовал с истопником. И тот не простит мне такого неповиновения. В общем, было о чем подумать. А Виктор правильно говорил: оступись один раз, припомнят все, что когда-то было...

Пусть припоминают. Я знаю одно: ни в чем я не виноват. И от того, что ни в чем я не виноват, мне даже весело стало. И если я даже не докажу этого, душа не будет болеть...

Позвонил в обком. Ответили:

– Да, читали. Ничего не предпринимайте до выхода из отпуска Рубцова.

Ждать да догонять – паршивое дело. Но уж если так случилось....

Но пришлось волноваться не только за себя, а и за других. Из обкома прислали стенографический отчет, в котором говорилось о преступной деятельности секретаря ЦК комсомола А.В. Косарева. Суд чинили над ним руководители партии. Было их человек пять. Но запомнились мне двое: Сталин и Андреев. Не буду полностью приводить высказываний Сталина, но итог их был таким:

– Под руководством Косырева спаивали комсомольцев и молодежь. Вот таким методом и действовали враги народа.

Вот так Сталин охарактеризовал нашего комсомольского вожака. Кто мог поверить ему? И тем не менее находились люди, которые с пеной у рта старались доказать, что Сталин не знал о творящихся беззакониях на местах. А попробовали бы без его ведома убрать тысячи военных, партийных и хозяйственных руководителей. Были такие случаи, но опять же в надежде на то, что Сталин такое не осудит... А погибший по его велению Александр Васильевич Косырев до сих пор стоит перед моми глазами таким же грустным, каким я видел его при утверждении меня редактором комсомольской газеты...

Я ждал и наконец, дождался. Пригласил меня секретарь обкома Рубцов и предложил:

– Освободи своего заместителя Тимохина.

Все было ясно, и все же я спросил:

– Почему?

– Для него лучше будет. И больше я тебе ничего не скажу... Я понял его: он спасал талантливого человека от скандала. А Виктор сказал мне:

– Передай ему мою благодарность.

– Что собираешься делать?

– Стихи писать.

– Свободному художнику легче жить?

– Не в этом дело. Свободный труд никого еще не угнетал.

– Желаю успеха. Пиши заявление «по собственному желанию».

– Есть такое желание.

Так мы и расстались. Встретились только через несколько лет...

Область готовилась к уборке урожая. Обком комсомола выступил через газету с призывом к городской молодежи отправиться на помощь колхозникам. От наших внештатных корреспондентов из сел стали поступать материалы на эту же тему, я решил узнать, какое внимание уделяет этому вопросу горком комсомола – поставил ли он такую задачу перед первичными комсомольскими организациями? Уварова я не застал, уехал на какой-то завод, и никто из работников горкома ничего не мог сказать мне.

– Да, читали обращение обкома комсомола, но вы уж с Уваровым поговорите.

Вернулся я в редакцию несолоно хлебавши и застал в своем кабинете какую-то сидящую за столом странную личность с взлохмаченной шевелюрой, морщинистым лицом и острым подбородком. Одета была личность в серый, будто с чужих плеч костюм с потертыми рукавами. Подняв большую голову, он посмотрел на меня подслеповатыми глазами и спросил:

– С кем имею честь?

Я отрекомендовался.

Он собрал бумаги, пересел на другую сторону стола и сказал:

– Будем знакомы. Я представитель ЦК комсомола. Прибыл по поводу статьи о вашей редакции. Статья было помещена в одном из номеров «Комсомольской правды».

– И решили начать проверку, не встретившись со мной? – спросил я.

Уклонившись от ответа, он продолжал:

– Я уже беседовал с секретарем обкома комсомола и с вашими сотрудниками. И у меня к вам единственный вопрос: все ли ваши сотрудники соответствуют своему назначению?

– Все соответствуют, – ответил я.

– Не уходил ли кто из редакции?

– Двое ушли. Заведующий отделом Недоступов, которого взяли на работу в НКВД против его желания. И мой заместитель поэт Тимохин.

– Почему?

– Работа газетчика не привлекла его.

– А так ли?

– Спросите его.

Он пожал плечами, собрал свои бумаги, сунул их в карман, вышел и не вернулся...

Через несколько дней состоялось заседание бюро обкома комсомола. Я не удивился тому, что произошло. Предчувствовал: когда-то оно должно было произойти. И хорошо, что без обсуждения: мог наговорить такое, что и сам был бы не рад.

После разбора двух вопросов повестки дня, Рубцов объявил:

– Предлагается освободить редактора газеты «Молодой сталинец» товарища Кирюхина, как не обеспечившего большевистского руководства.

Не удивились и члены бюро: были подготовлены. Не думаю, что Рубцов раскрыл перед ними все карты: этим он мог унизить себя. Вполне возможно, что он убедил членов бюро: в наше время нет возможности шум подымать. Последнее мне показалось более вероятным.

После минутного молчания он сказал:

– Через пару дней зайдешь ко мне.

И когда я зашел к нему, он сказал:

– Знаю, обижен. Но не будем об этом. Пойдешь к председателю Облрадиокомитета Исаеву, будешь редактором. Я договорился с ним.

– Редактором? – удивился я. – Я уже был...

– Знаю. Но там тебе будет спокойней...

***

Да, на новом месте было спокойней. Но чтобы добиться этого покоя, требовались время и действия, забыть, что возмущало и тревожило. Работа с детьми или, как говорят, с подрастающим поколением, не была для меня новость. Когда-то, будучи в своем селе, носил красный галстук – был пионервожатым. Был литературным консультантом областной пионерской газеты, где приходилось встречаться с будущими поэтами и писателями из городских школ.

Чтобы создать надежную базу для предстоящей работы, я обошел десятка два начальных и средних школ, вел в них разговор с заведующими, завучами, пионервожатыми о присылке корреспонденций в редакцию детского радиовещания. Блокнот мой был заполнен номерами телефонов и фамилиями. Все было нормально, все шло своим чередом. Но не прошло и года, как все было нарушено.

Супруга моя, учившаяся на последнем курсе медицинского института, «обрадовала» меня.

– Идет распределение заканчивающих институт, – сказала она. – В какое село поедем на пять лет?

Подо мной будто бомба взорвалась. Но так как я остался жив, пришлось выбирать. Остановились на Алексеевке Базарно-Карабулакского района. Большое, красивое село. И привлекало оно меня еще тем, что расположено оно было всего лишь в шести километрах от села, в котором жила моя мать, и в трех километрах от райцентра. Там редакция районной газеты «Колхозная правда».

С работниками редакции я познакомился, когда приезжал в отпуск. А до ухода в армию работал в Карабулаке.

И все же ехать не хотелось. Когда работал редактором газеты, не было возможности учиться, здесь же я имел возможность поступить в институт на вечерний факультет. Но, видимо, такая уж судьба остаться недоучкой...

Ходатайство Облрадиокомитета оставить мою жену в Саратове не увенчалось успехом, и пришлось мне писать заявление об уходе с работы «по собственному желанию».

За два дня до отъезда я решил встретиться с теми, кого хорошо знал. В обкоме комсомола сказали мне, что Рубцов уехал в Вольск. В горкоме комсомола тоже не обрадовали: Уваров заболел. Не застал и Виктора дома. И остались они у меня в памяти только как хорошие люди и замечательные товарищи.

Зашел в Союз писателей. Застал там Михаила Котова[26]. Мы хорошо знали друг друга. Он работал в издательстве. Писал критические стихи. После войны до конца жизни был заместителем редактора журнала «Волга». Пожалел он о моем отъезде. Просил не терять с ним связь. Вспомнил о том, как я рассказал ему о своем замысле написать одну вещь, и написал письмо секретарю Базарно-Карабулакского райкома партии с просьбой оказать мне помощь в получении необходимого материала.

От него я зашел в издательство, но так как рабочее время закончилось, никого я там не застал. Домой я шел мимо оперного тетра имени Н.Г. Чернышевского. На афише – «Пиковая дама». Слушать оперу желания не было, но оно появилось – посмотреть в последний раз на внутренее убранство театра и зайти в буфет, чтобы чего-нибудь прихватить на ужин. Но стоило только мне войти в фойе, как кто-то позвал меня. Я обернулся и застыл: в мою сторону медленно шествовала разодетая в пух и прах пара: Вадим Земной с подругой. На нем был с иголочки темно-синий костюм и желтые туфли. На ней – шуршащее темное шелковое декольтированное платье почти до пят. На груди жемчужное ожерелье, на пальцах кольца и на голове коричневая шляпка, с перышком на боку.

Посмотрел я на него и вспомнил А.С. Пушкина: «Как денди лондонский одет».

При взгляде на нее всплыли в памяти незабвенные строчки А. Блока: «И веют древними поверьями Ее упругие шелка, И шляпа с траурными перьями, И в кольцах узкая рука».

И тут же как-то мучительно и особенно ярко вспомнилась еще одна пара, но уже не услаждающая себя музыкой и пением, а борящаяся за свою жизнь в лагерях далекой Колымы. Фамилии их: Кассиль и Мухина. Я уже отвернулся, чтобы уйти, но Земной остановил меня.

– Решили поразвлечься?

Я объяснил ему свой приход.

– Печально, – произнес он. – Уход в деревню для литератора – самоубийство.

– Можно задать вам вопрос? – спросил я.

– Конечно!

– Вы кого больше осуждаете, самоубийц или тех, кто убивает?

Знакомый мне багрянец появился на его лице, но он заставил себя усмехнуться и даже фамильярно похлопал меня по плечу.

– У меня нет времени разгадывать кроссворды, работой занят. На будущий, сороковой год выходит книга моих стихов, которую я назвал «Кумач и звезда»[27]. Оставьте адресок, вышлю.

– Пойдемте, Вадим, – томно произнесла его спутница.

– Извините, мне тоже надо работать, – сказал я и пошел в буфет. Это была последняя моя встреча с Земным...

<…>

Бывает так, что если человеку не повезет, за одной неприятностью может последовать и другая. Оказывается, если сверху дается команда, внизу выполнять ее не обязательно. Когда мы прибыли в Базарный Карабулак, заведующая райздравотделом Катерина Максимовна Волкова сказала моей жене:

– Вы извините, но ваше место в Алексеевке занято.

– Как же быть?

– Очень просто. Поедете в село Старые Бурасы и будете заведовать там медицинским участком.

Для нее это было «очень просто», а для меня? От райцентра до Старых Бурас[28] тридцать километров, прощай, моя мечта ходить из Алексеевки на работу в редакцию. Ехать с жалобой в Облздравотдел? А там куда пошлют? Теперь уж что будет...

Но в Старых Бурасах долго жить мне не пришлось. Прибыли мы туда в конце ноября 39-го года, а в июне 41-го началась война. За этот период времени я преподавал на курсах трактористов, работал заместителем директора МТС по расчетам с колхозами, знакомился с постановкой работы в МТС, что пригодилось мне в будущем.

Директора МТС И. Иванова срочно вызвало областное начальство для разбора какого-то конфликта, в это время и началась война. О войне много и хорошо написано, поэтому я остановлюсь лишь на некоторых деталях, связанных с ней.

В то время была в моде песенка, в которой утверждалось: «готовы к бою с армией любою». Вот об этой готовности я и хочу сказать.

Примерно через час после выступления В.М. Молотова о вторжении фашистской Германии в нашу страну позвонили из райисполкома:

– Немедленно отправляйте на сборный пункт трактора согласно мобплану.

Я вызвал механика.

– Вы слышали, о чем говорил В.М. Молотов по радио?

– Слыхал, – промямлил он.

– Чего это вы таким голосом? – спросил я. – Приказано немедленно гнать трактора на сборный пункт.

– Понимаю.

– Сколько и каких тракторов?

– Не знаю...

– Где мобплан? Видели вы его?

– Видал. Он у директора в сейфе. Пошло только: в первую очередь надо гнать «ЧТЗ»[29] и СТЗ «НАТИ»[30]. Гусеничные… Да только сразу гнать не получится.

– Почему?

– Там, по этому плану, надо провести технический осмотр. Определенно придется заменять некоторые детали.

– Осматривайте и заменяйте.

– Осматривайте и заменяйте... А чем? Запасные части, которые по плану должны храниться, израсходованы.

– Но это же... преступление.

– Верно.

– Что верно?

– Преступление. И не расходовать не могли.

– Почему?

– Не посеем, не уберем, судить будут, как врагов народа.

– Собирайте ремонтников, будем в колхозы звонить...

Прибежал председатель сельского Совета.

– Слыхали?

– Не глухие, – ответил я. – Найдите председателя колхоза, скажите, чтобы трактористов собрал.

– Председателя я найду, а трактористов... Вчера банный день был, а сегодня они уже под этим делом... – Он щелкнул по подбородку. – А некоторые в райцентр на базар уехали…

Появилась запыхавшаяся женщина.

– Председатель Совета здесь?

– Здесь, – ответил тот. – Чего тебе надо?

– Из военкомата звонили. Велели найти тебя живым или мертвым...

– Мобилизация! – крикнул председатель и, схватившись за голову, убежал.

Я позвонил председателю райисполкома, доложил обстановку,

– Делайте сегодня все, что сумеете сделать, а завтра утром будьте у меня, – ответил он.

Я стал звонить в колхозы, но только три председателя оказались в правлениях, да и те ничего определенного не могли мне сказать.

– «ЧТЗ» у меня третий месяц стоит на приколе: нет запасных частей, – сказал один из них.

– Знаю, – ответил другой. – Два СТЗ «НАТИ» должен отправить. Но один из них разобрали на технический уход. К уборке готовимся. А второй отправил на нефтебазу за горючим. Вернется только завтра.

– Понимаю, – ответил третий. – Машины должны гнать те, кто вместе с ними на фронт пойдет. А их, трактористов, забронировали в МТС...

Короче говоря, в первый день войны ничего не было сделано, только передали в колхозы телефонограммы: готовьте к отправке на сборный пункт людей и технику.

На следующий день я прибыл в райисполком. Там был создан штаб, который координировал все вопросы мобилизации. В кабинете у председателя сидели представители райздравотдела, милиции, НКВД, сельхозснаба и др. У всех у них были мрачные, вытянутые лица.

Когда я доложил о сложившейся обстановке в колхозах, обслуживаемых МТС, выступил представитель НКВД.

– Я же предупреждал, если мы немедленно не привлечем кого-то к уголовной ответственности, дело с места не сдвинется. То, что мы уже слышали, услышали еще раз. Это не что иное, как вредительство, происки врагов народа...

– Если мои заявки Облсельхозснаб обеспечивает на 40 процентов, там тоже враги народа? – спросил представитель сельхозснаба.

– А как ты думал?

– Не будем спорить, – остановил их председатель и сказал мне: – Идите на сборный пункт. Знаете, где он?

– Мне сказали.

– Обратитесь к инженеру Сорокину. Он скажет, что надо делать…

На сборном пункте уже стояли десятки машин, пригнанных из колхозов. Стояли в ожидании чего-то…

Выслушав меня, Сорокин не удивился.

– Гоните машины такими, какие они есть, если не сумеете сами довести их до кондиции. Все равно мы будем все их проверять. А проверка уже показала: из двадцати осмотренных машин только три можно на фронт отправлять.

– И как же теперь?

– Как хочешь. Будем осматривать каждую машину, составлять выбраковочные акты, отправлять по ним заявки на запасные части в сельхозснаб...

– И у них нет.

– Будут отправлять наши заявки в Облсельхозснаб. И мы будем ждать, как там развернутся.

– А немцы идут…

– Хорошо идут!

Подошел тракторист.

– Как же с машинами, товарищ инженер?

– Разбирайте. Я не буду отправлять в армию котов в мешке. С военным трибуналом шутки плохи...

Прибыл директор МТС. Два месяца потребовалось для того, чтобы доложить начальству: согласно мобплану все наши машины отправлены на фронт...

Через несколько дней после отправки машин я получил повестку из райвоенкомата. Действительную службу я проходил в морской авиации, а был направлен в саперный батальон, который формировался в одном из сел Куйбышевской области. Из кого формировался этот батальон? Здесь были шофера, бухгалтера, слесаря, учителя, художники, артисты, прошедшие службу в армии артиллеристы, танкисты, летчики, кавалеристы, а саперов раз-два и обчелся. Так как формирование проходило в ноябре, командные должности занимали уже вернушиеся из госпиталей в основном лейтенанты, но и они только в школах изучали саперное дело. Да и сам командир батальона был строителем, а не сапером.

Тяжеловато ему было и не только потому, что в батальоне почти не было саперов. От ноября до зимних холодов один шаг, а люди прибывали кто в чем мог: на месте обмундируют. На то она и армия. А в военном округе сказали ему:

– Нет обмундирования. Получите его, когда отправитесь на фронт. А пока получите топоры и пилы: будете лес валить для строительства оборонной линии.

– В чем же мы будем его валить? В чем мать родила?

– Обратитесь к народу. Он любит свою армию – оденет и обует.

Обратились. Собрали поношеную кожаную обувь и валенки. В мастерской отремонтировали их. Валили лес, научились на оборонной линии строить огневые точки, рыть траншеи и оборудовать блиндажи. И только в апреле месяце 43-го года саперный батальон 1327 прибыл на Волховский фронт.

Вот так мы готовы были к бою с армией любою...

Однако победили. Но чего стоила эта победа, до сих пор только одному богу известно.

Батальон наш принимал участие в прорыве блокады Ленинграда, но уже под другим названием. Назывался он 81-м инженерно-минным батальоном РГК (резерв Главного командования). К тому, что мы делали, прибавилось еще минирование и разминирование полей. Ну и как резерв, бросали нас, куда только потребуется начальству.

В то время я был секретарем партбюро батальона. Когда после прорыва блокады Ленинграда нас вывели на доформирование (в боях была потеряна одна треть личного состава), начался прием в партию отличившихся бойцов и командиров. На первом собрании было принято в партию семь человек. В политотделе бригады сказали мне:

– Принятых в партию будете фотографировать в политотделе 59-й армии. Потом фотографии принесете нам, и мы приклеим их к партбилетам.

Штаб 59-й армии был расположен в сосновом лесу. Когда мы вошли в него, мне показалось странным, что нас никто не встретил, не потребовал документы. На мой вопрос, как пройти в политотдел, ответил куда-то спешивший молодой лейтенант.

– Мы пришли, чтобы сфотографировать принятых в партию, – сказал я ему. – Как нам пройти в политотдел?

– А зачем вам идти в политотдел? – спросил он. – Вон за теми тремя соснами деревянное строеньице. Там вас и сфотографируют.

Открыв дверь «деревянного строеньица», я невольно отступил на один шаг: передо мной стоял бывший фотограф газеты «Молодой сталинец» – Лев Прозоровский. Чтобы как-то затушевать вновь вспыхнувшую неприязнь к нему, я с наигранной искренностью воскликнул:

– Вот уж не ожидал! Принимай гостей...

Он растерянно заулыбался и промямлил:

– А я иногда вспоминал о вас… Бывает же такое... Проходите, товарищ старший лейтенант... Я сейчас... – С каждой фразой речь его становилась все более нормальной, но такой поспешной, будто он боялся, что я перерву его и напомню ему о прошлом. – Вы выбрали очень удачный момент. К нам прибыла известная журналистка Татьяна Тэсс[31]. Хотите, я познакомлю вас с ней?

Я посмотрел на часы.

– Есть такое желание, но… Нам надо засветло явиться в часть. Я привел ребят, принятых в партию. Требуются их фотографии для партбилетов. Надо мне в политотдел идти?

Он махнул рукой.

– Давайте их сюда...

Передавая фотографии, он протянул мне руку, но я постарался не заметить ее, рассыпавшись в благодарностях за хорошее и быстрое исполнение моего заказа...

При встрече друзей после долгой разлуки да еще в боевой обстановке возникает чувство радости, но в данном случае я только постарался скрыть свою брезгливость к человеку, который так подло поступил со мной...

<...>

– Медицинская комиссия не пропустила вас, – сказал мне заведующий орготделом обкома Бондин. – Будете учиться в областной партийной школе на девятимесячных курсах. Начало занятий через три дня...

Обидно, но что поделаешь? Невропатолог будто знал, что разорвавшийся немецкий снаряд не только оглушил меня когда-то, но и заставил пролежать два месяца в армейском госпитале. Вспомнил я и Шацкого. Придется встретиться с ним раньше, чем он предполагал. И что он теперь скажет уже подобранной им кандидатуре на мое место? О последнем я подумал, чтобы только немножко развеселить себя...

За день до начала занятий я появился в школе, чтобы известить о своем прибытии, а потом пошел в столовую, которая была расположена на улице Чернышевского. В столовую пришел в обеденное время, когда все столы были заняты.

Повернулся, чтобы уйти, но кто-то окликнул меня. Окликнувшим оказался механик из Владыкинской МТС. Он показал мне на свободный стул. Разговорились.

– Что ты здесь делаешь? – спросил я его.

– Нас трое, – ответил он. – Здесь мы обедали, а вообще... побираться приехали.

– А конкретно?

Он смущенно усмехнулся.

– Если между нами...

– Конечно!

– С запасными частями плохо. А областной склад ломится от них. Свиную тушку привезли...

– Зачем?

– Не подмажешь, не поедешь. Подмазали кладовщика и три чемодана набили.

– Но ведь это…

– Воровство, скажете? Ничего подобного. От МТС заявку имеем.

– А тушку где взяли?

– Приехали из сел ребята на ремонт, сложились. И такую свинью у колхозника отхватили... – Он посмотрел на часы. – Поехали, ребята. Извините, товарищ секретарь...

Посмотрев им вслед, я вспомнил тракториста Василия, которому когда-то обещал написать правдивую пьесу о механизаторах. Ведь только что я услышал от механика, можно включить в нее. Покупают свиней, чтобы только достать запасные части. На работе мне было не до пьесы, а тут... К тому же, тут можно встретить друзей из Союза писателей. Могут помочь. Единственное, что может помешать, большая загруженность в учебе...

Но, словно по моему желанию, курсовая программа оказалась не такой уж обременительной. Какие дисциплины были в ней? «Основы марксизма-ленинизма», «Краткий курс истории СССР», «Экономическая и политическая география СССР и зарубежных государств», «Русский язык и литература», «Внешняя политика СССР и современное международное положение», «Колхозное строительство», «Промышленность», «Бюджетное дело», «Партийное строительство».

Названий много, но время на каждое из них было отпущено с гулькин нос. Многое из этой программы мне уже приходилось изучать. Мучили только конспекты, представление которых было обязательным. Преподавательский состав был подобран неплохо. Особенно по таким дисциплинам, как «Основы марксизма-ленинизма», «Краткая история СССР» и другие.

Но были и такие, которых так и хотелось спросить: где вас, братцы, выкопали?..

Приглашали лекторов из институтов. Мне запомнился один случай. Читал лекцию преподаватель из сельхозинститута о развитии животноводства в колхозах области. Уделил большое внимание племенному делу. При этом сказал, что у нас в России вообще не было бы племенного скота, если бы мы не получили его из Швейцарии.

Патриоты из нашей группы не только не согласились с ним, но и донесли на него дирекции школы. Больше он не появлялся.

Не знаю, прав он был или нет, но хорошо знаю, что Ртищевский район в вопросе племенного воспроизводства племенного скота далеко не ушел. Приведу такой факт. Нами было получено распоряжение областного начальства: немедленно начать искусственное осеменение коров. Мы попробовали возразить: для этого надо подготовить соответствующие помещения и хороших специалистов. Нам сказали: готовьте и то, и другое, но одновременно и осеменяйте.

Приказ есть приказ. Есть ж пословица: поспешишь, людей насмешишь. Так и получилось. Более половины коров в районе остались яловыми. Особенно отличились в Ивано-Куликовоком колхозе. Сперму они получили в Екатериновке, где был организован такой пункт. За спиртом послали двух парией в Балашов. Получили парни спирт и выпили его. Подготовили воду. Чтобы она пахла спиртным, смешали ее с самогонкой. Об этом мне «по секрету» сказала одна из доярок. Результат: из девяноста коров ни одна не отелилась.

Дирекцией школы был приглашен еще один специалист по коневодству. Он спросил нас:

– Что надо сделать, чтобы лошадь легко себя чувствовала при перевозке грузов?

Так как никто из нас не смог ответить на его вопрос, он покачал головой и пояснил:

– И всего-то только надо правильно сбрую пригнать, чтобы плечи не натерла лошадь…

За такое открытие мы от всей души поблагодарили его.

Стали нас по одному вытаскивать в военкомат, на переподготовку оформлять. Школьное начальство за голову схватилось: так могут всех курсантов-мужчин из школы забрать. Кто-то подсказал ему: на месте нас военному делу учить. Прислали нам отставного майора преклонных лет. Разобрал он на части пистолет «ТТ» и сказал:

– Подходите по одному и собирайте его.

И всем, кто собрал и не собрал, поставил отметку «хорошо».

Поехали за город на тактические занятия. День был ветреный и холодный. У майора от холода пальцы скрючились и нос покраснел. Собрал он нас в кружок и спрашивает:

– Как вы думаете, в скором времени будет война?

Мы стали ему доказывать, что после такой войны, которая только что закончилась, никто не посмеет к нам нос сунуть.

– Правильно рассуждаете, – резюмировал он. – Так что вы еще успеете научиться военному делу. Пошли домой...

Не было такой дисциплины в учебной программе, где не присутствовало бы имя Сталина.

Преподаватель «Основ марксизма-ленинизма» говорил:

– Сталин – великий последователь дела Ленина. Он развил его учение о построении коммунизма. Ленинизм – есть марксизм империалистических войн и пролетарских революций. Кто, кроме Сталина, мог дать такое определение ленинизму?..

Преподаватель русского языка и литературы:

– Гениальным учением о языке мы обязаны товарищу Сталину. Этим учением будут руководствоваться наши потомки.

Примерно так говорили и другие преподаватели. И горе тому, кто скажет, что это не так!.. Не будем осуждать преподавателей за такое идолопоклонство: им тоже надо жить. Мне, комсомольцу 20-х годов, тоже однажды пришлось воспользоваться именем Сталина в своих личных интересах. Правда, произошло это как-то независимо от меня. Я запнулся на экзамене на каком-то вопросе. Скандал! Может, пересдавать придется. И тут я увидел, как полуоткрылась дверь. Вошел директор школы Окулов. Его появление окончательно пришибло меня, и я, не помня, что делаю, ни к селу, ни к городу патетически воскликнул:

– На первом пленуме ЦК после XI съезда Генеральным секретарем ЦК партии был избран наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин!

Окулов одобрительно улыбнулся и сказал экзаменаторам:

– Если бы все так отвечали! Отпустите его, не мучьте.

Вот так помог мне Иосиф Виссарионович.

Все, что было оказано выше, не выдумка, а факты... Большинству студентов были предоставлены общежития. Я устроился в квартире тещи, которая временно выехала из Саратова. Это было очень удобно для меня. Убедившись в том, что у меня будет свободное от занятий время, я приступил к работе над пьесой. Не без сомнений. Писал стихи, рассказы, афоризмы, но пьесы… Для меня они были темным лесом. Читал, смотрел в кино и театре, а писать не решался. Пошел в букинистический магазин и на мое счастье обнаружил там небольшую книжечку, на обложке которой было: «А. Бородин. Работа над пьесой». Вот ее содержание вкратце.

«Драматург должен уметь выбирать свой материал».

«Пьеса должны изображать типичные явления».

«Если в пьесе действующие лица будут много разговаривать, но эти разговоры не будут приводить к конкретным решениям и конкретным поступкам, то эта пьеса будет не действенной, а только разговорной, а ее персонажи не «действующими» лицами, а лицами разговаривающими, лицами «бездействующими». И так далее.

Чтобы разобраться в этом и писать, не хватало дня. Начались бессонные ночи. Так продолжалось полгода. И вот однажды, когда в окно ко мне загляну-ло мартовское утро, я взял чистый лист и написал на нем: «Пьеса. «Глубокая вспашка». В основном пьеса была закончена.

Это была последняя бессонная ночь. Но спать мне не хотелось. Было един-ственное желание как можно скорее выбраться из душной, прокуренной комнаты на свежий воздух. Утро было прохладное. С неба падали редкие снежинки. Весна была уже не за горами. Она всегда была для меня лучшим праздником, а на этот раз после такой напряженной работы особенным праздником, когда труд мой может привести к желательным результатам. До конца учебы оставалось еще три месяца, а там экзамены, но ребята из нашей группы уже узнали, что после окончания курсов будет перестановка: могут послать в другой район. И даже с повышением. О повышении я не мечтал, перевод в другой район тоже не радовал. Была мечта остаться в Саратове. Только тут я могу договориться с театром о постановке моей пьесы. Надо заводить знакомство с режиссером и артистами. Они могут сде-лать какие-то замечания и помочь...

<...>

Забежал я домой, закусил, взял пьесу и отправился в Союз писателей. По-вернув с улицы Чапаева на проспект Кирова, я прошел метров пятьдесят и оста-новился. Напротив меня, почти вплотную к гаражу НКВД стоял газетный киоск, а вправо от него на скамье сидел человек, фигура которого мне показалась знакомой. Он сидел, низко склонив голову. Одет был в серый помятый костюм. Ворот рубашки его был расстегнут. Русые волосы свидетельствовали о том, что в это утро расческа не прикасалась к ним. Подумав о том, что человек этот не тот, за кого он был мною принят, я уже хотел уйти, но в это время киоскерша крикнула кому-то:

– Гражданин, возьмите сдачу!

Услышав ее голос, сидевший на скамье человек поднял голову, и теперь я уже не мог ошибиться: это был поэт Николай Корольков. Я не подошел, а подбежал к нему и тряхнул его за плечо. Удивленно посмотрев на меня, он спросил:

– Ты откуда?

– Был на том свете и вернулся, чтобы посмотреть на тебя, – ответил я. – Мрачновато ты выглядишь. Не потому ли, что устроился рядом с гаражом НКВД?

Как там у Пушкина: «Не удостаивая взглядом твердыню власти роковой», пристроился ты к ней задом...

Он посмотрел на обшарканную стену гаража и добавил:

– «Не плюй в колодец, милый мой». А ты продолжаешь сочинять? Как твои афоризмы?

– Забросил. Не до них.

– А экспромты?

– Только с твоего разрешения.

– Валяй.

– Слушай.

Рано утром я побрился,
Надушился, в путь пустился.
И увидел тут я снова
Николая Королькова.

Он глухо хохотнул и спросил:

– И все же, откуда ты?

Я коротко рассказал.

– И как там?

– Где?

– В селе.

– Если надо говорить о возможности творить, то лучшего места не найти. Тот же Пушкин был в восхищении от сельской болдинской осени, а ты здесь торчишь.

– Я всерьез.

– В таком случае, перебирайся ко мне.

– А жилье?

– Работу найду. Есть местечко в районной газете. А с жильем... Не могу обещать. Со временем.

– Я так и подумал.

И выражение лица его стало еще мрачнее.

Я не выдержал:

– Да что уж ты так? Хотя бы улыбнулся, что ли!

– Не могу.

– Болеешь?

– Как заядлые говорят, голова трещит. Похмелиться бы...

– Ничего нет проще. «Астория» в трех шагах от нас. Пошли?

– В таком виде? Ты вот что. В киоске одеколон есть.

– Зачем он тебе?

– Только его употребляю и не только от головной боли. Пойдем…

Я выбрал самую большую посудину с одеколоном.

– Не то, – сказал он. – Цветной. Тройной куда полезней.

Киоскерша подала флакон с тройным одеколоном.

– Можете душиться.

Он тряхнул головой.

– Душиться рано. Дайте еще пару яиц.

Киоскерша развела руками.

– Извините, яйцами не торгую.

Он хотел что-то сказать ей, но повернулся ко мне, сказал спасибо и побежал к Крытому рынку. Надо полагать, за яйцами...

Это была последняя наша встреча. Примерно через год, будучи в Саратове, я поинтересовался его судьбой. Поэт Озерный сказал мне:

– Корольков уехал в село. Устроился в редакции районной газеты. Говорят, пить перестал...

С таким же вопросом, как и Корольков, встретил меня в Союзе писателей Михаил Котов:

– Где ты пропадал?

Пришлось объясниться. Закончив, я положил на его стол мою пьесу. Отложив ее в сторону, он сказал:

– Мне помнится, я вручил тебе письмо на имя секретаря Базарно-Карабулакского райкома партии.

– Спасибо. Было такое письмо, но я не воспользовался им.

– Почему?

– Писал автобиографический роман. Ведь я сапожник.

– И что из того?

– Во время белоказачьего путча в Астрахани помогал тем, кто ликвидировал его: вместе с отцом шил сапоги им. Вот об этом и был написан мой роман.

– А где он?

– Рукопись в ящике стола, ее надо на машинке отпечатать. А для этого требуется время.

– Найди!

– Буду искать...

Он взял мою пьесу.

– Драматургом решил стать? Посмотрим. Итак, пьеса «Глубокая вспашка». Проверим, как ты глубоко пашешь...

Читал он минут пять, потом спросил:

– Ты куришь?

– Не переставал.

– Покури в коридоре. Позову.

Позвал через час.

– Ничего не могу сказать о языке героев. Подходяще. О сценичности помолчу. Тема нужная. Издательством и театром пока ничего не сказано о механизаторах. Поэтому можно надеяться. Единственное, что смущает меня, прямолинейность недостатков.

– Правду говорю.

– Понятно. Но дело в том, что правда не всегда всем нравится. Но это уже... Ладно. Ты когда уезжаешь?

– Завтра.

– Дам твою пьесу посмотреть Смирнову-Ульяновскому. Он драматург. Результат сообщу. Счастливого пути!..

<...>

В самый разгар уборки я получил извещение от Михаила Котова:

Уважаемый товарищ Кирохин Н. И.

15 августа сего года состоится отчетно-выборное собрание Саратовского отделения Союза писателей с участием литературного актива города и области. Но у нас, к великому сожалению, нет ни средств на оплату командировочных, ни возможности предложить Вам место в гостинице.

Если Вы можете приехать за свой счет и прожить день-два где-то у знакомых – мы были бы только благодарны Вам за участие в работе нашего собрания.

С приветом – отв. секретарь Саратовского отделения союза писателей М. Котов.

1953 г.

Прочитав это приглашение, Шацкий только пожал плечами. Это значило, как я понял: не до совещаний, надо хлеб убирать.

Так пришлось ответить и М. Котову.

В декабре того же года в Саратове состоялось областное совещание молодых писателей, в работе которого приняли участи не только саратовские писатели, но и прибывшие из Москвы писатели И. Падерин, М.Лисянский, Е. Леваковская[32], которые и руководили семинарами прозы и поэзии. На этом совещании обсуждалась и моя пьеса «Глубокая вспашка».

По итогам совещания в газете «Коммунист» в декабре 53 выступил критик Я. Явчуновский[33], который, в частности, писал:

«Секретарь ртищевского райкома КПСС Н. Кирюхин часто бывает в МТС, уже не один год наблюдает жизнь сельских механизаторов. Вот почему герои его пьесы «Глубокая вспашка», действие которой происходит в машинно-тракторной станции, живут и действуют так, как живут и действуют реально существующие люди. И сам конфликт, движущий развитие событий пьесы, не выдуман автором, а увиден им».

Примерно такую же оценку пьесы дала им центральная «Литературная газета».

10 января 1954 года в «Коммунисте» была напечатана статья Ю. Давыдова «Театр и местные драматурги», в которой автор призывает театр имени Карла Маркса работать с драматургами. «Необходим коренной перелом в совместной работе театров и драматургов. Театры и драматурги, местное отделение Союза писателей, Областное управление культуры должны объединить свои действия для выполнения этой важной задачи. Только при этом условии на сцене наших театров появятся полноценные в идейно-художественном отношении, глубокие и яркие произведения саратовских драматургов». В этой статье он пишет и о моей пьесе.

После такого выступления газеты моей пьесой заинтересовался драматический театр имени Карла Маркса. Главный режиссер театра В. Менчинский[34] прислал мне короткое письмо.

«Ваша работа меня очень заинтересовала. Считаю необходимым завязать с Вами тесную творческую дружбу. Жду Вашего приезда и личного знакомства.

Уважающий вас В. Менчинский».

При первой встречи с ним, когда я вручил ему пьесу, он только сказал:

– Будем смотреть...

Я ждал год. Ни ответа, ни привета. Выкроил время, поехал в театр. Молодой человек, назвавший себя режиссером, сказал мне:

– Менчинский с труппой выехал на гастроли на юг. Вернется к началу театрального сезона. И теперь уже вряд ли он сможет заняться вашей пьесой. Рассчитывайте на будущий год. Так он велел вам сказать. И не только об этом. Работа над пьесой займет много времени. Мы должны подобрать артистов. Каждому из них выписать роли из вашей пьесы. Они должны не только познакомиться, но и выучить их. У них могут возникнуть вопросы к вам например, как вы трактуете тот или иной образ А потом репетиции, на которых вы должны присутствовать.

– И сколько же потребуется для этого время?

– Трудно сказать. И даже невозможно.

– Значит, только с будущего года?

– Вот это уже определенно...

Мне оставалось только поблагодарить его...

В Союзе писателей я Котова не застал, но встретил там Бориса Озерного, которому и рассказал о своем походе в театр.

– Да, там не скоро к финишу придешь, – сказал он. – Хлопот много. Им лег-

ко поставить уже апробированную вещь. Попробую связаться с Менчинским, как только он вернется. Оставь свой адрес…

<...>

Минут через двадцать позвонила Нина Андреевна Сушкова – редактор газеты.

– Вот уж не думала застать вас дома.

– Я не дома, а в райкоме, что скажешь?

– Звонили мне из ЦК...

– Вот как?

– Вернее, из редакции журнала «Партийная жизнь».

– И что сказали вам?

– Вышла из печати книга Валентина Овечкина[35] «Очерки колхозной жизни». Просят написать рецензию на нее.

– Пишите.

Она замялась.

– Вы как-то говорили мне, что читали очерки Овечкина.

– И что же?

– Может, и рецензию напишите?

– Попробую.

– Вот и хорошо. Запишите адресок...

В журнале «Партийная жизнь» номер 4 за 1955 год в разделе «Критика и библиография» появилась моя статья «Очерки о колхозной жизни», в которой я писал:

«Очерки Валентина Овечкина, ранее печатавшиеся в журналах и газетах, завоевали признание широкого круга читателей. Они привлекает жизненной правдой и убедительным отображением действительности. Ярко рисует писатель сцены колхозной жизни. Надолго остаются в памяти его герои, внутренний мир которых раскрывается в их действиях и поступках. Автор умело отбирает главное, типическое, и поэтому написанное им выходит далеко за пределы того района или колхоза, о котором он говорит. Это в одинаковой степени относится как к людям, так и к обстановке, в которой они живут и работают.

Автор смело и беспощадно вскрывает такие пороки, как карьеризм, бюрократизм, самообольщение мнимыми успехами, беспечность, – все, что мешает нашему продвижению вперед. Носителями этого являются люди, либо случайно попавшие к руководству районами, колхозами, машинно-тракторными станциями, либо живущие давними и подчас сомнительными заслугами, остановившиеся в своем росте и потому отстающими от жизни.

Не секрет, что многие руководящие партийные и советские работники до сих пор не вникают глубоко в дела колхозов. Не изучая как следует экономику колхозов, передовой опыт, такие работники проявляют верхоглядство и деловую помощь колхозам подменяют декларациями и штурмовщиной.

Против такого «руководства» сельским хозяйством и выступает В. Овечкин, разоблачая руководителей, подобных секретарю райкома Борзову из очерка «Районные будни».

И так далее...

Когда в райкоме был получен журнал с моей статьей, пришел ко мне Бурмистров и спросил:

– Ты писал?

– Там сказано, кто писал, – ответил я.

– Сказано. Но и я хочу сказать: Шацкий назвал тебя борзописцем. Как это понять?

– Как хочешь, так и понимай, – ответил я, стараясь не проявить удивления. – Может, он так не меня, а Овечкина?

– Именно тебя. Так и сказал: «Наш борзописец».

Странным, очень странным показался мне такой выпад Шацкого против меня. Никакого повода к этому я ему не давал. За время работы с ним я опубликовал только две статьи в центральных газетах, и содержание их было довольно мирным. Недоволен тем, что я положительно отозвался об очерках В. Овечкина? Возможно. В них он впервые увидел такую критику в адрес первого секретаря райкома, тень которой падала и на него? Поэтому он так и поступил? Не знаю, что на него так подействовало. Да и сам я потом долго не мог успокоиться. Почему?

До того, как была опубликована моя статья в журнале, я уже имел переписку с В. Овечкиным. Послал ему два рассказа. Он ничего определенного не сказал мне о них и настойчиво рекомендовал перейти на очерки. «Для этого у вас большие возможности, как у секретаря райкома. Очерк – более оперативная форма. Займитесь им. А получив журнал с моей рецензией, прислал мне письмо.

Дорогой тов. Кирюхин!

Благодарю Вас за теплый отзыв о моих очерках в журнале «Партийная жизнь».

Одновременно с этим письмом заказной бандеролью посылаю Вам свою книгу, более полный сборник, чем в издании «Сельхозгиза». Вероятно, в нем есть вещи, которые Вы не читали.

Сейчас пишу новые главы «Районных будней», продолжение, а возможно, это уже будет окончательно. Пора кончать этот цикл очерков и браться за другие темы.

Выберите время и напишите мне о вашем районе, о делах в колхозных вопросах, волнующих Вас.

В новых главах я как раз выполняю Ваши пожелания – пишу о партийной работе в нынешних условиях. Вопросы не менее острые, чем в предыдущих главах.

С приветом В. Овечкин.

Его адрес в Курске у меня уже был. Но послать ему материал я уже не успел – он переехал в Ташкент. Это было в то время, когда поднимали целину в Казахстане. Не помню, в каком-то журнале или в газете промелькнуло сообщение о том, что кому-то мешало его творчество, и это стало для него поводом, чтобы покончить с собой. При Хрущеве, который боролся с культом личности Сталина, такое было еще вполне возможным...

Мотивы гибели этого человека напомнили мне о том, что и в моей пьесе есть такое, что может не понравиться кому-то, поэтому я решил покончить с ней, и на ее материале приступил к работе над повестью о трактористах, срезав некоторые острые углы, вписанные в пьесу. Однако, как показало время, сделал это не так уж тщательно...

Перед этим я написал еще раз Баркову. «Если вы не дадите мне отпуск без содержания, прошу освободить меня от работы». Ответа не последовало.

А в это время я получил письмо от Бориса Озерного, который писал:

Здравствуй, Николай!

Как идут твои дела? Работаешь над пьесой? У нас есть возможность командировать тебя на семинар драматургов, который состоится в Москве с 1-го по

20-е декабря. Улыбается тебе перспектива побывать в Москве 20 дней, выслушать квалифицированное суждение о твоей пьесе и пьесах других авторов.

Семинар проводится совместно Союзом писателей, Министерством культуры и Всероссийским творческим обществом, привлекаются на проведение его крупнейшие режиссеры, критики, драматурги. Если у тебя возражений нет, незамедлительно:

1. Сообщи о своем согласии.

2. Вышли три экземпляра пьесы.

Вот и все. Пиши!

Крепко жму твою руку. Желаю успеха. Борис Озерный.

Я сообщил ему о своем письме Баркову. Он сообщил:

– Барков не стал со мной разговаривать.

– В чем дело?

– Если бы я знал!..

***

Полученную от В. Овечкина книгу его очерков я дал почитать Бурмистрову.

– Здорово написано! – восхитился он. – Интересно то, что и у нас такое есть. Могу даже подтвердить. И еще. О председателях и трактористах куда там ни шло, но секретаря райкома так разделать... не верится даже. А фамилия какая? Борзов! Только по ней можно судить о нем. Борзыми только собаки бывают. Но тут, так мне кажется, он немного пересолил.

– Не бывает таких?

– Таких не знаю, а немного похожие и у нас есть.

– Даже и у нас?

– Книжку, которую ты мне дал, я положу ему на стол. Пусть читает.

– Кому положишь?

– Шацкому.

– Шацкому?

– Ему.

– Ты с ума сошел!

– И не сошел. Может, не все у него, как у Борзова, но что-то есть. Прочитает...

– И спросит: кто тебе дал эту книгу?

– А ему какое дело?

– Такое. На титульном листе написано, кому Овечкин подарил эту книгу. Понял?

– Тебе подарил... А ты его напугался? Не все ты знаешь о нем, тебя касающееся.

– А что я должен знать?

– В обком меня вызывали.

– Зачем?

– Вызвали не только меня, а со всех районов.

– Я спрашиваю: по каким вопросам?

– Вопросов много было. И ругани тоже. Нас ругали за то, что мы не доставляли в партийную комиссию обкома исключенных нами из партии.

– И как ты объяснил?

– Я прямо сказал: не едут они. Одни говорят: у нас нет денег на дорогу. Другие вдруг заболевают. А по-моему, нечего с ними возиться. Исключили из партии, клади партийный билет. Правильно я сказал?

– А тебе что сказали?

– Отвечать будете...

– А еще что?

– Ты писал письмо секретарю обкома?

– А откуда тебе стало известно об этом?

– Так получилось. У тебя есть знакомый инструктор в орготделе обкома?

Я вспомнил своего бывшего знакомого, которого встретил в обкоме при выходе из партшколы.

– Есть такой.

– Чернобровый, черноглазый.

– Будем считать, что это он.

– Так вот, просил передать тебе: Баркову писем больше не пиши. Он Шацкому дал нагоняй за это.

– Шацкому?

– Да. И Шацкий уже сделал свое заключение. Я в прошлый раз сказал тебе, как он назвал тебя борзописцем. Но к этому он прибавил еще одно: «Уже через мою голову стал действовать». Тогда я не понял, что это значит, поэтому и не сказал тебе...

Мне вдруг захотелось курить. Закурив, я сказал ему:

– Обрадовал ты меня, Михаил Михайлович. Да еще решил ему мою книжку подсунуть.

Он почесал затылок.

– Не сообразил... Но я могу и обрадовать. Не все еще сказал, о чем говорили.

– О чем же еще говорили?

– Зачитали Постановление ЦК КПСС. При МТС будут секретари райкомов.

– Как это понять?

– Я сам не понял. Да и не только я...

– Этим ты и решил меня обрадовать?

– Нет. Тот же инструктор обкома сказал мне: Чацкий рекомендовал тебя на пост такого секретаря. Поэтому я и говорю...

– И я говорю: без моего согласия он не мог этого сделать.

– Это уж вы как хотите...

Он ушел, а я не мог успокоиться. Наши взаимоотношения с Шацким и так, можно сказать, висели на волоске, а после того, как позвонил ему Барков, рассчитывать на лучшее было бы смешно. Теперь ему уже станет мало того, что он назвал меня борзописцем, есть предлог проявить возмущение по поводу того, что я писал начальству письма без его разрешения. Возможно, мне надо было действовать через него? Но, во-первых, я почему-то был уверен, что он не поможет мне, и, во-вторых, я не в армии, чтобы просить разрешения у вышестоящего начальника.

<...>

Выйдя из обкома, я уже не впервые в таком смутном состоянии пошел бродить по городу. По улице Советской дошел до улицы Чернышевского и свернул на проспект Кирова, по проспекту дошел до дома, в котором размещался Союз писателей, и здесь встретился с поэтом Борисом Озерным. Было о чем поговорить с ним. Мне нравился этот спокойный и уравновешенный человек. Было ему лет тридцать. Высокий, стройный и застенчивый, как девушка. У него были серые глаза, редкие волосы и белесые брови. Встречаться с ним приходилось редко, но почему-то он хорошо запомнился. Стоило только вспомнить о старых друзьях, и он приходил первым на ум. Возможно, это было потому, что он был исключительно приветлив и внимателен к людям. Увидев меня, он восторженно воскликнул:

– Вот здорово! А я только сегодня утром вспоминал о тебе: как-то он?

– Не очень важно, – ответил я.

– Да что ты!.. Садись, рассказывай. Подожди. Наконец-то я получил новую квартиру и теперь у меня будет свой кабинет. Каково? Может, дойдем до моего нового жилища? Тут не так уж далеко...

– Поговорим здесь, – сказал я. – Настроение...

– Вижу: паршивое. Что случилось?

Я рассказал ему о встрече с Барковым. Он слушал меня внимательно, иногда только морщил лоб. Когда я закончил, он некоторое время помолчал, потом спросил:

– У тебя есть такая уверенность в том, что Барков написал такую резолюцию потому, что ты секретарь? Может быть, есть и еще что-то такое...

– Такой уверенности у меня нет.

– В чем же дело?

– Не знаю. Могу только удивляться. Может быть и такое, что моя пьеса не понравилась ему…

– А он видел ее?

– Этого я не могу сказать. Но он знает о ней. Я написал ему два письма...

– Кому ты отдал пьесу?

– Котову. После того, как взял ее из театра.

– Котову... А ты знаешь, что он сказал мне о ней?

– Откуда мне знать?

– Пьеса написана хорошо, но вряд ли будет принята театром для постановки.

– Почему?

– Лишней правды в ней много.

– Об этом он и мне сказал. Но...

– Но у нас пока есть НКВД, потепление действий которого пока не установлено. Есть еще лито, которое продолжает следить за каждой строчкой. Странным мне кажется, почему ты забыл об этих организациях.

– Да, но...

– Что «но»?

– Почему же Барков держит такого секретаря райкома?

– А об этом надо Баркова спросить...

– Но я не верю, чтобы Михаил Котов...

– Убежден и я в том, что Котов что-то подсказал Баркову. Он не мог этого сделать. Да у того и без него целая армия референтов. Подскажут. И тебя он может держать до поры, до времени. Почему он не стал разговаривать со мной? Да потому, что не мог он меня предупредить. И театр тоже. Почему там «резину тянут»? Или какую-нибудь чушь придумают, вроде того, что тебе придется целый год на репетициях сидеть. И чего только не придумают!..

– Почему же правду не сказать?

– Запутались: не знают, где правда, а где кривда. Может, Бараков и не об этом думал, когда писал резолюцию. Трудно сказать...

– Значит, правильно я сделал?

– Что?

– Переделываю пьесу на повесть. Есть у меня второй экземпляр.

– Учти мои замечания. А лучшее ему покажи потом, что напишешь. В этом деле у нас опыта больше, чем у тебя...

– Значит, правду писать нельзя.

– Почему?

– Надо прежде показать кому-то. Зачем?

– Не тебе объяснять. Вспомни судьбу своей пьесы.

– Я понял. Но есть и такое: не подмажешь, не поедешь...

– Догадываюсь, что хочешь сказать. Не имей двух рублей, а имей двух друзей. Выручат. А когда их нет, что будешь делать? Самому надо быть выше друзей. Что у тебя из написанного есть еще?

– Роман в трех частях. Каждая часть – более пятисот страниц. Написан был перед войной. Полностью отпечатан на машинке год тому назад.

– И лежит в ящике стола?

– Да... Встретился с механизатором и стал писать пьесу.

– Как назвал роман?

– «Пути и судьбы».

– Чьи?

– Дяди и племянника.

– О чем?

– В начале 1918-го года в Астрахани вспыхнул белоказацкий мятеж против Советской власти. Дядя примкнул к казакам, племянник к рабочим...

– Рабочие победили.

– Да...

– Почему же ты держишь в ящике стола этот роман?

– Не знаю... После войны подвернулась другая тема: механизаторы. Над пьесой о них работал. Как тебе известно, не получилось. Допишу повесть...

– А дальше?

– Воевал я. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда. О своей части могу написать роман или повесть...

– А дальше?

– Есть и «дальше». Воруют колхозники. Главным образом, корма. Не то что не видят в этом ничего предосудительного, но ничего не могут сделать. Вернее, могут правленцы, но им не дают.

– А что могут сделать?

– Увеличить площади приусадебных участков. И сами имели бы корма, и колхоз не оставляли бы без кормов. А главное: не делали бы из честных людей воров и имели бы больше мяса на рынке.

– Почему же не делают так?

– Правительство решило уменьшить площади приусадебных участков. А увеличивать нельзя: у колхозников не останется время в колхозе работать. Пусть воруют: мораль не для них...

– И не напишешь...

– Кто же против Хрущева будет писать? Он еще такое придумал...

– Расскажи.

– Решил он поставить секретарей райкомов в МТС.

– Зачем?

– Спроси его. Я к тебе завернул с совещания, на котором обсуждался этот вопрос. Присутствовали на нем все секретари, утвержденные на бюро райкомов. Вел совещание первый секретарь обкома Барков. Вел так, что ничего нельзя было понять. Большинство секретарей не согласились с таким решением. Барков, по существу, возмутился и вынужден был сбежать. Чем все это кончится, трудно сказать. Если так было во всех областях, думай сам. А мне скажи, что с нашими репрессированными писателями? Арестовывали их и ссылали, когда я работал ответственным секретарем издательства.

Озерный пожал плечами.

– Тяжело прошлое ворошить. Все интересуют?

– Хотелось бы знать...

– О Кассиле слышал?

– Смутно.

– Жена его еще в 1943 году получила извещение о том, что он скончался в Норильске. Брат его, Лев Кассиль, тоже получил извещение о его смерти, и откуда-то ему стало известно о том, что он был расстрелян. В 1954 году один мой приятель встретил его на курорте в Кисловодске, и он сказал ему об этом. Многих наших уже реабилитировали, но о Кассиле пока молчат. Мы надеемся, что и он будет реабилитирован. Конечно, посмертно. Но точно не могу сказать...

– А Виктор Бабушкин?

– Его уже нет в живых. Обвинял нас в том, что мы не вступились за него. А что мы могли сделать?..

– А Степан Дальний?

– Приятель Вадима Земного? Во время войны работал где-то кладовщиком. Его уже нет в живых...

– А Земной?

Он поморщился.

– Документально пока не установлено, но уже ясно: с него все и началось. Большинство наших писателей ему обязаны за свои невзгоды. Когда-то будет сказано об этом. А пока я могу оказать только о том, что слышал от Котова. Во время войны был Земной членом суда в своей части...

– И там творил?

– Можно только предполагать... Вернувшись с фронта, поселился в Ялте. Там работал инструктором горкома. Потом переехал в Ленинград.

– В Саратов не вернулся?

– Такие не возвращаются туда, где напакостили...

– В прошлом году я встретил Королькова.

– Уехал в сельский район. Устроился на работу в редакцию. Говорят, бросил пить...

– А Тимохин?

– Бегает из издательства в редакцию газеты «Коммунист». Еще толще стал. О тебе спрашивал. Дал ему твой адресок...

– Да, о Мухиной забыл. Что с ней?

– Теперь она не Мухина, а Мухина-Петринская. Не прошел Земной и мимо нее. Встречалась она с Кассилем на Черной речке под Владивостоком. 10 лет пробыла она в тюрьмах и лагерях и только в 1984 году реабилитирована. Удивительная женщина. Куда была сослана, там писала и теперь продолжает писать. Когда я смотрю на нее, мне вспоминаются слова Некрасова о русских женщинах:

Коня на бегу остановит,
В горящую избу войдет.

Вот и все, что я мог сказать тебе. А теперь о том, что тобой написано и что ты собираешься написать. Есть люди, которым кажется, что они не обо всем еще написали. Откладывают то, что ими уже сделано, и берутся за другое. А когда оглянутся, и жизнь пройдет. И чтобы у тебя так не получилось, продолжай переделывать пьесу на повесть, а роман «Пути и судьбы» гони сюда. Вернее будет, если не вышлешь, а доставишь сам. А о тех, кто погиб или только пострадал... Помнить надо, но надо знать и о том, что Сталина уже нет, а при Хрущеве такое уже не повторится...

1994 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Антисоветская повесть
(«Крутая ступень» – И. Кассиль, «Литературный Саратов» – альманах, №3, 1937 г.)

Разоблачение орудовавших на фронте художественной литературы врагов народа – троцкистов Авербаха, Киршона, контрреволюционера П. Васильева, фашистского шпиона Бруно Ясенского со всей остротой требуют повышения классовой бдительности и решительной борьбы с политической беспечностью в литературе.

Однако, этого, очевидно, не понимают руководители саратовской организации союза советских писателей, напечатавшие в альманахе «Литературный Саратов» вредную и антихудожественную повесть И. Кассиля «Крутая ступень» (редактор номера В. Касперский).

Эпиграфом к повести «Крутая ступень» автор взял слова тов. Сталина: «Людей надо заботливо и внимательно выращивать, как садовник выращивает облюбованное плодовое дерево». Повесть же получилась надуманная, насквозь фальшивая, направленная по существу против этого исторического указания товарища Сталина. Единственно, что автору удалось – это восхвалить и показать во весь рост героя повести Измайлова – презренного карьериста и шкурника (по мнению автора – лучшего советского специалиста), опорочить партийные органы, оклеветать советских студентов и коммунистов и замазать вредительскую деятельность врагов народа. Вместе с тем автор повести позволил себе ряд откровенных контрреволюционных выпадов. К примеру, научные положения диалектического материализма автор неприкрыто объявляет «диалектической фразеологией, не отвечающей «здравому смыслу».

Центральная фигура повести – молодой педагог Николай Измайлов – сын провинциального учителя математики, из числа мещан-обывателей. Вся мораль их сводится к «строению карьеры на суше, а не на воде и воздухе», по выражению папеньки героя повести. И верно. Сын приложил все усилия, чтобы как можно быстрее построить свою карьеру «на суше».

Карьере этого мещанина-обывателя и посвящена вся повесть Кассиля. На протяжении десятков страниц размазываются все перипетии этого шкурника. Всеми силами автор стремится превратить мещанина Измайлова в активиста, общественника, передового философа-педагога, секретаря комсомольской организации и, наконец, кандидата партии. Но как ни старался автор, ему не удалось спрятать ослиные уши Измайлова-шкурника, карьериста, обывателя, которому не может быть места в рядах партии. Почему он стремится в ряды ВКП(б)? С единственной целью – упрочить свое служебное положение, пробить карьеру.

Как выглядит этот «герой» со страниц повести? Измайлов прежде всего хвастун, человек, лишенный основного качества советского специалиста – скромности. Доклады он делает для внешнего эффекта, захлебывается от удовольствия при аплодисментах и похвалах «больших» людей.

В отношения к девушкам Измайлов буквально «козел в брюках», употребляя выражение М. Горького. Он пытается ухаживать за каждой хорошенькой девушкой, встречающейся на его пути. Ради красивого личика он готов принять в вуз дочь торговца, скрывающую свое социальное происхождение – Раневскую, которой назначает свидание после первого же делового разговора.

Как лицемерно и фальшиво звучит письмо Измайлова своему брату (который, к слову сказать, в начале повести «видный архитектор» а в конце «инженер Горловки»), где он говорит о студенте – члене партии Коровине.

«Не представляешь себе, как горят глаза у батрака Коровина, когда он слушает у меня историю партии».

При малейшей неудаче Измайлов пьянствует и хулиганит. И этот тип в конце повести становится во главе вузовской комсомольской организации и принимается в партию!

Одной из центральных фигур повести является профессор философии Ноготков. Кто такой Ноготков? Из беглых замечаний автора читатель делает вывод, что Ноготков участник какой-то оппозиции, ведет переписку с врагом народа Эйсмонтом и бывшим оппозиционером директором комвуза Иоффе. Кроме того, в эту «компанию» втягивается комсомолец Корчебоков – друг Измайлова и член партии студент Зарнищин.

Все они в конце повести оказываются арестованными. Но за что? За какую контрреволюционную деятельность? Это читателю остается неизвестным.

Больше того, Кассиль показывает врага народа Ноготкова, как «кипучего» работника идеологического фронта. Он пишет:

«Ноготков вспоминал последнюю встречу с Иоффе – нынешним директором комвуза. Горячая дискуссия, собрания на квартирах, а после неприятные месяцы, затем снова все зарубцевалось, опять кипучая работа, восстановление доверия, и вот снова будем работать вместе».

Дальше повествуется о том, какой Ноготков стойкий, «настоящий профессор». Даже «одаренный» юноша Измайлов «чувствовал себя учеником перед этим большим политическим деятелем и настоящим профессором».

Кассиль доказывает, что Ноготков хороший организатор, бдительный коммунист, проводник партийности в науке.

«Накануне первого заседания Ноготков долго инструктировал Николая: – Поймите, что цель проверки – поднятие идеологического уровня преподавания. Конечно, подход должен быть весьма осторожный, посмотрите, не будьте гнилым либералом» и т.д.

Совершенно бесспорно, что враги народа двурушничают, одевают на себя маску активиста в партии, не прочь поиграть в бдительность. Но ведь нелепо думать, что вражеские действия этим ограничиваются. Разве Кассиль не знает о шпионской диверсионной деятельности врагов народа? С какой же целью Кассиль изображает негодяев-троцкистов «овечками»?

Кассиль был обязан, если уж он вывел в своей повести врагов народа, показать их вражеское лицо и действия, вызвать ненависть читателя к ним. Вместо всего этого автор ставит недоуменный вопрос: «может быть зря этих людей посадили?» Не вскрывая вредительской контрреволюционной деятельности врагов народа, автор рискует вызвать огульное недоверие к работникам идеологического фронта, преданным делу партии и советской страны.

Горком партии и его секретарь показаны в повести Кассиля карикатурно. Парторганизация вуза состоит из шкурников и прогульщиков-студентов, которые, по словам секретаря горкома партии, занимаются вымогательством незаслуженных оценок. Работы и жизни комсомольской организация в повести Кассиля совершенно не видно. Только один раз собирается организация для разбора дела о бытовом разложении. Причем на собрании этом Измайлов играет роль «судьи и прокурора» и произносит очередную напыщенную речь.

Говорить о вредной и антихудожественной писанине Кассиля можно было бы и дальше, но и сказанного достаточно для того, чтобы писательская и читательская общественность нашей области заинтересовалась «творчеством» подобных писателей, деятельностью руководителей ССП и редакции альманаха.

А. Лебедев, бронетанковое училище
«Коммунист», 8 июня 1937. Рубрика «Заметки читателя».

Новые требования, новые задачи
(О работе областного отделения союза советских писателей)

«В борьбе с современным троцкизмом нужны теперь не старые методы, не методы дискуссий, а новые методы, методы выкорчевывания и разгрома». Эти слова товарища Сталина с предельной ясностью отвечают на вопрос, как надо теперь бороться с троцкистскими агентами японо-немецкой фашистской охранки, с правыми реставраторами капитализма, с вредителями, шпионами и другими врагами народа.

Разгром троцкистской диверсии в литературе, как и на других участках идеологического фронта, не может быть успешным без ясного понимания указаний товарища Сталина, изложенных на февральском Пленуме ЦК ВБП(б).

В области литературы подрывная работа гнусной банды «разбойников с большой дороги, способных на любую гадость» (Сталин), была тщательно замаскирована. Троцкистско-авербаховская группа, японские шпионы в бурятомонгольском союзе писателей, буржуазные националисты, антипартийные, антисоветские проходимцы в писательских организациях Марийской АССР, Белоруссии, Ростова, Саратова и т.д. – все они в течение продолжительного времени вели безнаказанно свою вредительскую, диверсионную работу в литературе, отравляли и разлагали ряды советских писателей.

Активность врагов народа на фронте советской литературы совершенно понятна. Новые грандиозные задачи социалистического строительства требуют углубления политического и культурного воспитания широчайших народных масс, которые жадно тянутся к литературе, к искусству. Роль советской литературы в деле воспитания нового человека огромна. Недаром товарищ Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ»! Секретарь ЦК ВКП(б) тов. А. А. Жданов на первом Всесоюзном съезде советских писателей призывал нас стать «активнейшими организаторами переделки сознания людей в духе социализма».

Учитывая роль советской литературы, роль и значение «инженеров человеческих душ», троцкистские гады всячески вползали в литературные организации и, маскируясь, двурушничая, вели свою подрывную контрреволюционную работу.

Так было и в Саратове. Много лет подряд троцкист Бабушкин, окруженный своими приспешниками, маскируя свою подрывную деятельность, упорно доказывал, что борьба с ним – «простая склока». Но как ни маскировался Бабушкин и его приспешники, они были разоблачены и отброшены. Однако, бабушкинский термин «простая склока» до последнего времени помогал антисоветским проходимцам маскироваться, вредить, разлагать писательскую организацию Саратова.

Теперь уже общеизвестно, что некоторые саратовские писатели систематически около года сигнализировали о вредительской деятельности Кассиля, который так же, как и Бабушкин, называл глубоко принципиальную политическую борьбу с ним «склокой» и «групповщиной». К сожалению, эти сигналы должного действия не возымели,

и Кассиль продолжал «работать» до тех пор, пока секретарь Всесоюзного правления ССП тов. Ставский лично не вмешался в саратовские дела.

Надо прямо сказать, что саратовская партийная организация писателями по-настоящему не занималась. Вся работа с писателями была передоверена В. Касперскому и литературному карьеристу, мастеру по восхвалению троцкистов И. Кассилю, руководство которых разлагало организацию.

В мае общее собрание саратовских писателей обсудило отчетный доклад областного правления ССП. О том, как оценили писатели работу правления, ясно говорится в единодушно принятой собранием резолюции: «Общее собрание областного отделения союза советских писателей СССР считает политическое состояние организации совершенно неудовлетворительным. Сталинская Конституция, доклады товарища Сталина, решения февральского Пленума ВКП(б) – на писательских собраниях не обсуждались. Правление абсолютно бездействовало. Председатель саратовского правления ССП В. Касперский и ответственный секретарь И. Кассиль об идейно-политическом воспитании членов и кандидатов союза и всего писательского актива совершенно не заботились; творческая робота велась неудовлетворительно, произведения писателей на собраниях не обсуждались, самокритика отсутствовала…»

На собрании писатели один за другим рассказывали о возмутительных фактах безобразной «деятельности» Касперского и Кассиля, разваливавших работу организации. За три года в Саратовском отделении ССП сменилось десять председателей и секретарей, и почти все они либо бездействовали, либо явно разрушали писательскую организацию.

Заканчивая отчетный доклад, изгнанный теперь из партии Кассиль предложил распустить областное отделение союза советских писателей. Но последняя ставка обанкротившегося «руководителя» оказалась битой. Хитрый маневр не удался. Писательская общественность Саратова, поддержанная Всесоюзным правлением ССП, не допустила развала организации, чего так страстно хотелось бывших «распределителям кредитов». Областное правление, «которое способствовало лишь созданию нездоровой творческой обстановки, неправильно расходовало средства, тормозило творческий рост писателей», – распущено. Собрание призвало «совершенно правильным решение Всесоюзного правления ССП о выборе уполномоченного союза советских писателей по Саратовской области и о сосредоточении всей творческой работы писателей вокруг альманаха «Литературный Саратов».

Преступной деятельности бывших руководителей властного отделения ССП положен конец. На контрреволюционную диверсию в литературе саратовские писатели должны ответить своей напряженной творческой работой, глубоко идейными и художественно полноценными произведениями.

Появление в печати политически вредной, антихудожественной повести Кассиля «Крутая ступень», которая разоблачена теперь центральной и местной прессой, – позорное событие в работе саратовской литературной организации. Несмотря на решительный протест отдельных писателей (Земной, Дальний), Касперский и Кассиль эту повесть протащили в печать.

Но нашлись среди наших писателей и прямые покровители явно враждебной повести. Член редколлегии В. Смирнов-Ульяновский голосовал за напечатание «Крутой ступени», писатель Д. Борисов расхваливал эту контрреволюционную повесть, как «замечательное произведение» и поздравлял автора с «большими творческими достижениями», а поэт Н. Корольков занял обывательскую позицию «невмешательства».

Эти писатели до сих пор не объяснили своего поведения. Тем хуже для них. Мы вправе ожидать от них точного и ясного определения своего отношения к антисоветской повести Кассиля.

Дело чести саратовских писателей – смыть это пятно созданием произведений, отражающих нашу действительность на основе метода социалистического реализма.

Впереди новые задачи, впереди беспощадная борьба за немедленное оздоровление литературной организации, которая долгие годы разлагалась и опошлялась проходимцами, темными дельцами, антиобщественной, контрреволюционной скверной.

Вопросы идейно-политического воспитания писателей, вопросы творчества должны стать главными вопросами нашей работы. Без этого нет и не может быть организации советских литераторов, члены которой носят высокое, почетное звание «инженеров человеческих душ».

«Инженером человеческих душ» может быть только автор безукоризненной честности, глубоких и высоких мыслей, человек, одинаково искренний и в жизни, и в творчестве. Самая жизнь советского писателя должна быть идейно насыщенной, не прекращающейся войной против низких и мелких чувств, против самомнения, лживости, лицемерия, беспринципности, алчности, мещанского себялюбия и равнодушия». Так ставит вопрос о моральном облике советского писателя орган ССП СССР «Литературная газета». Советский писатель должен быть именно таким, иначе он не писатель, иначе он спекулирует «на великом уважении Советской Страны к искусству, к творчеству, к литературе».

Пьянство некоторых наших писателей, политическую неграмотность многих, творческую медлительность всех без исключения – нельзя больше терпеть ни одного дня! Политически и культурно растущий читатель не простит писателю рабские темпы работы, политически неграмотные, антихудожественные произведения.

Читатель начнет писать сам. И он уже пишет. Десятки молодых авторов ежедневно приходят в союз писателей со своими рукописями за помощью, за творческим советом. Это наш резерв. Отсюда мы должны и будем черпать новые творческие силы.

Позорная практика разоблаченного руководства очень много принесла вреда молодым писателям Б. Озерному, В. Мухиной и др., которые бросили работу и готовы перебиваться «с хлеба на воду» лишь бы «ходить» в писателях. Чем скорее поймут эти товарищи свою печальную роль «безработных» (ибо безработицы, как известно, в стране социализма нет), тем скорее смогут они написать нужные советскому читателю хорошие стихи, рассказы, очерки. И это относится не только к молодым писателям. Некоторые саратовские «корифеи» самодовольно ходят в чине «живых классиков», забывая о том, что Всесоюзное правление ССП не торопится утверждать их даже кандидатами в члены союза советских писателей.

Пора понять этим товарищам, что звание «инженера человеческих душ» определяется отнюдь не возрастом и даже не солидным стажем литературной работы. И понять надо как можно скорей, ибо время не ждет.

Скоро 20-летие Октябрьской социалистической революции. Миллионы трудящихся нашей родины с радостью и гордостью будут встречать этот величайший, небывалый в истории человечества день. С какими произведениями будем встречать этот день мы, саратовские писатели?

Это сейчас центральный вопрос жизни и работы нашей организации. Выступить с хорошими, идейно-заостренными и художественно полноценными произведениями, издать к 20-летию Октября высокохудожественный альманах, выступить с новыми книгами – такова задача саратовских литераторов, членов и кандидатов союза советских писателей в первую очередь. Эту задачу надо выполнить во что бы то ни стало.

В свете новых задач, стоящих перед писателями, исключительное значение будет иметь систематическая помощь со стороны партийных, комсомольских и советских организаций области. В первую очередь эту помощь должен организовать культпросветотдел Обкома ВКП(б), но отнюдь не подысканием новых «варягов». Ведь известно, что все три последних председателя союза писателей (они же редакторы альманаха) – Казымов, Касаткин, Касперский – не помогали, а мешали работе писателей.

Два года назад, призывая писателей к напряженной творческой работе, зав. культпросветотделом ЦК ВКП(б) тов. Щербаков говорил: «Советской литературой руководит ленинский ЦК и наш вождь товарищ Сталин. Все объективные предпосылки для нового, мощного подъема есть. Дело за писателями, дело за организаторами, дело за нами, товарищи».

Каждый советский писатель не может не понимать исключительного значения слов о том, что советской литературой руководит великий Сталин. Вот почему и мы можем сказать: дело за нами, писатели Саратова, давайте работать!

Вадим Земной,
Уполномоченный Саратовского областного отделения союза советских писателей
«Коммунист», 20 июня 1937 г.

До конца оздоровить организацию
На собрании саратовского отделения союза советских писателей

После разоблачения вредительского руководства саратовской организации союза советских писателей (изменника родине Касперского, антисоветского путаника и халтурщика И. Кассиля) творческий коллектив взялся за ликвидацию последствий вредительского руководства. Об этом свидетельствует массовое поступление материала (340 рукописей в июне с.г. вместо 62 в апреле) и посещение консультаций начинающими авторами (202 в июне вместо 41 в апреле). За последний месяц проведено несколько собраний с читательским активом, которые раньше совершенно не проводились.

Однако товарищи, организующие эту работу, до сих пор наталкиваются на препятствия, учиняемые отдельными склочниками, вредными халтурщиками, мешающими созданию здорового творческого писательского коллектива.

Подтверждением может служить последнее собрание ССП с рабкоровским и читательским активом 26 июня. На этом собрании был поставлен крайне нужный и важный политической доклад «О троцкистской диверсии в советской литературе».

Целью доклада и собрания было – обсудить действия врагов народа в советской литературе и в частности – вскрыть политические ошибки отдельных саратовских писателей в связи с выпуском альманаха №3 «Литературный Саратов», содержащим контрреволюционную повесть Кассиля и другие халтурные произведения («Камер-юнкер» Борисова).

Но, к сожалению, этого не получилось. После доклада одним из первых выступил в прениях именующий себя писателем с большой буквы Д. Борисов. Борисов пришел на собрание видимо с целью сорвать обсуждение доклада. Для этого он специально сколотил «артель», в которую не забыл включить быв. репортеров, работавших когда-то с ним в газетах царского времени. О целях этой «артели» можно было судить по их вызывающе дебоширскому поведению на собрании и выступлению самого Борисова.

Несколько слов о Борисове, как о писателе. Д. Борисов считает себя писателем в течение двадцати лет. Но что написал этот, с позволения сказать, «писатель» за 20 лет своей «литературной деятельности»?

Борисов до 1936 года считал себя драматургом и якобы писал пьесы. Но эти пьесы нигде не печатались, никем не ставились и никто, кроме автора, о них не знает, если не считать двух пьес, изданных самим автором (?) за свой счет, из которых одна о Распутине – антихудожественная и порнографическая.

За последние два года «драматург» Борисов «переквалифицировался» в «прозаика» и успел выступить с тремя, не менее халтурными, как и пьесы, повестями. Одна из них – «Камер-юнкер» помещена в последнем номере злополучного альманаха. Этого не случилось бы, если Борисов не был бы секретарем альманаха и не пользовался особым покровительством бывшего редактора альманаха Касперского. Эта повесть получила исчерпывающую оценку в «Литературной газете» и в рецензии Гослитиздата, как халтурное, безграмотное произведение.

То же можно сказать я о последних его «прозаических» произведениях «Пушкин у Гоголя» и «Доктор Кострицин». Последний является гнуснейшая пасквилем на дальневосточных пограничников, не говоря об антихудожественности.

Уместно спросить у заведующего Саратовским облиздатом т. Фомина – на каком основании заключен договор с халтурщиком Борисовым на издание этих произведений отдельной книгой. Ведь тов. Фомин знает об отрицательной оценке Гослитиздата (Москва). Если ко всему этому добавить, что Борисов находился в близких связях с врагами народа, то фигура «писателя» Борисова становится ясной.

И этот «писатель» по докладу выступил с часовой речью, которая целиком была направлена на шельмование уполномоченного ССП тов. Земного за то, что тов. Земной позволил в своей статье в газете «Коммунист» от 20 июня разоблачить Борисова, как активного защитника контрреволюционной повести Кассиля. На критику «Литературной газеты» «произведений» Борисова он ответил бульварной бранью. Статью же тов. Земного в «Коммунисте», политически совершенно правильную и мобилизующую писателей, назвал «выдуманной, клеветнической».

В большинстве дальнейших выступлений (Кирюхин, Грицаненко, Федуленко, Свистунов и др.) дана была надлежащая оценка шельмующей и клеветнической вылазке борисовской «артели».

Совершенно странным было выступление Смирнова-Ульяновского – коммуниста, от которого ждали большевистской оценки и критики своих ошибок в связи с выпуском альманаха №3, в редколлегии которого он состоял и голосовал за напечатание контрреволюционной повести И. Кассиля. К сожалению, Смирнов-Ульяновский всеми силами старался оправдать себя семейным горем. Склочничество Борисова не нашло никакой оценки в выступлении Смирнова-Ульяновского.

Так может вести себя на собрании и рассуждать только политически беспомощный слепец, а не коммунист.

В дополнение следует сказать, что выступления ряда товарищей были не по существу доклада (Озерный, Тимохин), а некто студент Фунтиков выступил с политически вредной речью.

Хотя Борисову и Фунтикову и был дан большевистский отпор, это собрание свидетельствует о том, что лжеписатели, халтурщики, да вдобавок еще с мещански-обывательским нутром типа Борисова пытаются еще поднимать голову и сбивать организацию писателей в сторону от основных ее задач. Этих людей нужно развенчать. Им не место в здоровой творческой среде советских писателей.

А. И. Лебедев
«Коммунист», 29 июня 1937 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Кассиль Иосиф Абрамович** (1908–1938) – саратовский писатель, критик, литературный деятель, младший брат Льва Кассиля. Родился 12 мая 1908 года в Покровской слободе (ныне Энгельс). Был ответственным секретарем правления Саратовского отделения Союза писателей России, преподавал марксизм в Саратовском институте механизации и электрификации сельского хозяйства. Заведовал литературным отделом газеты «Коммунист». Повесть «Крутая ступень» была опубликована в №3 альманаха «Литературный Саратов» (сдан в производство 16 января 1937 г., подписан к печати

27 марта 1937 г.). В редколлегию альманаха входили Вадим Земной, В. Касперский, И. Кассиль, В. Смирнов-Ульяновский.

4 августа 1937 г. И. Кассиль был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и приговорен к 10 годам заключения. Впоследствии включён в «сталинский список» от 22 декабря 1937 г., где отнесён к 1-й категории (подлежащих расстрелу), и 21 января 1938 г. расстрелян. Родные в 1943 году получили ложное извещение о его расстреле в Норильске в том же году.

Посмертно реабилитирован.

(Здесь и далее примечания Сергея Боровикова, Алексея Голицына и Марии Салий)

[2] **Земной Вадим Павлович** ((1902–?) Иногда подписывался как Глухота (см., напр., альманах "Сталинград", № 2-3, 1933). Родился в с. Завьялово Алтайского края. Публиковался с 1925 года. После демобилизации приехал в Саратов (публикации в Саратове с октября 1932 г.) Первые стихотворения подписывал В. Земной (Глухота). В 1933 г. был направлен руководить литературным кружком на Саратовский завод комбайнов. В 1934 г. руководил литкружком при Саратовском автодорожном институте. Член саратовского оргкомитета ССП. Участник I съезда советских писателей. Был одним из шести саратовских писателей, первыми принятых в члены ССП в 1934 году. В 1934 г. секретарь краевого союза ССП. В 1937 г. уполномоченный Саратовского областного отделения ССП. Преподавал политэкономию и историю классовой борьбы в средних и высших учебных заведениях.

20 июня 1937 г. опубликовал в местной газете «Коммунист» статью «Новые требования, новые задачи», где содержались нападки на саратовских писателей. В том же издании А.И. Лебедев напечатал рецензию «Антисоветская повесть» (8 июня 1937 г.) и статью «До конца оздоровить организацию» (29 июня 1937 г.). Эти публикации предшествовали арестам саратовских писателей (см. Приложение).

В Красной армии с 1924 по 1928 г., затем с июня 1941 г. Призван Фрунзенским РВК г. Саратова. 1 июня 1944 г. награжден орденом Красной Звезды, 13 июля 1945 г. – орденом Отечественной войны II степени.

Публиковался в коллективных сборниках саратовских писателей «Песни борьбы и побед» (1934), «Товарищи» (1934), альманахе «Литературный Саратов», журнале «Звезда». В 1936 г. в альманахе «Литературный Саратов» была опубликована его повесть «Орден Ленина». Автор поэтических сборников «Горячий дым» (стихи 1927–1933 гг.) (Сталинград, 1934); «Страна цветов» (Саратов, 1935), «Весёлый цирк» (стихи для детей) (Уральск, 1940), «Кумач и звёзды» (Саратов, 1940), «Знакомые насекомые» (стихи для детей) (Саратов, 1941; Симферополь, 1949; Москва, 1973), «Дороги на Берлин» (Саратов, 1945), «Дороги к солнцу» (Казань, 1947), «Самое заветное», «Свидетели живые», «Сердцем солдата», «Пою мое отечество», «С песней по жизни» (Москва, 1965), «Знаменосцы земли» (Москва, 1969), «Закаляющим сталь» (Москва, 1972).

После войны жил в Симферополе.

Из приказа войскам 48 армии №355/Н от 01.06.1944 о награждении орденом Красной Звезды:

«Майор ЗЕМНОЙ Вадим Павлович работает в должности писателя армейской газеты «Слово бойца» с 3 июня 1943 г., а в действующей Красной Армии находится с начала Отечественной войны.

Работая в редакции армейской газеты и являясь поэтом, тов. Земной написал ряд стихов, посвященных героизму советских воинов, боевой жизни Красной Армии, а также Советской Родине. Кроме стихов, им писались статьи, очерки, велась литературная консультация произведений начинающих красноармейских поэтов и писателей. Тов. Земной написал консультации на 480 присланных редакции материалов и сделал 43 произведения. Тов. Земной выезжал в части, в районы боевых действий и проводил большую работу на месте с авторами, лично делал и организовывал необходимый материал для армейской газеты.

Являясь членом Союза Советских писателей, тов. Земной относится к тем писателям, которые, находясь на фронте с первых дней войны, провели большую литературную работу по воспитанию в бойцах чувства горячей любви к Родине и чувства жгучей ненависти к немецко-фашистским захватчикам.

Считаю, что тов. Земной, как верный сын Советской Родины, как писатель, с первых дней Отечественной войны находящийся на фронте, заслуживает быть награжденным орденом Красной Звезды.

Ответственный редактор полковник Пысин»

Из приказа от 13.07.1945 о награждении орденом Отечественной войны II степени:

«Майор ЗЕМНОЙ Вадим Павлович член союза советских писателей, на фронте с первых дней Отечественной войны, в редакции армейской газеты «Слово бойца» с лета 1943 г.

Вместе с нашей 48 армией прошел весь ее путь наступательных боев. За это время, особенно с начала наступления в Восточной Пруссии, написал ряд стихов, рассказов в газету и очень много работал над творчеством начинающих красноармейских писателей. Все художественные материалы, помещенные в газете, правились тов. Земным. Кроме того им написано много литературных консультаций авторам. Тов. Земной провел несколько литературных вечеров в частях и учреждениях нашей армии, на которых делал доклады, читал свои стихи, а также производил разбор и обсуждение творчества других товарищей. Им подготовлены для издания Гослитиздатом два сборника стихов, написанных во время пребывания на фронте.

В выполнении даваемых ему заданий проявил дисциплинированность и исполнительность.

Б/п»

Цит. по http://www.podvignaroda.mil.ru/

[3] **Мухина (Петринская) Валентина Михайловна** (7 февраля 1909 г., Камышин – 5 июня 1993 г., Саратов) – писательница. Училась на историческом факультете СГУ. Работала в разных городах маляром, грузчиком, метеорологом, прессовщицей, преподавателем математики, физики, русского языка.

4 октября 1937 года была арестована и осуждена на 10 лет тюремного заключения. Освобождена 1 июня 1946 года, полностью реабилитирована в 1954 году.

Член Союза писателей с 1959 г., лауреат Всероссийских литературных конкурсов на лучшую книгу для детей и юношества в 1967 и 1975 гг.

Автор книг: «Если есть верный друг» (1958), «Гавриш из Катарей» (1960), «Смотрящие вперед» (1961), «Обсерватория в дюнах» (1963), «Плато доктора Черкасова» (1964), «На вечном пороге» (1965), «Корабли Санди» (1966), «Встреча с неведомым» (М., 1969), «Путешествие вокруг вулкана» (1969), «Океан и кораблик» (М., 1976), «Утро. Ветер. Дороги» (1978), «Планета Харрис» (1984).

В 1990 году издала книгу воспоминаний «На ладони судьбы», в которой рассказала свою версию событий, предшествовавших волне репрессий против саратовских писателей:

«– Вы знаете почерк Иосифа Кассиля? – спросил следователь.

– Да, очень хорошо.

– Тогда посмотрите... – и он, не без торжества, показал мне точно такой протокол, какой был у меня, но подписанный... Кассилем.

Сердце у меня сжалось от невыразимой жалости к Иосифу, ведь я знала, как и почему он подписал эти лживые строки.

Но мне вдруг захотелось испытать Александра Даниловича, и я, мысленно попросив у Кассиля прощения, сказала:

– Я всегда считала Кассиля честным, порядочным человеком. Никогда бы не поверила, что он при первом испытании окажется такой сволочью.

Я смотрела прямо в лицо Щенникова и видела, как оно дрогнуло, потемнело, исказилось, словно его коснулись раскаленным железом...

– Не надо, не говорите так, Валентина Михайловна, вы же не знаете, чего ему стоило подписать этот несчастный протокол. Ведь с ним не цацкались, как с вами: ах, молодая, ах, талантливая, надо ее поберечь. Тронь я вас хоть пальцем, мне же не простят, со мной здороваться не будут. Кстати, Кассиль лишних два месяца принимал за вас муки, требуя, чтоб хоть вашу фамилию вычеркнули из протокола.

– Я ни минуты не считала Кассиля сволочью, – грустно произнесла я, – мне просто хотелось видеть, как вы будете реагировать на мои слова.

– Ну и послал мне господь бог подследственную.

– Господь тут ни при чем. Вам послал ее, как я уверена, Вадим Земной – бездарь, завистник, клеветник и убийца.

– Откуда вы это знаете?

– Он уже посадил нескольких наших товарищей.

<...>

Передо мной стоял мой друг Иосиф Кассиль. Исхудавший, измученный, с потухшим взглядом когда-то живых, ярких черных глаз. Надежда покинула его.

– Валя, если ты вернешься живой... – сказал он.

– Конечно, вернусь, и ты вернешься, Иосиф! Мы еще будем жить в нашем Саратове, может, в Москве... Будем писателями. Ты вернешься к своей жене Зине, дочке Наташе...

– Нет, Валя, я чувствую, что мне не вернуться. Не спорь. Был бы очень рад ошибиться... Так вот, если вернешься одна... ты навести моих родителей в Энгельсе, брата Льва... Скажи им, что я очень любил их всех и Зину с дочкой, конечно, передай им всем привет от меня и расскажи непременно им, что меня оклеветал Вадим Земной.

– И меня тоже. Он всех нас оклеветал, этот подлец. Настанет время, и никто не будет с ним даже здороваться, все будут его презирать. Страшно ему будет жить на свете. И умирать ему будет страшно. А нас с тобой будут уважать и живых и мертвых, но мы не умрем...

– Стройся! – загремел чей-то бас. Мы быстро обнялись. Простились навсегда. Больше я Кассиля не видела никогда.

От его брата Льва Кассиля узнала после своей реабилитации, что Иосиф Кассиль погиб в 1943 году на Колыме, при массовом расстреле...»

[4] **Лившиц Иосиф Юльевич**, автор книги «Польша – аванпост интервенции» (М., Московский рабочий, 1931).

[5] **Смирнов-Ульяновский Валентин Александрович** (1897–1982) – поэт, писатель, драматург, литературный деятель. Родился 11 августа 1897 г. в городе Сенгилее Симбирской губернии. В 1918 г. начинает сотрудничать в нижегородской газете «Бурлак». Был редактором уездной «Трудовой газеты» в Алатыре, председателем ассоциации пролетарских писателей. В 1922 г. вышла из печати первая книга «Атаман». В 1932 г. назначен редактором газеты «Саратовский рабочий», главным редактором книжного издательства, организует и возглавляет альманах «Литературный Саратов», заведует литературной частью Саратовского драмтеатра. В годы войны был политруком роты народного ополчения, после войны – заместителем председателя совета старейших коммунистов при Саратовском обкоме комсомола.

Автор книг, изданных в Саратове: «Песни о старом и новом» (1938), «Пьесы» (1953), «Перед рассветом» (1959), «Зарево» (1963).

[6] **Корольков Николай** (1906 г. – не ранее 1972 г.) – журналист, поэт. Родился в семье служащих. Бывший беспризорник, детдомовец, окончил школу № 47 г. Саратова, занимался в студенческом литературном кружке при университете, в литературном клубе им. Троцкого. Первая публикация – в 1919 г. В 1920-е гг. стихи и заметки публиковались в местной периодической печати («Большевистский молодняк» («Молодой ленинец»), «Саратовские известия» («Поволжская правда»). Работал в краевых и районных газетах. С 1925 г. член СарАПП.

В 1930-е – 1940-е гг. стихи и статьи появлялись в местной периодической печати (краевых, затем областных, районных газетах), сталинградской «Борьбе», журнале «Нижневолжский колхозник» (1932), альманахах «Призыв» (1931), «Литературное Поволжье» (1934), «Литературный Саратов» (1935, 1936, 1937, 1939), сборнике «Песни борьбы и побед» (1934), «Рабочей книге по литературе народов СССР для V гр. ФЗС и I гр. ШКМ» (1932), «Рабочей книге по литературе для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ» (1932). Автор книги «Победители» (Саратов, 1936).

В 1940-е – 1950-е гг. стихотворения и поэмы Н. Королькова публиковались в газете «Коммунист», альманахе «Литературный Саратов» (1940, 1951).

С середины 1950-х гг. до 1967 г. работал в газете «Огни коммунизма» (г. Балаково).

В 1967–1972 гг. публицистические стихотворения и поэмы Н. Королькова появлялись на страницах балаковской газеты «Строитель коммунизма».

[7] **Волков Виталий Михайлович** (1910 (Харьков) – (?) – поэт, журналист. Родился в семье учителя.

Член СарАПП, затем первого саратовского оргкомитета Союза советских писателей (1932 – 1933). Стихи опубликованы в краевых и областных газетах (1930–1935), журналах «За пролетарскую литературу» (1932), «На культурном фронте»(1932), альманахе «Призыв», «Рабочей книге по литературе для VII гр. ФЗС и III гр. ШКМ» (1932), готовились к печати в первом выпуске альманаха «Литературный Саратов» (1935 г.) В 1936 г. саратовским крайгизом планировался выпуск сборника стихотворений В. Волкова и Н. Королькова «Родина». Арестован 05.12.1935 г. Осужден спецколлегией Саратовского краевого суда от 27.03.1936 г. за антисоветскую агитацию к 5 годам лишения свободы. Дальнейшая судьба неизвестна.

Реабилитирован 16.11.1988 г. Верховным судом РСФСР.

[8] **Тимохин Виктор Александрович** (1909–1967) – саратовский поэт, журналист. Родился в селе Александровка Пензенской области. В 1929 г. поступил в Саратовский пединститут. Работал в саратовской газете «Молодой сталинец» литсотрудником, ответственным секретарем, заместителем редактора, затем в московской многотиражке «Стахановец».

С 1942 по 1946 г. – военный журналист. С 1957 года – член Союза писателей СССР. До конца жизни работал в саратовской газете «Коммунист», радиокорреспондентом, редактором издательства.

Первое стихотворение было опубликовано в 1925 г. в саратовской газете «Большевистский молодняк». Автор книг (большинство издано в Саратове) «Самое дорогое» (1952), «Степан Муратов» (1955), «Василек» (1956), «Подвиг Зинаиды Львовой» (1957), «Наташа идет по улице» (1958), «Половодье» (1959), «Молодые сердца» (1960), «Мы живем на Волге» (М., 1960), «Когда горят костры» (1964).

[9] **Озерный (Дурнов) Борис Федорович** (1911–1958) – саратовский поэт. Родился в селе Новые Бурасы. Учился в садово-огородном училище под Саратовом, переехал в Азербайджан. Первые стихи напечатаны в 1932 году в газетах г. Баку. Вернулся в Саратов, работал в областных газетах и на радио. В 1939 году по комсомольскому призыву вступил добровольцем в лыжный батальон и участвовал в Советско-финской войне. В 1941 г. вновь ушел добровольцем на фронт в составе Саратовского отдельного батальона политбойцов. Служил в редакции газеты «Вперед за Родину» 22-й армии и в газету 6-й гвардейской армии «Боевой натиск». В 1944 году был уволен в запас по болезни.

В 1945–1947 гг., а затем в 1951–1957 гг. был ответственным секретарем в Саратовском областном отделении союза писателей.

Автор книг (издано в Саратове): «С именем вождя» (1942), «Рубежи» (1945), «У крутых берегов» (1950), «Огни на стрежнях» (1950), «Хорошего улова: Советы начинающему рыболову-любителю» (1951), «Рассказы разведчика» (1952), «На Волге» (1954), «Волга – песня моя!» (1955), «Рыбаки» (1957), «Иришкина книжка» (1958), «Звезды светят в пути» (1959), «Тропинка» (1960), «Новый день» (М., 1961), «Голосом сердца» (1962), «Лесная школа» (1966), «За ветрами быстрокрылыми» (1981), «Избранная лирика» (2011).

[10] **Степан Дальний** – псевдоним Дмитрия Самсонова (1895–?). Родился в крестьянской семье в одной из Нижневолжских деревень Саратовской губернии. Весной 1914 года вместе с братьями создал подпольную революционную организацию, которая занималась перепиской трудов Ленина, Маркса и Энгельса, а также издательством рукописного журнала. Организация была рассекречена 27 февраля 1915 года, ее члены были арестованы, а затем отпущены под надзор полиции.

С 1920-х гг. работал в губернских газетах и журналах, 3 января 1926 года опубликовал в газете «Известия» «Воспоминания о Есенине». В 1931 г. вступил в Нижневолжскую краевую организацию пролетарско-колхозных писателей. Согласно постановлению бюро горкома ВКП(б) от 13 мая 1933 года, вошел в оргкомитет в составе: Смирнов-Ульяновский, Ветер, Семенов, Бабушкин, Маслов, Степанов, Дальний, Русецкий, Евстратов. Сотрудничал с изданиями «Коммунист», «Саратовский рабочий» и «Саратовские известия». Печатался в альманахе «Литературный Саратов». Был одним из организаторов Саратовского отделения Союза советских писателей. В 1937 г. назвал повесть Иосифа Кассиля «Крутая ступень» «позорным событием в работе саратовской литературной организации». Дальнейшие сведения отсутствуют.

[11] **Звягина Валентина Павловна** (1907–1982). Родилась в г. Томске. С 1914 жила в Хвалынске, после окончания школы 5 лет работала учительницей начальных классов в Калмыкии, потом переехала в Астрахань. С начала 1930-х годов до начала 1960-х жила в Хвалынске, затем – в Вольске.

Первое стихотворение было опубликовано в журнале «Крестьянка» в 1928 году.

Печаталась в местных газетах, альманахе «Литературный Саратов», журналах «Работница» и «Крестьянка».

С начала 1950-х годов писала стихи для детей, которые были опубликованы в областной и районной периодической печати, журнале «Волга», сборниках «Огоньки», «Светлый день», «Первый звонок». Большинство книг изданы в Саратове: «В лесной сторожке» (1951), «Малыши» (1953), «Воробышки» (1955), «Голубой городок» (1959), «В гостях у дедушки» (1963), «Лосенок» (1965), «Улетаю на Луну» (1966), «Земляничка» (1966, Москва), «Как появилась тропинка» (1968, Москва), «Хорошо на свете жить» (1970), «Доброе утро» (1974).

[12] **Бабушкин Виктор Федорович** (1894–1958) – писатель. Родился в Саратове в семье рабочего, в 1914 г. вступил в РСДРП. «По заданию исполкома Бабушкин организует в Саратове Красную гвардию, участвует в подавлении мятежа белоказаков, проводит операцию по захвату банков, налаживает работу почты и телеграфа, руководит охраной железной дороги, деятельностью губернской милиции, а затем комиссаром отправляется на колчаковский фронт (Писатели Саратова. Биобиблиографический справочник (Саратов, 1985). С 1917 г. писал корреспонденции в газетах. В 1921 г. работал в Москве репортером газеты «Труд». Вернувшись в Саратов, возглавил отдел рабочей жизни в «Саратовских известиях», входил в редколлегии сатирических журналов «Метла» и «Клещи». В 1935 году репрессирован, реабилитирован в 1956 г.

Автор книг: «На правильную линию» (1925), «Горькая молодость» (1955), «Простые люди» (1956), «Хромой волк» (1958), «Люди и встречи» (1959), «Избранное» (1961), «Дни великих событий» (1974).

[13] Книготорговое объединение государственных издательств.

[14] Ледерин (от нем. leder – кожа) – материал для переплётов на тканевой или бумажной основе, имитирующий кожу.

[15] Ошибка автора. Николай Палькин родился 3 апреля 1927 года и не мог быть назван в этом ряду.

[16] **Цицин Николай Васильевич** (6 (18) декабря 1898, Саратов – 17 июля 1980, Москва) – ботаник, генетик и селекционер. Академик АН СССР (1939), ВАСХНИЛ (1938). С 1912 г. работал посыльным, весовщиком, в 1915 г. стал линейным надсмотрщиком и телеграфистом правительственного телеграфа в Саратове. С мая 1918 г. – политкомиссар связи при штабе 4-й армии Восточного фронта, с августа 1918 г. – районный комиссар отдела связи в Хвалынске, с августа 1920 г. – заведующий культотделом и член губкома связи в Саратове. Учился на рабфаке, затем окончил Саратовский институт сельского хозяйства и мелиорации. С 1927 по 1932 год работал на Саратовской сельскохозяйственной опытной станции при Всесоюзном институте зернового хозяйства. В 1932 году переехал в Омск, где возглавил лабораторию пшенично-пырейных гибридов.

[17] Кратирование – дополнительное обложение (штраф) продовольственным заданием, рекомендовалось увеличивать его от двух до пяти раз (крат). Чаще всего применялся пятикратный штраф.

[18] Возможно и такое написание. В 1930 году в СССР вышел фильм «Лягавый» режиссера Петра Кириллова.

[19] **Криницкий Александр Иванович** (28 августа (9 сентября) 1894, Тверь – 30 октября 1937) – революционер, советский политический деятель. В 1919–1921 гг. ответственный секретарь Саратовского губернского комитета РКП(б). С 7 апреля 1934 г. до 18 июля 1937 г. – 1-й секретарь Саратовского краевого – областного комитета ВКП(б) С июля 1935 г. по 1937 г. – 1-й секретарь Саратовского город-

ского комитета ВКП(б). 20 июля 1937 г. арестован и 29 октября 1937 приговорён к расстрелу, приговор приведен в исполнение 30 октября. Реабилитирован 17 марта 1956 г.

[20] **Слонов Иван Артемьевич** (1882–1945) – народный артист РСФСР, с 1915 – актер Саратовского драмтеатра. Как режиссёр поставил спектакли: «Гроза» (1933), «Аристократы», «Лес» (1936), «Любовь Яровая» (1938) и др. В 1933 году имя Слонова присвоено Саратовскому театральному училищу, в 2003 году – Саратовскому театру драмы (ранее – им. Карла Маркса).

[21] **Муратов Степан Михайлович** (1885–1957) – народный артист РСФСР, с 1930 года – актер Саратовского драмтеатра.

[22] Альманах «Литературный Саратов». Вып. 1. 1935.

[23] **Стромин (Строев, Геллер) Альберт (Александр) Робертович** (1902, Лейпциг, Германия – 1939), сотрудник спецслужб. С марта 1920 г. – в ВЧК. Старший следователь, начальник отдела Ленинградского ОГПУ. Член комиссии «по чистке» АН СССР в Ленинграде. Вел допросы ученых по «академическому делу» в 1929–1931 гг. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва.

С 7 августа 1937 г. – начальник УНКВД по Саратовской области. 14 января 1938 г. арестован и 22 февраля 1939 г. приговорен к высшей мере наказания. Обвинялся в том, что «*...являлся участником к/р организации и создавал видимость борьбы с правыми и троцкистами, в действительности же привлекал к ответственности невинных людей. Неправильными и массовыми арестами Стромин спровоцировал недовольство населения против ВКП(б) и Советской власти...*». Расстрелян 22 февраля 1939 г. Не реабилитирован.

[24] Цугундер – от нем. Zu hundert – к сотне (ударов). По-видимому, из старинного военного арго, где употреблялось для обозначения приговора к телесному наказанию.

[25] Взрыв в центре Крытого рынка произошел 13 января 1938 г. Погибли 47 (по другим данным – до 200) человек, еще 200 получили ранения. Одной из причин трагедии называли взрыв изношенных паровых котлов в подвальном помещении. «Были арестованы директор рынка Кузьма Булатов, его помощник Сергей Степанов и работники Сарторга: директор Илья Шницер и механик Михаил Яишницин. В вину им, кроме диверсии, вменялось вредительство и развал советской торговли. Они якобы входили в террористическую группу, которая существовала в Саратове с 1935 года. Из документов видно, что на допросах Шницер признался в подготовке и проведении теракта. Все четверо попали в сталинские расстрельные списки и были казнены весной» (Александр Филиппов в ст. Алены Мартыновой «Взрыв в Крытом рынке: теракт или халатность?». Родной город, 15.01.2014.)

[26] **Котов Михаил Поликарпович** (1907–1972) – саратовский критик, литературный деятель. Родился в селе Средний Карачан Воронежской области. С 1930 по 1933 год учился в Москве на литфаке МГУ, затем работал в Смоленском и Саратовском областных книжных издательствах.

На фронте с февраля 1942 по март 1944 г. Награжден орденом Отечественной войны II степени.

С 1945 по 1965 г. был секретарем редакции газеты «Дагестанская правда», собкором газеты «Советская культура», инструктором сектора печати Саратовского обкома ВКП(б), заведовал отделом литературы и искусства в газете «Коммунист». С 1957 по 1965 г. руководил саратовской писательской организацией. С 1966 по 1972 год работал в редакции журнала «Волга» заведующим отделом критики, заместителем главного редактора.

Автор книг (издано в Саратове): «Фашизм – враг культуры» (1941), «Заметки о поэзии» (1954), «Пути и дорожки» (1958), «В мастерской стиха Твардовского» (1963), «Чувство времени» (1969).

[27] «Кумач и звёзды» (Саратов, 1940).

[28] Старые Бурасы – село в Базарно-Карабулакском районе Саратовской области. Расположено на реке Медведица, в 36 км от районного центра.

[29] С 1929 года – Челябинский тракторный завод им. И. В. Сталина.

[30] Гусеничный трактор СТЗ-НАТИ Сталинградского тракторного завода.

[31] **Тэсс Татьяна** (псевдоним; настоящее имя Татьяна Николаевна Сосюра) (1906, Одесса – 1983, Москва) – советская писательница, журналистка и публицистка, многолетняя сотрудница газеты «Известия».

[31] **Падерин Иван Григорьевич** (1918–1998), Леваковская Евгения Владимировна (1914–1982) – прозаики. Лисянский Марк Самойлович (1913–1993) – поэт-песенник.

[33] **Явчуновский Яков Исаакович** (10.01.1922, Сумы – 08.10.1988, Саратов) – доктор искусствоведения, профессор кафедры советской литературы Саратовского государственного университета. В 1946 г. окончил Ленинградский государственный университет по специальности филолог-литературовед. Учителями его были Г. А. Гуковский и Б. М. Эйхенбаум. До 1962 г. Явчуновский работал в редакциях саратовских газет, затем до конца жизни – в СГУ. Автор 8 монографий и более 60 статей в журналах «Театр», «Литературное обозрение», «Волга», «Вопросы литературы» и др.

[34] **Менчинский Владимир Александрович** (1910–?), театральный режиссер. Работал в Саратовском театре драмы им. К. Маркса (ныне Саратовский академический театр драмы им. И.А. Слонова) в 1951–1954 гг. и в 1967–1970 гг. в должности главного режиссера. Поставил более 15 спектаклей.

[35] **Овечкин Валентин Владимирович** (9 (22) июня 1904, Таганрог – 27 января 1968, Ташкент) – советский прозаик, драматург, журналист. Книга «Очерки о колхозной жизни» вышла в издательстве Сельхозгиз в 1954 г.

Анатолий БАКАЛОВ

ДВА ВЕКА НАЗАД НА БОЛЬШОМ КАРАМАНЕ

Антон Шнайдер. Мариенталь XVIII–XIX. / Пер. с немецкого А. Шнайдер-Стремяковой. – Berlin: Viademika-Verlag, 2014; Барнаул: ИПП «Алтай», 2014. – 490 с.

Антонина Шнайдер-Стремякова. Айсберги колонизации. – СПб.: Алетейя, 2011; Berlin: Nora Verlag, 2011; Барнаул: ОАО «Алтай», 2014. – 256 с.

Книги, ставящие проблемы самоидентификации того или иного народа, выходят в свет нередко – и особенно часто становятся фактом литературы в «эпохи перемен». В истории своего прошлого писатели пытаются найти смысл сегодняшней жизни своего народа, обозначить, предугадать пути и перспективы дальнейшего бытия нации. В этом смысле актуальным и в каком-то смысле ожидаемым событием стало почти одновременное появление двух книг на одну и ту же тему, хотя и написанных авторами разных эпох – мемуарных записок немецкого колониста Антона Шнайдера (XIX век) и исторического романа его прапраправнучки и нашей современницы Антонины Шнайдер-Стремяковой «Айсберги колонизации». Обе книги, презентация которых с успехом прошла в августе 2014 года в «Российско-немецком доме» г. Барнаула, заслуживают самого чуткого внимания, и прежде всего – со стороны представителей двух наций – русских и немцев. Ибо написаны они «русскими немцами», и речь в них тоже о «русских немцах», о мучительно трудном вхождения немецких колонистов XVIII века в русскую жизнь, в российскую историю. В любом случае эти книги – о российской истории.

Авторы: Антон Шнайдер, немецкий колонист третьего поколения, талантливый художник, поэт, прозаик, просветитель, публицист. Его рукописные записи становились важным подспорьем для работ профессиональных историков. И Антонина Адольфовна Шнайдер-Стремякова, учитель-гуманитарий, родившаяся в 1937 г. в селе Мариенталь (ныне поселок Советский Саратовской губернии) и полвека проработавшая в школах Алтая, писательница, недавно переселившаяся в Берлин, автор ряда книг, в основном автобиографического характера.

До недавних пор темы, так или иначе поднятые авторами названных книг, нельзя было назвать популярными. То, о чем в мемуарах и историческом романе повествуется, всегда было не то чтобы тайной, но сферой, к которой лучше не прикасаться. К ней почти и не прикасались. Само собой разумелось, что среди российской интеллигенции, среди русских политиков и военных едва ли не каждый пятый носил немецкую фамилию, да и сейчас, в эпоху массовых отъездов, далеко не все носители таких фамилий променяли русскую рыбалку на немецкую лицензию на отлов трех рыбок. Кто из россиян не знает, что в Саратовской губернии издавна обитали некие «волжские немцы», что с середины прошлого века немецкими поселениями стали затем обрастать районы Урала, Сибири, Казахстана, Средней Азии? Автору этой рецензии самому приходилось собирать со студентами-филологами немецкий и латышский фольклор по деревням Кемеровской области. Но как, какой волной были вынесены эти «нетитульные» здесь народы из мест их исконного проживания? В те годы этот вопрос возникнуть не мог и предметом художественного изображения тем паче не становился. В нашем сознании «немецкий вопрос» был молчаливо связан с именами Екатерины II и Сталина. Императрица поселила немцев на юге России, Сталин же почти два века спустя угнал их еще дальше. Государственная целесообразность, что тут можно еще добавить?

Ни в мемуарах немецкого поселенца А. Шнайдера, ни в «Айсбергах колонизации» А. Шнайдер-Стремяковой имени «отца народов», конечно, нет, время действия и время художественное заканчивается в обоих произведениях за добрую сотню лет до предстоявших репрессий, но тут встает вопрос, а так ли уж

сильно советский и постсоветский XX век отличался от веков предыдущих? И вопрос этот тоже подстать айсбергу, мимо которого никак беспрепятственно не проплыть.

Тема и мемуарных воспоминаний, и написанного на их основе романа – не очень долгая история проживания неподалеку от Саратова «волжских немцев». А если точнее, то это «труды и дни» одной лишь маленькой немецкой колонии, одной из ста пяти (105!) из них, крошечной части немецкого населения, откликнувшегося в XVIII веке на призыв русской императрицы перебраться из своего вюртембергского княжества, истерзанного Семилетней войной, в малозаселенные области Нижней Волги, укрепить там и упорядочить дикие степные окраины Юго-Востока России. В бурно развивавшейся после Петра империи недоставало своего населения, ее пустынным, но неспокойным территориям «дикого поля» остро и на долгие годы нужны были цивилизованные «гастарбайтеры», которые со временем автоматически становились бы гражданами России. Екатерина II призывала на благодатный русский юг тысячи своих трудолюбивых земляков, выделяя им деньги из бюджета («проездные» и «кормовые»!), не скупясь на обещания и открывая перед новоселами самые светлые перспективы. В своих надеждах и обещаниях императрица была, наверное, искренна, но, как всегда неизбежно было и есть в нашем отечестве, ни в верхах, ни в низах никто не изучил и не учел подводную часть многих «айсбергов» – социально-политических, межнациональных, этнических, да и просто бытовых и погодных.

Современному читателю, привыкшему к поездам и самолетам, приходится простодушно напомнить, что два столетия назад расстояние от какого-нибудь Вюрцбурга до Саратова – на лошадках и морских переправах – преодолевалось за... два-три года, что в пути переселенцам нужно было пережить как минимум две зимовки при суровых российских морозах, нужно было привыкать к пьянству и угрюмой бытовой ксенофобии русской деревни, лечить обмороженных детей и хоронить скончавшихся больных, а по прибытии «к месту назначения» вдруг обнаружить, что их здесь никто не ждал, что для местных саратовских властей их приезд – малоприятный сюрприз. И тогда только взволнованный переселенческий комитет уже в авральном порядке – и вовсе не тотчас – примется расселять немцев в лучшем случае по целинным землям, – не обеспечивая никого ни тягловой силой, ни продовольствием, ни посевным инвентарем. В самом же обычном варианте – так и вообще по солончакам и «ничейным» песчаным неудобицам. Никак не выходят из головы слова Твардовского, посвященные, правда, освоению других «целинных и залежных земель»:

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой,
И помнится иная сторона,

И нужен срок, чтоб здесь окорениться,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

В названных книгах – с бóльшим или меньшим погружением в бытовые факты – перед читателями пройдет жизнь четырех поколений немецких колонистов, откликнувшихся на призыв русской императрицы. Их будет выручать в жизни, а то порой и становиться помехой их немецкая ментальность: оптимизм и житейская трезвость, добропорядочность и, случалось, так и желание схитрить и скрыться с полученными на переезд «русскими» деньгами, немецкое упорство и трудолюбие с немецкой же наивной верой в силу закона. Российская действительность не забывала и тут методично вносить во все свою «национальную» коррекцию.

Там, где в соприкосновение приходят разные народы, они – независимо от характера этого соприкосновения – взаимно обогащают друг друга своим опытом – как хорошим, так и дурным. А в данном случае речь идет о трудной взаимной «притирке» представителей трех национальностей, оказавшихся причастными к одной территории: немецкой, русской и кочевых киргизов-кайсаков, традиционные пастбища которых волею властей были отданы в землепользование немецким переселенцам.

Исторический роман как жанр не есть роман-хроника и не обязан воспроизводить точную копию и последовательность исторических событий. Эта форма повествования просто дает ощущение исторической правдивости в изображении, пусть и в сочетании с элементами художественного вымысла. Так, в мемуарах А. Шнайдера нет, конечно, основного упора на лирических и любовных линиях сюжета или, скажем, не могло быть сцены беседы Екатерины Второй с расположившимся у ее ног Григорием Орловым. Тем не менее исторический роман А. Шнайдер-Стремяковой, все это включивший, вообще похож на роман документальный, на хронику о том, что было и ушло. Он несет в себе ощущение «голой» правды, идентичности всего изображаемого. Здесь и споры-сомнения обывателей земли Вюртемберг на тему: ехать – не ехать в Россию, и отчаяние первого поколения переселенцев, оставленных властями один на один с природой – без крыши над головой, без денег и инвентаря. Труд, лишения, устройство быта, взаимопомощь и работа – до крови, до смертного изнеможения... И едва колония станет обретать бытовую стабильность, грянет восстание Пугачева с грабежами и убийствами со стороны залетных банд. Едва стала забываться подавленная властями пугачевщина, приходит еще более страшное – регулярные августовские набеги киргизов, их насилие, убийство детей, порушенные семьи, киргизские полоны.

Государство, пригласившее иностранцев к себе на жительство, самоустранилось от своих обязательств перед приезжими, душит налогами, не обеспечивает их безопасности. И когда, наконец, преодолев это все, колонисты за счет своего немецкого пота все-таки становятся хозяевами положения и уже выводят край к процветанию, опомнившаяся было «матушка-императрица» уравнивает своих земляков с... крепостными крестьянами, вводя в закон унижение перед алчными чиновниками и непомерные подати – «подушные, казенные и на работника». И в немецкие семьи приходят полтора десятка воистину черных лет – годы зависимости от любого заезжего чиновничьего «картуза», нищенства, недоедания, вымирания. После смерти Екатерины Павел I ее указ отменит, и в Мариенталь снова станет возвращаться пора стабильности. Увы, впереди будет еще XX век, и много-много чего из века XIX.

Если записки А. Шнайдера написаны от первого лица, то роман – от объективного повествователя, и повествователь этот по большому счету в самом деле объективен, насколько это только возможно. Его (скорее ее) немецкими глазами мы воспринимаем всю историю колонизации, и, наверное, было бы понятно и объяснимо, если бы где-нибудь, скажем, в рассказе о зверской жестокости грабителей-кочевников или о самодовольной тупости и лени русского чиновничества прозвучали антикиргизские или антирусские нотки. Однако этого в романе нет. Нет нигде! Было по-всякому, было много бесчеловечного, но было и такое, о чем в одном месте узнается из диалога персонажей:

– Мне тут недавно мужик из соседней колонии историю свою рассказал, – оживился молчавший Йоханнес. – Явился к нему молодой киргиз и на родном нашем диалекте назвался его братом. Просил поехать с ним в орду и проведать там свою мать. Немец поехал и, действительно, встретил мать. Обнимались. Плакали... Плакало и десять детей ее новой семьи, но возвращаться в колонию старушка отказалась. Одарила сына лошадьми, скотом, разного рода подарками и осталась в новой семье.

– Да-а. Немцы породнились с киргизами, скрепили родство кровью...(С. 217).

Итак, если подводить итог работе рецензента, то таковой убежден: обе книги, выпущенные одна за другой немецким и российскими издательствами, при всем различии их жанровых особенностей представляют собой чтение интересное, познавательное, нелегкое, полезное, поднявшее во многом те же проблемы, от которых государство российское, увы, не торопится избавляться и по сей день.

Если российские историки и экономисты уже обращались к теме жизни немецких колоний на территории России, то в художественном освоении этой темы «Айсберги колонизации» – первая и пока единственная «ласточка». Думаю, что книга А. Шнайдер-Стремяковой состоялась и как исторический роман, и как произведение «критического реализма», и вместе со своим документальным «претек-

стом» имеет полное право быть предметом обсуждения. Это произведение значительное, и не в последнюю очередь – из-за системы персонажей, как индивидуально обрисованных, так и собирательного образа немецких переселенцев в целом.

Вот мудрая, многострадальная и по-своему героическая Луиза Шнайдер, вот красавица Антуанетта, достойная гораздо лучшей женской участи, чем та, которая выпала на ее жизнь, вот энергичный и жизнелюбивый Матиас и устремленный к знаниям мальчик Антон Шнайдер, дневниковые записки которого и станут для автора фактической основой для романа. Остаются в памяти и герои второго плана – пастор Вернборнер, ценой жизни попытавшийся спасти колонию от киргизского нашествия, скромная Китти, прижимистый и вороватый Франс. Никак нельзя забыть и фигуру совершенно уж эпизодическую – русского майора Гогеля – этакого удалого Анику-воина, с горсткой солдат разогнавшего орду головорезов и вызволившего из киргизского плена десятки женщин и детей[1].

Пусть не прозвучит здесь непомерной натяжкой и еще одно. Роман о «русских немцах» местами явно напоминает одно «нобелевское» произведение XX века с похожей же канвой сюжета. Уйдя из обжитого места, где жизнь в силу каких-то причин не задалась, группа людей самого разного возраста идет вслед за лидером «в направлении наугад», чтобы на диком месте основать новую жизнь, фактически новую цивилизацию. И будет ими основано поселение, и станет селение разрастаться, и станут править в нем любовь и кровь, и будет в городке много разных чудес, и начнут из внешнего мира вползать в это «экспериментальное» пространство политика и церковь, просвещение и бизнес, торговля и наука. И наконец, в апокалипсисе поглотившей все «цивилизации» погибнет городок Макондо по прошествии века.

Да, это «Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса. И пусть на этом аналогия по существу и закончится, ведь автор «Айсбергов» никак не претендовала на мифологические глубины романа, вобравшего в себя всю историю Латинской Америки. У нее, автора, частная история заселения немцами земель Поволжья, история, описанная пером очевидца, и не более того. Но и все же, все же, все же! Разве не несет в себе ее мудрая Луиза – жена, вдова, мать, любовница, бабушка – черт праматери Макондо Урсулы Игуаран? А обольстительная Антуанетта – не родная ли она сестра Ремедиос Прекрасной? Разве что ей не дано вознестись на небеса. И разве не воспринимаются оба эти столь неравнозначные произведения в первую очередь как романы о любви? А буквальная «перенаселенность» обоих произведений персонажами с одинаковыми или похожими именами? И концовка, не поэтому ли она так щемяще грустна в обоих романах-хрониках, где авторы подводят печальный итог своим цивилизациям – пусть исчезнувшим, но никак не канувшим в Лету бесследно!

Анна САФРОНОВА

СПИНОЙ К «КРУГЛОМУ СТОЛУ»

Владимир Орлов. Чудаков. Анатомия. Физиология. Гигиена // Знамя. – 2014. – №10, 11.

Владимир Орлов, чья издательская деятельность уже прочно вошла в культурное сознание нынешнего времени[2], выступает в качестве не редактора и издателя, но автора. С одной стороны, перед нами – закономерное продолжение работы по исследованию «неподцензурной», условно говоря, поэзии, с другой – совершенно новый уровень этой работы: уровень уже не представления, но серьезного осмысления и личности поэта, и культурно-

[1] Будучи эпизодическим персонажем для данных произведений, майор Гогель – русский офицер, поляк по происхождению – фигура исторически значительная. Это знакомый А.С. Пушкина, соратник Г.Р. Державина по подавлению пугачевского бунта, человек отчаянной храбрости, вполне могущий стать и главным героем иного исторического романа.

[2] С 2004 года в рамках проекта «Культурный слой» Владимир Орлов издал более десяти книг, среди которых «Колёр локаль» (сост. И. Ахметьев; подг. текста И. Ахметьева, В. Орлова. – М.: Культурная Революция, 2008) – первое представительное издание поэзии Сергея Чудакова.

го контекста. Впрочем, в примечаниях автор скромно называет себя «составителем», в текст прямым образом вмешивается нечасто, лишь в случае необходимости маркировать даты, факты, состояния героя в тот или иной момент – и тем самым не дать читателю рассеяться, потерять сюжетную нить. Но перед нами именно авторская яркая работа, и совершенно справедливо в «шапке» публикации Владимир Орлов обозначен как автор[3].

Около сотни людей высказываются об одной из самых загадочных фигур в поэзии минувшего века. Присутствуют и цитаты из опубликованных источников, и архивные материалы, в обилии материалы новые (автор поясняет: интервью были взяты в период 2013–2014 годов, большая часть – совместно с Д. Дубшиным). О Сергее Чудакове говорят и близкие к нему люди (Михаил Еремин, Олег Михайлов[4], Лев Прыгунов[5] и др.), и просто многочисленные знакомые, среди которых преобладают фигуранты литературного мира (Евгений Евтушенко, Анатолий Найман, Сергей Бочаров, Игорь Волгин и мн. др.). Очень ощутимо в тексте присутствие Бродского, несмотря на то, что прямых высказываний о Чудакове нет, есть косвенные описания взаимоотношений двух поэтов, приводится стихотворение «На смерть друга», написанное по поводу смерти Чудакова, оказавшейся мнимой, плюс цитаты из Бродского на актуальную в тот или иной момент повествования тему, приводимые каждый раз очень своевременно и по делу. Одна из самых страшных «молчаливых» фигур книги о Чудакове – безумная мать поэта.

Но – описание работы Владимира Орлова заняло бы места едва ли меньше, чем сама работа, – настолько все кажется важным и уместным. Книга Орлова дает уверенность: Чудаков – что-то вроде центра Вселенной, он «везде», чуть ли не вездесущ, никто и ничто не прошло мимо него, он «со всеми» – и всё равно один и никому в полной мере не близок.

Принцип работы автора восхищает: нам не просто предлагают ворох разрозненных и противоречивых материалов, но нас «ведут», последовательно и неуклонно. Орлов сталкивает мифы и мифы, мифы и документы, документы и поэтические высказывания, очарованных и разочарованных, ненавидящих и обожающих. Продемонстрировать полярность – не самоцель, вряд ли нас хотят удивить противоположностью оценок. В выборе автора есть и жесткая логика, позволяющая не расплыться повествованию – четкий временной вектор, хронологическая последовательность: жизнь Чудакова прослеживается от рождения к смерти, но вместе с логикой есть предельная включенность авторский интуиции. Действующие лица орловской книги выглядят как будто на «круглом столе», причем все они сидят к этому столу спиной, не слыша и не видя друг друга – но всех видит и слышит автор, и предлагает нам предельно индивидуальные, интимные, можно сказать, высказывания, сделанные без расчета на собеседника, без оглядки на соседнее мнение. Абсолютный гений, – говорит один; вор, сутенер, мошенник, подлец, – говорит другой; сумасшедший и талантливый, – ищет золотую середину третий; пропаганда Чудакова, без попытки извлечь уроки, оправдания не имеет, – приговаривает четвертый, и так далее[6]. И всех их объединяет одно: в отношении к Чудакову они в большинстве своем пристрастны, равнодушных нет.

Чудаков превосходит все ожидания, Чудаков обманывает все ожидания; а перед нами книга о гении и злодействе – сосуществующих в пределах одной личности.

Помимо множества оригинальных материалов, Вл. Орлов приводит документальное свидетельство подлинной смерти Сергея Чудакова. Даже смертью своей Чудаков нарушил

[3] Отсутствие имени – только фамилия – в заголовке дает интересный (запланированный?) эффект: слово «Чудаков» вполне может быть воспринято как прилагательное.

[4] Чудаков – не только объект воспоминаний, но и прототип персонажей прозы Олега Михайлова (публиковавшейся, кстати, в «Волге»), их характеристики включены в публикацию Владимира Орлова.

[5] Книга Льва Прыгунова (Сергей Иванович Чудаков и др. – М.: РУДН, 2011) – свидетельство чудаковской магии и вездесущности: несмотря на то, что большая часть повествования касается непосредственно героя-автора, Чудаков все-таки делается неизбежным центром: и точкой отсчета, и точкой притяжения-отталкивания.

[6] По ходу чтения возникает стойкое впечатление, что отношение к Чудакову – это такой тест: персонажи «проговариваются», невольно сообщают нечто сокровенное – не о Чудакове, ***о себе.***

(как не раз нарушал) схему, норму, ожидания. Он не стал банальной жертвой квартирных мошенников (что в сакральном смысле могло быть истолковано как справедливое «возмездие» за прижизненную уголовщину), но умер от сердечной недостаточности, прямо на улице.

Нельзя не заметить, что труд Владимира Орлова чудесным образом вписывается в контекст ноябрьского номера «Знамени», тема которого заявлена как «Судьба и слово».

Александр КОТЮСОВ

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

Януш Леон Вишневский. Гранд / Пер. Марина Тогобецкая. – М.: АСТ, 2014. – 310 с.

Вишневский, пожалуй, один из самых известных современных польских писателей, переводимых в России. «Гранд», новый роман Януша Леона, выпущен тиражом двенадцать с половиной тысяч экземпляров. Не каждый российский автор способен похвастаться такими объемами. Полторы-две, редко пять тысяч – вот сегодняшний привычный тираж для хорошей прозы в нашей стране. Все, что свыше десяти, за редким исключением, рассчитано на масс-культуру. Детективы, бульварные романы, пляжное чтиво. Это не про Вишневского. Он ориентирован на думающего читателя. Планку творчества автор сразу задал своими, на мой взгляд, лучшими произведениями – «Одиночество в сети» и «Повторение судьбы».

Надо признаться сразу – предисловие к роману отчасти обманывает. Отель «Гранд» не главный герой книги. Главные в романе люди, с судьбами которых нас знакомит Вишневский. Впрочем, дочитав книгу до конца, понимаешь, что и романом это можно назвать лишь с определенной натяжкой. Это скорее сборник новелл, рассказов, историй, объединенных местом действия – отелем, ну и, конечно, еще попыткой (подчеркиваю, именно попыткой, и не всегда успешной) вовлечь всех героев в единый сюжет. «Гранд» – роман о любви. В романе пять сплетенных историй. Пять сюжетов о любви, меняющей героев, делающей жизнь их иной. Пять сюжетов о женщинах. Где-то они главные персонажи, а где-то прячутся за страницей, между строк, но роль их в судьбах мужчин, оказавшихся рядом с ними, не становится от этого слабее.

Герои разных новелл почти не пересекаются друг с другом. Кто-то перебрасывается несколькими фразами. Другие лишь взглядами. Третьи просто проходят мимо, задевая плечами... без извинений. Они – чужие. Всех их на мгновенье, час, ночь объединил отель. Жизнь их проходит далеко от «Гранда», а зачастую даже далеко и от Польши – в России, в Красноярске, в Германии, Швеции, Таиланде... Они ехали в отель, а поселились в книге Януша Леона Вишневского.

Вишневский ведет своих героев по коридорам отеля. Кажется, нет этим коридорам конца, они темны, и нет шанса найти выход или увидеть свет. Каждая новелла обрывается, словно недосказанная. Мы с нетерпением перелистываем страницы, чтобы узнать, есть ли у нее продолжение, конец, развязка. И только в пятой, последней новелле автор дает такой шанс герою, а вместе с ним и другим, которых он оставил ждать на предыдущих страницах. Пятая новелла, пожалуй, самая грустная, но вместе с тем и самая чистая. Именно в ней, в конце коридора, доселе темного, появляется свет. И хотя мы так и не узнаем, был ли он настоящим или просто померещилось, автор дарит надежду каждому.

Герой ее – Йоахим Мария Покута, стареющий и неизлечимо больной университетский профессор. Съедаемый болезнью Паркинсона, он прячется от коллег по работе, знакомых, семьи и, как мы понимаем, от себя, на чердаке своего дома, пьет вишневку и смотрит старые семейные альбомы. «Ему почти шестьдесят. Йоахим вполне в состоянии еще пока несколько секунд удерживать бутылку у губ. Его понастоящему изводит дрожание конечностей, слабость и неловкость движений... нарушение обоняния, обильное потение и это омерзительное слюноотделение. Но он все еще в состоянии обслуживать сам себя...» Самое яркое, самое счастливое воспоминание в жизни Йоахима – русская девушка Ксения, с которой они «занимались любовью в снегу, в бане, в Байкале. У нее были раскосые глаза, которые никогда не плакали. С ней он забывал себя». Ксения

осталась там, в России. Паркинсон – недостаток дофамина, – понимает Покута. Дофамин – «гормон счастья», как называют его бульварные газетенки. Отсутствие счастья ведет к гибели. Его наличие – вылечивает. Счастья в жизни Йоахима нет. Давно нет. Его жизнь сера и скучна. Йоахим принимает решение покончить жизнь самоубийством. Местом своего ухода он выбирает отель «Гранд». Зачем жить без счастья, без дофамина, ждать, когда мир твой заберет Паркинсон. Или можно попытаться все изменить, уехать в Сибирь и вернуть все обратно? Решать Йоахиму.

Счастья нет и у героев первой новеллы. Юстина встречает Мариана на пляже. Он – бомж, клошар, нищий, попрошайка. «Вынесенный за скобки», называет его автор. «Меня зовут Мариан Стефан Убогий. Но все называют меня просто Убожка. Даже милиционеры – то есть полицейские». Пьет. Много пьет. «Печень шалит. Знаете, барышня, когда за грудиной болит – это все-таки менее важно, чем когда болит печень. Потому что печень важнее грудины. Она даже, может, важнее, чем сердце». Он какой-то особый этот Убожка. С сердцем, душой, мыслями. В нем что-то сильно отличает его от других, опустившихся, бездомных, ненужных. «Убожка, когда вот ты так говоришь, а я тебя слушаю – так я никак не могу понять, кто ты есть: то ли ты пройдоха, каких мало, то ли какой-нибудь профессор университетский. Ты иногда говоришь как какой-нибудь крестьянин от сохи, а иногда – как красноречивый психотерапевт». Все, что мы знаем, это то, что у него было две жизни. Одна – до смерти дочери, другая – после. Будет ли третья жизнь? Мы читаем «Гранд» и хотим верить в это. В Юстине генетически заложенная человечность, любовь к людям без дома, своего очага, заботы. «Моя любовь – это некий вид самоубийства», – говорит она про себя. Может быть, сама того не понимая, она старается подарить Убожке тот самый дофамин, гормон счастья. Она приводит Мариана в новую жизнь. Другую. Он в ней никогда не жил. Или жил, но забыл. Десять лет в вине убивают прошлое. Чистые простыни, горячий завтрак, холодное вино из стеклянного бокала. Ему не по себе. «Я бедняк, нищий, без крыши над головой, и никакая одежда, никакая стрижка и спортивная обувь этого изменить не могут, потому что пудрой гангрену не вылечишь. А вы, барышня, меня сначала напудрили, а теперь хотите задрапировать в какие-то занавески. Но на засранном окне никакие занавески, даже самые красивые, мало что изменят. Люди все равно будут видеть только заляпанные стекла». Она понимает. Кажется, понимает. Но все равно стремится изменить его. «...Изменили вы меня, барышня. Перелицевали. Вывернули наизнанку...» Первое отделение закончилось. Юстине можно уходить. Что будет с героями новеллы дальше?

На сцене новые герои. Они мелькнули в первой части. Людмила – уборщица. Горничная, служанка. Русская. Из-под Красноярска. У Вишневского в романе много русских. Папа – поляк, мама – русская. Героиня берется за любую работу, ей нужно обеспечить себя, ей нужно строить свою жизнь. Она – сама! Все женщины, живущие на страницах книги, личности с твердым характером. Да, они рефлексируют по поводу своей любви, страдают от непонимания, но они тверды в своих намерениях, даже если намерения эти циничны. Вероника Засува-Петля, героиня очередного сюжета – дочь партийного работника, удачно вышедшая замуж, идущая по стопам и следующая примеру матери, живущая за счет мужа, не отказывающая себе ни в чем, не работающая – зачем, когда тебя содержат. У них нет детей. Она меняет любовников. Выбирает их сама. У нее для этого есть деньги. Ничего, что деньги мужа, он все равно не заметит этих расходов.

А вот еще история. Он – польский еврей, Шимон Элиаш Ксенбергер. Живет на всем готовом, рантье, прожигает состояние отца, который работал до своего последнего дня. Никому не нужен мужчина без цели и без стержня. С ним спали за деньги, за крышу над головой, за еду. По любви с ним не спал никто. Нет счастья, нет любви, нет гормона. И только она одна, Александра, встреченная им на острове Самуи, что возле Таиланда, на одну ночь делает его счастливым. Делает и исчезает навсегда, словно была сном, иллюзией, навеянной выкуренной сигаретой марихуаны. Порция счастья. Порция дофамина. Хватит ли ее на всю оставшуюся жизнь? Видимо, нет... и Шимон отправляется на поиски...

Роман погружает читателя в мир страданий своих героев. За них больно. За них переживаешь, им сочувствуешь. Роман держит. Он интересен. И все же... И все же роман несовершенен.

Абсолютно не к месту и явно портят книгу регулярные отсылы к истории отеля. Все же «Гранд» о любви, о взаимоотношениях мужчины и женщины. Отель лишь место действия, и то не всегда постоянного. Порой отель как штрих, да и не отель даже, а тень его. И словно чужеродной культей, оглоблей влезают в книгу воспоминания про Гитлера, его секретаря, других генералов рейха. Особенно дикой и лишней видится история про Путина, который, якобы гуляя вдоль пляжа с Туском, обсуждал способы устранения тогдашнего Президента Польши Качиньского. И дело не в абсолютном вымысле этого разговора – сама прогулка, наверное, была. Дело в полной инородности, алогичности этого сюжета. Он не нужен роману, чужд повествованию. Словно автору нужно было написать что-то антисоветское – поляки недолюбливают русских, признается Вишневский. А еще приходит в голову, что хозяева отеля попросили известного писателя увековечить их отель в прозе. Литературный памятник дорогого стоит, любой прочитавший захочет прикоснуться к истории – и при прочих равных, планируя свой визит в Польшу, выберет «Гранд». Как обойти отель с такой историей?! Вот и я посмотрел, есть ли свободные номера на ближайшие выходные. Оказывается, что отель переполнен.

Роман словно недоделан, не собран воедино, разрознен своими частями, сюжетами. Отель не объединяет, он чужой для героев, у каждого из них свой багаж и своя биография. Многое в книге скомкано и непонятно. Роман не дописан, вот его главная проблема.

При чтении иногда, особенно ближе к завершению, возникает ощущение, что автор торопился с ее публикацией. Первая половина произведения и вторая его часть выглядят абсолютно разными. Интересный и требующий логического конца рассказ о встрече польской журналистки и бездомного обрывается резко и оставляет много вопросов. Словно из книги при переводе потеряли пару десятков страниц.

Обескураживает и конец романа. Автор идет по самому, пожалуй, примитивному пути, когда, прерывая повествование о жизни своих героев в каждой конкретной новелле, он схематично рассказывает о том, что случилось с ними через 12 месяцев. Для такого мастера, как Вишневский подобное упрощение неприемлемо и отдает откровенной халтурой. Увы, подобное нам не редко приходится видеть, когда популярный, востребованный и одновременно коммерчески выгодный писатель становится игрушкой в руках издателей, требующих сдать новую книгу к намеченному сроку. Творчество под гнетом всегда дает сбои. Похоже, что Вишневский начал сбоить вслед за другими авторами, приравнявшими литературу к бизнесу.

И все равно, несмотря ни на что, Вишневский – мастер. Мастер сюжета, мастер переживаний. Слог его прост, но в этой простоте читатель находит очарование.

Николай СКВОРЦОВ

ЭКСКУРСИЯ К ГОРИЗОНТУ

Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам. – М.: Эксмо, 2014. – 448 с.

Пишущий о прозе Пелевина всегда оказывается в двусмысленном положении – текст настолько неуязвим, что возводить вокруг него какие-то пристройки смыслов бесполезно. Интереснее, наверное, наблюдать, как взрослеет аудитория Пелевина, продвигаясь вместе с автором от книги к книге по извилистым тропам его фантазии. Кто-то сетует на то, что не появилось произведение такого же масштаба, как «Чапаев и Пустота», кто-то, напротив, привык к регулярности выхода очередных томиков и ждет их с неизменной благодарностью, с удовольствием отмечая предельную современность текста и радуясь фирменным каламбурам и прибауткам.

Читатель уже знает, что в каждом новом произведении сюжет будет намечен пунктиром, и не ждет лихих поворотов событийного ряда. Гораздо важнее другое – как автор наполнит на этот раз свою привычную схему описания очередного мира.

Многие уже отмечали «катехизаторский» принцип построения текста у Пелевина – не-

кто оказывается в несвойственной ему роли, в необычном для него месте и начинает задавать вопросы, на которые те или иные люди, или сущности охотно дают развернутые ответы. В результате оказывается, что всё обстоит не так, как казалось вначале, в так называемой обыденной реальности. Причем эти описания миров, в которые нас приглашает автор, могут располагаться слоями, где следующее толкование уточняет или опровергает предыдущее, и так до бесконечности.

Вольтеровский Гурон поверял на прочность современную ему цивилизацию своим дикарским простодушием. Пелевин использует обратный ход – герои его книг открывали в скучноватой и пресной обыденности фантастические глубины и ужасались открывавшимся перед ними реалиям нового измерения. В последних книгах обыденности уже нет, перед нами абсолютно фантастический мир, который продолжает разворачивать неофиту свои запредельные перспективы.

В «Любви к трем цукербринам» люди живут в некоем подобие «матрицы», где «виртуальное» стало предельно реальным, а общение с «миром» происходит через фэйстоп – монитор стал окоемом. Простор для фантазии тут бесконечен, и повествование ветвится сквозь замысловатые реалии «прекрасного нового мира» и утомительные галлюцинации героев.

Но вот что любопытно – к концу книги стиль резко меняется и, страшно сказать, кажется, что автор – или образ автора – переходит к прямому высказыванию. Опять же, общим местом считается утверждение, что книги Пелевина – это буддизм для «чайников». Но последние страницы новой книги – это уже иной текст. Киклоп (корректор мироздания) уже обращается напрямую к читателю, окончательно разжевывая метафизику, ранее плотно вшитую в диалоги или описания. «Пелевин» становится на десяток страниц «Зеландом» или «Курловым», а потом вдруг следует главка настолько прозрачная и лирическая, что напоминает уже, скорее, Клайва Льюиса с его «Нарнией».

После такого главная интрига для читателя состоит в том, какова будет следующая книга ВОП – слишком высокая нота здесь прозвучала. Впрочем, Пелевин всегда умел удивлять.

Наталия ЧЕРНЫХ

ПО ПЕРИМЕТРУ АНТИСАДА

Зульфия Алькаева. По периметру. Стихи.– М.:Вест-Консалтинг, 2014. – 288 с.

Когда книга в двести страниц с гаком методично составлена из предыдущих книг, со сносками и объяснениями, становится немного страшно: что это? Книга стихов, в представлении ее читателя, прежде всего – нечто легкое, чуть жгучее, ложащееся на больную истерзанную душу. Это цитата, я так не считаю. Стихи не умеют подлаживаться к характеру или ситуации, не умеют мимикрировать, они по природе резки, как осенний ветер. И если они кому-то «ложатся на душу», то это огромная счастливая случайность, это начало мифа, что поэт нечто выражает. А зачем поэту что-то выражать? Он сам есть со-общение. Знак. Послание. Именно он и есть, вместе со своими стихами, осенний ветер, мчащий листья. И очень немногие пишущие стихи это понимают. Зульфия Алькаева открывает читателю восприятие именно поэта-знака. Потому и пишу о большой поэтической книге, избранном из всех предыдущих.

Зульфия Алькаева – поэтесса тонкая, умная, прихотливая. Такие стихи хочется назвать «филологическими». К ним можно отнестись как к редкому напитку (в книге есть стихотворение об истине, которая содержится «в клюквенном морсе»). Их можно представить и там, и здесь, можно и вежливо игнорировать в желании встретить именно что стихи «ложащиеся на душу», а эти стихи кажутся слишком умными. В них точно есть нечто от денди, хорошо рассчитанная непосредственность. Но не миф ли эта хорошо рассчитанная непосредственность? Не создан ли он был для того, чтобы дать основание интуиции, порой превосходящей в точности и глубине логику? Читаю:

И ещё.
Подержи за пазухой птицу.
Пусть думают,
что это камень.

Пока вдумывалась в эти строчки, очевидные на первый взгляд и парадоксальные с

какой угодно точки зрения (вроде бы камень должен превратиться в птицу), пришла мысль: пройти вместе с читателем по всей книге, небольшими цитатами.

Сразу бросается в глаза: образ сена, листвы, веток – древесного хлама, который так часто встречается в стихах поэтессы, – чрезвычайно гармонирует с составом книги. Нужна определенная смелость, чтобы выдать читателю эту охапку стихов, неровных, разной длины, каких-то всклокоченных.

Однако лейтмотивом звучит:

Не навредить рожденному случайно

Случайность, совпадение, промыслительность – основные ноты. Не зря эти стихи смотрят глазами снежинки, льдины, капли, бродяги. Даже «я» (а лирическая героиня тут точно есть, но скорее как отражение героини в зеркале) – даже это абсолютное «я» показано как соломинка в общей охапке. Напряженная, заостренная, ожидающая вздоха.

Теперь и я приручена судьбою

Поэтесса идет по стихотворению как по знакомой с детства дорожке, по которой можно дойти до дома даже в полной темноте. Но нет-нет, да и подскочит на одной ножке, как девочка. Это дает контраст, как если после глотка горячей воды сделать глоток холодной.

Чуткой памяти светлые полосы
Я отращиваю, как волосы

Знакомство с современной поэзией у Зульфии Алькаевой самое полное. Здесь и метаметафористы, и Геннадий Айги. Но в этих стихах метафора не является образующим центром. Здесь основное – внезапное движение текста, отчего стихи получаются неровными и живыми. А порой уходят в архаическую глубину.

Мрак не брит
Щетиной веток расцарапаны виски

Мне видится нечто свежее в этой немного сомнамбулической манере. Если снять деления на стихотворения, получится таинственная длинная книга, наподобие «Гесперийских речений». И здесь тоже – закат, солнце, снег, сад (антисад). Я очень порадовалась этому внезапному «антисаду». Он встречается не только под своим именем. Он еще называется «Пустота», которой посвящен центральный цикл. К этому вакуумному центру ведут и несколько стихотворений, в которых сквозит мысль родства «я» и пустоты. Но как ни странно, из нее не рождается ни надменности, ни страха. Наряду с пустотой идет сильный ток тепла, от которого волнуются излюбленные небольшие формы стихотворения (рифмы, например, строфы). Поэтесса доносит до читателя, что в принципе не важно, как записана поэзия: игрой в буквы, перерастающей в иероглифическое письмо. Или же ровными, привычными от Пушкина, катренами, над которыми, признаться, шутил и сам Поэт.

Поэтесса любит игру букв и звуков. Здесь можно начать довольно долгий разговор о недостатках этих опытов, но судя по стихам, автор сам прекрасно их отыщет. Неологизмы, которым, скорее всего, не врасти в обыденную речь, все же остроумны и легки для восприятия, что говорит о «легком сердце», без которого поэзия не бывает.

Да, это тот (и довольно редкий) случай стихов, о которых говорят не «что» или «как», а – что делают. Поэт-знак, поэт-стрела с запиской достигают цели. Они раскрывают неуклонное поступательное движение, выводящее человека из его уютной обособленности к «рожденным случайно». Это движение порождает столкновение с вещами, памятью, людьми – со всем, что это движение может в себя вобрать. И сообщение поэта о том, что человек не готов к этим столкновениям.

Слово «личность» балансирует между «ликом» и «маской», что против воли пробуждает «нищих мыслей споры». Поэт этой книги – тень. Но, возможно, и пугающая живых – живая тень из мира без границ, условностей и компромиссов, а этот мир человеку конечно чужд. Тень по виду – небольшая женщина с живыми глазами (глаза – мальки), способная замереть под падающим снегом и смотреть в него не мигая.

А земля учила пить,
Раскрывая поры,
Растворять и выводить
Нищих мыслей споры.

Иван КОЗЛОВ

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СТРАСТИ
(Китай, Россия, Исландия)

Черный уголь, тонкий лед (реж. Йинан Дяо)

Главный приз Берлинского кинофестиваля «Золотой Медведь» был присужден в этом году ленте китайского режиссера, имя которого мало что говорит отечественному кинозрителю. Между тем, лента весьма примечательная. Режиссер взял схему классического нуара и выбрал местом действия северную китайскую провинцию. Герой – традиционный для нуара нового времени «нервный полицейский» (его играет Ляо Фань, приз Берлинале за лучшую мужскую роль). В отличие от скупых на слова и жесты героев классического нуара, современный коп обременен проблемами, которые не прячутся под плотным слоем уверенности и брутальности, а выплескиваются наружу, угрожая жизни и спокойствию и коллег, и подозреваемых. Ближайший аналог, конечно, – «Основной инстинкт». Только герой Ляо Фаня пошел еще дальше – бросил работу, устроился охранником в какое-то выморочное предприятие, стал беспробудно пить. Но вот нюх полицейского подсказывает ему, что жестокие убийства многолетней давности имеют прямое отношение к современным преступлениям, и он начинает идти по следу. Есть в фильме, разумеется, и «роковая женщина», с которой у него завязывается сложный роман. Любопытен и этот тип – это отнюдь не «шэрон-стоун» с ее наглой привлекательностью, – обычная работница химчистки с восковым лицом монашки. Дальше – всё как обычно: использование служебного положения для решения личных вопросов и использование личных отношений для завершения расследования.

Чем же «берет» зрителя этот фильм? Прежде всего – невероятным визуальным рядом. Это убогие замусоренные улицы провинциального городка, депрессивные пейзажи, обшарпанные дома и плохо одетые люди. Это отнюдь не «чернуха», которой нам тыкают в глаза, как в перестроечном кино, – нет, просто здесь жизнь течет вот так, и по-другому быть просто не может.

Но в фильме есть странное волшебство – нескончаемый поток дежа вю. Казалось бы – ничего особенного: каток с деловито снующими отдыхающими, вход в химчистку с деревцем сбоку – а берет за душу, как что-то родное, дорогое, где-то когда-то виденное, забытое и вдруг нахлынувшее сметающим сознание потоком. Просмотр фильма был коллективным, и оказалось, что подобные же чувства испытал не только я. Может быть, поэтому «Черный уголь...» получил главный приз в Берлине?

Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына (реж. Андрей Кончаловский)

Еще один призер – в этом году фильм получил приз за лучшую режиссуру на Венецианском кинофестивале. Зрительский резонанс на родине был ожидаем. И, увы, разброс мнений оказался вполне предсказуем. Кто-то воспринял картину как сугубо экспортную поделку (беспросветность, чернуха, русофобия), кто-то – как боль за Россию и тому подобные ярлыки (с точностью «до наоборот» из предыдущей группы).

Фильм был показан по телевидению довольно оперативно, причем имел место любопытный феномен: довольно часто употребляемый персонажами мат был «запикан», но это вызывало об-

ратный эффект – любой похожий на «пиии» звук из окружающего мира первоначально и мгновенно воспринимался как неявный мат. (Нечто подобное происходит и с текстами, когда многоточие, обозначающее лакуны, начинает восприниматься подозрительно, и почему-то хочется подобрать те самые слова.)

В отличие от китайского лауреата, этот фильм (забегая вперед, заметим – и исландский тоже) безумно красив. Пейзажи глубинки – в данном случае тоже северной, действие происходит рядом с Плесецком – «играют» наравне с главными героями, оттеняя своей красотой неустроенный быт, не сложившуюся личную жизнь и неизбежное для таких мест пьянство.

Кончаловский использовал любопытный прием: в фильме действуют непрофессиональные актеры, которые играют самих себя – там, где они живут, бедствуют и бывают счастливы. Когда смотришь титры, начинаешь думать – изменится ли жизнь этих людей, и если да – то как и у кого? Или всё останется по-прежнему, а съемки ленты станут еще одной местной легендой...

О лошадях и людях (реж. Бенедикт Эрлингссон)

В отличие от жителей Плесецка, герои исландской ленты живут не скученно, деревней, – дома расположены на значительном расстоянии друг от друга, способы и мотивация визитов на значительные расстояния являются важными сюжетными линиями. Впрочем, все жители оснащены биноклями и имеют представление о том, что происходит в округе, – то и дело солнце отражается в линзах, давая знать о том, что за тобой с интересом наблюдают.

Несколько рассказов о жителях отдаленной от цивилизации местности представляют героев не только в человеческом обличье. Лошади, которых, кажется, даже больше, чем персонажей ленты, также являются полноправными героями фильма. Недаром очередная новелла начинается с отражения человека в глазу лошади, и мы поневоле видим происходящее еще и как бы отстраненно – через воображаемое восприятие животного. Конечно, парнокопытные честнее и органичнее, людям не помешала бы «хотя бы честь млекопитающих, хотя бы совесть ластоногих», – как писал Мандельштам. Комизм и трагизм многих ситуация становится явным именно благодаря присутствию лошадей – то вспомогательному, то агрессивному, то жертвенному.

Впрочем, буквальное название фильма можно перевести с исландского как «лошадь в нас» – значит, еще не все потеряно. А то, что потеряно, можно заново обрести. Как рай, например...

Содержание номеров за 2014 год

ПОЭЗИЯ

Александр Авербух. «эта тишина вокруг...» *и др* . №9–10 (452). С. 47
Алексей Александров. «Весна занавешена тюлем...» *и др*. №5–6 (450). С. 64
Нина Виноградова. «Терапевтическая доза...» *и др*. №11–12 (453). С. 124
Владимир Гандельсман. Песни короля лир. №7–8 (451). С. 71
Татьяна Грауз. «Город. Излучение» *и др*. №11–12 (453). С. 96
Алексей Григорьев. «блесна» *и др*. №11–12 (453). С. 78
Анаит Григорян. Про Марфу и Петра. №5–6 (450). С. 82
Данила Давыдов. «вот кажется уже случилось...» *и др*. №3–4 (449). С. 181
Александр Денисенко. «По урезу воды...» *и др*. №11–12 (453). С. 126
Ольга Дернова. «Явится Август, чуть полноватый в талии...» *и др*. №9–10 (452). С. 90
Анастасия Журавлева. «Вот идут три брата...» *и др*. №3–4 (449). С. 191
Виктор Іванів. Челленджер II. №5–6 (450). С. 88
Алексей Колчев. «гребёнка» *и др*. №1–2 (448). С.73
Руслан Комадей. «рыбы в потёмках ветрены но скуласты...» ***и др***. №9–10 (452). С. 93
Денис Крюков. Иней проверит взгляд. №11–12 (453). С. 94
Марина Курсанова. «...но эта бездна около плеча...» ***и др.*** №7–8 (451). С. 109
Виталий Лехциер. «мясо твое по-провансальски я никогда не забуду...» *и др*. №9–10 (452). С. 41
Света Литвак. «на одветроме лебеди, утки, чайки...» *и др*. №5–6 (450). С. 40
Герман Лукомников. «Червь проснулся дождевой...» *и др*. №5–6 (450). С. 36
Михаил Нилин. В офисе висит (фото). №1–2 (448). С. 103
Андрей Пермяков. Стихи для Даши Филипповой. №11–12 (453). С. 54
Александр Петрушкин. «Бессонница» *и др*. №1–2 (448). С. 77
Алексей Порвин. «Воронье гнездо во все голоса...» *и др*. №7–8 (451). С. 76
Галина Рымбу. «Зима 13» *и др*. №7–8 (451). С. 102
Наталия Санникова. «Можно ли так любить...» *и др*. №1–2 (448). С. 140
Андрей Сен-Сеньков. porNobody. №3–4 (449). С. 184
Сергей Слепухин. «Вошла, обнаженная по-осеннему...» *и др*. №7–8 (451). С. 114
Сергей Соловьев. «Конец сезона. Снег на перевал....» *и др*. №1–2 (448). С. 137
Григорий Стариковский. «новый улисс» *и др*. №5–6 (450). С. 53
Евгений Стрелков. Стихи из цикла «Арзамас». №5–6 (450). С. 68
Елена Сунцова. Воздушные переходы. №3–4 (449). С. 165
Сергей Трунев. «странно бывает порой, когда...» *и др*. №9–10 (452). С. 86
Владимир Ханан. «Думал «позже», а вот оно вроде...» *и др*. №7–8 (451). С. 3
Алексей Цветков. «учебник насморка» *и др*. №9–10 (452). С. 3
Феликс Чечик. «освобождение суля...» *и др*. №1–2 (448). С. 112
Рафаэль Шустерович. Ждать речи. №3–4 (449). С. 194

ПРОЗА

Каринэ Арутюнова. Снег и все остальное. *Рассказы.* №1–2 (448). С. 82
Михаил Бару. Повесть о двух головах. №5–6 (450). С. 3
Даниил Бендицкий. Энциклопедия криков. *Повесть.* №1–2 (448). С. 114
Павел Бессонов. Славик с Гавани. *Рассказ.* №9–10 (452). С. 31
Анатолий Бузулукский. Десятилетний Генка. Встреча с президентом. *Рассказы.* №1–2 (448). С. 97; Пальчиков. *Роман.* №7–8 (451). С. 38
Валерий Володин. Неусопшее кладбище. *Рассказ.* №11–12 (453). С.81
Сергей Дигол. Не забудьте выключить. *Рассказ из цикла «Пантелеймонова трилогия».* №5–6 (450). С. 44
Галина Зеленина. Куриная Слепота и ее обитательницы. *Повесть.* №11–12 (453). С. 3
Зиновий Зиник. Белый негр и черная кола. *Рассказ.* №5–6 (450). С. 57
Виктор Іванів. Конец Покемаря. *Повесть.* №7–8 (451). С. 80
Ирина Косых. Идущая на огни. *Рассказ.* №7–8 (451). С. 107
Михаил Куценогий. Прописка. *Рассказ.* №5–6 (450). С. 73
Ара Мусаян. Почта из Франции. №7–8 (451). С. 117
Кусчуй Непома. Там-машин. *Повесть.* №11–12 (453). С. 98
Михаил Окунь. Дикое поле. *Рассказ.* №1–2 (448). С. 127
Антон Пайкес. Кансер. *Повесть.* №9–10 (452). С. 50
Михаил Пегов. Руфь. *Рассказ.* №3–4 (449). С. 187
Александр Титов. «Жозефина». В плену у бауэра. *Рассказы.* №9–10 (452). С. 22
Владимир Тучков. Прибытие поезда. Надуманное. №11–12 (453). С. 58
Инна Халяпина. Райская яблоня. *Повесть.* №7–8 (451). С. 121
Вячеслав Харченко. Шахматист. *Рассказ.* №3–4 (449). С. 172
Владимир Шапко. Один день перед поездкой в Бирск. *Рассказ.* №9–10 (452). С. 7; Грузок, what is it горка and липка? *Повесть.* №1–2 (448). С.3
Сергей Шикера. Выбор натуры. *Роман.* №3–4 (449). С. 3
Виталий Щигельский. Подпольщики. *Рассказ.* №7–8 (451). С. 135

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Алена Алексеева. «убежать и в дверях деревенской церковни...» *и др.* №11–12 (453). С. 133
Александр Бараш. «Очень много неба...» *и др.* №1–2 (448). С. 147
Иван Белецкий. «Шатким и кочевым ты будешь...» *и др.* №11–12 (453). С. 134
Игорь Бобырев. «и ничто другое не имеет подобия...» *и др.* №7–8 (451). С. 141
Вороника Волкова. «и вот лежишь в необъятной авоське...» *и др.* №7–8 (451). С. 147
Маргарита Голубева. «Сефардская колыбельная» *и др.* №1–2 (448). С. 146
Арсений Ли. «Виноградово» *и др.* №11–12 (453). С. 132
Виктор Лисин. «коснулся одуванчика...» *и др.* №1–2 (448). С. 148
Мария Малиновская. «Я же была пироманкой – божественного огня...» *и др.* №7–8 (451). С. 149
Михаил Окунь. «Литературное собрание» *и др.* №7–8 (451). С. 140
Марина Палей. «в омуте самое жуткое то, что он круглый...» *и др.* №1–2 (448). С. 145
Наталия Черных. «Герцогиня Мальфи» *и др.* №7–8 (451). С. 142

ДЕБЮТ

Саша Миндориани. «Надбавка за Север». «Бусуйок ла моарте». «Дедушкины песни» *Рассказы.* №7–8 (451). С. 153
Ярослав Солонин. «Развалы. Схождения» *и др. рассказы.* №9–10 (452). С. 101
Кирилл Фролов. Пыль. *Рассказ.* №1–2 (448). С. 150

THAT IS THE QUESTION

Антон Ботев. Лимитрофный человек. №9–10 (452). С. 115

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Вячеслав Лопатин. Кич. №5–6 (450). С. 94

ПЕРЕВОД

Ален Бешич. Из книги «Голое Сердце». *Перевод с сербского Мирьяны Петрович и Андрея Сен-Сенькова при участии Анны Ростокиной.* №9–10 (452). С. 95
Юлия Стаховская. «все возможные вещи» *и др. стихи. Перевод с украинского Станислава Бельского.* №3–4 (449). С. 197

ИНТЕРВЬЮ

Харьковская литература и шире. *С соредакторами литературного журнала «©оюз Писателей» Андреем Краснящих и Юрием Цаплиным беседует Юрий Соломко.* №5–6 (450). С. 136
«Явно я в Новосибирске». *С Германом Лукомниковым беседует Антон Метельков.* №5–6 (450). С. 142

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сергей Петров. Из неопубликованного. *Подготовка текста – Алексей Голицын.* №3–4 (449). С. 202

АРХИВ

Николай Кирюхин. Страшные годы. Пережитое. *Публикация Наталии Веденеевой. Примечания Сергея Боровикова, Алексея Голицына и Марии Салий.* №11–12 (453). С. 136

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Денис Безносов. Сергей Бирюков – ироничный и серьезный. №1–2 (448). С. 153
Анатолий Бакалов. Два века назад на Большом Карамане . №11–12 (453). С. 204
Алексей Григорьев. Мир без героев. №7–8 (451). С. 169
Виктор Іванів. Остановка Апокалипсиса. №1–2 (448). С. 159
Владимир Коркунов. Уроки Любви. №7–8 (451). С. 176
Александр Котюсов. Элегия и романс. №3–4 (449). С. 216; Фотошоп. №5–6 (450). С. 160; Изображая правду. №9–10 (452). С. 142; В поисках счастья. №11–12 (453). С. 209
Андрей Пермяков. Лучшие виды сквозь этот город. №1–2 (448). С. 155; По второй. №3–4 (449). С. 219; «Наглядевшись на ангелов через окуляр микроскопа». №5–6 (450). С. 158; У них была прикольная эпоха. №7–8 (451). С. 160; «Если спросите – откуда...» №9–10 (452). С. 137
Евгения Риц. Не счастия он ищет и не от счастия бежит. №1–2 (448). С. 160
Олег Рогов. Метафизическая оптика. №1–2 (448). С. 158; Подрабинек: воспоминания о будущем. №3–4 (449). С. 223; Пятый том. №5–6 (450). С. 168; Жизнь «Софьи Петровны». №7–8 (451). С. 175; Андрей Белый, чело века. Уже не двадцатого. №9–10 (452). С. 152
Анастасия Рогова. Образы и эмоции: Ирина Каренина, «Поющий час». №3–4 (449). С. 215
Анна Сафронова. Спиной к «круглому столу» . №11–12 (453). С. 207
Станислав Секретов. Мир без имени. №9–10 (452). С. 150
Николай Скворцов. Отброшенные главы. №5–6 (450). С. 169; Стихи математика. №9–10 (452). С. 140; Экскурсия к горизонту. №11–12 (453). С. 211
Сергей Трунев. Нежность мира и костыли памяти. №3–4 (449). С. 222; Антология безысходного реализма. №5–6 (450). С. 166; От улыбающейся сковородки до пятиглавого декаданса. №7–8 (451). С. 178; «Ниже Нижнего»: воплощенная мифология. №9–10 (452). С. 141
Владимир Ханан. Поле свободы. №7–8 (451). С. 173
Наталия Черных. По периметру антисада. №11–12 (453). С. 212

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Наслаждение условностью. №1–2 (448). С. 162; Вечное возвращение пропившего глобус географа к небесным женам луговых мари. №3–4 (449). С. 226; Трудно быть богом теории хаоса в эпизоде из жизни сборщика железа. №5–6 (450). С. 170; Теорема Зеро под кожей волка с Уолл-стрит. №7–8 (451). С. 182; Ной в двойнике города грехов №9–10 (452). С. 154; Провинциальные страсти (Китай, Россия, Исландия). №11–12 (453). С. 214

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 15 декабря 2014 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
http://magazines.russ.ru/volga/

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.